

Н. Г. КОРЛЭТЯНУ

ИССЛЕДОВАНИЕ
НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ
И ЕЕ ОТНОШЕНИЙ
С РОМАНСКИМИ
ЯЗЫКАМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1974

Монография посвящена исследованию народной латыни и ее отношениям с романскими языками. В отличие от опубликованных ранее монографий, которые, как правило, учитывали лишь западнороманские языки, автор уделяет основное внимание восточнороманским языкам (молдавскому, румынскому, арумынскому, мегленитскому, истриотскому).

«... "Седая древность" при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития...».
Ф. Энгельс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 118)

ВВЕДЕНИЕ

1

В XX в., в веке великих научно-технических открытий, проблемам классической греко-латинской античности не уделяется достаточного внимания, что не может не сказаться на общем развитии культурного уровня современных народов. Ведь латинский и греческий языки оказывали и оказывают до сих пор огромное влияние на исторические судьбы различных языков. Многие греческие и латинские языковые элементы стали интернационализмами, проникая в языки, генетически и структурно совершенно различные. Сошлемся на два всем известных примера.

Греческое слово *atomos* (что соответствует лат. существительному *individuum*, 'атом' — от прилагательного *individuus*, -а, -um 'неделимый') имеет ныне интернациональное распространение. Ср. рус., укр., болг. *атом*; чеш., пол. *atom*; лит. *atoms*; фр. *atome*, ит., исп. *atomo*; рум. *atom*; молд. *атом*; нем. *Atom*; англ., шв., норв. *atom*, исл. *atom*; алб. *atom*; венг. *atom*; фин. *atomi* и т. д.

На базе латинского прилагательного *communis* в середине прошлого столетия был образован политический термин *коммунизм*, распространенный в настоящее время на всем земном шаре: рус. *коммунизм*; укр., бел. *комунизм*; пол. *komunizm*; чеш. *komunismus*; болг. *комунизъм*, серб. *комунизам*; лит. *komunizmas*, латв. *komunisms*; фр. *communisme*; ит., исп. *comunismo*; рум. *comunism*; молд. *комунизм*; нем. *Kommunismus*; англ. *communism*; гол., дат. *kommunisme*; шв. *kommunism*; новогреч. *kommoynismos*; алб. *komunizëm*; арм. (в рус. транскрипции) *комунизм*; груз. (в рус. транскрипции) *комунизм*; перс. *komunizm* (в лат. транскрипции); тур. *komünizm*; венг. *kommunizmus*; фин. *kommunismi*; индонез. *komunisme* и т. д.

Можно было привести еще очень много примеров подобных интернационализмов (*революция*, *конституция*, *декрет*, *универ-*

ситет, институт, ректор, лаборатория, математика, физика, акустика, экскаватор и т. д.), чтобы показать, что недостаточное внимание к греко-латинской языковой традиции пагубно может отразиться на научном обосновании научно-технической и общественно-политической терминологии самых различных языковых коллективов.

В современном мире происходит научно-техническая революция, в которой одну из ведущих ролей играют советские ученые. Наш век следует считать веком атомной энергии и завоевании космоса. Появляются новые отрасли науки и техники на интерсекции различных научных областей: бионика (биология+электроника), астрофизика (астрономия+физика), астроботаника (астрономия+ботаника) и др. Математика проникла не только во все точные науки, но и в естественные (биология), и даже в общественно-политические (политическая экономия, история, языкознание, литературоведение и др.).

Если по-настоящему изучать данный процесс, то можно прийти к выводу, что при огромном современном научно-техническом прогрессе крайне необходимы и знания классической греко-латинской античности для ознакомления с основами современной терминологии самых различных языков (кроме китайской, арабской, иврита и некоторых других), которая обычно базируется на греко-латинских корневых морфемах. Почти все новейшие термины в науке и технике образуются на основе греко-латинских корней. Ср.: *космонавт, астронавт, лунонавт, космодром, ракетодром, лунодром* и т. п.

Вопрос стоит не только в плане лексико-фразеологического уровня. Дело в том, что и в отношении системы языка в целом материал индоевропейских языков обычно осмысливается в категориях античной грамматики латинского и греческого языков.

В настоящее время наблюдается движение за расширение использования в различных областях научной деятельности «живой латыни»¹. В многоязычной научной литературе все чаще и чаще ставится вопрос об использовании вспомогательного международного языка и этим языком все настойчивее признается латынь. Три международных конгресса состоялись во Франции по живой латыни: в Авиньоне (1956), Лионе (1959), Страсбурге (1963)². Кафедра классической филологии ЛГУ в декабре 1960 г. приняла решение, содержащее общую положительную оценку движения живой латыни и установила контакт с редакцией печатного органа живой латыни «Vita Latina» для обмена информацией

¹ G. Carrellanes. Parlez-vous latin? Avignon, 1968.

² См.: Я. М. Боровский. Труды I и II конгрессов живой латыни. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 145—148; Он же. Латинский язык как международный язык науки и вопросы народного образования. «Язык и стиль античных писателей». Изд-во ЛГУ, 1966, стр. 17—25; см. также: D. Mărgăla. Congresul internațional pentru promovarea limbii și literaturii latine. «Cercetări de lingvistică», XVI. Cluj, 1971, стр. 205—209.

и с римским Istituto di Studi Romani³. В апреле 1969 г. в Риме была организована Международная латинская академия, которая в 1970 г. (28 августа—3 сентября) собралась на свой Первый Международный конгресс (Conventus) в Бухаресте. В этом конгрессе участвовали представители 26 стран четырех континентов. В материалах всех этих мероприятий неоднократно подчеркивается, что на протяжении многих веков определенный научно-культурный синтез, осуществленный римской античностью, распространился по всему миру в форме римской культуры, включившей в себя и греческую, так как через латинский язык и литературу получили всемирное распространение многие памятники языка и литературы Древней Греции.

Наш современник не сможет разобраться во многих явлениях жизни, проникнуться образами античных мифологических и литературных героев, прочно вошедших в историю мировой литературы, а также понять подлинное значение общественно-политической и научно-технической терминологии без знаний античной культуры, так как вся европейская наука и культура строилась на основах античной культуры. Современному читателю греко-латинская культура дорога своим гуманистическим содержанием. Понятие о человеческой личности и ее ценности, о гармоническом развитии физических и духовных возможностей человека, о свободе личности в гармоническом сочетании с законами общества — все эти основные понятия были разработаны во времена далекой античности и нашли свое выражение в философских теориях и в литературной практике Древней Греции и Рима⁴. Этот античный гуманизм (humanitas) служил источником вдохновения для гениальных представителей самых различных эпох и народов. В период Возрождения произведениями античных писателей-классиков увлекались и Петрарка, и Данте. В XVII—XVIII вв. во всех школах Европы изучались речи и философские трактаты Цицерона. Читали и комментировали классиков римской литературы Вольтер и Монтескье, Руссо и др. Классики марксизма-ленинизма не раз восхищались глубиной мысли и взглядов античных авторов, разнообразием и гармоничностью античности. Для них античная греко-латинская культура была классической культурой, неповторимой и притягательной, эпохи детства человечества: «Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?»⁵. К. Маркс особо подчеркивал, что взаимосвязь личности и об-

³ Я. М. Б о р о в с к и й. Латинский язык. . . , стр. 23 (при сокращенных названиях см. библиографию).

⁴ История всемирной литературы. . . , т. I — М., АН СССР, 1967, стр. 391.

⁵ Из рукописного наследия К. Маркса. — В кн.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 12, стр. 737. |

щества создала те вечные ценности, которые «продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»⁶.

В жизни европейских народов, по мнению классиков марксизма, греко-латинская цивилизация сыграла решающую роль, так как «без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»⁷.

В трудах Ф. Энгельса глубоко исследованы основные направления греческой и римской цивилизации от ее зарождения до падения⁸. Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал, что знание классических языков открывает широкие горизонты для людей самых различных национальностей.

В. И. Ленин говорил, что «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру»⁹. Поэтому гениальный вождь пролетариата всего мира уделял большое внимание изучению проблем античного мира¹⁰.

В. И. Ленин неоднократно пользовался произведениями античных авторов для борьбы с врагами рабочего класса. Ссылка на «овидиевы превращения», например, была использована В. И. Лениным для разоблачения пустой фразеологии меньшевиков¹¹.

«Науки юношей питают» М. В. Ломоносова навеяны словами Цицерона: *haec studia adulescentiam alunt* — «За Архия — стихотворца».

М. В. Ломоносов вообще находился под сильным влиянием и впечатлением от античного мира: «Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самих развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев. . . Последовавшие поздние потомки, великою древностью и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склонясь духом к Мecenату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?»¹²

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 737.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 185.

⁸ А. С. Шофман. Ф. Энгельс как исследователь античности. — ВДИ, 1970, № 4.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304.

¹⁰ См. в журнале ВДИ обзорную статью «Значение трудов В. И. Ленина для изучения античности» (1970, № 2).

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 187.

¹² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, стр. 592.

Гениальный русский поэт А. С. Пушкин посвятил Овидию (26 декабря 1821 г.) стихи высокой чувствительности:

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их. Изгнанник самовольный.
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой, я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.

Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И не единый друг мне в мире не внимал,
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

В поэме «Цыганы» А. С. Пушкин воспел Овидия в легенде о старом поэте, который был несправедливо наказан.

По образцу оды Горация «Ehægi monumentum» написал Пушкин известное стихотворение:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный
К нему не зарастет народная тропа. . .

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.

Не только А. С. Пушкин, но и другие русские писатели (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. А. Фет, В. Я. Брюсов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский) переводили и подражали «Памятнику» Горация.

А. С. Пушкин отдал дань признания и Публию Вергилию Марону:

Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть.

Русский критик революционер-демократ Н. Г. Чернышевский писал, что только тот, кто лишен эстетического чувства, может не восхищаться поэзией Горация, Вергилия, Овидия.

Говоря о воспитании молодого поколения, классик румынской

и молдавской литературы М. Эминеску отмечал, что, «подобно тому как гимнастика способствует физическому развитию, придавая человеческому телу мощь и молодость, точно так же вечно молодая и светлая античность придает такую же силу развитию человеческого характеру и духу»^{12а}.

* * *

В прошлом в России и в настоящее время в Советском Союзе много сделано для ознакомления широких народных масс, и особенно учащейся молодежи с культурными и литературными сокровищами Древней Греции и Рима. В специальный библиографический указатель вышедших в нашей стране изданий с 1895 по 1959 г. включено 12267 названий¹³. После 1959 г. в СССР вышло также немало работ по данной тематике¹⁴. При этом существенно не только количество изданных трудов, но и те новые идеологические основы, под углом зрения которых появляются работы по проблемам античности (история, литература, культура, язык и т. д.). Все эти исследования, без всякого сомнения, содействуют расширению научного и культурного кругозора советских людей.

В ведущих университетах страны много внимания уделялось и уделяется классической греко-латинской античности, связям современных романских языков с их языком-основой — латинским языком. В Московском университете вели курсы по латинскому языку и литературе такие известные ученые, как акад. М. М. Покровский, который издал великолепный труд по истории римской литературы и читал курс «Лингвистическая грамматика латинского языка»¹⁵. Он же вел семинарий по «Сатирикону» Гая Петрония. По классической филологии читали различные курсы проф. А. А. Грушка, чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский и др.

Общеизвестна научная деятельность по изучению романских языков проф. М. В. Сергиевского, который опубликовал обзорную статью об исследованиях по романистике и германистике¹⁶.

^{12а} «Timbrul», 28.V.1880.

¹³ А. И. В о р о н к о в. Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.). М., 1961. См. также: История римской литературы, т. I. М., 1959, стр. 31—35.

¹⁴ См. особенно материалы всесоюзных конференций по романским языкам («Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961; «Вопросы романского языкознания». Кишинев, 1963; «Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков», ч. I—II. Минск, 1970; «Грамматика, фонетика и стилистика романских языков». Л., 1971), а также ряд коллективных работ («Язык и стиль античных писателей». Л., 1966, и др.), которые будут упомянуты в соответствующих главах нашей работы.

¹⁵ М. М. П о к р о в с к и й. История римской литературы. М.—Л., 1942; Он же. Лингвистические заметки в области латинской грамматики. Варшава, 1891.

¹⁶ М. В. С е р г и е в с к и й. Романо-германская филология в России и СССР. «Уч. зап. МГУ», 1946, вып. 107, т. III, кн. 2, стр. 86—98.

Многие романисты наших дней слушали лекции по классической и романской филологии выдающихся профессоров Д. К. Петрова, А. И. Садова, И. М. Тронского, акад. В. Ф. Шинмарева и других в Петербургском (ныне Ленинградском) университете.

В Киевском университете работали профессора И. В. Цветаев, С. В. Савченко, И. В. Шаровольский и др.

2

Для исследования истории развития современных романских языков изучение латинского языка имеет огромное значение. Латынь, в частности ее разговорный аспект, так называемая народная, или вульгарная, латынь, служила началом и основой для образования этих языков, тот «фон, на котором становятся понятными все существующие романские языки»¹⁷.

Романские языки широко распространены. В настоящее время на романских языках на всех континентах говорит около 500 млн. человек. При этом в Европе 35,5% всего населения пользуются романскими языками, а в обеих Америках — около 50%. В нашей стране (по переписи 1970 г.) 2817 тыс. человек говорят на романских языках.

Изучение проблем романского языкознания имеет как практическое, так и большое научно-теоретическое значение. В связи с этим особенно настойчиво ставится вопрос о взаимоотношениях романской языковой системы с нероманскими в плане выявления специфики развития каждой языковой общности.

Кроме того, когда речь идет о развитии и современном состоянии романских языков, необходимо иметь в виду не только западнороманскую группу языков, как это делалось обычно в прошлом, а иногда продолжается и до сих пор в работах по романской филологии и лингвистике. Вполне прав шведский романист А. Ломбард, когда подчеркивает, что историческое и сравнительное изучение романских языков, без учета Восточной Романий, будет не только не полным, но даже и напрасным¹⁸. Такое утверждение можно подкрепить хотя бы следующими примерами. Известный французский романист А. Эрну писал: «В романских языках все следы звательного падежа уже исчезли»¹⁹. Если имеются в виду западнороманские языки, то это верно, а если это касается всех романских языков, то, конечно, подобное утверждение является неверным, так как в восточнороманских

¹⁷ Д. К. Петров. Лекции по введению в романскую филологию. [S. l.], 1908—1909, отд. III, стр. 22.

¹⁸ A. L o m b a r d. Le verbe roumain, étude morphologique, I. Lund, 1954, стр. VII; см. также: I. I o r d a n. Importanța limbii române pentru studiile de lingvistică romanică. «Actele», I, стр. 67—76.

¹⁹ А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. Рус. перев. М. А. Беродиной. М., 1950, стр. 21.

языках латинский звательный падеж на -е сохранился²⁰. Или другой пример. Финский романист Вейко Веененен утверждает, что в восточнороманских языках не образовались, как в западнороманских, наречия при посредстве аблатива — *mente*²¹ (ср. *facilement*, исп. *discretamente* и т. п.). Однако в молдавском имеется наречие *ал(т)минтерь*, *ал(т)минтерля* и в румынском — *altiminteri*, *altmintrele*, *altmintrelea*, образованные на базе лат. *altera-mente-re* и подобные словообразования.

В совсем недавно вышедшей монографии по истории романской лексики говорится, что слово *haedus* 'козленок' сохранилось только в сардском (*edu*, *edile*)²², в то время как оно бытует во всех восточнороманских языках: молд. *ед*. рум. *ied*, арум. *ed*, мегл., истр. *ied*.

Следует подчеркнуть, что и в других работах по романскому языкознанию мало сведений или даже приводятся ошибочные сведения по балканской латыни²³. В. Мейер-Любке вполне справедливо писал, что румынский (как и все восточнороманские языки) не является менее романским, чем другие языки, развившиеся из латыни. Иногда восточнороманские языки сохраняют даже лучше, чем западнороманские характерные черты латинского языка²⁴. Однако даже в третьем издании (1935) его «Этимологического словаря» (REW) Мейер-Любке не везде трактует вопросы восточнороманских языков на должном уровне²⁵.

Восточнороманские языки развивались особым путем и приобрели специфические структурно-грамматические и лексико-фразеологические черты, так называемые балканизмы (дистопозиция определенного артикля, наличие склонения, почти полная регрессия инфинитива, сохранение супина, отсутствие согласования времен; огромное количество слов и выражений славянского происхождения и др.). Все эти особенности и ставят в определенное затруднение некоторых западных романистов. Так, испанский лингвист А. Алонсо характеризует румынский (а значит, и все восточнороманские языки) как *inagrupable*²⁶, т. е. вне классификации.

²⁰ См. ниже, § 26.

²¹ V. V ä ä n ä n e n. Introduction. . . , стр. 99.

²² H. L ü d t k e. Geschichte des romanischen Wortschatzes, Bd. I. Freiburg im Breisgau, 1968, стр. 58.

²³ Ad. Z a u n e r. Romanische Sprachwissenschaft, Bd. I—II. Berlin — Leipzig, 1921—1926; W. v o n W a r t b u r g. Die Entstehung der romanischen Völker. Halle, 1931; H. M e i e r. Die Entstehung der romanischen Sprachen und Nationen. Frankfurt am Main, 1941; W. D. E l c o c k. The Romance Languages. London, 1960; B. M a l m b e r g. Phonétique générale et phonétique romane. The Hague—Paris, 1971.

²⁴ W. M e y e r - L ü b k e. Romanisch und Rumänisch. «Academia Română. Memoriile secțiunii literare», seria III, t. V. București, 1930, стр. 35—36.

²⁵ См.: Л. Г а л ь д и. Некоторые проблемы изучения восточных романских языков. «Проблемы диахронии и синхронии . . .», ч. I, стр. 219.

²⁶ A. A l o n s o. Estudios lingüísticos. Madrid, 1951, стр. 126.

Поэтому для более точного и полного исследования проблем романского языкознания привлечение данных восточнороманских языков является не только полезным, но и совершенно необходимым.

При этом, когда речь идет о Восточной, или Балканской, Рومании, следует иметь в виду все языки, которые образовались в юго-восточной части Европы на базе народной латыни.

Общеизвестно, что язык любого народа сохраняет следы глубочайшей древности. Это относится как к структурно-грамматическим и фонетическим особенностям, так и к лексико-фразеологическому составу, изучение которого выявляет с большей наглядностью различные исторические этапы развития определенного народа и его разнообразные контакты с другими народами.

При этом надо иметь в виду, что маргинальное положение восточнороманских языков по отношению к другим романским языкам содействовало:

а) сохранению некоторых языковых черт латинского происхождения, которые исчезли в других романских ареалах;

б) появлению определенных инноваций вследствие контакта с языками других систем.

В связи с этим необходимо выявить и тщательно исследовать роль славянского элемента в качестве абсолютно необходимого компонента в формировании различных восточнороманских языков. Теорию О. Денсушану²⁷ — о том, что для понимания прошлого восточнороманских языков славянские языки также необходимы, как и латынь — надо не только цитировать, но и глубоко изучить, привлекая конкретный материал восточнороманских языков. Следует также помнить мнение молдавского писателя прошлого века Алеку Руссо, который со всей убедительностью утверждал, что для Восточной Румании славянизмы были исторической необходимостью, подобно тому как германизмы и арабизмы были исторической необходимостью для Западной Румании²⁸.

В наши дни Р. А. Будагов²⁹ не без основания подчеркивает, что для системы современного румынского языка чрезвычайно важно то соотношение, которое сложилось в самой системе между латинскими и славянскими элементами. Именно это соотношение является результатом своеобразного развития румынского языка³⁰.

Эти мысли следует особо подчеркивать, так как в настоящее время имеются попытки если не полного отрицания, то по край-

---

²⁷ О. D e n s u ș i a n u. Histoire de la langue roumaine, t. I. Paris, 1901, стр. XIX.

²⁸ А. Р у с с о. Опере алесе. Кишинэу, 1955, стр. 312.

²⁹ Р. А. Б у д а г о в. Из истории языкознания. Сосюр и сосюрианство. Изд-во МГУ, 1954, стр. 10.

³⁰ Это положение, конечно, относится ко всем восточнороманским языкам, в том числе и к молдавскому.

ней мере умаления роли славянского элемента в процессе дифференциации восточнороманских языков как между собой, так и по отношению к западнороманским.

3

Народная латынь, живая латинская речь, служила непосредственной базой формирования всех романских языков. Однако надо особо подчеркнуть, что каждый романский язык по-своему переосмысливал унаследованные от латыни элементы, так как для каждого языка характерны собственные тенденции развития.

Таким образом, некоторые уже давно исследованные проблемы романского языкознания требуют нового подхода, учитывая уровень современных фактических и особенно методологических требований.

Автор настоящей работы и поставил перед собой цель ввести в общероманский научный оборот особенности восточнороманских языков в сравнительно-сопоставительном плане с западнороманскими языками с тем, чтобы более полно и объективно осветить некоторые вопросы современной романистики.

Кроме того, везде где это возможно, в данной работе подчеркивается роль славянских элементов в определении специфики восточнороманских языков и в процессе дифференциации этих языков от западнороманских.

Нельзя считать, что настоящий труд явится полным и систематическим изложением фонетики, лексики и грамматики народной латыни. Данная работа исходит в основном из потребностей и возможностей нашей советской вообще и в частности молдавской высшей школы.

Изучение народной латыни не может ограничиться исключительно лингвистической стороной вопроса, т. е. анализом фонетических и лексико-грамматических данных. Читатель должен иметь определенные сведения о распространении, об исторических условиях существования народной латыни, об источниках ее изучения и т. д. Таким образом, социолингвистический подход даст возможность лучше уяснить процесс формирования романских языков.

Желающий углубить свои познания о структурно-грамматических особенностях латинского языка должен тщательно изучить труды различных специалистов, указанных в библиографии, помещенной как в конце книги (наиболее фундаментальные и общие работы), так и в подстрочных ссылках (наиболее специализированные, детальные исследования).

* * *

Осуществляя давнишнее желание посылить содействовать историческому изучению в СССР истоков формирования романских языков, автор написал эту работу. Она ставит своей задачей

помочь изучающим романские языки в диахроническом плане уяснить исторические этапы, через которые прошла латынь до формирования нынешних романских языков.

Историки языка измеряют время веками, поскольку изменения в языке на его структурно-грамматическом уровне происходят очень медленно, постепенно. В то же время они являются весьма знаменательными, так как язык, будучи своеобразной летописью говорящего на нем народа, регистрирует все контакты данного языка с другими языками. К. Маркс особо отмечал, что «всякая нация может и должна учиться у других»³¹.

Изучая многовековую историю развития романских языков в период существования народной латыни, мы должны выявить определенные тенденции развития, реализация которых уже имела место в последующий период, в период развития современных романских языков,

---

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.

Глава I

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

§ 1. Вводные замечания

1. Всестороннее изучение любого современного языка не может быть осуществлено без глубокого исследования происхождения и этапов развития, через которые прошел данный язык на протяжении своей многовековой истории. Когда Е. Дюринг, типичный представитель псевдонаучных концепций, потребовал, чтобы иностранные языки были оттеснены на второй план, а классические и вовсе исключены из учебных планов, Ф. Энгельс со всей решительностью возразил: «...материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»¹.

Это положение как нельзя лучше можно продемонстрировать на конкретном материале романских языков. То, что, например, молдавский глагол *a vedea* 'видеть' относится ко второму спряжению, а глагол *a crede* 'думать' — к третьему, объясняется тем, что в латинском языке — основе романских языков, глагол *vidēre* принадлежал ко второму спряжению, а *credēre* — к третьему. В современных романских языках это положение сохранилось до настоящего времени. Соответствующие глаголы ит. *vedēre*, *credēre*; исп. *ver(se)*, *creer*; фр. *voir*, *croire*; рум. *a vedea*, *a crede* входят в различные морфологические парадигмы.

Значение тщательного исследования истории языка было особо подчеркнуто крупнейшим молдавским филологом прошлого столетия, питомцем Харьковского университета Б. П. Хашдэу. В языке каждая нация видит себя в определенной галерее портретов из периода в период, некоторые, конечно, более тусклые

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 333.

из-за своей древности и различных других обстоятельств, но в которых она все же узнает полностью свою самобытность: какой она была в колыбели, как она выросла, как она шла все вперед и вперед и какой она стала сегодня.

Таким образом, глубокое исследование любого современного языка требует не только изучения структурно-грамматических, фонетических и лексических особенностей в синхронном плане, но и тщательного анализа предшествующих периодов, имея в виду как элементы, сохранившиеся до настоящего времени, так и те, которые устарели и вышли из всеобщего употребления.

Кроме того, для всестороннего изучения и объективной оценки эволюции языка потребуется также сравнительный анализ данного языка с другими живыми языками, генетически родственными и неродственными, а также с так называемыми мертвыми языками, т. е. с теми, которые уже сегодня не используются в устно-разговорной речи².

2. Подробное изучение латинского языка, как основы формирования романских языков, давно стало одной из основных проблем романистики. При этом следует подчеркнуть, что романские языки находятся в более выгодном положении, чем другие индоевропейские языки (германские, славянские, балтийские). Это потому, что идет речь о группе языков, общей основой которых является язык (латинский), исторически засвидетельствованный многочисленными языковыми памятниками и эволюция которого может быть прослежена на протяжении многих веков.

Такое положение и содействовало тому, что в общем языкознании романистика стала считаться многими лингвистами наставницей других специальных отраслей лингвистики. Л. Шпитцер называл романистику *praeseptrix linguisticae*.

Многие течения и школы в общем языкознании развились именно на базе романистики³.

§ 2. Латынь среди других языков Апеннинского полуострова

3. Латинский язык принадлежит к итальянской группе индоевропейской семьи языков. К середине первого тысячелетия до н. э. италики составляли большинство населения Апеннинского полуострова. К итальяским племенам кроме латинян относились: умбры, оски, сабелы и др.

На латинском языке разговаривало земледельческое и еще в большей мере пастушеское племя латинян (или латин), проживающее вначале лишь в центральной части Итальянского полу-

² Ch. Bally. *Les langues classiques sont-elles des langues mortes?* Genève, 1899.

³ См.: Й. Й о р д а н. Романское языкознание, Рус. перев. С. Г. Бережан и И. Ф. Мокряк, под ред. и с примеч. Н. Г. Корляну. М., 1971.

острова ⁴, в области впадения р. Тибр (Tiberis) в Тирренское море (mare Tuthrenum), т. е. в Риме (Roma) и его окрестностях в области, называемой Latium ⁵, на территории приблизительно в 2000 кв. км. Древний Латий ⁶ имел такие границы: на севере — р. Тибр, на северо-востоке — южное течение р. Аниена, на востоке — Апеннинская горная цепь (Appenninus), на юге — гористая область вольсков и на западе — Тирренское море от Кокрейского мыса и до устья Тибра.

4. На умбрском языке говорили на северо-востоке полуострова с древнейших времен. Плиний Старший ⁷ пишет: Umbrogum gens antiquissima Italiae existimatur 'племя умбров слывет древнейшим в Италии'. Это было богатое трудолюбивое население, которое занималось земледелием; их главные города Тудер, Игувий (Tuder, Iguvium) и другие долгое время чеканили собственные монеты ⁸.

Умбрский язык известен по так называемым игувинским (или эвгубинским) таблицам (tabulae Iguvinae), найденным в 1444 г. в г. Игувии (совр. Gubbio) в нынешней провинции Умбрии. Это семь бронзовых таблиц, содержащих устав и ритуал жреческой коллегии Аттиедских братьев ⁹. Некоторые из них написаны этрусским алфавитом и датированы 200—120 гг. до н. э.; другие написаны латинским алфавитом, датированы 150—70 гг. до н. э. Каждая таблица содержит от 4 до 5 тыс. слов.

Среди особенностей умбрского языка следует отметить:

а) в фонетике: наличие интервокального -f- там, где в латыни имеется -b-.

Ср. умбр.	trifor	— лат.	tribus	'триба'
«	rufro	— «	ruber	'красный'
«	alfu	— «	albus	'белый'
«	tefe	— «	tibi	'тебе'

В умбрском, как и в древней латыни, было явление ротацизма.

Латинский писатель Марк Теренций Варрон отмечает, что

⁴ Италией (Italia) называлась первоначально юго-западная часть Апеннинского полуострова, затем южная. Позднее Италия простиралась до рек Рубикона и Макры. Со времен Августа Италией назывался весь Апеннинский полуостров до Альпийских гор.

⁵ История римской литературы, т. I. М., 1959, стр. 18.

⁶ Произносилось вначале Латиум (по-русски Латий), затем Лациум. Ср. совр. ит. Lazio. Ср.: Вергилий. Энеида, VIII, 322: Latium... vocari maluit his quoniam latuisset totus in oris (тi произносилось t+i, как tu — t+u). Вергилий часто старался объяснить этимологию собственных имен. В данном случае он стремится связать название Latium в память о тех местах, где прятался Сатурн.

⁷ C. Plinii Secundi Maioris. Naturalis historia. Lipsiae, 1908, III, 112.

⁸ F. G. Mohl. Introduction... стр. 106.

⁹ M. Bréal. Les tables eugubines. Paris, 1875; Tabulae Iguvinae, editae a Jacobo Devoto. Romae, 1937; ed. 3, 1954.

в древности произносили некоторые слова с -s-, где позже вместо -s- появляется -r- (In multis vocabulis in quo antiqui dicebant, postea dicunt г. . . foedesum — foederum, plusima — plurima, meliosem — meliorem, asenam — arenam) ¹⁰.

В игувинских таблицах аттестованы формы типа *mestru* (лат. соответствие *magister*) с утраченным -g-.

б) в морфологии следует отметить в умбрском окончании -om в инфинитиве: умбр. *egom* — лат. *esse*.

5. Оскский ¹¹ (или опский — др.-лат. *opsci, obsci*) язык был распространен в южной части полуострова, в провинциях Кампания, Лукания, в городах Помпея ¹² и Капуя. Южная Италия находилась под влиянием довольно высокой оскской культуры примерно до 90—89 гг. до н. э., а оскский язык встречается в надписях до I в. н. э. ¹³

Оскский известен более чем по 250 памятникам, в том числе так называемые бантийские таблицы (*Tabula /или Lex/Bantina*). Эти таблицы содержат сведения об аграрном законе 129—118 гг. до н. э., а также несколько надписей на общественных зданиях и надгробиях в г. Бантия (*Bantia* — совр. Опидо) в Лукании. Данные таблицы содержат всего около 200 слов, большинство из которых собственные имена или отрывки слов.

Надписи Помпеи также оскского происхождения ¹⁴. Некоторые оскские слова находятся в глоссах латинских грамматиков.

Среди особенностей оскского языка следует отметить следующие:

а) в фонетике: наличие согласных *r* и *b* там, где в латыни им соответствовало *qu* и *gu*. Например: оск. *petora, pis, paam* — лат. *quattuor* 'четыре', *quis* 'кто', *quam* 'которого'.

Сочетанию оскских согласных *ft, ht* в латыни соответствует *pt, ct*: оск. *scritas* — лат. *scriptae* 'сочинения'; оск. *Uhtavis* — лат. *Octavis*.

В помпейских надписях вместо лат. дифтонга *au* встречается монофтонг *o*: *olla* (лат. *aulla*); *coliclo* (лат. *cauliculum*), *plostrum* (лат. *plaustrum*) собственное имя *Olus* (лат. *Aulus*) и др. ¹⁵

¹⁰ M. Terentii Varronis. De lingua latina, VII, 26. Ed. G. Goetz. Leipzig, 1910.

¹¹ И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.—Л., 1953, стр. 62—80.

¹² Города Помпея и Геркуланум были покрыты в 79 г. н. э. лавой Везувия. Погибло более 2 тыс. человек. М. Е. Сергеев. Помпея. М.—Л., 1949.

¹³ И. Цветаев. Сборник оскских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Киев, 1876; J. Zveiaieff. Sylloge inscriptionum oscarum ad archetyporum et librorum fidem. Petersburg, 1878; J. Heurgon. Étude sur les inscriptions osques de Capoue, dites juvilas. Paris, 1942.

¹⁴ E. Diehl. Pompeianische Wandinschriften und Verwandtes. Berlin, 1930; V. Väänänen. Le latin vulgaire des inscriptions pompeiennes, «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», XL, 2, 1937; «Nouvelle édition revue et augmentée». — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst», Jg., 1958, № 3. Berlin, 1959.

¹⁵ И. М. Тронский. Очерки. . . , стр. 234—235.

б) в морфологии:

— генитив ж. р. ед. ч. и номинатив мн. ч. имели в оскском окончание -as вместо лат. ae¹⁶. Ср. оск. *tutas* 'крепости, города' (лат. *totae*), *aasas* 'скалы, утесы', *teras* 'земли' (лат. *terrae*).

— аблатив ж. р. ед. ч. оканчивался в оскском на -ad. Ср. аблатив оск. *tutad* — лат. *civitate*.

— номинатив м. р. мн. ч. имел в оскском окончание -us. Ср. оск. *Nuvlanus* — лат. *Nolani*.

Оскским формам *ligud*, *pru*, *ni* в лат. соответствуют *lege*, *pre*, *pe*. Глагол в инфинитиве оканчивается в оскском на -um. Ср. оск. *ezum*, *deikum* — лат. *esse*, *dicere*.

Не все романисты единодушны в признании самостоятельности умбрского и оскского языков. Одни не оспаривают их самостоятельности¹⁷, другие же характеризуют оскский и умбрский только как диалекты¹⁸.

Многие латинские писатели говорили на оскском или на умбрском так же, как и на латинском или на греческом. Авл Геллий (XVII, 17, 1) сообщает: «Квинт Энний сказывал, что у него три естества (*tria corda*), потому что он умел говорить и по-гречески, и по-оскски, и по-латыни».

6. На Италийском полуострове говорили и на других языках. К северу от Лация жили фалиски¹⁹, к северо-востоку — сабиняне.

Сложные взаимоотношения между этими италийскими языками и диалектами так характеризуются В. Ф. Шишмаревым:

«Язык Рима и примыкающей к нему территории, как известно, был окружен в древнейшую пору его истории рядом родственных и неродственных языков. К первым принадлежали языки: италийские, оскский, умбрский и ряд переходных между ними, как: сабельские. . . фалисский и вольский. Будучи языком «архаическим» и «деревенским», латинский, еще не знавший письменности и ничем не нормируемый, развивался, по Молю, в контаминации с ними. Отсюда смешанный, «полидиалектальный» характер, продолжающий сказываться в романских языках как его продолжение»²⁰.

¹⁶ Только как архаизмы (особенно в юридическом стиле) сохранились в латыни формы типа *pater familias*, *mater familias*. В древней латыни использовались в генитиве ед. ч. формы: *L ā t ō n ā s*, *ē s c a s* (Ливий Андроник), *terrās*, *fortūnās* (Гней Невий), *viās* (Квинт Энний).

¹⁷ М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика латинского языка. Рус. перев. Я. М. Боровского. М., 1949, стр. 9; И. М. Т р о н с к и й. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, стр. 27 и сл. (автор считает оскский и умбрский самостоятельными языками).

¹⁸ R. v o n P l a n t a. *Grammatik der oskisch-umbrischen Dialecte*, I—II. Strassburg, 1892—1897; E. V e t t e r. *Handbuch der italischen Dialecte*, Bd. I. Heidelberg, 1953 (об умбрском и оскском).

¹⁹ И. М. Т р о н с к и й. Очерки. . . , стр. 89—90.

²⁰ См.: В. Ф. Ш и ш м а р е в. Предисловие [к кн.] М. В. С е р г и е в с к и й. Введение в романское языкознание. М., 1952, стр. 7.

7. На севере полуострова, на территории между Тибром и По, там, где в настоящее время находится провинция Тоскана, с древнейших времен говорили на этрусском языке²¹. Этрусков греки называли тирренами (или тирсенами), откуда и название Тирренское море. Римляне называли этрусков «tusci». Сами этруски называли себя расенами. В VIII—VII вв. до н. э. этруски владели всей Центральной и Южной Италией вплоть до провинции Кампания. Главными этрусскими городами были Кортона, Перузия, Фесценния, Тарквиний, Вулсиния (Velzna) около нынешней Болсены, Клузий (Clusium, совр. Chiusi). На юге Италии города Капуя и Нола были основаны этрусками. К середине VI в. до н. э. этруски владели огромной территорией от г. Падуа до Нолы.

Этрусский язык известен по многим надписям²². Их более 9 тыс., древнейшие из которых относятся к VII в. до н. э., а новейшие — ко II в. до н. э. Огромное большинство этих памятников являются надгробными надписями. Самый обширный памятник этрусского языка (около 1500 слов, из которых удовлетворительно читаются 1200) — это надпись на пеленах мумии молодой женщины, найденной в Среднем Египте и хранящейся в музее г. Загреба (Югославия)²³. Эта надпись содержит отрывок религиозного календаря (liber ritualis).

Но всех этих памятников недостаточно для изучения лексики и структурно-грамматических особенностей этрусского языка²⁴. До сих пор не решен окончательно вопрос о его принадлежности к определенной группе языков. Некоторые специалисты не считают этрусский индоевропейским языком, классифицируя его как урало-алтайский, другие же включают в группу угро-финских или кавказских языков²⁵. Некоторые авторы находят определенные

²¹ И. М. Т р о н с к и й. Очерки. . . , стр. 80—89.

²² Они были собраны и изданы в Corpus inscriptionum Etruscarum (CIE). Издание начато в 1893 г. в Лейпциге. См. также: M. P a l l o t t i n o. Testimonia linguae etruscae. Firenze, 1954; M. F o w l e r, R. G. W o l f e. Materials for the Study of the Etruscan Language, I—II. Madison — Milwaukee, 1965 [эксперимент в Висконсинском университете (США) по использованию ЭВМ для этрусских исследований].

²³ G. H e b i g. Libri lintei Etrusci fragmenta Zagrabiensia. Lipsiae, 1919—1921; M. R u n e s. Der Etruskische Text der Agramer Mumienbinde. Göttingen, 1935 (текст обследован при инфракрасном освещении); A. I. P f i f f i g. Studien zu den Agramer Mumienbinden. Wien, 1963.

²⁴ Попытку осмыслить значение языковых памятников этрусков (надписи) сделал Георгиев (V. I. G e o r g i e v. Etruskische Sprachwissenschaft, I. Teil. Altetruskische Inschriften. Sofia, 1970); см. также: О н ж е. Zu den altetruskischen Inschriften. «Orbis», t. XX, № 1, 1971, стр. 198—206.

²⁵ См.: БСЭ. Изд. 1, т. 64, М. 1934, стр. 794. Наиболее известная библиография по этрускам: W. K o r s s e n. Über die Sprache der Etrusker, Bd. I. Leipzig, 1874; A. T r o m b e t t i. La lingua etrusca. Firenze, 1928; G. D. S e r r a, Etruschi e latini in Sardegna. «Melanges des philologie romane», offerts à M. Karl Michaelsson. Göteborg, 1952; Г. М о л е н ш т е й н. Историческое знание вопроса об этрусках. — ВДИ, 1948, № 4; К. Я н а ч е к. Что мы знаем в настоящее время об этрусском языке. — ВЯ, 1954, № 3.

сходства в лексике и в грамматической структуре этрусского и иллирийского языков ²⁶.

В развалинах древнеэтрусского храма в портовом городке Пирджи (70 км севернее Рима) были найдены три золотые пластинки, которые прикреплялись к дверям, ведущим к храму богини Астарты-Юноны ²⁷. Эти пластинки датируются V в. до н. э. На двух таблицах тексты на этрусском, а на третьей — на пуническо-финикийском языке. Содержание их примерно одинаково ²⁸. Пуническо-финикийская надпись дает возможность понять, что речь идет об обращении к богине Астарте, которую греки называли Герой, римляне — Юноной, а этруски — Уни ²⁹.

В последних работах все больше высказывается мнение о том, что в формировании этрусской народности и ее языка принимали участие как местные древнейшие итальянские племена, так и восточные и континентальные этнические элементы. В исследовании этого вопроса большой интерес представляют труды итальянского этрусколога М. Паллоттино ³⁰.

Среди языковых особенностей этрусского языка известно, например, что в нем отсутствовали звонкие взрывные согласные (б, д, г) и гласная о. Ударение падало в этрусском на первый слог.

Лингвистам знаком также ряд лексических единиц: *ati* 'мать', *clan* 'сын', *ruia* 'жена', *avil* 'год', *tiv* 'месяц', *tin* 'день', *uni* 'Юнона'; *am* 'быть', *ag* 'делать', *mi* ³¹ 'я' (мест.) и др. Изучена в некоторой степени и грамматика этрусского языка ³².

8. Начиная с IV в. до н. э. после нашествия галлов ³³ в долине р. По (Padus) этрусский язык был постепенно вытеснен галльским языком, который просуществовал в этих местах долгое время. Еще в III в. н. э. римский юрист Ульпиан (170—228) утверждал,

²⁶ Z. M a y a n i. *Les étrusques commencent à parler* Paris—Grenoble, 1961; З. М а й а н и. *Этруски начинают говорить*. Рус. перев. М., 1966; Jan Burian, Bohumila M o u s h o v á. *Zagadni Etruskove*. Praha, 1966; Я. Б у р и а н, Б. М о у х о в а. *Загадочные этруски*. Рус. перев. М., 1970.

²⁷ M. P a l l o t t i n o. *Testimonia linguae etruscae*. Firenze, 1968, N 874, 875.

²⁸ Текст и интерпретацию надписей см.: В. И. Г е о р г и е в. Современное состояние о дешифровке этрусского языка. — ВЯ, 1972, № 2, стр. 21—28; см.: V. I. G e o r g i e v. *La bilingue di Pyrgie l'origine ittita dell'etrusco*. «Linguistique balkanique», IX, 1, 1964; См. также: «Linguistique balcanique», XI, 1, 1966, стр. 25 и сл.; О н ж е. *Etruskische Sprachwissenschaft*, I. Sofia, 1970.

²⁹ См.: *История древнего мира*, ч. 2. Под ред. Ю. С. Кружкол. М., 1971, стр. 226.

³⁰ M. P a l l o t t i n o. *L'origine degli Etruschi*. Roma, 1947; О н ж е. *La civilisation étrusque*, trad. R. Bloch. Paris, 1949; О н ж е. *Die Etrusker*. Frankfurt am Main — Hamburg, 1965 (?); F. R i b e z z o. *I sacrifici di sangue et le parolechiavi della colonna X del testo etrusco della Mummia*. «Revue des études latines», VI. Paris, 1951, стр. 557—572; А. И. Н е м и р о в с к и й, А. И. Х и р с е к и н. *Этруски. Введение в этрускологию*. Воронеж, 1969.

³¹ Например, *mi lavsies* соответствовало лат. *ego (sum) lausii*.

³² M. P a l l o t t i n o. *Elementi di lingua etrusca*. Firenze, 1936.

³³ Галлы атаковали Рим примерно в 390 г. до н. э.

что заимствование имеет юридическую силу и в том случае, если оно написано на галльском языке. Это означает, что во времена Ульпиана галльский язык был еще живым языком.

9. Уже с X в. до н. э. через колонистов Сицилии и Южной Италии на Италийском полуострове стали распространяться греческий язык и греческая культура³⁴, оказавшая весьма важное влияние на развитие латинского языка и литературы³⁵ (см. ниже, стр. 27).

10. На территории Италийского полуострова говорили и на других языках. Так, в северо-восточной части Италии (где в настоящее время находится г. Венеция) был в обиходе венецианский язык³⁶, а на юго-востоке говорили на мессапском или япигском языке³⁷. Эти языки известны по надписям (более 300) V—I вв. до н. э.³⁸ Существует мнение, что мессапский язык родствен иллирийскому языку Балканского полуострова, а значит, и современному албанскому, который является продолжением иллирийского языка³⁹.

11. Долгое время латинский язык был лишь одним из языков полуострова, подвергаясь значительному влиянию других италийских языков и диалектов⁴⁰. Однако вместе с ростом политического могущества Рима и завоевания римлянами других областей Италийского полуострова⁴¹ латинский язык получил широкое распространение. Это наблюдается особенно после так называемой Латинской войны (340—338 гг. до н. э.).

Роль, которую сыграла латынь в древней Италии, следует объяснить экономическими, политическими и культурными условиями развития римского народа. Среди экономических факторов надо иметь в виду, что Рим⁴² — столица Латия — находился на перекрестке больших торговых путей. Он расположен в 25 км от моря и почти в 25 км от Апеннинских гор. Мост через р. Тибр (так называемый *pons sublicius* 'свайный мост'), соединявший Яникульский холм с Римом, осуществлял связь между северной и южной частью Италийского полуострова. «Все дороги ведут в Рим», — говорили в древности. Действительно, к Риму вели основные пути

³⁴ Г. Кумы в Кампании был основан в 1035 г. до н. э.

³⁵ См.: И. М. Тронский. Очерки. . . , стр. 126 и сл.

³⁶ См. там же, стр. 52—57.

³⁷ Там же, стр. 57—59.

³⁸ Венецианские, мессапские надписи, глоссы, собственные имена и другие языковые памятники относительно этих диалектов исследованы в кн.: R. S. Conway, J. Whatmough, S. E. Johnson. *The praenital dialects of Italy*, v. 3. London, 1933.

³⁹ I. I. Russu. *Ilirii*. Bucuresti, 1969.

⁴⁰ V. Pisani. *Le lingue dell'Italia antica oltri il latino*. Torino, 1953.

⁴¹ Римляне начали свои завоевания в Италии, заняв в 396 г. до н. э. этрусский г. Вейи (Veii) в 12 милях от Рима.

⁴² Рим (Roma) основан, согласно легендарной традиции, Ромулом и Ремом 21 апреля 753 г. до н. э. Вначале Рим был общиной в древней Италии; затем он стал рабовладельческим городом-государством (полис) и позже — столицей средиземноморской империи.

полуострова. Таких путей было 29, чему соответствовали 29 ворот в Рим. По побережью Этрурии от г. Пиза через Цере к Риму шла *via Aemilia*, от Рима до Капуи, а затем (при Траяне) до *Brun-
disum* (ныне Бриндизи) была проложена Аппиева дорога (*via Ar-
pia*)⁴³, которая через *Durachium* (ныне *Durazzo*) на другом берегу Адриатического моря продолжалась (*via Egnatia*) до *Thessalonica*. От Флоренции до Рима шла *via Cassia*⁴⁴, а от Аримини до Рима *via Flaminia*. Кроме этих к Риму тянулись еще такие большие дороги, как *via Latina*, *Labiana*, *Praenestina*, *Tiburtina*, *Nomentana*, *Princiana*, *Portuensis*, *Ostiensis* и др.

Расцвет экономики Рима и окружающей его области Латия содействовал политической консолидации. На протяжении ряда веков велась ожесточенная борьба между римлянами и нелатинскими народами. К 200 г. до н. э. весь Италийский полуостров находился уже под властью Рима⁴⁵ (карта 1).

По мере расширения римских владений латинский язык постепенно ассимилировал языки и диалекты нелатинских народов. Так, ко II—I вв. до н. э. область, где раньше говорили на умбрском языке, была полностью латинизирована. Писатель Плавт, хотя и был умбром по происхождению, писал только на латинском языке, а поэт Энний, рожденный в Апулии, в г. Рудий (*Rudiae*), писал: *Nos sumus Romani, qui fuimus ante Rudini*, т. е. 'стали мы римлянами, а были мы раньше рудийцы' (Анналы 377, V). Что касается других италийских областей, то следует считать, что ко времени Союзнической войны (*bellum sociale* 91—88 гг. до н. э.) их латинизация была уже окончательной. Это положение подтверждается принятием в указанные годы *Lex Julia municipalis*, предоставившим право римского гражданства всем свободным жителям Италии. К этому периоду уже отсутствуют надписи на италийских языках кроме игувинских таблиц в Умбрии (II—I вв. до н. э.) и оскских надписей Помпеи (I в. н. э.).

12. Нельзя, однако, утверждать, что нелатинские языки исчезли, не оставив никаких следов. Латынь усвоила из этих языков много слов, выражений и даже грамматических форм. А. Эрну считает, что около 120 слов италийского происхождения проникли в латинский язык⁴⁶. Умбрский язык дал латыни такие лексические единицы, как *bos* 'вол', *scrofa* 'свинья', *lupus* 'волк'⁴⁷ и др.

⁴³ Построена в 312 г. до н. э. по инициативе Аппия Клавдия Слепого. Вдоль этого пути размещены памятники античного Некрополя.

⁴⁴ Во II в. н. э. Римская империя располагала 372 мощными дорогами общим протяжением около 80 тыс. км. Каменные столбы с указанием расстояния до ближайших городов и до Рима были расположены через каждую милю. В Римском форуме находился столб с позолоченным верхом, который считался началом всех дорог империи. В связи с этим и появилось выражение «Все дороги ведут в Рим».

⁴⁵ История римской литературы, т. I. М., 1959, стр. 17.

⁴⁶ A. Ernout. Les éléments dialectaux du vocabulaire latin. Paris, 1909.

⁴⁷ Латинская их огласовка должна была быть: *vos, *scroba, *lucus.

Монофтонгизация (au > o, ai, ae > e) в латинском языке берет свои истоки также из умбурского языка.

От сабинян (близких к оскской группе) римляне позаимствовали такие слова, как *asinus* 'осел', *caseus* 'сыр', *albus* 'белый', *lacrima* 'слеза', *lingua* 'язык', собственные имена *Nerio*, *Tarpeius*, *Capitolium* и др.

Определенное количество слов галльского происхождения проникло в латынь, больше всего они относятся к области материальной культуры: *braca* 'панталоны', *camisia* 'рубашка', *sagrus* 'воз'. Все они унаследованы затем романскими языками (ит. *braca* 'панталоны', фр. *braie* 'пеленка, кальсоны' [Пров., кат., исп., порт. *braga* 'пеленка, короткие панталоны'; молд. *a(ым)брэка* 'одевать'; рум. *a (fm)brăca* 'одевать'; ит. *camisia* 'рубашка', фр. *chemise*, исп., порт. *camisa*; молд. *кэмашэ*, рум. *сăтаșă*; ит., исп. *saggo* 'воз, подвода', порт. *saggo(sa)* фр. *char*; пров., кат. *car*; молд. *кар*; рум. *car*).

13. Еще более значительным было влияние этрусского языка и культуры на латинский язык и культуру. Своего наивысшего расцвета этрусская культура достигла в VII—VI вв. до н. э. Она была передана и другим итальянским народам. У этрусов был театр⁴⁸, и от них перешли римлянам такие слова, как *histrio* (этр. *ister* означало 'гистрион', 'актер'), *persona* (этр. *persu* 'маска', 'действующее лицо'), *dossenus* (сценический горбун ателанны) и др. Этрусский алфавит основывался на греческом и был передан умбро-сабельскому населению, а также римлянам, которые пользовались им примерно до 450 г. до н. э.⁴⁹ Такие названия, как Тоскана, Тирренское море, напоминают об этрусках (*Tusci*, *Tirrhēni*). «Волчица» — эмблема города Рима — является этрусской скульптурой V в. до н. э. (рис. 1). Само название Рима (*Roma*)⁵⁰, по всей вероятности, этрусского происхождения⁵¹. — В Риме была улица, которая называлась *vicus Tuscus*.

Граждане Рима вначале носили одно имя (*Romulus*, *Remus*, *Manius*, *Numerius*), во времена царей (до 509 г. до н. э.) они уже стали употреблять систему двух имен (*Numa Pompilius*, *Tullius Hostilius*), а во времена республики по этрусскому образцу⁵² у римлян вводится система трех имен (*praenomen*⁵³ — личное имя, *nomen* (*gentilicium*) — родовое имя, *cognomen* — фамильное имя, прозвище⁵⁴): *Marcus Tullius Cicero*, *Caius Iulius Caesar*, *Pub-*

⁴⁸ Н. М у h l e s t i e n. *Die Etrusker im Spiegel ihrer Kunst*. Berlin, 1969.

⁴⁹ F. G. M o h l. *Introduction*. . . , 108.

⁵⁰ Вергилий в *Энеиде* (I, 276) связывает название *Roma* с *Romulus*.

⁵¹ С. T a g l i a v i n i. *Le origini delle lingue neolatine*. Ed. 4 Bologna, 1964, стр. 71; I. I o r d a n, M. M a n o l i u. *Introdúcere în lingvistica romanică*. București, 1965, стр. 4; История римской литературы, т. I, стр. 18.

⁵² Обыкновенно обозначалось инициалом: М. (*Marcus*), Р. (*Publius*).

⁵³ W. S c h u l z e. *Zur Geschichte der lateinischen Eigennamen*. Berlin, 1904; см. также: И. М. Т р о н с к и й. *Историческая грамматика*. . . , стр. 38.

⁵⁴ Так, прозвище *caesar* означало 'большие волосы, грива', *cicer* 'горох', *flaccus* 'вялый; вислоухий', *fabia* 'боб' (отсюда *Fabius*), *catus* 'умный' *plautus*, 'плоскостопный' и т. д.

Рис. 1. Капитолийская волчица

lius Ovidius Naso и т. п.⁵⁵ К этим в классический период добавлялся иногда и второе *cognomen* или *agnomen* 'прозвище': D. Fabius Maximus Cunctator; L. Cornelius Scipio Asiaticus и т. п.

Долгое время римляне учились в этрусских школах. Тит Ливий (VII, 36) говорит, что еще в конце IV в. до н. э.: «Дети римлян обучались обычно этрусской грамоте, как теперь (во время Августа) греческой».

На латинский язык переводились некоторые этрусские книги. Такие переводы делал, например, Тарквиний Приск, происходивший из этрусского рода.

У латинских авторов (Марк Теренций Варрон, Веррий Флакк и др.) имеются некоторые этрусские глоссы.

В латыни такие слова, как *sagina* 'питание', *catena* 'цепь', *culina* 'кухня', *sasena*, *scena* 'сцена, театр' *ferrum*⁵⁶ и т. д. заимствованы из этрусского языка. Слова *balteus* 'сбруя', *subilo* 'игрок

⁵⁵ Квинтилиан писал, что «характерные черты свободного человека и только свободного человека — это *praenomen*, *nomen*, *cognomen*».

⁵⁶ A. Ernout. Les éléments étrusques du vocabulaire latin. «Bulletin de la société de linguistique», XXX (1930), fasc. 1, стр. 82—124. — Эта статья была перепечатана в журнале «Philologica», I, стр. 21 и сл.; см. также:

Рис. 2. Искусство этрусков

на флейте' Варрон считает также этрусского происхождения. Этрусское влияние продолжалось вплоть до I в. до н. э. В I столетии до н. э. поэт Валерий Мессала (Valerius) писал драмы на этруском языке. В I в. н. э. этрусский язык перестал быть разговорным, хотя Авл Геллий и считает, что во II в. н. э. этрусский был еще живым языком (рис. 2).

14. Более продолжительный период и более глубоко подверглись греческому влиянию латинский язык, литература и культура в целом. Количество слов греческого происхождения в латыни достигает нескольких тысяч. Среди них следует упомянуть: *ancora* 'якорь', *buxus* 'ясень', *machina* 'механизм', *paula* 'мореплаватель', *gubernare* 'руководить', *oliva* 'маслина', *panis* 'хлеб'⁵⁷, *talentum* 'талант (мера веса и денежная единица)', *amphora* 'амфора',

В. Бертольд. Греческий и латинский: языки, служившие средством передачи местных традиций и орудием колонизации в Западном Средиземноморье. «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, стр. 122.

⁵⁷ В древности итальянцы питались главным образом кашей из двузернянки. К III в. до н. э., ко времени Плавта, они уже пекли хлеб (*panis*).

amigdalum или amigdala 'миндаль', ballaena 'кит', colaphus 'кулак', cerasus 'черешня', cedrus 'кедр', citrus 'цитрусовое дерево', malum 'яблоко', myrtus 'мирт', papyrus 'папирус', platanus 'платан', purpura 'пурпурная улитка' и многие другие. В своем этимологическом словаре латинского языка А. Эрну и А. Мейе⁵⁸ считают, что надо отличать слова греческого происхождения, которые «получили в Риме права гражданства» «как: аёг, аула, ауга» от тех, которые являются лишь транскрибированными греческими словами (acanthus, adams, aditum).

Греческого происхождения и ряд топонимов в Италии: Messana (ныне Messina), Syracusa (ныне Siragossa), Agrigentum в Сицилии (ныне Girgenti), Tarentum (ныне Taranto в Калабрии), Neapolis (в Кампании—ныне Napoli), Rhegium или Regium (в Бруттии—ныне Reggio) и др.

Греческое влияние на латынь чувствуется не только в лексике и фразеологии. Оно проявляется также на морфологическом уровне. Заимствованные греческие существительные склонялись по латинскому образцу (poëta, nauta, machina — по 1 скл.). Однако можно обнаружить в парадигме латинского склонения и греческие окончания. Писатель Марк Теренций Варрон сообщает, что Люций Акций первый сохранил греческое склонение. Так, существительное мужского рода первого склонения Aeneas, Aeneae в аккузативе, кроме регулярной латинской формы Aeneam, имело в поэзии и греческую форму Aenean. Подобные же формы (Socraten, Persen) аттестованы в аккузативе от существительных мужского рода Socrates, Perses (позже Persa генитив Persae).

Некоторые женские существительные первого склонения аттестованы и в греческой, и в латинской форме:

N.	Helene	Helena
G.	Helenes	Helenae
Ac.	Helenen	Helenam
Abl.	Helene	Helena

Подобные параллельные формы появляются и у существительных II и III склонений⁵⁹.

Варрон утверждает, что даже глагол dico 'говорю' греческого происхождения: dico originem habet graecam, quod graeci δίκη.

Надо особо отметить, что один из лучших знатоков греческого и латинского, Марк Фабий Квантилиан, хотя и признавал достоинства своего родного языка, все же в некоторых случаях отдавал предпочтение первому: «Греческая речь настолько приятнее латинской, что наши поэты, когда хотят сделать свои стихи нежными, украшают их греческими словами, тем более что у нас для многих предметов нет названий, так что их приходится переводить или описывать» («Об ораторском образовании», XII, 10, 34).

⁵⁸ См.: A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Éd. 4 Paris, 1959.

⁵⁹ См.: Radu I. Sbiera. Gramatica latină. Cernăuț, 1913, стр. 34—36.

При этом необходимо заметить, что особенно ценились не только и не столько греческие лексические заимствования, а синтаксические обороты греческого происхождения, которые позволяли почувствовать в латинских лексико-фразеологических единицах греческий языковой строй.¹

Однако Квинтилиан четко определил, что «талант греков плавают по мелким водам; мы плаваем под более широкими парусами, наша грудь наполнена более мощным духом» («Об ораторском образовании», XII, 10, 37).

Под влиянием греческого языка латынь стала все больше и больше развиваться как язык высокой культуры, способный выразить все достижения литературы и искусства.

Завоевание римлянами во II в. до н. э. Греции содействовало усилению греческого влияния на римскую культуру и на латинский язык. Латинский поэт-классик Квинт Флакк Гораций («Послания», II, 1, 636—637) вынужден был признать:

Graecia capta ferum victorem

Cepit et artes intulit agresti Latio

‘Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,

В Лаций суровый внеся искусства. . .’

Греческий язык стал языком римской аристократии. Это можно показать на примере семьи Сципионов. В литературном кружке Сципиона Эмилиана Младшего (185—120 гг. до н. э.) участвовали греческие ученые: философ-стоик Панетий Родосский (180—100 гг. до н. э.) и историк Полибий из Магалополя (201—120 гг. до н. э.), описавший разгром Карфагена в 146 г. до н. э. и разрушение г. Нуманции в Испании в 133 г. до н. э.

Первые латинские анналисты писали свои летописи на греческом языке. Можно привести в качестве примера историка-анналиста Квинта Фабия Пиктора (Q. Fabius Pictor — 254—200 гг. до н. э.), автора сочинения «Анналы» на греческом языке, где излагаются события из истории Рима со времен Энея и до второй Пунической войны. Также по-гречески писал Луций Цинций Алимент (L. Cincius Alimentus, III в. до н. э.). В дальнейшем младшие и средние анналисты (Гемина — L. Cassius Hemina, II в. до н. э. Писон — L. Calpurnius Piso Frugi — цензор в 120 г. до н. э.) писали уже свои труды на латинском языке.

Многие писатели и деятели культуры Рима учились в греческих школах. Марк Тулий Цицерон, Гней Помпей и другие окончили школу Посидония из Арамеи (приблизительно 135—51 гг. до н. э.) на острове Родос. Римские писатели и деятели культуры широко пользовались греческими образцами для написания своих сочинений. Работа Цицерона «Об обязанностях» («De officiis») написана на основе книги стоического философа Панэтия «О долге», в которой проводилась мысль, что мудрый человек должен быть в постоянной бдительности и готовности ко всяким ударам судьбы.

Греческое влияние чувствовалось вначале, особенно в латинском литературном языке и в литературе ⁶⁰. Первый латинский писатель Ливий Андроник ввел греческую метрику в трагедии, но не посмел этого сделать в эпосе, где он сохранил древнелатинский сатурнийский стих, который не был метрического склада, как у греков, а тонического.

Позднейшие латинские писатели (Квинт Энний и др.) полностью приспособили греческую метрику (гексаметр) к латинскому языку.

В то же время латинские писатели, в том числе и Цицерон, не могли не признать богатства греческого языка: *Graeci illi, quorum copiosior est lingua quam nostra* («Тускуланские беседы», II, 15, 35).

Работая усердно над преодолением скудости языковых средств (*paupertate sermonis laboramus*), Марк Фабий Квинтилиан вынужден был сознаться, что греческие слова используются там, где не доставало латинского термина (*confessis quoque graecis utimur verbis ubi nostra desunt*). Даже такой пурист, как Тит Лукреций Кар, не мог избежать заимствований из греческого языка. В его произведении «О природе вещей» появляются такие грецизмы, как *gubernas* (I, 21) от греческого глагола *κυβερνάω* 'руководить'; *machina* (IV, 906) 'приспособление' и др.

Насколько высок был для римлян авторитет греческой культуры, говорит хотя бы такой факт, что поэт Энний в начале своих «Анналов» взывал к греческим музам, чтобы они его вдохновили, а не туземные римские музы.

В плане государственного устройства греческое влияние было настолько значительным, что специалисты думают, что «Рим можно считать эллинистическим государством» ⁶¹.

15. Что касается самих греков из различных колоний Северной Африки, Черноморского побережья, Сицилии, Калабрии и других областей, то они были ассимилированы римлянами или соответствующим туземным населением. Только в Греции, на островах Эгейского моря и отчасти в Малой Азии греки сохранили свою этничность, свой язык и обычаи. Подобно Антею, легендарному герою античности, который, прикасаясь к своей матери-земле, всегда черпал от нее новые силы, так и греки, сопротивляясь, устояли даже римской ассимиляторской тенденции тогда, когда они находились на своей земле.

Что касается латинян, то их язык и культура развились в тесном взаимодействии со всеми языками и культурами других народов Итальянского полуострова. Приток образованных людей из других провинций наблюдается особенно в начальном периоде.

⁶⁰ Однако и народная латынь подверглась греческому влиянию. См.: E. S o s e r i u. Das Problem des griechischen Einflusses auf das Vulgärlatein. «Sprache und Geschichte». Festschrift für H. Meier zum 65. Geburtstag. München, 1971, стр. 135—148.

⁶¹ С. Л. У т ч е н к о. Некоторые тенденции развития римской историографии (доклад на XI конгрессе «Эйрене» в Варшаве, 21/X—1968 г.). См.: ВДИ, 1969, № 2, стр. 66.

Ведь почти никто из древних латинских писателей не рожден в Риме. Ливий Андроник был греком из Тарента, Невий — из Кампании, Тит Макций Плавт и Акций — из Умбрии, Энний и Марк Пакувий — из Калабрии.

Различное происхождение сказывалось и на особенностях произносительной системы римлян. Квинтилиан говорил, что можно узнать людей по их говору, подобно тому как различают металлы по своему звуку: *nam sonis homines, ut aera tinitu dignoscimus*.

§ 3. Латынь за пределами Италии

16. Распространение латинского языка за пределами Итальянского полуострова началось в 241 г. до н. э. (т. е. с объявлением Сицилии римской провинцией) и продолжалось до 106 г. н. э. (т. е. до превращения Дакии в римскую провинцию)⁶².

Борьба против Карфагена, начатая в середине III в. до н. э., дала Риму возможность осознания своей мощи. Сицилия была ареной сражений в первой Пунической войне (264—241 гг. до н. э.), вследствие чего она была превращена в римскую провинцию. В скором времени, в 238 г., римляне заняли Корсику и Сардинию⁶³. В 219 г. до н. э. римляне завоёвывают несколько городов на Адриатическом побережье, впервые проникая на Балканский полуостров. Начиная со второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) римляне осуществляют ряд одновременных завоеваний. Иберийский полуостров превращен в римскую провинцию в 157 г. до н. э. Последний царь Македонии Персей был побежден в битве при Пидне (168 г. до н. э.) римским консулом Павлом Эмилем, названным Македонским. В скором времени Греция также была превращена в римскую провинцию под названием Ахайя. В 167 г. до н. э. та же участь постигла Иллирию. После третьей Пунической войны (149—146 гг. до н. э.) Карфаген сметен с лица земли. Между 125—118 гг. до н. э. Южная Галлия (*Gallia Narbonensis*) становится римской провинцией. Север Африки был завоёван вследствие войны против нумидийского царя Югурты (111—105 гг. до н. э.) (карта 2).

В течение I в. до н. э. римляне расширяют свои завоевания на Востоке. Фракия была завоёвана в 78—71 гг. до н. э.

17. В этот же период имело место самое значительное восстание римских рабов под водительством Спартака (73—71 гг. до н. э.). Спартак, по происхождению фракиец, долгое время был гладиатором в г. Капуя в Кампании. Классики марксизма высоко ценили личность и героические подвиги Спартака и его соратников. В письме к Ф. Энгельсу К. Маркс пишет, что Спартак — «вели-

⁶² A. B u d i n s z k y. Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und die Provinzen der römischen Reiches. Berlin, 1881; Ф. М о м м з е н. Римская история, т. V. Рус. перев. М., 1949. — Главнейшие фазы распространения латинского языка вследствие римских завоеваний, см.: Д. К. П е т р о в. Лекции..., отдел IV.

⁶³ E. P a i s. La Sardegna prima del dominio Romano. Romae, 1881.

ний полководец. . . благородный характер, истинный представитель античного пролетариата» ⁶⁴.

Из бежавших с римских латифундий рабов Спартак организовал громадную армию, распределяя их в отряды по этническим признакам (фракийцы, германцы, галлы и т. д.). Организованные отряды рабов ставили под угрозу само существование Римского государства. В связи с этим римский сенат поручил полководцу Крассу (Marcus Licinius Crassus) возглавить операцию разгрома восставших рабов (*bellum servile*), В 71 г. до н. э. на юге Италии восстание рабов было подавлено, а Спартак пал в сражении ⁶⁵.

В. И. Ленин писал по этому поводу: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» ⁶⁶.

18. Вследствие третьей войны против Понтийского царя Митридата VI (74—63 гг. до н. э.) римляне завоевали Малую Азию, Понт, Сирию (карта 3).

Римляне продолжали свои завоевания. Между 58—50 гг. до н. э. Гай Юлий Цезарь завоевывает довольно быстро Северную Галлию (*Gallia Transalpina aut Comata*) ⁶⁷.

Египет (*Aegyptus*) стал римской провинцией в 30 г. до н. э. ^{67a} К концу I в. до н. э. и началу I в. н. э. римскими провинциями становятся дунайские области Реция и Норик (*Rhaetia et Noricum*) — в 16—15 гг. до н. э., Паннония (*Pannonia*) — в 12—9 гг. до н. э.; обе Мезии (*Moesia Superior et Moesia Inferior*) — в 6 г. н. э. ⁶⁸

Римские легионы проникают даже на Британские острова (43 г. н. э.), хотя находились они там недолго.

Таким образом, Римская империя достигает в это время апогея в своем могуществе. Владения Рима простирались по всему побережью Средиземного моря, которое римляне называли 'нашим морем' (*mare nostrum*), или 'внутренним морем' (*mare internum*). Римская империя распростерла свои владения от страны Альбиона (совр. Англия) до скалы Гибралтара, от Атлантического побережья Галлии до Понта Эвксина, т. е. до Черного моря, от развалин знаменитого Карфагена вдоль всего северного побережья Африки и до дельты Нила, оттуда в Малую Азию, Сирию до Тигра и Евфрата.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 126.

⁶⁵ А. В. Мишулин. Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н. э. М., 1936.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

⁶⁷ А. И. Георгиевский. Галлы в эпоху Кайя Юлия Цезаря. М., 1865; Н. Hubert. Les celtes et l'expansion celtique. Paris, 1932.

^{67a} А. Кравчук. Закат Птолемеев. Перев. с пол. М., 1973.

⁶⁸ Т. Д. Златковская. Мезия в I—II вв. н. э. К истории Дуная в римское время. М., 1959.

В это время Рим доминирует над всем миром, известным в ту эпоху⁶⁹. В дальнейшем границы римского государства почти не изменились. Попытки римлян сделать новые завоевания потерпели неудачу, как это было в войне против парфян (53 г. до н. э.) и против германских племен (9 г. н. э.) .

19. Когда говорят о римских завоеваниях, обычно считается, что эти завоевания осуществил римский народ (*populus romanus*). Этот термин является больше политическим символом и соответствует определенной системе управления государством. Вполне понятно, что жители Рима, каким бы он большим ни был, не смогли завоевать известный в то время мир (*orbis terrarum*). Те, кто именовались римлянами (*romani*), представляли собой смешение различных народов, но романизованных в процессе римских завоеваний. Идет речь, собственно говоря, о римских гражданах (*cives romani*), количество которых возрастало вместе с расширением римских владений. С I в. до н. э. (*Lex Julia municipalis*) все свободные жители Италии стали римскими гражданами. После эдикта 212 г. н. э. императора Каракаллы («*Constitutio Antoniniana*») право римского гражданства давалось всем свободнорожденным людям (*ingenui*), приписанным к городам Римской империи⁷⁰.

20. После I в. н. э. римляне осуществили лишь одно значительное завоевание — захватили Дакию⁷¹. Она была не только последней провинцией, завоеванной римлянами, но и первой, которую они оставили (III в. н. э.). Завоеванием Дакии римляне преследовали несколько целей. Во-первых, шла речь о военном престиже Рима. Римская империя хотела доказать возможность новых завоеваний. Во-вторых, преследовалась экономическая цель, стремились захватить богатства Дакии, в первую очередь золото и соль.

Завоевание Дакии сыграло решающую роль в истории восточнороманских народов и их языков.

21. В процессе расширения своих границ и завоевания новых территорий римское рабовладельческое государство дошло до северодунайских областей. На этих землях обитали начиная со II тысячелетия до н. э. фракийские племена, которых римляне называли даками, а греки — гетами⁷². Греческий историк Страбон отмечает, что геты жили в степной области около Дуная, а даки — в горах в северо-западной части Дакии. Среди дако-гетских племен известны: костобоки (на севере нынешней Молдавии), уздеценсы (или аусдеценсы), бессы и лаи в современной Добрудже и др.

⁶⁹ На своих картах те места, которые не были известны римлянам, они отмечали: *hic sunt leones* 'здесь львы'.

⁷⁰ Н. А. М а ш к и н. История Древнего Рима. М., 1947, стр. 523—524.

⁷¹ Т а м же, стр. 435—439; И. М. Т р о н с к и й. Историческая грамматика. . . , стр. 43.

⁷² W. T o m a s c h e k. Die alten Thraken, I—II. Wien, 1894; G. K a z a r o v. Beiträge für Kulturgeschichte der Thraker. Sarajevo, 1918; D. D e t s c h e v. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957; Vl. G e o r g i e v. Raporturile dintre limba dacă, tracă, și frigiană. «Studii clasice», II, 1960.

Рис. 3. Гетские глиняные сосуды IV—III вв. до н. э.

Язык дако-гетов был индоевропейским и являлся диалектом фракийского языка. От даков сохранились названия рек: Прут (Пората, Пиретус), Дунай (Донарис), Сирет, Муреш, Арджеш. Впервые в истории геты упоминаются греческим историком Геродотом в VI в. до н. э. в связи с походом персидского царя Дария I в 514—513 гг. до н. э.⁷³

Около деревни Лукашевка Оргеевского района, Костешты Котовского района и в некоторых селах Рыбницкого и Резинского районов Молдавской ССР найдены следы дако-гетских городищ⁷⁴ (рис. 3).

Даки занимались земледелием, возделывая землю без использования плуга. Выращивали виноградники, занимались скотоводством, а также домашними промыслами (прядением, тканьем ковров, гончарным делом, обработкой дерева и железа). Основные поселения дако-гетских племен назывались *дава* (*dava*), что означало 'село, поселение' и представляло из себя городище, окруженное рвами. Было найдено несколько таких городов: *Argidava*, *Buridava*, *Petrodava*, *Piroboridava*, *Sargidava*, *Sacidava*, *Sucidava*⁷⁵, *Capidava* и др. Известный в древности историк и географ Клавдий Птоломей (II в. н. э.) упоминает и другие дако-гетские города на территории будущей Молдавии: *Заргидава*, *Тамасидава*, *Даусдава* и др.⁷⁶ Следы дако-гетских крепостей были найдены на р. Реут

⁷³ О других источниках см.: Историю Молдавской ССР. Кишинев, 1965, стр. 29—31.

⁷⁴ См.: История Молдавской ССР, стр. 34—35; Энциклопедия Советика Молдовеняскэ, вол. I. Кишинэу, 1970, стр. 240.

⁷⁵ D. T u d o r. *Sucidava. Une cité daco-romaine et byzantine en Dacie*. «Latomus», LXXX. Bruxelles—Berchem, 1965.

⁷⁶ Карту дако-гетских поселений на территории Молдавской Республики см. в Истории Молдавской ССР, стр. 31.

и известны сейчас как археологическая станция Старый Ортеев. На территории Молдавской ССР сохранились земляные круглые валы, которые являются остатками дако-гетских поселений⁷⁷. Столицей дако-гетского государства был г. Сармисегетуза, расположенный в юго-западной части Трансильвании (рис. 4).

Дако-гетское население имело самые тесные экономические связи с соседними племенами: фракийскими, находящимися на юге Дуная, и особенно с греческими колонистами черноморского побережья. С IV—III вв. до н. э. известны связи дако-гетов с греческой колонией Тир (Tyras), которая находилась в устье р. Днестр (совр. г. Белгород-Днестровский). В с. Бутучены Ортеевского р-на, в бывшем дако-гетском поселении, найдены греческие монеты Тира, а в с. Лопатник Единецкого р-на обнаружена серебряная дако-гетская монета III в. до н. э. Эта монета представляет собой подражание греческой серебряной тетрадрахме (*tetra drachmum*) македонского царя Филиппа II⁷⁸.

Римские торговцы и ремесленники тоже проникали на территорию Дакии.

На Черноморском побережье находилось много греческих городов и колоний: Histria⁷⁹ — Tomis (ныне Констанца — СРР), Callatis, Dionysopolis, Odessus (ныне Варна — НРБ), Marcianopolis и др.

Греческие колонисты вели ожесточенную борьбу против автохтонных племен: дако-гетов, фракийцев и др. Являясь островками рабовладельческого общества, греческие колонии стремились найти поддержку у других рабовладельческих государств. Вот почему они добровольно подчинились Риму, помогая римлянам в завоевании карпато-дунайских земель. В I в. до н. э. римляне завоевали все побережье Дуная, его правый и левый берег начиная от города Drobeta (около современных Железных ворот) и до устья Днестра, где стоял Тир. Вполне возможно, что в связи с этими завоеваниями, чтобы укрепить свои владения, римляне соорудили

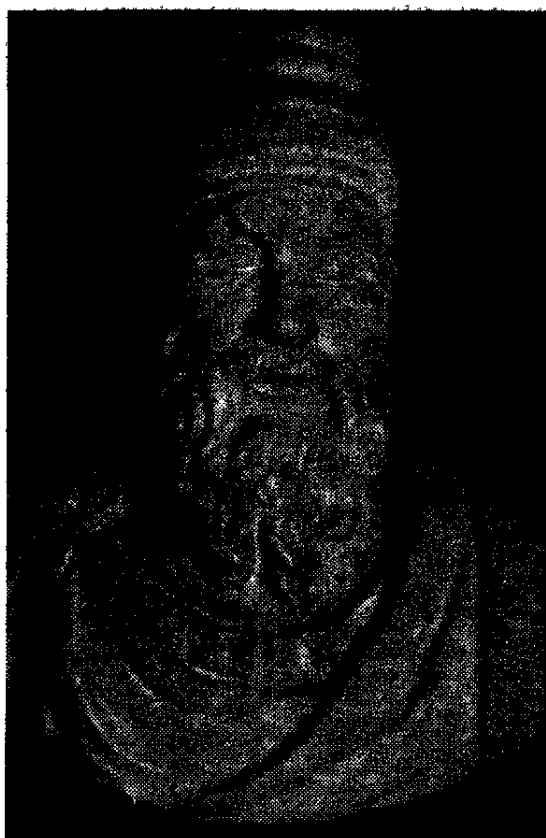

Рис. 4. Голова дака

⁷⁷ См. История Молдавской ССР, стр. 34.

⁷⁸ Н. С. Д е р ж а в и н. История Болгарии, т. I—IV. М.—Л., 1945—1948.

⁷⁹ Основана в VII в. до н. э.

Рис. 5. Децебал на Траяновой колонне

так называемые Троянские валы, остатки которых сохранились до наших дней. В 57 г. до н. э. Тир находился уже в руках римлян. Здесь был расквартирован римский военный гарнизон. С этого года Тир чеканил свою собственную монету с изображением римских правителей и с надписью *Tyras*.

22. В последней четверти I в. н. э. на севере Дуная дако-гетские племена под предводительством Децебала объединились (рис. 5). С 86 г. н. э. началась борьба против Рима. Даки добились некоторых успехов, и римляне были вынуждены даже платить им дань. Войны с перерывами продолжались до начала II в. н. э. Римское рабовладельческое государство того времени было еще достаточно могущественным, чтобы не только отбить вражеские

атаки, но и осуществить новые завоевания. Под предводительством Децебала дако-геты упорно сопротивлялись, отбивая все атаки римских завоевателей. После похода императора Траяна (101—102 гг. н. э.) (рис. 6) даки были побеждены и заключили мир на очень тяжелых для них условиях. Они обязаны были сдать римлянам все вооружение и военные метательные машины, передать инженеров, воинов, перебежавших на их сторону из римской армии, разрушить все имеющиеся крепости, не проводить самостоятельную внешнюю политику. Однако после этого дако-геты не успокоились. Они искали новых союзников и повод для восстания. В связи с этим Траян приказал известному в то время архитектору Аполлодору из Дамаска (рис. 7) соорудить большой мост через Дунай, чтобы легче переправить римские войска в Дакию. Так был построен в 105 г. н. э. известный мост через Дунай около г. Drobeta (близ современных Железных ворот). В сооружении моста участвовали солдаты пяти римских легионов (I Adjutrix, IV Flavia, V Macedonica, VII Claudia, XIII Gemina) и четырех когорт (I Cretum, II Hispanorum, I Sagittatorum militaria, III Brittonum). В древности этот мост считался восьмым чудом мира.

Вследствие второй экспедиции Траяна (105—106 гг. н. э.) дако-геты были окончательно разгромлены. Столица дакского государства Сармисегетуза была полностью разрушена римлянами и недалеко от этого места воздвигнут в 108—110 гг. н. э. новый город — Colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica. В 118 г. к этому названию

Рис. 7. Аполлодор из Дамаска

прибавлено старое название *Sarmisegetusa*, что должно было символизировать слияние даков и римских колонистов в один народ.

23. В ознаменование победы над даками в Риме были организованы большие празднества. На аренах римского цирка погибло более 10 тыс. дако-гетских гладиаторов-рабов. Сооружены два величественных памятника: колонна Траяна в римском форуме и памятник *Trophaeum Traiani* около с. Адамкиси в нынешней Добрудже (рис. 8). Мраморная колонна Траяна сорокаметровой высоты построена Аполлодором из Дамаска в 112 г. (рис. 9). В 117 г. в колонне замурован в золотой урне прах самого Траяна ⁸⁰

⁸⁰ «Панегирик императору Траяну» — огромная речь, состоящая из 95 глав, — составлен Плинием Младшим. Его же переписка с Траяном (X книга) подтверждает отзывы об императоре как правителе деловитом и разумном. См.: История римской литературы, т. II. М., 1962, стр. 166.

Памятник в Адамклинси сооружен в 109 г. на месте, где во время первой войны римлян с даками произошла особенно ожесточенная битва (рис. 10). Эти памятники богато разукрашены барельефами. Около 2500 рельефных картин изображают различные этапы завоевания Дакии. Они являются важными источниками изучения истории, этнографии, военного искусства дако-гетов и римлян этого периода ⁸¹. Французский писатель Стендаль, посетивший Рим в 1828 г., писал о колонне Траяна: «Мне кажется, что барельефы представляют совершеннейшую модель исторического стиля; нет в них ничего изысканного, ничто в них не забыто, движение человеческих тел изображено с величием, достойной резца Фидия. Это совершеннейшие изображения, которые оставили римляне сами о себе» ⁸¹.

24. Побежденные дако-гетские племена понесли колоссальные людские потери. Тысячи даков, оставшихся в живых, были распроданы римлянами в рабство. Поэтому римский историк Флавий Евтропий (IV в. н. э.) писал, что население Дакии было истреблено, особенно мужское население: *Dacia diuturno bello Decebalis viris exhausta*. Вместо истребленного дакского населения туда прибыли колонисты из всех уголков римской империи: *Traianus victa Dacia ex toto orbe Romano infinitas eo copias hominum transtulerat ad agros et urbes colendas* ⁸². «В побежденную Дакию Траян привел большое количество людей для обработки земли и заселения городов».

В Дакии поселилось много торговцев, ремесленников, солдат. Лучшие земли были отданы колонистам; создано много латифундий, в которых работали рабы. В Дакии были построены новые города, мосты, дороги, театры. Таким образом, Дакия превратилась в римскую провинцию ⁸³. Возникла в Дакии и новая общественно-экономическая формация — рабовладельческое общество, которое заменило родовой строй. Как показывал Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности» ⁸⁴.

25. Завоевание римлянами любой новой провинции имело важные последствия для данной территории. Начинался процесс романизации населения. Хотя романизация происходила в различных условиях экономического, политического, культурного плана, все же процесс романизации всех провинций имел много общих черт.

⁸¹ Изображения на Траяновой колонне были пронумерованы: C. C. S i c h o r t u s. Die Reliefs der Trajanssaule, Bd. I—II. Berlin, 1896—1900.

^{81a} S t e n d h a l (Henry Beyle). Promenades dans Rome, t. II. Paris, 1883, стр. 61.

⁸² Flaviu E u t r o p i i. Breviarum historiae romanae, VIII, 6. Lipsiae, 1950.

⁸³ И. Т. К р у г л и к о в а. Дакия в римской оккупации. М., 1955.

⁸⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 147.

Рис. 10. Эпизод борьбы между римлянами и даками

Во-первых, характер романизации зависел прежде всего от периода завоевания провинции. Корсика и Сардиния, например, завоеванные в 238 г. до н. э., были подвергнуты романизации более интенсивно, чем Дакия, в которой осуществлялся этот процесс начиная с 106 г. н. э.

Во-вторых, отдаление от метрополии, от Италии, тоже имело немаловажное значение в процессе романизации. В связи с этим нужно выявить экономические связи с метрополией, сеть путей сообщения, связывающих данную провинцию с центром. Далма-

ция и Верхняя Мезия, находящиеся ближе к Италии, романизированы быстрее и интенсивнее других провинций.

Наконец, устойчивость римского владычества в завоеванной провинции зависела от экономической и культурной сопротивляемости местного населения. Греция, например, которая находилась на более высокой ступени развития культуры вообще, чем Рим, не была подвергнута процессу романизации⁸⁵.

26. Что касается романизации гето-дакского населения, то этот процесс начался намного раньше 106 г. н. э. и продолжал развиваться и после 271—275 гг. н. э., когда Дакия была оставлена римлянами⁸⁶. Связи между севером и югом Дуная после 275 г. и до конца V в. засвидетельствованы многими надписями и монетами, найденными на территории всей Дакии⁸⁷. Кроме того, следует отметить, что Добруджа продолжала оставаться римской провинцией вплоть до начала VII в.

До завоевания Дакии римлянами романизация населения осуществлялась купцами, ремесленниками⁸⁸, прибывшими сюда из Римской империи.

Вполне возможно, что многие даки, в том числе и сам Децебал и его приближенные, говорили по-латыни.

После завоевания Дакии распространителями латинского языка и культуры были, кроме ремесленников и купцов, также римские чиновники⁸⁹. Воины римских легионов, расквартированные в данной провинции, во многом содействовали распространению латыни⁹⁰. На территории Дакии постоянно находились примерно 25 тыс. римских легионеров⁹¹. От момента завоевания и до ее оставления в Дакии находился один легион (XIII Gemina) с гарнизоном в г. Апулии (Apulum, ныне г. Альба Юлия). После 168 г. в Дакии был расквартирован и второй легион (V Macedonica) с гарнизоном в г. Потаисса (Potaissa, ныне Турда). Солдаты этих легионов — выходцы из различных римских провинций.

Пришедшие в Дакию римские колонисты не все были выходцами с Италийского полуострова. Вернее сказать, оттуда их было очень и очень мало, так как Траян специальным декретом запре-

⁸⁵ О романизации римских провинций см.: М. В. Сергеевский. Введение. . . , стр. 37—69; Д. К. Петров. Лекции. . . , отдел IV.

⁸⁶ И. Кругликова. К вопросу о романизации Дакии. — ВДИ, 1947, № 3. На территории Дакии были найдены более 25 тыс. римских динариев республиканского периода III—II вв. до н. э. См.: Michael H. Crawford. Roman Republican Coin Hoards. Cambridge, 1971.

⁸⁷ V. Pârvan. Dacia. O protoistorie a Daciei. București, 1926; Он же. Dacia. Civilizațiile străvechi din regiunile carpatodanubiene. Ed. 3. București, 1958; Он же. Contribuții epigrafice la istoria creștinismului dacoroman. București, 1911.

⁸⁸ М. Е. Сергеев. Ремесленники Древнего Рима. Л., 1968.

⁸⁹ О. В. Кудрявцев. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи. М., 1957.

⁹⁰ М. Штаерман. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. М., 1933.

⁹¹ F. G. Mohl. Introduction. . . , стр. 258.

тил колонизацию завоеванных провинций населением из Италии, чтобы не лишить метрополию рабочей силы ⁹². Большинство колонистов пришли в Дакию из других провинций: из Реции, Далмации, Фракии, Иллирии, Паннонии, Иберии, Малой Азии (Сирии) и др. Об этом свидетельствуют многочисленные надписи ⁹³.

Хотя эти колонисты не были выходцами из Италии, однако все они являлись носителями и распространителями латинской культуры, римского права; латинский язык был для них обиходным ⁹⁴. Латынь вводилась вначале в качестве языка победителей. Разговаривали на латинском языке прежде всего солдаты римских легионов. Римское владычество заставило побежденное население изучить латынь, так как вся администрация велась на латинском языке. Император Веспасиан издал специальный эдикт относительно Иберийской провинции, который предусматривал, что «латинский язык вводится в исключительное официальное употребление повсюду как деловой и административный язык в городах; все жители обязывались его безусловно усвоить и только принадлежавшие к *misera contribuens plebs* могли этого избежать» ⁹⁵.

Это, конечно, относилось не только к Иберийскому полуострову, но и ко всем остальным римским провинциям.

Само собой разумеется, что при исполнении своих обязанностей магистратам всех провинций было запрещено пользоваться другим языком, кроме латинского ⁹⁶.

Во-вторых, латынь распространялась колониями воинов-ветеранов, ушедших в отставку ⁹⁷. Во многих местах ветераны составляли основную массу населения. Они считались римскими гражданами самого высокого правового статуса (*cives Romani optimo iure optimaque lege*). Особое внимание уделил ветеранам Август. В 33 г. до н. э. он основал колонию ветеранов Второго галльского легиона. Большими привилегиями (*honores*) пользовались ветераны по всей территории Римской империи: они получали земельные участки без всякой компенсации; надел ветеранов как *ager optimo iure privatus* не облагался налогом (*tributum*); они имели право быть избранными в так называемый *conventus* и тем самым быть правителями городов и сел. Хотя ветераны и являлись выходцами из различных провинций, латинский язык для них был своеобразным *koine* между различными народами, ассимилированными римлянами в ходе завоевания. Латынь выполняла в то

⁹² I. I o r d a n. *Introducere in lingvistica romanică*. București, 1957, стр. 32; Он же. Alexandru I Philippide. București, 1962, стр. 90.

⁹³ Al. P h i l i p p i d e. *Originea românilor*, v. I. Iași, 1925, стр. 519 и сл.; Н. M i h â e s c u. *Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman*. București, 1960.

⁹⁴ Там же, стр. 277—278.

⁹⁵ М. В. С е р г и е в с к и й. Введение. . . , стр. 49.

⁹⁶ F. G. M o h l. *Introduction*. . . , стр. 101.

⁹⁷ Ю. К. К о л о с о в с к а я. К вопросу о социальной структуре римского общества I—III вв. н. э. (*Collegia veteranorum*). — ВДИ, 1969, № 4.

время роль так называемой *lingua franca* (языка посредника) ⁹⁸, т. е. была средством общения между людьми различного этнолингвистического происхождения.

Когда даки-ветераны возвращались в Дакию с правами римских граждан, они несли в свои семьи латинский язык и римский образ жизни. Что касается дако-гетского языка, то он уже в VI в. совершенно исчез в северных областях Дуная.

В процессе романизации определенную роль сыграли школы, где учили говорить и читать по-латыни. В школах много занимались латинской грамматикой, а также каллиграфией ^{98a}. Ученики должны были осваивать определенные образцы письма, называемые *praescripta*. Римляне всячески способствовали тому, чтобы дети местного населения учились латинскому языку, так как считали школы важным способом романизации края. Когда Гней Юлий Агрикола овладел Британией, он сразу же приступил к организации школ ⁹⁹. В I в. до н. э. в Испании находились школы (в городах Оска, Севилья, Кордова), основанные Квинтом Серторием (годы его правления 80—72 гг. до н. э.) «для обучения гордых иберийцев», как пишет Плутарх. Публий Корнелий Тацит упоминает об известных во всей империи школах (*scholae maenianae*) в главном городе провинции *Gallia Lugdunensis*—*Augustodunum* (ныне Autun), где обучалась галльская молодежь ¹⁰⁰. В IV в. упоминается высшая школа в г. Бурдигала (*Burdigala*, ныне *Bordeaux*) ¹⁰¹. В Дакии, по всей вероятности, элементарные школы были организованы в городах Сармизегетуза, Апулия (*Sarmisegetusa*, *Apulum*) и др.

Вполне понятно, что больше всего упоминаются школы на территории Италии. Известно, например, что в возрасте 12 лет будущий поэт Вергилий поступил в школу в г. Кремона. Затем он учился в Милане (*Mediolanum*). И как бы высшую школу он окончил в Неаполе, где он учил греческую литературу у преподавателя Парфения и философию у эпикурейца Сирона ¹⁰².

Цезарь самым серьезным образом занимался организацией школ. Римский историк Светоний в своем очерке о Цезаре цитирует закон этого политического деятеля, в котором говорилось, что любой иностранный *grammaticus*, который поселится в империи, должен получить полные права гражданства (*ius civitatis optimo iure*) ¹⁰³.

⁹⁸ Н. S c h u c h a r d t. Die lingua franca. «Zeitschrift für romanische Philologie», Bd. 23, 1899; ср. А. M e i l l e t. Esquisse. . . , стр. 273.

^{98a} В 260 г. до н. э. Спурий Карвилий (*Spurius Carvilius*) открыл в Риме публичное преподавание грамматики (см.: J. B a u e t. Littérature latine, стр. 62).

⁹⁹ F. G. M o h l. Introduction. . . , стр. 172.

¹⁰⁰ С в е т о н и й. О знаменитых грамматиках.

¹⁰¹ См.: F. G. M o h l. Introduction. . . , стр. 66—71; М. В. С е р г и е в с к и й. Введение. . . , стр. 48, 153.

¹⁰² F. G. M o h l. Introduction. . . , стр. 172—173.

¹⁰³ Т а м ж е.

Распространению латинского языка содействовали также и торговые отношения провинций с метрополией и между провинциями. Благодаря торговым контактам часто происходило первое знакомство с римской культурой, литературой, римской жизнью вообще.

27. Нельзя себе представлять, что романизация протекала гладко, без всяких трений. Особенно вначале местное население провинций питало естественную вражду к римским завоевателям. Одно за другим следовали восстания (в Испании в 154 г. до н. э., в Македонии в 149—146 гг., в Греции в 146 г. и снова в Испании в 138—133 гг. и др.)¹⁰⁴. Что касается Дакии, то крупные восстания местного населения происходили в 117—118 гг., в 139, 143, 156, 170 гг. и др. В III в. эти восстания были характерны для всей Римской империи. Многие местные жители уходили из своих родных мест и искали новую родину за пределами Римского государства. Так, например, даки уходили в северные Карпаты, где жили родственные им этнические племена: карпы, роксоланы, костобоки и др. Здесь они основали новые поселения, известные в истории под названием колоний свободных даков, которые беспрерывно нападали на Римское государство. С римским владычеством мирилась лишь правящая верхушка дако-гетов, которая быстро приспособилась к новым правителям, получая от них всякого рода привилегии. Подобное положение можно наблюдать во всех завоеванных римлянами провинциях. Еще во II в. до н. э. греческий историк Полибий (живший в доме Сципионов 16 лет) писал: «политика Рима такова, что она кажется благодатью для всех подчиненных Риму народов». Конечно, такими глазами смотрели на римское господство в первую очередь правящие классы, которые вместе с римской администрацией жестоко эксплуатировали местное население.

Несмотря на сопротивление населения провинций, можно сказать, что вся территория Римской империи, кроме Греции и Малой Азии, была романизована к IV в. н. э.

§ 4. Основные этапы развития латинского языка и литературы

28. С ростом и укреплением Римского государства развивались латинский язык и культура. Вначале латынь была народным разговорным языком, языком пастухов и земледельцев. Это положение древних латинян отразилось во всем их облике и характере. Катон (*De agri cultura*, I. 1) так видел идеал настоящего римлянина: *virum bonum quom laudabant, ita laudabant: bonum agricolam bonumque colonum*, т. е. 'хорошего (настоящего) человека, которого хвалили, так хвалили: хороший землевладелец — хороший хозяин'.

¹⁰⁴ См. подробнее: В. Ш и ш м а р е в. Очерки. . ., стр. 19 и сл.

Подобный идеал римского гражданина сохранился и у Варрона, Вергилия, Цицерона и других писателей и деятелей культуры Рима.

Латынь древнего периода (*prisca latinitas*) всецело отражала характер сельского быта древних латинян¹⁰⁵. Слово *materia*, например, означало 'дерево', точнее 'ствол дерева', от которого разрастаются ветви (*mater*).

Происхождение некоторых латинских слов с абстрактным значением следует искать в определенных словосочетаниях с вполне конкретным значением, отражающих занятия древних латинян. Так, прилагательное *sincerus* 'настоящий, неподдельный; честный, правдивый, искренний; чистый' берет свое начало от выражения *sine cera* 'без воска, чистый' (относящиеся первоначально к меду). Значение 'чистый, без всяких примесей' ясен еще у Горация (*Epist.*, I, 2, 54); *sincerum est nisi vas, quodcumque infundis acescit* 'если сосуд загрязнен, все, что туда вольешь, закисает'.

29. Первое письменное свидетельство о древней латыни — это надпись на золотой заклочке (*Fibula Praenestina*), найденной в 1871 г. около крепости Пренесте (*Praeneste*), расположенной в восточной части Лация. Фибула с надписью датируется примерно 600 г. до н. э. Пренестинская надпись написана греческими буквами и имеет следующий текст: *Manios med vhevvhaked Numasioi*¹⁰⁶, что в литературной латыни означает: *Manius me fecit Numerio*, т. е. '(мастер ювелир) Маний сделал меня для (заказчика) Нумерия'. В краткой надписи существенны архаические особенности фонетики и морфологии: *Manios* вместо литературной латинской формы *Manius*; удвоение основы перфекта *vhevvhaked* вместо лит. *fecit*; архаическая форма датива мужского рода на *-oi* (*Numasioi*); аккузатив личного местоимения 1 лица *med* вместо лит. *me*. В отношении фонетических особенностей следует отметить весьма архаическую черту — написание *vh* для передачи лабиодентального согласного *f*, а также сохранение дифтонга *-oi* (*Numasioi*), который еще не утратил конечного *-i* (как в лит. лат.). Кроме того, надо отметить сохранение интервокального *-s-*, который в лит. лат. перешел в *-r-* (*Numerio*).

Четвертым веком датируется другая надпись (на сосуде): *Duenos met feced*, где появляется уже не удвоенная форма перфекта (*vhevvhaked*), а простая (*feced*), весьма близкая к форме классической латыни (*fecit*).

В целом латынь древнего периода характеризовалась следующими основными фонетико-грамматическими особенностями:

— изобилием дифтонгов *ai*, *oi*, *ou*, *ei*: *Aimilius*, *foideratei*, *Loucius*; использованием *e* вм. *i* (*Menerva*); *o* вм. *u* (*honc*), *u* вм. *i* (*aurufex*); генитив I склонения оканчивался на *-as* (*Coiras*, *Lato-*

¹⁰⁵ J. M a r o u z e a u. Le latin langue de paysans. — «Melanges J. Vendryes». Paris, 1925.

¹⁰⁶ A. E r n o u t. Recueil de textes latins archaïques. Paris, 1947.

nas, familias); датив на -ai (Menervai, Loucinai); инструментальный (творительный) на -ad (praidad, senteniad); во II склонении номинатив оканчивался на -os (filios, Manios), -om (donom); датив на -oi (Numasioi), инструментал на -od (Gnaivod); номинатив мн. ч. на -eis, -es, -is (lībersis, coques, magistris); в IV склонении генитив оканчивался на -uos (senatuos), инструментал на -ud (magistratud); у местоимений аккузатив оканчивался на -d (med, ted, sed).

30. Менее чем за два века латинский язык и литература в своем развитии продвинулись далеко вперед. Появляются писатели, которые в своем большинстве находились под сильным влиянием греческого языка и литературы. В это время развернул свою деятельность старейший римский драматург и поэт Луций Ливий Андроник (Lucius Livius Andronicus — умер около 204 г. до н. э.). Он был родом из Тарента и как пленный прибыл в Рим в 272 г. до н. э. Римский сенатор Ливий Салинатор отпустил Андроника на волю. Для нужд школы Ливий Андроник перевел сатурнийским стихом гомеровскую «Одиссею». Кроме того, Андроник перевел или переделал несколько греческих трагедий: «Ахилл» (Achilles), «Эгисф» (Aegisthus), «Андромеда» (Andromeda), «Даная» (Danae), «Троянский конь» (Equos Troianus), «Гермиона» (Hermione), «Ино» (Ino), «Терей» (Tereus) и несколько комедий¹⁰⁷.

Началом римской литературы считается 240 г. до н. э., когда Ливий Андроник по поручению римских правителей поставил на общественных празднествах (ludi Romani) драму по греческому образцу¹⁰⁸. Тот же автор сочинил в 207 г. до н. э. гимн для хора девушек по случаю благоприятного поворота во второй Пунической войне.

Оратор Аппий Клавдий Слепой (Appius Claudius Caecus — годы деятельности 312—280 гг. до н. э.) является одним из старейших представителей латинской прозы и поэзии. Он написал юридический трактат «De usurpationibus», несколько речей и сборник изречений в сатурнийских стихах (Carmen de moribus). Цицерон (Тускуланские беседы IV, 4) сравнивает эти изречения с «золотыми стихами» Пифагора, называя их «pythagoreum».

Основателем настоящей римской литературы считается Гней Невий (Gnaeus Naevius — 270—204 гг. до н. э.). Он был эпическим поэтом и написал эпопею «Пуническая война» (Bellum Poenicum) в семи книгах¹⁰⁹, а также шесть трагедий и более 30 комедий, в которых критиковал латинскую аристократию, главным образом Метеллов^{109а}, которые ответили угрожающим,

¹⁰⁷ Livii Andronici fragmenta. Coll. H. Duntzer. Berlin, 1835; H. de la Ville de M i r m o n t. Etudes sur l'ancienne poésie latine. Paris, 1903.

¹⁰⁸ История римской литературы, т. I, 1959, стр. 43.

¹⁰⁹ В античной литературе книга соответствовала современной главе, обычно книга была написана на отдельном свитке, который мог достигать 10 м в длину.

^{109а} Fato Metelli Romai fiunt consules 'На голову Рима, судьба принесла Метеллов'.

ставшим известным сатурийским стихом: *Malum dabunt Metellii Naevio poetae* 'дадут трепку Метеллы Невию поэту'. Невию принадлежат две претекстаты (т. е. трагедии на римские сюжеты): «Ромул» (*Romulus*) и «Кластидий» (*Clastidium*). Гней Невий — автор сборника изречений, из которого сохранились лишь несколько сентенций. Например: *Est unus quisque faber ipse suae fortunae* 'Каждый человек кузнец своего счастья'.

Другим писателем этого времени был Квинт Энний (*Quintus Ennius* — 239—169 гг. до н. э.¹¹⁰), создатель римского эпоса и родоначальник латинской поэзии, автор эпопеи «Анналы» (*Annales*), в которой воспевал историю Рима с легендарных времен Энея и до своих дней, и 22 трагедий: «Ахилл» (*Achilles*), «Аякс» (*Aiax*), «Алкмеон» (*Alcmeo*), «Андромаха» (*Andromacha*), «Эвмениды» (*Eumenides*), «Выкуп Гектора» (*Hectoris lytra*), «Ифигения» (*Iphigenia*), «Феникс» (*Phoenix*)' и др.

Эннию принадлежат две претекстаты: «Амбракия» («*Ambrascia*») и «Сабинянки» («*Sabinae*»), а также комедии «Трактирщица» («*Sauruncula*»), «Панкратиаст» («*Pancratiastes*»).

Энний сочинил себе эпиграмму-эпитафию, сохраненную Цицероном в «Тускуланских беседах»:

Aspicite, o cives, senis Enni imagines formam.

Hic vestrum panxit maxima facta patrum.

Nemo me lacrimis decoret, nec funera fletu

Faxit. Cur? Volito vivus per ora virum.

Граждане, о посмотрите на старого Энния образ!

Славные он воспевал подвиги ваших отцов.

Не почитайте меня ни слезами, ни похоронным

Воплем. Зачем? Я живой буду порхать по устам'.

(перев. В. И. Модестова)

Выдающимся писателем древнего периода латинского языка и литературы был Тит Макций Плавт (*Titus Maccius Plautus* — 254—184 гг. до н. э.). Плавт был рожден не в Риме, а в местности Сарсина в Умбрии. Хорошо знал народную жизнь и написал более 100 комедий, из которых сохранилась только 21¹¹¹. Обычно комедии Плавта публикуются в алфавитном порядке их названий: «Амфитрион» («*Amphitruo*»), «Ослы» («*Asinaria*»), «Горшок» («*Aulularia*»), «Бакхиды» («*Bacchides*»), «Пленники» («*Captivi*»), «Жребий» («*Casina*»), «Шкатулка» («*Cistellaria*»), «Куркулион» («*Curculio*»), «Эпидик» («*Epidicus*»), «Близнецы» («*Menaechmi*»), «Купец» («*Mercator*»), «Хвастливый воин» («*Miles gloriösus*»), «При-

¹¹⁰ *Ennianae poesis reliquiae, iteratis curis, recensuit J. Vahlen. Lipsiae, 1903* (3-е изд., 1928); А. А. Дерюгин. Из наблюдений над лексикой латинского поэтического языка (на материале фрагментов Кв. Энния). — «Язык и общество». Изд-во Саратовского ун-та, 1967, стр. 244—251.

¹¹¹ *Titi Macci Plauti. Comoediae ex recensione G. Goetz et Fr. Schoell. Lipsiae, 1902* (в семи томах).

видение» («Mōstellāria»), «Пуниец» («Poenulus»), «Перс» («Persa»), «Псевдол» («Pseudolus»), «Канат» («Rudens»), «Стих», (или «Господа и рабы» («Stichus»), «Три монеты» («Trinummus»), «Грубиян» («Truculentus»), «Чемодан» («Vidulāria») ¹¹². Основную цель, которую преследовал Плавт в своей драматургической деятельности, — вызвать смех публики, с тем чтобы комический эффект (*vis comica*) имел определенное положительное воздействие на публику. Плавт всегда преследовал морализующую цель. *Ridendo castigat mores* 'смеясь он бичует нравы', как говорили римляне. Сюжеты своих пьес Плавт брал от греческих авторов, но приспособлял их к римским условиям, латинизируя зачастую и имена действующих лиц. Плавт оказался настоящим мастером ведения диалога (*diverbia*), используя наиболее адекватные языковые средства. Цицерон считал язык произведений Плавта образцом латинской речи. Латинский грамматик II в. н. э. Авл Геллий дает такую превосходную характеристику: *Plautus verborum latinorum elegantissimus*, т. е. 'изысканнейший мастер латинской речи Плавт'. Не случайно поэтому говорили римляне, что «если бы Музы хотели говорить по-латыни, то они обязательно говорили бы языком Плавта» (Квинтилиан, X, 1, 99). Таким образом, с полным правом можно сказать, что в древней римской литературе никто не использовал лучше латинский язык, чем Плавт ¹¹³.

Публий Теренций Африканец (Publius Terentius Afer — 185—159 гг. до н. э.) известен по его шести комедиям: «Братья» («*Adelphoe*»), «Девушка с Андроса» или «Андрянка» («*Andria*»), «Евнух» («*Eunuchus*»), «Самоистязатель» («*Heautontimorumenos*»), «Свекровь» («*Nesuga*»), «Формион» («*Phormio*»).

В своих комедиях Теренций с большим мастерством представил характеры героев. Язык его произведений занимает как бы переходное место от архаического языка Ливия Андроника, Плавта, Энния к языку классического периода. Юлий Цезарь говорил, что Теренций — «любитель чистой речи». В этот же период живет Марк Порций Катон Старший Цензор (Marcus Porcius Cato Maior Censor — 234—149 гг. до н. э.) — выдающийся представитель латинской прозы. Основные произведения Катона: «Начала» («*Orīginēs*») — история Рима в семи книгах и «О земледелии» («*De agri culturā*») ¹¹⁴ (162 главы) единственная работа в прозе, которая дошла до наших дней.

Несомненно, что одним из великих философов-материалистов древности был латинский поэт Тит Лукреций Кар (Titus Lucretius Carus — 99—55 гг. до н. э.).

¹¹² П л а в т Тит Макций. Избранные комедии. Перев. А. В. Артюшкова. Под ред. и с примеч. М. М. Покровского, I—III. М.—Л., 1933—1937; *Plaute. Texte établi et traduit par A. Ernout*, t. I—III. Ed. 2. Paris, 1952.

¹¹³ «*Revue critique et bibliographique*». Publiée par A. Hatzfeld, 1864, стр. 80.

¹¹⁴ M. Porci Cato n i s. *De agri cultura liber, ex recensione H. Keilii*. Lipsiae, 1882; Марк Порций К а т о н. Земледелие. Перев. и комм. М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1950.

Его основной труд в шести книгах «О природе вещей» (*De natura rerum*) является настоящей философско-дидактической поэмой о природе. По словам К. Маркса, Лукреций «... истинно римский эпический поэт, потому что он воспекает субстанцию римского духа...», он описал «природу, лишенную божественного характера, и бога, отрешенного от мира»¹¹⁵.

Работу Лукреция следует считать связующим звеном между материализмом древности и нового времени. Из произведения Лукреция черпали сведения и на него опирались философы-материалисты XVII—XIX вв.¹¹⁶ Автор излагает общую теорию атомов и основные положения системы атомизма. Причину, создавшую разнообразие видимого мира, Лукреций видит в движении атомов. «Из материи все вырастает и все живет ею», — пишет Лукреций. Он рассматривает вопрос о природе души, которая, по Лукрецию, является материальной и смертной. Далее в работе Лукреция излагается вопрос о чувствах человека как результате воздействия на человека материального мира. Мысль человека так же материальна, как и душа. Лукреций занимается вопросом о происхождении земли, светил небесных и различных метеорологических явлений (дождь, гром, молния, извержение вулканов, землетрясение, магнетизм).

Произведение латинского философа-материалиста было высоко оценено многими выдающимися деятелями древности. Когда Вергилий о «Георгиках» пишет: *Felix qui potuit rerum cognoscere causas* 'Счастлив тот, кто сумел вещей постигнуть причины', он имеет, несомненно, в виду именно Лукреция. Овидий («Любовные элегии», I, 15, 23) высказал свой искренний восторг перед творением великого поэта:

Так же людьми позабыт возвышенный будет Лукреций,
только когда и сама сгинет однажды земля.

(перев С. В. Шервинского)

Поэма Лукреция известна до сих пор во многих странах мира. Она была переведена на различные языки мира¹¹⁷.

Значение труда Лукреция так представлено К. Марксом: «Подобно тому как природа весной обнажается и, как бы сознавая свою победу, открывает взору всю свою прелесть, — между тем как зимой она прикрывает снегом и льдом свое унижение и убожество — так Лукреций, свежий, смелый, поэтический вла-

¹¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 176.

¹¹⁶ С. И. Вавилов. Лукреций и современность. — ИАН СССР, серия истории и философии, т. III, 1941, № 1, стр. 3—4; Он же. Физика Лукреция. — В кн.: Тит Лукреций Кар. О природе вещей, т. II. М.—Л., 1947, стр. 9—38.

¹¹⁷ Ср., например: L u c r è s e. De la nature, texte établi et traduit par A. Ernout. Paris, 1924; Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Перев. Ф. А. Петровского. М., 1946.

ститель мира, отличается от Плутарха, прикрывающего свое мелкое „я“ снегом и льдом морали»¹¹⁸ (относительно значения Лукреция для изучения народной латыни см. ниже стр. 119). Латынь от Плавта до Цицерона не так уж хорошо известна. Однако, без всякого сомнения, можно утверждать, что к концу II в. и началу I в. до н. э. латинский литературный язык был уже создан и с трактата неизвестного автора «Реторики для Геренния» (*Rhetorica ad Herennium*¹¹⁹) — приблизительно 85 г. до н. э. — и с первых речей Цицерона (81 г. до н. э.) следует сказать, что «классическая латынь» уже сформировалась¹²⁰.

31. С середины I в. до н. э. (точнее 44 г. до н. э.) и до первых десятилетий I в. н. э. (точнее 14 г. н. э.) латинский язык и литература достигли вершины своего развития. К этому периоду Лукреций создает латинскую философско-дидактическую поэзию, Цицерон — ораторское искусство, а Вергилий и Гораций — латинскую эпическую и лирическую поэзию. В полном расцвете были в то время также архитектура и искусство. Поэтому вполне справедливо латинский историк Светоний утверждал, что Рим «превратился из глиняного города в мраморный». Это «золотой век», или классический период, в развитии латинского языка, литературы и культуры вообще.

В эту эпоху живут и творят многие известные латинские писатели и поэты. Гай Юлий Цезарь (*Caius Iulius Caesar* — 101—44 гг. до н. э.) написал ряд исторических трудов большого документального и литературного значения: «Записки о Галльской войне» (*Commentarii de bello Gallico*) и «Записки о гражданской войне»¹²¹ (*Commentarii de bello civili*). В них на большом фактическом материале Цезарь описывает свои военные и политические действия во время завоевания римлянами Северной Галлии (58—52 гг. до н. э.) и в войне против Помпея (49—48 гг. до н. э.). В отношении использования языковых возможностей Цезарь был сторонником аналогистов, которые требовали чистоты языка, в некоторой степени даже пуристического характера. Как и другие аналогисты, Цезарь выступал всегда за соблюдение строгих грамматических правил. «Нужно, как острый скалы, избегать непривычных слов», — говорил Цезарь. Вот почему в его произведениях мы не найдем (за очень редкими исключениями) ни неологизмов, ни архаизмов.

Что касается содержания произведений Цезаря, то они весьма богаты необходимыми сведениями. Географические, этнографические и прочие данные высоко ценятся всеми историками. В своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государ-

¹¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 169.

¹¹⁹ Это трактат об основах эллинистическо-римского ораторского искусства, иллюстрируемого латинскими образцами.

¹²⁰ И. М. Тронский. Очерки. . . , стр. 181.

¹²¹ F. Lot. *La Gaulle*. Paris, 1947.

ства» Ф. Энгельс использовал труд Цезаря для написания глав о кельтах и германцах, об образовании государства у германцев, о варварстве и цивилизации ¹²².

Марк Туллий Цицерон (Marcus Tullius Cicero — 106—43 гг. до н. э.) составил и произнес (63 г. до н. э.) свои знаменитые речи «Против Катилины» или «Катилинарии» *Orationes in Catilinam* ¹²³, и 14 речей «Филиппики» *In M. Antonium oratio Philippica* — 44—43 гг. до н. э.). Цицерон внес большой вклад в дело нормализации латинского литературного языка (см. ниже стр. 56). С этой целью он разработал теорию трех стилей (высокого, среднего и низкого). Путем систематизации лексико-фразеологического состава, морфологических форм и синтаксических конструкций Цицерон определил характерные особенности различных функциональных стилей ¹²⁴. Больше всего Цицерон занимался проблемами стиля и выявления отличительных черт языка прозы и поэзии, литературного языка и разговорного литературной нормы и характер ее нарушения и т. д. В отличие от строго нормированного языка своих речей и философских трактатов в свою личную переписку Цицерон любил вносить ряд оборотов народной латыни (*plebeius sermo*) и слов повседневной жизни (*cotidianus verbis*) ¹²⁵.

В это же время творит один из величайших латинских поэтов — Публий Вергилий Марон (*Publius Vergilius Maro* — 70—19 гг. до н. э.) ¹²⁶. Вергилий написал:

а) «Буколики» (*Carmina bucolica*), или «Эклоги» (*Eclogae*), — пастушеские поэмы, воспевающие прелесть деревенской жизни.
б) «Георгики» ¹²⁷ (*Georgica*) — дидактическая поэма, посвященная мирному труду крестьян (хлебопашество, виноградарство и лесоводство, скотоводство, пчеловодство). Основная мысль поэмы — *labor omnia vincit improbus et duris urgens in rebus*

¹²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 130—178.

¹²³ M. T. Cicero. *Orationes*. London, 1904; Ciceron. *Divisions de l'art oratoire*, traduction H. Bornecque. Paris, 1924; L. L o r a n d. *Études sur le style des discours de Cicéron*. Paris, 1937; М. Туллий Цицерон. Речи против Катилины. Перев., комм. и примеч. С. П. Гвоздева. — В кн.: Заговор Катилины. М.—Л., 1934, стр. 179—267; 333—372, 418—457; М. Туллий Цицерон. 14-я филиппика против Антония. — В кн.: С. П. Кондратьев. Римская литература в избранных переводах. М., 1939.

¹²⁴ Следует отметить, что когда М. В. Ломоносову пришлось решать вопросы нормализации русского литературного языка, он воспользовался опытом Цицерона. См. также: Я. М. Б о р о в с к и й. Латинский язык Ломоносова. — В кн.: Л о м о н о с о в. Сб. статей и материалов, IV. М.—Л., 1960.

¹²⁵ См.: V. V ä ä n ä n e n. *Introduction au latin vulgaire*. Paris, 1967, стр. 45.

¹²⁶ Publii Vergilii. Maronis Opera. Recensuit O. Ribbeck, I—IV. Lipsiae, 1894—1895; J. P e r r e t. *Virgile, l'homme et l'oeuvre*. Paris, 1952; G. G u ț u. *Publius Virgilius Maro*. București, 1970.

¹²⁷ В е р г и л и й. Сельские поэмы. Буколики. Георгики. Перев., вступ. статья и комм. С. В. Шервинского. М.—Л., 1933.

egestas 'неустанный труд и гнетущая бедность все преодолевает'. В этом произведении Вергилий считает труд священным делом. Только муки труда становятся необходимым противовесом всех благ жизни. Вергилий стремился воплотить римский практицизм в самую высокую художественную форму;

В) самым крупным произведением Вергилия является неоконченная героическая эпопея «Энеида»¹²⁸ («Aeneis»), где описывается происхождение латинского народа. Эта эпопея находится под сильным влиянием гомеровского эпоса, а также произведений Невия и Энния.

Другим великим римским поэтом был Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus — 65—8 гг. до н. э.) — автор сатир, од, эпод, посланий. Самым значительным произведением Горация является «Наука поэзии» («Ars poetica»). Основное требование, которое выдвигает Гораций перед поэзией, — это полная соразмерность, гармония, это касается и выбора темы по силам и вкусу поэта. Гораций советует в суждениях и поступках избегать крайностей:

Auream quisquis mediocritatem
Diligit, tutus caret obsoleti
Sordibus tecti, caret invidendu
Sobrius aula

(Carmina, II, 10, 5—8)

‘Златую кто избрал посредственность на долю,
Тот будет презирать, покоен до конца,
Лачугу грязную и пышную неволю
Завидного дворца’.

(Перев. А. А. Фета)

В то же время поэзия должна служить обществу:

Всех соберет голоса, кто смешает приятное с пользой,
И услаждая людей, и на истинный путь наставляя

(Перев. М. Гаспарова)^{128a}

Гораций требует от поэзии правдиво отображать жизнь: «Ученому подражателю я прикажу оглядываться на свой образец — на жизнь и нравы» (там же, 317—318)¹²⁹. Тесные связи с политической линией Августа заставляли иногда¹³⁰ Горация даже преклоняться перед «первым человеком в государстве» (princeps). Ф. Энгельс, хотя и называет Горация «очень милым», все же вполне справедливо упрекает поэта: «Представьте себе этого

¹²⁸ Публий Вергилий Марон. Энеида. Перев. В. Брюсова и С. Соловьева. Ред., вступ. статья и комм. Н. Ф. Дератани. М.—Л., 1933.

^{128a} Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания. М., 1970.

¹²⁹ Квинт Гораций Флакк. Избранная лирика. Л., 1936.

¹³⁰ Особенно в заказанной Августом IV книге од.

честного человека, бросающего вызов в *vultus instantis tyranni* ('лицо жестокого тирана') и ползающего на брюхе перед Августом»¹³¹.

В этот же период живет известный римский историк Тит Ливий (Titus Livius — 59 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Основной его труд «От основания города» (*Ab urbe condita*)¹³², который рассказывает об истории Рима и римского народа до 9 г. до н. э.

Среди классиков римской литературы следует упомянуть Публия Овидия Назона (Publius Ovidius Naso — 43 г. до н. э. — 17 г. н. э.), великого поэта лирика, большого мастера стихосложения: *quod temptabam scribere, versus erat* — («*Tristia*») 'то что пытался я прозой писать, в стих выливалось само' (рис. 11). В первый период своей литературной деятельности Овидий написал ряд дидактических произведений: «Наука (или Искусство) любви» («*Ars amatoria*, или *amandi*»), «Средства от любви» («*Remedia amoris*»), «Любовные элегии» («*Amorēs*») и не сохранившуюся трагедию «Медейя».

В период своей литературной зрелости Овидий создал монументальные поэмы: «Превращения», или «Метаморфозы» («*Metamorphosēs*»), в 15 книгах и «Календарь», или «Фасты» («*Fasti*»), в шести книгах (рис. 12).

Будучи сосланным (8—17 гг. н. э.) в г. Томи (Tomis) на Черном море (ныне Констанца, СРР), Овидий написал два сборника стихов: «Скорбные элегии, или Тристии» («*Tristia*») в пяти книгах и «Понтийские послания» («*Epistulae ex Ponto*») в четырех книгах. В этих сборниках даются ценные сведения о местном населении Причерноморья. Он описывает внешность, одежду, нравы и обычаи коренных жителей. Овидий признает (Понт. посл., IV, 14), что он выучил язык гето-даков и составил на этом языке панегирик Августу. Произведения Овидия были неоднократно изданы и переведены на различные языки¹³³.

Высоко ценил «Скорбные элегии» А. С. Пушкин. Эта книга «выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме «Превращений»). Героиды, Элегии любовные и самая поэма «*Ars amandi*» мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько ярости в описании чуждого климата и чуждой

¹³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 228.

¹³² Тит Ливий. Римская история от основания города. Перев. с лат. под ред. А. Андрианова. Изд. 2, т. I—III. М., 1897—1901.

¹³³ P. Ovidius Naso (Opera Omnia). Ex recognitione Rudolphi Merkelei. Lipsiae, t. I—III, 1868—1871; П. Овидий Назон. Избранные произведения. Комм. Ж. С. Покровской. Вводная статья и общая ред. акад. М. М. Покровского. М., 1946; см. также: «Античные поэты об искусстве». Л., 1938; Н. Ф. Дератани. Хрестоматия по античной литературе, т. II. М., 1937; С. П. Кондратьев. Римская литература в избранных переводах.

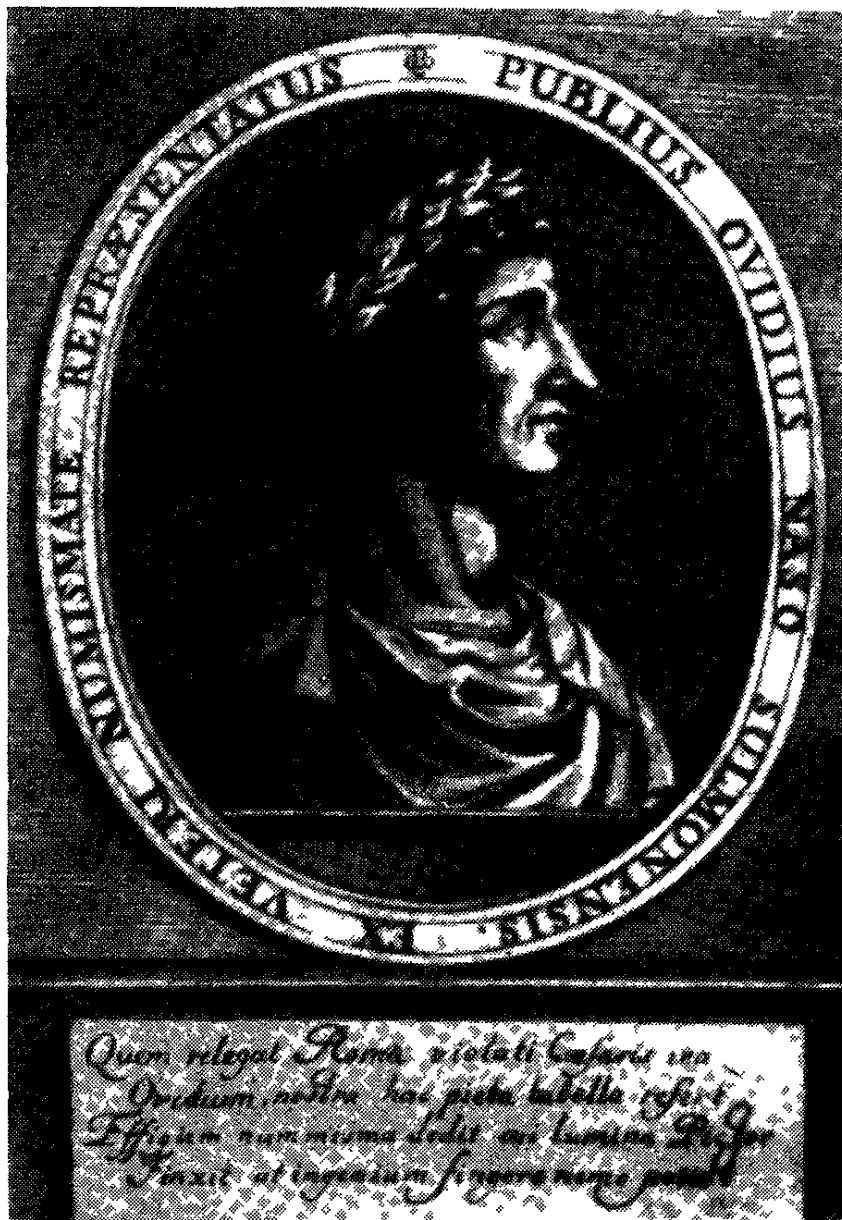

Рис. 11. Овидий Назон

земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!»¹³⁴.

32. Создание и кодификация основных норм латинского литературного языка в его классический период развития связаны в первую очередь с именем Марка Туллия Цицерона, который определил языковые закономерности в отношении прозы, особенно ораторской. Заслуги Цицерона в этом отношении признавались даже самим Цезарем, когда он по поводу посвящения своего трактата «Об аналогии» («De analogia») писал Цицерону: «Ты открыл все сокровища красноречия и первый воспользовался ими; в этом отношении ты сослужил великую службу римскому

¹³⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. 7. М.—Л., 1949, стр. 424.

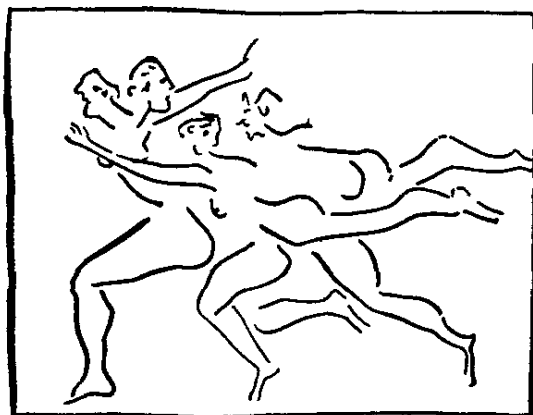
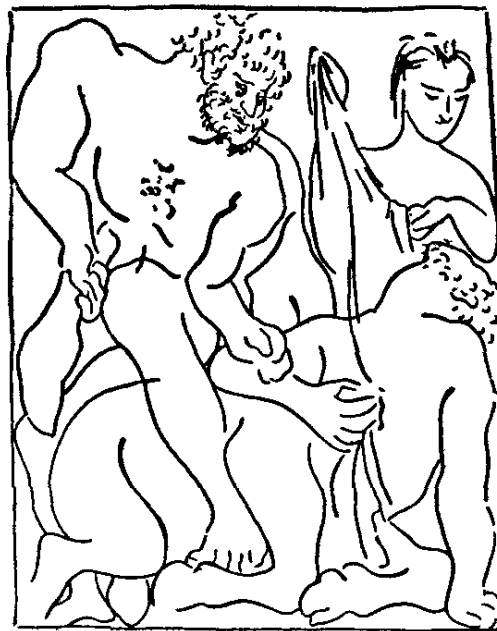
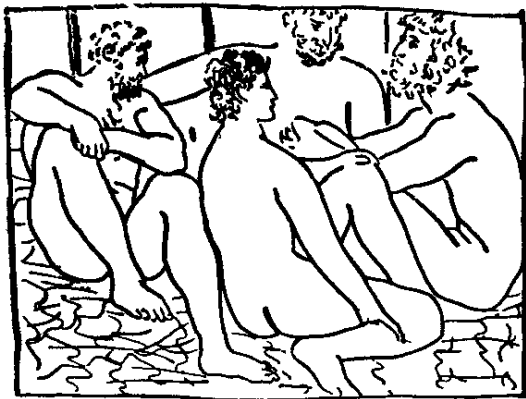

Рис. 12. Иллюстрации Пабло Пикассо к «Метаморфозам» Овидия

народу и принес честь своей отчизне; ты стяжал прекраснейшую славу и такой триумф, который почетнее триумфа величайших полководцев, так как раздвинуть границы ума есть нечто более высокое, чем расширить пределы государства» ¹³⁵.

Плиний Старший (Естественная история, VII, 30) восторженно отзывался о Цицероне, назвав его «отцом латинского красноречия и литературы» (*parens facundiae Latinarumque litterarum*) ¹³⁶. И это вполне соответствует действительности, потому что в произ-

¹³⁵ Цит. по: О. Вейзе. Опыт характеристики латинского языка. Перев. с нем. А. Кедринского. М., 1901, стр. 63.

¹³⁶ Нельзя, однако, думать, что теория и практика Цицерона использования латинского языка не встретили противников. Одним из противников Цицерона был историк Саллюстий, который ратовал за внедрение в литературную речь архаических форм языка, подобно тому как их употреблял, например, Катон Старший, Лукреций и другие писатели. Они всячески избегали заимствований из других языков, в том числе и из греческого. См.: И. М. Тронский. Историческая грамматика, стр. 42; История римской литературы, т. I, стр. 290.

ведениях Цицерона все тончайшие оттенки латинского языка, все его выразительные возможности были послушны великому писателю.

Что касается поэзии, то здесь большая заслуга принадлежит Вергилию и Горацию. Спецификой языка поэзии считался наиболее свободный порядок слов, в некоторой степени более архаичский характер лексики, а также использование народно-разговорных глаголов и т. п. Своей литературной деятельностью эти выдающиеся представители латинской литературы стремились упорядочить лексический состав латинского языка в смысле разработки синонимии в зависимости от стилевой дифференциации, имея в виду цicerоновскую теорию о трех стилях. Вергилий, например, считал неуместным использование нейтрального слова *serva* 'рабыня' в поэзии, где он употреблял другие синонимы: *ancilla* 'прислужница' и т. п. Гораций, указывая на роль писателей в деле усовершенствования литературного языка, говорил, что они обладают хорошим чутьем языка, ненужные, невыразительные слова выбрасывают, а уместные выбирают и используют адекватно и старые и новые слова:

Тот кто желает создать по законам искусства поэму,
Должен с доской для письма заимствовать цензора душу,
Все без различья слова, в коих блеска почти не осталось,
Те что утратили вес, недостойными признаны чести,
Смело он выгонит вон, хоть уходят они неохотно. . .
Те, что во тьме уж давно для народа, он выроет снова,
Выведет снова на свет много образных слов для предметов;
Встарь понимали их часто Катоны, Цетеги, а ныне
Плесень уродует их, покрывая забвения прахом;
Новые примет слова, что создал родитель-обычай.

(«Послания», II, 2, 109—119. Перев. Н. С. Гинцбурга)

Лучше всего освежить слова сочетанием умелым —
Ново звучит и привычное в нем. Но если придется
Новые знаки найти для еще неизвестных предметов,
Изобретая слова, каких не слыхали цетеги, —
Будет и здесь позволение дано и принято с толком. . .
Чем я хулу заслужил, когда еще Энний с Катонем
Обогащали латинскую речь находками новых
Слов и названий? Всегда дозволено было и будет
Новым чеканом чеканить слова, их в свет выпуская.

(Гораций. Наука поэзии, 47—51, 56—59. Перев. М. Гаспарова)

В качестве языковой нормы латинские авторы (Квинтилиан, Цицерон и др.) имели в виду *bona consuetudo* или *urbanitas*, т. е. соответствие говору города Рима и отличие от нелитературных форм *rusticitas*, т. е. различные особенности сельских говоров Рима и Италии в целом и от *peregrinitas*, т. е. различные диалект-

ные особенности других провинций. Античные авторы включали в понятие литературной нормы и определенный лексический отбор (*verba*), и грамматическое использование (*usus*), и определенные особенности произношения (*sonus*). При этом надо иметь в виду образованные слои населения: *urbanitas*. . . *qua quidem significari video sermonem praeferentem in verbis et sono et usu proprium quendam gustum urbis et sumptum ex conversatione doctorum tacitam eruditionem, denique cui contraria sit rusticitas* (Квинтилиан, VI, 3, 17), т. е. 'Под словом *urbanitas*, мне кажется, понимается речь, выражаемая в словах, и выговоре и манерах, обнаруживающая присущие городу вкус и почерпнутая из общения с учеными людьми подлинная образованность, словом, нечто противоположное понятию *rusticitas*'.

Подобные мысли выражает и Цицерон: *quare cum sit quaedam certa vox Romani generis urbisque propria, in qua nihil offendi, nihil displicere, nihil animadverti possit, nihil sonare aut olere peregrinum, hanc sequamur neque solum rusticam asperitatem, sed etiam peregrinam insolentiam fugere discamus* (*De orat.*, III, 12, 44), т. е. 'поэтому раз есть определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничто не может оскорбить наш слух, вызвать чувство недовольствия или упрек, ничто не может звучать на чуждый лад или отзываться чужеземной речью, то будем следовать ему и учиться избегать не только деревенской грубости, но также и чужеземных особенностей' (перев. А. Н. Зюграфа) ¹³⁷.

Для создания литературной нормы латинского языка большим подспорьем служил греческий язык. Поскольку латинский язык менее продуктивен в образовании новых слов, то очень часто латинские писатели-классики придавали латинским словам ряд дополнительных и переносных значений, которые имелись в соответствующих греческих словах.

Богатая флективная система латинского языка позволяла латинским писателям-классикам в полной мере использовать свободный порядок слов. Особенно удачно воспользовался Гораций этой возможностью свободного расположения слов. Поэтому Петроний и назвал «пытливой удачливостью» эту горацевскую изощренность, достигнутую в результате огромного труда. В этом положении «каждое слово излучает свою силу во все стороны», говорил немецкий философ Ф. Ницше ¹³⁸.

Вследствие мастерского использования выразительных средств писатели-классики создали множество запоминающихся сентенций, как, например: *dulce et decorum est pro patria mori* 'отрадно и почетно умереть за отечество' (Гораций, Римские оды III, 2, 13); *aurea mediocritas* 'золотая середина' (Гораций, Оды II, 10); *dimidium*

¹³⁷ См.: И. М. Тронский. Очерки. . . , стр. 184—185.

¹³⁸ См.: История всемирной литературы. Т. I. Литература древнего мира. М., 1967, стр. 599.

facti qui coepit habet 'положивший начало сделал половину дела' (т. е. лиха беда начало) (Гораций, Послания, I, 2, 40); *amor omnia vincit et nos cedamus amori*, т. е. 'все побеждает любовь, покоримся и мы любви' (Вергилий, Буколики X, 6, 8); *donec eris felix, multos numerabis amicos* 'пока будешь счастлив, много у тебя будет друзей' (Овидий, Скорбные песни IX, 5, 6).

Постепенное создание литературного латинского языка было довольно четко сформулировано одним из грамматиков позднего времени, Харисием: «Латинский язык, возникший одновременно с коренным жителем своего города, отличался меткостью и понятностью своих выражений. После того как с течением столетий стали появляться мастера слова, мы искусно охватывали его нашими наблюдениями, связывали почти не отступающими от нормы частями речи. Латинский язык предал себя руководству правил и былую свободу слова обрек на рабство теории, которая настолько присуща самой речи, что теперь аналогия от себя уже ничего не вносит. . . В латинском языке различаются: природа, аналогия, привычка и авторитет. Природа имен и глаголов неизменна, она не передает нам ни больше, ни меньше того, чем восприняла. . . Аналогия есть упорядочение природной речи. Между языком варвара и образованного человека аналогия создает такое же различие, какое существует между свинцом и серебром. . . Привычка равна аналогии не по мастерству, а по своей силе. Ее допускают лишь потому, что у многих она встречает поддержку. Теория с ней не соглашается, но относится к ней снисходительно. Последнее дело — это ссылка на авторитет, к которому прибегают как к священному алтарю, когда нельзя сослаться ни на что другое. Если ни природа, ни теория, ни привычка не могут подтвердить чего-либо, то тут полагаются на мнения ораторов, которые, если бы их спросили, почему они так именно выразились, признались бы, что сами этого не знают»¹³⁹.

Литературный латинский язык классического периода во многом отличался от латыни древней эпохи (*prisca latinitas*). По свидетельству Цицерона и Горация, во второй половине I столетия до н. э. с трудом уже понимали остатки древней ритуальной поэзии (*ahaementa*) и вообще поэтические произведения, написанные сатурнийским размером.

Таким образом, усилиями писателей-классиков, используя диалект города Рима, была создана совершенная система латинского литературного языка, богато оснащенная стилистико-экспрессивными средствами. С полным правом мог Цицерон упрекать тех, кто презирал произведения, написанные на латинском языке: «. . . Я удивляюсь, откуда берется такое презрение ко всему родному? . . . мое мнение таково, и я не раз его высказывал: латинский язык вовсе не беден, нет, он даже богаче греческого. Когда же мне — или, лучше скажу, нашим хорошим ораторам и поэтам, —

¹³⁹ История римской литературы, т. II, стр. 423—430.

особенно при наличии образцов для подражания, не хватало украшений для содержательной и изысканной речи?» (О пределах добра и зла, I, 3, 10).

На классиков римской литературы ссылались как на достойный образец для подражания как во времена существования латинской литературы и языка, так и позже, в средние века.

33. После смерти Августа (14 г. н. э.) и примерно до 200 г. идет речь о постклассическом периоде в развитии латинского языка и литературы. Теперь говорили о «серебряной латыни», характеризующейся более свободным, чем классическая латынь, словарем, более широким использованием разговорных слов и оборотов. Синтаксис «серебряной латыни» стал менее строгим.

В это время начинают свою деятельность историк Публий Корнелий Тацит (Publius Cornelius Tacitus — 55—около 120 гг. н. э.)¹⁴⁰, философ и драматург Луций Анней Сенека (Lucius Annaeus Seneca — 4 г. до н. э.—65 г. н. э.)¹⁴¹, основатель эпистолярного жанра Гай Плиний Цецилий Младший (Caius Plinius Caecilius Secundus — 62—113 гг. н. э.)¹⁴², предполагаемый автор романа «Сатирикон» («Satiricon») Гай (или Тит) Петроний Арбитр (Caius Petronius Arbiter — умер в 66 г. н. э.; о нем, см. ниже, гл. III, стр. 108), основатель латинской эпиграммы Марк Валерий Марциал (Marcus Valerius Martialis — 42—102 гг. н. э.)¹⁴³, «безмерно язвительный» из всех римских поэтов (mordax sine fine) — как его называет Сидоний Аполлинарий. Ср. характеристику, которую дает себе сам Марциал:

Тот я, что в шутках всегда среди всех остается первым:

Не восторгаешься мной — любишь, читатель, меня

Большие пусть о большом поют, мне ж, довольному малым,

Хватит того, что всегда вновь вы берете меня.

Особо следует выделить в эту эпоху поэта сатирика Децима Юния Ювенала (Decimus Iunius Iuvenalis — 60—140 гг. н. э.)¹⁴⁴. Классики марксизма прекрасно знали и высоко ценили сатиры

¹⁴⁰ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. т. I. Анналы. Малые произведения. Изд. подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, И. Е. Сергеев. Л., 1970; т. 2. История. Изд. подготовили Г. С. Кнабе, М. Е. Грабарь-Пассек, И. М. Тронский, А. С. Бобович. Л., 1970; И. И. Гревс. Тацит. Жизнь и творчество. М.—Л., 1946.

¹⁴¹ Луций Анней Сенека. Трагедии. Перев. С. Соловьева. Вступ. статья Н. Ф. Дератани. М.—Л., 1932; П. А. Краснов. Луций Анней Сенека. Его жизнь и философская деятельность. СПб., 1895.

¹⁴² Плиний Младший. Письма. Перев. и примеч. М. Е. Сергеев и В. С. Соколова. М.—Л., 1950.

¹⁴³ M. Valerius Martialis. Epigrammata. М., 1891; Марциал. Биографический очерк. М., 1891; Марциал. Избранные эпиграммы. Перев. размером подлинника Н. И. Шатерников, ред. и примеч. Ф. А. Петровского, вступ. статья Н. Ф. Дератани. М., 1937.

¹⁴⁴ Ювенал. Сатиры. Перев. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. Вступ. статья А. И. Белецкого. М.—Л., 1937.

Ювенала, потому что незаурядный ум и исключительная наблюдательность сатирика приводили его к весьма ценным выводам не только для истории социального положения и общественной жизни Римского государства. К. Маркс в своей статье «Финансовое положение Франции» (1861) писал: «Современная Франция дала нам ключ к тем местам из сатир Ювенала, где внезапно приобретенное богатство рассматривается как преступление против народа»¹⁴⁵.

Во II в. н. э. работает историк Аппиан Александрийский (Appianus — прибл. 95—165 гг. н. э.), известный историк Древнего Рима, написавший «Римскую историю» в 24 книгах с древнейших времен до правления Траяна. Особое внимание он уделял пуническим, испанским, сирийским, митридатovým и гражданским войнам¹⁴⁶. К. Марксом дана высокая оценка работ Аппиана о гражданских войнах в Риме, поскольку античный автор говорил об экономических причинах этих войн. В письме к Ф. Энгельсу К. Маркс особенно подчеркивал искусство описания образа Спартака: «... по вечерам читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Автор — родом из Египта. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что тот старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн. Спартак в его изображении предстает самым великолепным парнем во всей античной истории»¹⁴⁷.

В свою очередь Ф. Энгельс писал: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах римской Республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она в конечном счете велась: из-за земельной собственности»¹⁴⁸. Это положение Ф. Энгельса хорошо согласуется с тем, что говорил еще Гай Плиний Старший (Естественная история, XVIII, 6 (7), 35): *latifundia Italiam perdidere*, т. е. «латифундии погубили Италию».

34. Наконец, пойдет речь о периоде поздней латыни (фр. *bas latin*, исп. *bajo latin*) от III до VII—VIII вв., т. е. до появления романских языков. В это время живет историк Аммиан Марцеллин (*Ammianus Marcellinus* — 330—400 гг. н. э.). В своей «Истории» (*Res Gestae*) Аммиан описывает события от императора Нервы (96 г. н. э.) и до гибели императора Валенты (378 г. н. э.)¹⁴⁹.

¹⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 387.

¹⁴⁶ Аппиан. Римская история. Перев. С. П. Кондратьева, комм. Е. М. Штаерман. — ВДИ, 1950, № 2, стр. 263—292; № 3, стр. 235—292; № 4, 217—274; Он же. Гражданские войны. Перев. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935; Он же. Иберийско-римские войны (Иберика). Перев. С. П. Кондратьева. — ВДИ, 1939, № 2, стр. 265—300.

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 125—126.

¹⁴⁸ Там же, т. 21, стр. 312.

¹⁴⁹ Ю. Кулаковский. Аммиан Марцеллин. История. Перев. с лат., вып. I (перевод сделан в соавторстве с А. Сонни). Киев, 1906; вып. II, 1907; вып. III, 1908.

Ценные сведения приводит Аммиан о готах (кн. XXVII), гуннах (кн. XXXI).

Следует упомянуть здесь и поэта Коммодиана, жившего в III в. и создавшего впервые стихотворения, используя вариации по тональности ¹⁵⁰.

Кроме того, надо упомянуть также грамматика Элия Доната (Aelius Donatus — вторая половина IV в.) и особенно грамматика Присциана (Priscianus — жившего около 500 г.). В это же время развивают свою деятельность так называемые христианские авторы ¹⁵¹. Евсевий Иероним (Eusebius Hieronymus — 342—420 гг.) ¹⁵², Аврелий Августин (Aurelius Augustinus — 354—430 гг.) ¹⁵³ и др.

§ 5. Миграция европейских народов и ее значение для латинского языка

35. Значительным событием в истории европейских народов были огромные перемещения населения, известные под названием «великое переселение народов», т. е. миграция народов, или нашествие варваров на Римскую империю. В латинском (и в греческом) языке прилагательное *barbarus* (*βάρβαρος*) означало 'неримский, нелатинский' (негреческий); 'чужой, чужеземец, иноязычный' ¹⁵⁴. Понятия *barbari*, *Barbaria* (иногда и *Gotia*) противопоставлялись понятиям *romani*, *Romania*. *Barbari* были все народы, незнакомые с римско-греческой цивилизацией. Впервые термин *Romania* встречается в письменных документах IV в. н. э. у византийских писателей, затем в V в. в сочинении Павла Орозия «История против язычников» (*Historiarum libri VII contra paganos*) говорится: *Gothia quod Romania fuisset* 'Готия, которая была (раньше) Романией'. Пренебрежительное значение 'грубый, дикий, жестокий' получило слово *barbarus* позднее.

Это огромное движение народов потрясло до основания всю средиземноморскую культуру, основанную на греко-римской цивилизации.

36. Миграция народов является следствием двух основных причин.

Во-первых, римское рабовладельческое общество быстро приходило в упадок вследствие резкого обострения классовых противоречий. Антагонизм между социальными классами приводил

¹⁵⁰ *Commodiani Carmina*, ex recensione B. Dombart. Vindobonae, 1887.

¹⁵¹ Christine Mohrmann. *Latin vulgaire. Latin des chrétiens, latin médiéval*. Paris, 1955; Он же. *Etudes sur le latin des chrétiens*. Roma, 1958.

¹⁵² G. Goelzer. *Étude lexicographique et grammaticale de la latinité de Saint Jérôme*. Paris, 188.

¹⁵³ A. Regnier. *De la latinité des sermons de Saint Augustin*. Paris, 1886; C. Balms. *Étude sur le style de Saint Augustin*. Paris, 1930; J. Fignaret. *L'évolution littéraire de Saint Augustin*. Paris, 1939.

¹⁵⁴ Овидий писал: *barbarus hic ego sum, quia non intelligor ulli*, т. е. 'я здесь варвар, ибо никто меня не понимает'.

к восстаниям, которые вначале имели местный характер, затем охватывали широкие массы земледельцев, колонистов. К ним присоединялись и рабы. В течение IV в. н. э. развернулся острый социально-экономический кризис, охвативший всю империю. По мере ослабления центра империи — Италии — все больше усиливалась эксплуатация провинций. Современники рисуют мрачную картину общества конца IV в. н. э. Ритор Либаний (314—393 гг.) описал жизнь тех времен в Антиохии. С чувством глубокого возмущения рассказывал этот автор о том, как трудящиеся люди работали по ночам при тусклом свете светильников, в то время как богачи предавались самым изысканным удовольствиям¹⁵⁵. Богачи жестоко эксплуатировали простых людей, служащие (так называемые магистраты) в большинстве случаев были недобросовестными и жестокими людьми и злоупотребляли, взывая огромные налоги с населения.

Фридрих Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечал: «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода поборы ввергали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему пришло Римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»¹⁵⁶.

Вполне понятно, почему население, особенно земледельцы, бежало к варварам от бремени чрезмерных налогов и всевозможных повинностей в Римском государстве. В связи с этим император Диоклетиан издал специальные эдикты о прикреплении земледельцев к земле. Однако все эти меры оказались тщетными.

Раздираемое внутренними противоречиями Римское государство не находило уже больше сил не только для завоевания соседних народов, но и для отражения атак этих народов.

Второй причиной миграции были большие изменения, происходящие среди самих этих народов. Вследствие развития производительных сил и роста населения появились новые политические формы управления, которые ставили новые проблемы. По словам Ф. Энгельса: «Повсюду сильно растет численность населения; территория, урезанная римлянами, становится недостаточной. . .»¹⁵⁷

¹⁵⁵ См.: Речи Либания в двух томах. Перев. с греч. С. П. Шестакова. Казань, 1912—1916.

¹⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 147.

¹⁵⁷ Там же, т. 19, стр. 480.

«Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. . . Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства, соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»¹⁵⁸.

Подчиненные римлянами народы зачастую прибегали к помощи мигрирующих народов. Таким путем объединенные против Римской империи народы атакуют ее все больше и больше. В качестве примера можно привести Маркоманскую войну, длившуюся 13 лет (167—180 гг. н. э.). Римский историк Юлий Капитолин (III в.) указывает, что все народы от границ провинции Иллирии и до Галлии организовали настоящий заговор против Римского государства. В этой войне участвовали племена иллирийцев, кельтов, германцев, фракийцев, сармато-алланов и др. Римляне были вынуждены выдавать определенные «субсидии» своим противникам.

В конце концов ослабленная восстаниями рабов и бедных слоев населения Римская империя не смогла устоять перед мощными ударами извне и попала во власть мигрирующих народов.

37. Вначале мигрирующие народы проникали в Римскую империю мирным путем, в качестве земледельцев, особенно на границе империи (так называемые инквилины — *inquilini*). С IV в. н. э. из среды этих народов римляне рекрутировали часть своих легионов. К концу IV в. название римского воина (*miles*) становится синонимом слова *варвар* (*barbarus*)¹⁵⁹. Это свидетельствует о том, что в римских легионах все больше и больше становится варваров.

38. Начиная с IV в. н. э. все больше и больше усиливается миграция народов, особенно германских племен¹⁶⁰. Римляне

¹⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

¹⁵⁹ F. Lot. La fin de la monde antique et le début du moyen âge. Paris, 1928, стр. 270.

¹⁶⁰ F. Lot. Les invasions germaniques. Paris, 1935; H. Birkhan. Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. Wien, 1970; G. Bonfante. Latini e Germani in Italia. Paideia, 1965 (см. перев.: Дж. Бонфанте. Романизованное население Италии и германцы. «Современное итальянское языковедение». М., 1971, стр. 92—136).

Рис. 13. Голова варвара-германца

называли *germani* население, разделенное на различные племена, проживающее в Центральной Европе. Публий Корнелий Тацит посвятил им специальный труд «О происхождении, положении, нравах и народах Германии» («*De origine, situ, moribus ac populis Germaniae*») — всего 46 глав. Римское государство не сумело подчинить их своему господству¹⁶¹.

Среди германских племен следует различать восточных германцев: готов (остготов, остроготов, или грейтунгов, и вестготов, визиготов, или тервингов), гепидов, бургунов, вандалов — и западных германцев: свевов, франков (сальских и рипуарских), лангобардов (рис. 13).

В конце IV в. и особенно в V в. германские племена наиболее усиленно атаковали Римское государство. Прежде всего начи-

наются новые переселения ищущих земли племен на крайнем востоке, пока, наконец, поднявшиеся со всех сторон людские массы неудержимым потоком не устремляются как по суше, так и по морю на новые земли», — писал Ф. Энгельс в работе «К истории древних германцев»¹⁶². Характеризуя вторую половину V в., историк Павел Диакон писал, что это время было «жестоким владычеством варваров», когда «всюду действовали разрушительные силы».

39. Проникая в империю, мигрирующие народы стремились создать самостоятельные государственные организации, которые просуществовали какое-то время.

Иберийский полуостров был занят вначале свемами и вандалами. Первые заняли юго-западную часть полуострова, а вандалы — юго-восточную. В 429 г. вандалы под руководством Гензериха перешли в Северную Африку, основав там королевство, просуществовавшее 100 лет. Затем на Иберийский полуостров вместо вандалов пришли вестготы (или тервинги), основав Вестготское королевство со столицей в г. Толедо, просуществовавшее около 200 лет.

В юго-восточной Галлии, вокруг Женевского озера, поселились бургуны. Север Галлии был оккупирован франками. Под води-

¹⁶¹ R. M u c h. Die Germania des Tacitus, Unter Mitarbeit von H. Jankuhn herausgegeben W. Lange. Heidelberg, 1967.

¹⁶² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 19, стр. 480—481.

тельством Кловиса франки образовали в V в. сильную монархию на базе галло-романской верхушки населения¹⁶³. Впоследствии эта монархия распространила свою власть на всю территорию Галлии, назвав ее Францией (Francia). Германские племена, особенно франки, содействовали феодализации бывшей Галлии. В течение V в. Италия и сам г. Рим были ареной многих ожесточенных сражений. Взятый и разгромленный в 410 г. вестготами, в 452 г. Рим увидел у своих стен грозного вождя гуннов Аттилу. В 455 г. вандалы Гейсериха, прибывшие из Северной Африки, предали Рим грабежу. В конце этого века произошло весьма важное событие в истории Римской империи. В 476 г. Одоакр, вождь из племени герулов, возглавил отряды варваров и сверг последнего римского императора, пятнадцатилетнего мальчика Ромула Августула. Это событие считается падением Западной Римской империи¹⁶⁴ и началом средневековья в истории Европы. После герулов (476—493) Италия попала под власть остготов, или грейтунгов (493—554), а затем лангобардов (568—774), которые содействовали стабилизации феодальных отношений в этой части Европы.

40. В III в. н. э. на востоке Европы началось движение народов, которое обычно связывают с появлением готов¹⁶⁵. Готы были германскими племенами, которые из Центральной Европы вынуждены были отправиться частью на запад, достигая Иберийского полуострова под названием вестготов и тервингов (см. стр. 66), другая часть — остготы, или грейтунги, — направились вначале к истокам р. Вислы, а затем под напором славянских племен (венеды, лугины) должна была повернуть к богатым землям Северного Причерноморья. Часть готов поселилась у истоков Днепра, другая — вдоль Днестра. Вместе с местным населением готы наносили удары по восточным границам Римской империи.

До начала IV в. исторические источники свидетельствуют о 22 «готских» нашествиях. Так в 235—237 гг. Нижняя Мезия была завоевана карпами в союзе с готами, опустошившими Дакию и Фракию. В 260 г. готы вновь завоевали Дакию и прошли по всему Балканскому полуострову, дойдя до Эгейского моря. Римская империя всеми силами стремилась отбить атаки, но делалось это ценой больших потерь. Вот почему в 271 г., во времена императора Аврелиана, римские легионы добровольно без всяких сражений оставили Дакию и отошли на правый берег Ду-

¹⁶³ G r e g o r i i Episcopi Turonensis. Historiarum libri decem, herausgegeben von R. Buchner. Berlin, 1955.

¹⁶⁴ В 395 г. н. э. Римская империя была разделена на две части: император Гонорий взял западную часть империи, а Аркадий — восточную. Восточная Римская империя просуществовала еще почти тысячелетие, до 23 мая 1453 г., когда Константин VI, последний римский (или, вернее сказать, византийский) император, погиб в сражении на улицах Константинополя. Турки под водительством султана Магомеда II овладели Константинополем.

¹⁶⁵ А. М. Р е м е н н и к о в. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1959 г.; История Молдавской ССР, стр. 46—52.

ная, где была образована новая провинция Аврелианова Дакия. Одновременно Римская империя теряет и свои передовые восточные позиции — города Тир (ныне Белгород-Днестровский) и Ольвия (близ Одессы) ¹⁶⁶.

Вместе с войсками отошла на юг и римская администрация — магистраты. Дакия не была опустошенной, «но оставшееся на север от Дуная романское население не могло быть многочисленным или сколько-нибудь значительным, как это предполагают обычно румынские исследователи, и, между прочим, такой осторожный ученый, как О. Денсушяну. Этого не подтверждают данные археологии. Более прав поэтому А. Филиппиде, утверждающий о постепенном угасании римской культуры на севере от Дуная» ¹⁶⁷. Хотя римский историк Приск свидетельствует о том, что в IV в. в Дакии еще говорили на латинском языке.

Между прочим, надо добавить, что после падения Римской империи (V в.) вследствие миграции народов сложились новые условия для развития латыни во всех бывших провинциях. Ж. Марузо отмечает, что и в Галлии к VII в. римская культура пришла в полный упадок, хотя язык романизованного населения распространяется и вглубь и вширь ¹⁶⁸.

С падением Дакии не прекратились атаки на границы Римской империи. К 370 г. в степях Северного Причерноморья появились кочевые тюркоязычные племена гуннов, пришедших из степей современного Восточного Казахстана. В Северном Причерноморье гунны подчинили себе местное население, разгромили готов (тервингов) и, продвигаясь на запад, образовали на Балканском полуострове сильную государственную организацию. Наибольшего могущества гуннское государство достигло при правлении Атиллы (445—453 г.), который дошел и до Рима. Господство гуннов было, однако, недолговечным. После смерти Атиллы государство гуннов распалось. Надо отметить, что и во времена свирепого владычества гуннов романизованное население Карпато-Дунайских земель не теряло своей связи с римскими провинциями. О торговых связях населения северодунайских областей с римскими провинциями говорят археологические данные. Во время раскопок были извлечены серебряные и медные римские монеты. В 1836 г. в г. Галац найдено 4 тыс. римских монет, чеканенных не позже V в. Археологические данные свидетельствуют и о том, что, хотя военные операции гуннов и приносили значительные опустошения и разрушения, все же местное романизо-

¹⁶⁶ А. Д. Дмитриев. Падение Дакии. — ВДИ, 1949, № 1; Ю. К. Колосовская. К истории падения Римского государства в Дакии. — ВДИ, 1955, № 3; Vl. Iliescu. Părsirea Daciei în lumina izvoarelor istorice. «Studii și cercetări de istorie veche», 1971, t. 22, № 3.

¹⁶⁷ В. Ф. Шишмарев. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. «Вопросы молдавского языкознания». М., 1953, стр. 86—87.

¹⁶⁸ J. Marouzeau. La prononciation du latin (Histoire, théorie, pratique), Éd. 3. Paris, 1943, стр. 9.

ванное население продолжало жить на старых местах. Об этом свидетельствуют данные о населении, проживающем вдоль Днестра и в области Карпат. Конечно, от нашествия гуннов особенно страдали города. На территории Дакии не сохранилось ни одного старого названия города, хотя во время римского владычества в Дакии было несколько десятков римских городов. Это означает, что эти города были разрушены, их названия забыты. Если позже на тех же местах были основаны новые города, то они получали новые названия. Так, в Дакии не сохранились римские названия городов: *Apulum*, *Napoca*, *Potaissa* и др. Они были заменены соответственно названиями славянского или венгерского происхождения: Белград, Клуж, Турда и др.

Гунны, как и все другие мигрирующие народы, наносили местному населению огромный ущерб. И все же местное, коренное население оставалось на своих местах, иногда попадая в более благоприятные условия, чем под римским владычеством. Римский историк Приск, бывший послом римского (византийского) императора при Атилле, правителе гуннов, рассказывает, как римский гражданин попал в рабство к гуннам. Он утверждал, что у гуннов он чувствовал себя довольно хорошо, так как у них справедливость была святой, судьи были правдивыми и неподкупными (не как у римлян), а налоги не были столь тяжкими, как в Римской империи.

Конечно, в Восточной Римской империи, как и в западных областях, «каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому „хозяйственному положению“ завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык»¹⁶⁹.

Мигрирующие народы были также заинтересованы в том, чтобы местное население не уходило со своих мест. Тот же историк

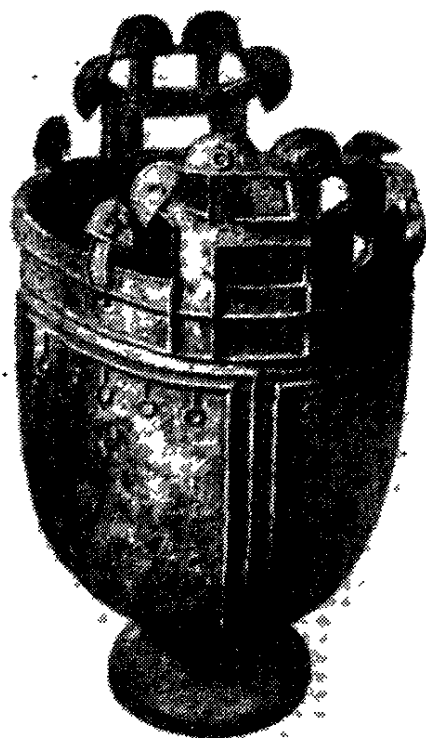

Рис. 14. Бронзовый гуннский котел

¹⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 188.

Приск¹⁷⁰ сообщает, что Атила грозил войной византийскому императору, если не будут возвращены «римляне», которые обрабатывали землю, им завоеванную.

Приводятся и другие факты, которые касаются славян. Так, Михаил Сириец (10, 24, 2) отмечает, что славяне осадили два римских города и несколько крепостей. Славяне говорили местному населению: «выходите, сейте и жните, мы отберем от вас только половину подати»¹⁷¹.

* * *

Через территорию бывшей Дакии и будущих молдавских земель в течение веков прошли различные народы: германские (готы, гепиды), тюркские (гунны, авары, печенеги, тюрко-болгары, половцы, татары, турки) и др.

§ 6. О роли славян на Балканах

41. [В истории балканских народов и языков вообще и восточно-романских в частности огромную роль сыграли славяне]¹⁷². Ранние славянские племена группировались в родовые союзы в последние века до н. э. и в первые века н. э. Среди этих племен известны, в частности, анты, организации которых появились в IV в. н. э. в условиях ожесточенной борьбы против готов. Анты были автохтонными на территории вдоль Днестра, Днестра и в Карпатах. Племенные союзы антов смешались с сельскохозяйственными племенами скифов и с кочевыми племенами сарматов на территории устьев Днестра, Днестра и Дуная. С другой стороны, усилились связи антов с другими западными племенами — венедами. Из истории мы знаем, что в IV в. готы вели ожесточенную борьбу против антов. Позже, в VI в., из исторических источников известно, что южная граница антов проходила по северному черноморскому побережью между Днестром и Дунаем. Византийские историки упоминают это население и в устьях Дуная, где анты сражались с византийцами. В VI в. на территории Молдавии проходила граница между двумя славянскими ветвями — антами и склавинами. В конце VI в. территория нынешней Валахии называлась Склавинией.

Анты занимались земледелием и скотоводством, вели торговлю с византийцами и другими народами. Союз антов представлял собой военную демократию, которая приходила в упадок. Основной экономической единицей была патриархальная семья. Не-

¹⁷⁰ Priscus, Ed. Im. Bekker, B. G. Niebuhr. Bonn, 1829.

¹⁷¹ См.: F. Altheim. Geschichte der Hunnen, I. Berlin, 1959, стр. 59.

¹⁷² История Молдавской ССР, стр. 57—78; Восточнославяно-молдавские языковые связи. Кишинев, I—1961; II—1967; C. Poghirc. Les rapports entre le thraco-dace et le balto-slave. «Actes du X-e congrès international des linguistes», IV. Bucarest, 1970, стр. 765—771.

сколько семей образовали патриархальную общину. А несколько общин образовывали племя. Несколько племен объединялись в союз. Таким образом, у антов в то время не было классового общества: они жили общинно-родовым строем. Значительную роль в процессе образования у антов классового общества сыграли так называемые балканские войны, т. е. проникновение славян в Восточную Римскую империю.

Историческое значение славянских походов состоит в том, что они нанесли сокрушительный удар по восточноримскому рабовладельческому обществу и содействовали образованию прогрессивных для того времени феодальных отношений в Восточной Европе¹⁷³. Таким образом, славяне на Балканах были носителями новых социальных отношений, которые меняли характер эксплуатации по сравнению с рабством и были более прогрессивными.

После падения государства гуннов (455 г.) в северных областях Дуная образовались крупные славянские союзы, непрерывно нападавшие на Восточную Римскую империю. В этих союзах основную роль играли анты и склавины. Атаки славян продолжались, начиная с 517 г. вплоть до VII в. Восточная Римская империя (Византия) пыталась защищаться, укрепляя свои границы, строя целую систему оборонительных сооружений. Однако это не останавливало яростных атак славян. В борьбе против славян византийцы использовали кочевые племена аваров. Чтобы отбить атаки аваров, славяне объединились и образовали княжество, о котором упоминают и арабские исторические источники. С конца VI и в начале VII в. начался новый период в славяно-византийских отношениях. Славяне перешли от системы военных столкновений к мирным поселениям на землях Византии. Они селились по всей территории Балканского полуострова, доходя до побережья Эгейского моря и Центральной Греции. К середине VII в. славяне представляли на Балканском полуострове основное население, которое ассимилировало древнее фракийское население.

Рис. 15. Раннеславянская культура

¹⁷³ Н. П и г у л е в с к а я. К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке. «Вопросы истории», 1950, № 4.

42. Нельзя отрицать при этом тот факт, что кроме славянского населения на карпато-дунайских землях продолжало существовать и романизованное население. Иноземные историки, особенно немецкие и венгерские, еще с конца XVIII в. и особенно в XIX в. выдвигали различного рода теории, согласно которым предки восточнороманских народов появились на карпато-дунайской территории не раньше X—XIII вв. До этого периода романизованное население, согласно этим теориям, находилось лишь на Балканском полуострове. Поэтому эта теория и называется «балканской». Она преследовала шовинистические цели, чтобы оправдать «исторические» притязания венгерских феодалов на эти земли.

Советская историческая наука на основании комплексных данных (археологические, исторические, топонимические и др.) пришла к другим выводам, а именно: что романизованное население не пришло на эти территории извне, а является автохтонным на карпато-дунайских землях. Эта теория называется «карпатской». Археологические данные свидетельствуют, что такие поселения-городища и селища — славянские и романские — имелись и на территории нынешней Молдавской ССР со времен древнерусского государства (с. Лукашевка Оргеевского р-на и др.)¹⁷⁴.

В исторических источниках романизованное население известно под именем ~~вляхов~~, или волохов, только с IX в. Русская летопись «Повесть временных лет» (памятник XII в.) рассказывает, что к концу IX в. (898 г.) венгры, пришедшие в Карпатские земли (Паннонию), нашли здесь славян и волохов¹⁷⁵. Венгры, «пришедшие от востока и устремишася черес горы великия, яже прозваша ся горы Угорския и понаша воевати на живущая ту волохи и словени»¹⁷⁶. Значит, русская летопись знает славян и волохов, проживающих вместе в карпатских землях намного раньше, чем сюда пришли венгры¹⁷⁷. О славяно-волошском населении карпато-дунайских областей говорят также и древние венгерские летописи, написанные на латинском языке. Так, в памятнике XII—начала XIII в. «Деяние венгров» (*Gesta Hungarorum*) Анонима-нотария венгерского короля Беллы III¹⁷⁸ указывается, что население среднего Подунавья накануне венгерского переселения составляли славяне, болгары и валахи, а также пастухи

¹⁷⁴ Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ, вол. I, стр. 240; История Молдавской ССР, т. I, стр. 65 и сл.

¹⁷⁵ Романское население юго-восточной Европы в средние века и позже именовалось волохами, или валахами. Меглениты и истриоты до сих пор называют себя валахами.

¹⁷⁶ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 21.

¹⁷⁷ Ср.: M. Gyóni. Les Volochs des Annales primitives de Kiev. «Études slaves et romanes», v. 2, f. 2. Budapest, 1949 (ошибочно считает, что неолатинское население среднего Подунавья исчезло в результате венгерского завоевания).

¹⁷⁸ В. П. Шумарин. Русско-венгерские отношения в IX в. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 132.

римлян: Dicebant enim quod ibi confluerent nobilissimi fontes aquarum, Danubius et Tyscia et alii nobilissimi fontes piscibus habundantes, quam terram habitarent Sclauī, Bulgariī et Blachii ac pastores Romanorum¹⁷⁹. 'Говорили, что здесь сливаются прославленные реки Дунай и Тисса и другие не менее известные источники, обильные рыбой, и что этот край населяют славяне, болгары и валахи, а также римские пастухи'. Далее Аноним рассказывает о княжестве «некоего влаха» Гелу (Gelou), называя его «князь влахов и словян», и о его сражении с венгерским вождем Тетени¹⁸⁰ (Tuhutum). Венгерский князь Тетенья, по словам летописца, узнав, что земли Карпат очень богаты золотом, солью, а население (волохи и славяне) вооружено только стрелами и луками, направился туда, чтобы подчинить их себе.

Непрерывное развитие романизованного населения на прикарпатской территории аттестовано и другими историческими источниками. Византийские историки XI—XII вв. часто упоминают о северодунайском волошском населении. Так византийский историк Анна Комнена рассказывает, что в XI в. в войсках венгерского короля Соломона, атаковавшего Византийскую империю, была и армия в 80 тыс. человек, состоявшая из печенегов, даков (или волохов). Другой византийский историк, Иоанн Кинамос (XII в.), упоминает волохов, которые проживали между Днестром и Карпатами. Те же волохи упоминаются другим византийским историком Никитой Акоминат.

43. Эти данные подтверждаются топонимическими сведениями. Географические названия этой области в большинстве случаев романского или славянского происхождения. В середине VI в. н. э. ряд названий местностей появляется в так называемых «Топонимах по Прокопию». Здесь мы находим такие названия: Gemenos 'близнец'; (лат. *gemini* 'близнецы'), Gemellomontes (лат. *mons, montis* 'гора'), kaminos (лат. *saminus* 'очаг, камин'); Каромалба лат. *sarum alba* 'белая голова' и др.¹⁸¹

В V—VI вв. славянские племена проникают не только в бывшую Дакию и Мезию, но и на Балканский полуостров. Из восточной балканской народной латыни славянские языки заимствуют ряд слов, среди которых: ст.-сл. колада из лат. *calendae*¹⁸², ст.-сл. оцѣтъ из лат. *acētum*¹⁸³, ст.-сл. поганъ из лат. *paganus*¹⁸⁴ и др. В свою очередь восточная народная латынь позаимствовала из славянских языков такие лексические единицы, как *metula

¹⁷⁹ Scriptores Rerum Hungaricarum, v. I. Budapestini, 1937, стр. 45.

¹⁸⁰ См.: В. Д. К о р о л ю к. Волохи и славяне в русской летописи. Кишинев, 1971, стр. 19.

¹⁸¹ См. ниже, стр. 124.

¹⁸² См.: М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 299—300.

¹⁸³ Там же, т. III, стр. 176—177.

¹⁸⁴ Там же, стр. 294—295.

(молд. *мэтурэ* 'метла', рум. *mătură*, арум., мегл., истр. *metură*) и др.¹⁸⁵

Названия рек, долин, перевалов и другие топонимы в Карпато-дунайских областях славянского или валашского (романского) происхождения. Наряду с такими топонимами славянского происхождения, как *Бистрица* (от слав. *быстрый*), *Рыбница* (от *рыба*), *Бык*, *Каменка* (от *камень*), *Черница* (от *черный*), *Селиште* (от *селиться*), *Хородиште* (от *городить*), *Браниште* (от *бранить*) и других появляются валахо-молдавские названия латинского происхождения: *Лунга* 'длинная', *Ларга* 'широкая', *Речя* 'холодная', *Сарата* 'соленая' и др.¹⁸⁶

44. Лингвистические данные говорят также о тесных взаимосвязях славянского и романизованного населения в карпато-дунайских землях. Б. П. Хашдэу убедительно доказал, что сельскохозяйственная терминология в восточнороманских языках в 8 из 10 случаев славянского происхождения¹⁸⁷.

Ср. молд. *бороанэ* 'борона', рум. *bogoană*; молд. *браздэ* 'борозда', рум. *brazdă*; молд. *коасэ* 'коса', рум. *coasă*, арум., мегл. *coasă*, истр. *coşă*¹⁸⁸; молд. *лопатэ* 'лопата', рум. *lopată*, арум., мегл. *lupată*, истр. *lorăte*¹⁸⁹; молд. *плуг* 'плуг', рум. *plug*¹⁹⁰ и др.

Важно отметить, что в восточнороманских языках во многих случаях имеются слова славянского происхождения, там, где западнороманские языки сохранили латинские корни. Такое положение обнаруживается в лексике, обозначающей самые различные сферы деятельности человека.

Ср.: молд. *греблэ* 'грабли', рум., арум. *greblă*, а в западнороманских языках имеется соответствие латинского происхождения: ит. *gastrello*, исп. *rastrillo*, фр. *rateau* (из лат. *rastrellum*); молд. *гыскэ* 'гусь', рум. *gîscă*, в то время как в ит., исп. *оса*, фр. *oie* (из лат. *avica*); молд. *овэс* 'овес', рум. *ovăz*; в то время как в: ит., исп. *авена*, порт. *aveia*, фр. *avoine* (из лат. *avena*).

Что касается терминологии животноводства, то здесь в восточнороманских, как и в западнороманских языках сохранились слова латинского происхождения.

Ср.: молд. *вакэ* 'корова', рум. *vacă*, фр. *vache*, ит. *vacca*, исп. *vaca* (от лат. *vacca*); молд. *кал* 'конь', рум. *cal*, исп. *caballo*, ит. *cavallo*, фр. *cheval* (от лат. *caballus*); молд. *кыне* 'собака', рум. *cîine*, исп. *can*, ит. *canе*, фр. *chien* (от лат. *canis*); молд. *оае* 'овца', рум. *oaie*, исп. *oveja* (от лат. *ovis*) и т. д.

Фонетика восточнороманских языков также подверглась влиянию славянских языков. В этом отношении следует упомянуть

¹⁸⁵ См.: Ем. Р е т р о в и с и. Le latin oriental possédait-il des éléments slaves? «Revue roumaine de linguistique», t. XI, 1966, № 4, стр. 313—321.

¹⁸⁶ А. Е р е м и я. Нумирь де локалитэць. Кишинэу, 1970.

¹⁸⁷ В. Р. Н а ş д е у. Originele agriculturii la români. «Columna lui Traian», 1874, N 4.

¹⁸⁸ Фр. *faux*, ит. *folce* (из лат. *falx*).

¹⁸⁹ В западнороманских: исп., ит. *pala*, фр. *pelle* (из лат. *pala*).

¹⁹⁰ Фр. *charrue* (из лат. *carucca*), исп. *arado*, ит. *aratro* (из лат. *aratrum*).

йотацию переднеязычных гласных (ѣ, е, ї, і) в начальном положении. Ср. молд. *ел*, *епуре* (произносятся *йел*, *йепуре*), рум. *el* (произносится *iel*¹⁹¹). Также славянским влиянием объясняется появление заднеязычной глухой *x* (заимствованной вместе с такими словами, как ст.-сл. *харъ* (молд. *хар*, рум. *har*¹⁹² 'благо-склонность, душевное качество'). Ср. совр. формы: молд. *архитект*, *колхоз*, *техник* и др.

Фрикативный переднеязычный звук *ж* в восточнороманских языках объясняется славянским влиянием. Ср. ст.-сл. *жалъ*, молд. *жале*, рум., арум. *jale*¹⁹³.

Противопоставления согласных по палатализации в восточнороманских языках Эм. Петрович считал славянского происхождения¹⁹⁴.

В отношении кратких глагольных форм инфинитива (без *-re*) в восточнороманских языках (лат. *laudare*; молд. *лэуда*; рум. *lăuda*) также было высказано мнение, что идет речь о влиянии кратких форм инфинитива (без *-ти*) в славянском языке¹⁹⁵.

Еще более значительным является влияние славянского языка на образование и особенно частотность употребления возвратных глаголов. Ал. Росетти совершенно прав, когда утверждает, что классификация по значению возвратной флексии славянских языков может вполне применяться и в румынском¹⁹⁶, как и во всех других восточнороманских языках. Ср. взаимно возвратное значение ст.-сл. *цѣловати сѧ* — молд. *a se сэрута*, рум. *a se săruta*; объектно возвратное значение: ст.-сл. *мыти сѧ* — молд. *a se спэла*, рум. *a se spăla*; общевозвратное значение: ст.-сл. *опечалити сѧ* — молд. *a se ынтриста*, рум. *a se intrista*; динамически-возвратное значение: ст.-сл. *боати сѧ* — молд. *a se teme*, рум. *a se teme*¹⁹⁷ и др.

Многие возвратные глаголы восточнороманских языков были непосредственно заимствованы из славянских языков (ср. ст.-сл. *каяти сѧ*, рус. *каяться* — молд. *a se кэи*, рум. *a se căi*; ст.-сл. *разболѣти сѧ* — молд. *a se războli*, рум. *a se războli* и др.), другие калькированы по славянским глаголам (ст.-сл. *кѣти сѧ* — молд.

¹⁹¹ См.: Al. Rosetti. *Istoria limbii române*. București, 1968, стр. 302.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ См.: Em. Petrovici. *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*. «Cercetări de lingvistică», № 2, 1956; № 4, 1959; № 5, 1959; См. также: «Romanoslavica», 2, 1958.

¹⁹⁵ M. Křepinský. *L'infinitiv abrégé du roumain imitation du slave?* «Românoslavica», I. Praha, 1948; стр. 7—10; P. Beneš. *Incrucișarea latino-slava în formarea infinitivului românesc*. «Studii și cercetări lingvistice», VI, № 3—4, 1955.¹

¹⁹⁶ Al. Rosetti. *Istoria limbii române*, стр. 306—307; см. также: Al. Graur. *Les verbes «réflexis» en roumain*. «Bulletin linguistique», publié par Al. Rosetti, Fasc. 6, 1938.

¹⁹⁷ Лат. *timeo* не имело рефлексивной формы. Ср. *timeo danaos et dona ferentes* 'боюсь я данайцев даже и дары приносящих'.

а се жура, рум. а се југа; ст.-сл. можити ѿ — молд. а се руга, рум. а се руга и др.)¹⁹⁸.

Вообще нужно подчеркнуть особо, что славянские народы содействовали полному отрыву Балканского полуострова и, в частности, Дакии и придунайских областей от центральной части Римской империи. Связи с Италией были окончательно прерваны примерно с V—VI вв.¹⁹⁹ Некоторые слабые связи с Западной Романией аттестованы вплоть до конца VI в.²⁰⁰, хотя в этом отношении имеются серьезные замечания некоторых специалистов²⁰¹.

Этот отрыв осуществился и в отношении развития языка, так как восточная народная латынь была уже лишена возможности принять участие в новшествах, исходящих из метрополии.

Говоря о процессе перехода от латыни к восточнороманским языкам, О. Денсушану считал, что необходимо различать три четко очерченные этапа: романизация иллиро-фрако-дакийского населения, появление балканской Романии и образование в VI—VII вв. н. э. восточнороманских языков²⁰². Таким образом,

О. Денсушану совершенно справедливо считал, что образование восточнороманских языков никак не означает простое, медленное преобразование балканской латыни в современные восточнороманские языки. В этом процессе участвовали и другие языки. Поэтому история развития восточнороманских языков включает многие главы из истории остальных нероманских балканских языков. Как бы в подтверждение этой мысли Кр. Сандфельд написал свое монографическое исследование²⁰³ о «балканских» языках, в котором тщательно изучаются тесные языковые взаимосвязи романских, славянских и других языков Юго-Восточной Европы.

Славяне создали свои административные и культурные центры, к которым и стала тяготеть культура восточных романцев. Знакомясь со славянскими книгами, со славянской культурой вообще, восточные романцы знакомились одновременно и с византийской (греческой) культурой и литературой, так как обычно книги переводились с греческого на славянский, а затем на языки восточнороманских народов.

Таким образом, роль славянских народов на Балканах является весьма важной как в социально-политическом и культурном отношении, так и в отношении дальнейшей судьбы восточнороманских языков. В новых исторических условиях вполне

¹⁹⁸ Al. Rosetti. Указ. соч.

¹⁹⁹ В отношении Испании см.: В. Ш и ш м а р е в. Очерки. ..., стр. 77 и сл.

²⁰⁰ См.: Н. Mihăescu. Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman. București, 1960, стр. 295 и сл.

²⁰¹ G. Straka. «Revue de Linguistique Romane». Strasbourg, v. 24, 1960 стр. 403—406.

²⁰² O. Densusianu. Histoire de la langue roumaine, t. I. Paris, 1901 (говорит о румынском языке, но это относится и ко всем другим восточнороманским языкам).

²⁰³ Kr. Sandfeld. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.

естественно то, что именно в этот период в тесном контакте со славянскими языками стал намечаться и оформляться ряд характерных особенностей восточнороманских языков, о которых и пойдет речь ниже (см. стр. 101) ²⁰⁴.

Вполне понятно, что поскольку развитие языка, особенно его структурно-грамматического уровня, осуществляется в весьма медленном, почти незаметном темпе, то для историка языка бывает затруднительно установить точные данные происшедших языковых процессов. Поэтому можно рассчитывать не столько на определение хронологизации данных процессов, сколько на выявление некоторых тенденций развития, зачатки которых стали уже намечаться в балканской народной латыни, а другие — их большинство — развивались в более поздний период. Однако важнее всего то, что эти новшества проявляются на различных языковых уровнях.

* * *

45. ^{VI} в. н. э. датировано первое свидетельство восточнороманского языка. Византийский летописец Теофанес (Theophanes Confessor, умерший в 817 г.) рассказывает, что в 579 г. византийцы были побеждены аварами в горах Хемус (Балканы), потому что какой-то воин крикнул на «родном» языке своему товарищу: «. . . torna, torna, fratre». Остальные воины думали, что это означает возвратиться назад и пустились наутек, повторяя во все услышание: «. . . torna, torna». В действительности упомянутый воин хотел сказать своему товарищу, чтобы тот возвратился назад и поднял мешки с продуктами, которые свалились с осла ²⁰⁵.

Конечно, эти сведения мало что дают для определения специфики восточных романских языков. Важнее всего, что византийский историк счел необходимым заметить, что шла речь о «родном» языке определенной части балканского населения, который был романским языком.

---

²⁰⁴ D. M a s c r e a. Despre «locul limbii române între limbile romanice». — «Cercetări de lingvistică», XVI. Cluj, 1971, № 1, стр. 14. — Автор считает, что славянские элементы отличают восточнороманские языки, подобно тому как германские элементы отличают французский и итальянский, а древнегерманские и арабские элементы — испанский и португальский.

²⁰⁵ Al. P h i l i p p i d e. Originea românilor, I. Iași, 1923, стр. 505; Al. R o s e t t i. Despre torna, torna, fratre. «Omăgiu lui C. Daicoviciu». București, 1965.

~~НАРОДНАЯ ЛАТЫНЬ~~ — ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 7. Термин «народная латынь»

46. По всей территории Римской империи латынь распространялась двумя основными путями:

■) как литературный письменный язык (*latinitas, sermo scriptus urbanus*), используемый писателями в их литературных произведениях, употребляемый в школах, в официальных документах (у римлян, как и у греков, народно-разговорная форма языка не использовалась в письменных произведениях, кроме народных комедий в так называемом простом стиле);

●) как народно-разговорная речь солдат, торговцев, ремесленников, вообще широких народных масс. Это был самый широкий путь распространения латыни в римских провинциях¹. Таким образом, кроме языка писателей и официальных документов, т. е. латинского литературного языка, сформированного преимущественно под сильным влиянием греческого литературного языка, во все периоды существования латинского языка употреблялась также и народно-разговорная латынь, наименее обработанный вариант латинского языка².

Народная латынь — это разговорная речь тех слоев населения, которые не получали школьного образования и не подвергались влиянию художественной литературы³. Она являлась необходимым, повседневным разговорным языком тех сословий римского общества, которые дали основную массу колонистов, расселившихся по всей Римской империи в качестве активных распространителей латинского языка и культуры⁴.

Латынь, употребляемая широкими массами населения, отличалась в каком-то отношении от языка Вергилия, Цицерона,

¹ А. И. Садов. Латинский язык в памятниках христианской письменности. СПб., 1917.

² Противопоставление «книжный — народный» характерно не только для латинской языковой действительности. В Индии санскрит (книжный язык брахманов) противопоставлялся пракритам (литературным и разговорным среднеиндийским языкам); в Греции «елленики» отличался от «демотики».

³ См.: J. H e r m a n. *Le latin vulgaire*. Paris, 1967, стр. 16.

⁴ См.: C. B a t t i s t i. *Avviamento allo studio del latino volgare*. Bari, 1949.

Горация и других писателей как в отношении лексики и фразеологии, так и морфологии и синтаксиса, хотя основная лексика и грамматическая структура обоих аспектов латинского языка оставались одними и теми же. Литературная латынь сохранялась по традиции в школах, где она получила стабильные, застывшие формы, аттестованные в произведениях писателей-классиков и зафиксированные в трудах грамматиков. Латинский грамматик Варрон писал: *Latinitas est incorrupte loquendi observatio secundum Romanam linguam* 'латинитас означает соблюдение правил языка согласно нормам римской речи'. А в так называемой «Риторике для Геренния» неизвестного автора (приблизительно 85 г. до н. э.) этот же литературный аспект определялся таким образом: *Latinitas est quae sermonem purum conservat, ab omni vitio remotum* 'латинитас — это сохранение речи в чистоте, без каких-то ни было погрешностей'.

Разговорную латынь, напротив, можно было услышать на рынках, в мастерских ремесленников (*sermo vulgaris*), в деревнях (*sermo rusticus*), среди солдат (*sermo militaris*). В семье и в общении со слугами и писатели, конечно, пользовались разговорным латинским языком (*sermo cotidianus* или *consuetudo*). Писатель классического периода Квинтилиан признавал, что повседневным языком он пользовался в разговоре с женой, детьми, рабами: *Quidam nullam esse naturalem putant eloquentiam, nisi quae sit cotidiano sermoni simillima, quo cum amicis, coniugibus, liberis, servis loquamur* (*Inst. orat.*, XII, 10, 40) 'Некоторые полагают, что нет иного естественного красноречия, кроме наиболее близкого к повседневному языку, на котором мы говорим с друзьями, женами, детьми и рабами'. Вполне прав известный романист Гуго Шухардт, утверждая, что в Риме один и тот же человек пользовался одним аспектом латыни при советах со своим рабом о покупках для пира и другим, когда вельможа приглашал запиской друга на этот пир или же когда он писал оду, воспевающую высокопоставленное лицо ⁵.

Разговорный вариант языка, подвергнутый свободному и непосредственному развитию, известен под названием народной, или вульгарной, латыни. Народная латынь отражена в памятниках латинского языка с древнего периода и вплоть до VII—VIII вв. н. э., т. е. до появления современных романских языков. В народной латыни явствуется тенденция изменить произношение определенных звуков или звукосочетаний, унифицировать определенные грамматические средства и словосочетания в составе предложения. В народной латыни сохранялись некоторые утраченные конструкции и лексика устаревшая, а в других случаях, наоборот, появлялось много новообразований.

Латинские писатели не раз упоминали о том, что народно-разговорная речь их времен имела большое сходство с древней

⁵ H. Schuchardt. *Vokalismus*. . . , I, стр. 33.

латынью. Так, например, Цицерон (Об ораторе, III, 12, 44) писал: «Когда я ее (свою тещу Лелию) слушаю, мне кажется, что я слышу Плавта и Невия». Тот же Цицерон и другие писатели (Квинтилиан) противопоставляли *bona consuetudo* или *urbanitas* (т. е. латынь Рима) речи крестьян римских окрестностей (*soni*) (*rusticitas, rustica vox*). *Urbanitas, cui . . . contraria sit rusticitas* 'urbanitas, которой . . . противопоставлено rusticitas' (Квинтилиан, Об ораторском образовании, VI, 3, 17). *Illa est urbanitas, in qua nihil absonum, nihil agreste, nihil inconditum, nihil peregrinum* 'urbanitas считается то, в чем нет ничего неблагозвучного, некультурного, грубого, иноземного' (там же, VI, 3, 10). В качестве примера отличия *urbanitas* от *rusticitas* можно отметить, что дифтонги (ae, oe, au) сохранялись в Риме и упрощались в италийских диалектах.

Этот народно-разговорный аспект латыни, который не соответствовал литературным нормам латинского языка, носил у различных писателей различные названия. При этом следует заметить, что римляне никогда не называли *lingua* народно-разговорный аспект. Его именовали только *sermo* 'речь, разговорная речь'. В древний период Плавт говорит о *plebeius sermo* 'плебейская речь', а в классический период Квинтилиан упоминает о *vulgaris sermo* 'народная речь', *vulgi sermo* 'речь народа'. *Mihi aliam quandam videtur habere naturam sermo vulgaris, aliam viri eloquentis oratio* 'Мне кажется, что природа народной речи одна, а природа речи красноречивого мужа — несколько другая' (там же, XII, 10, 43). У Цицерона *plebeius sermo* противопоставляется *nobilis sermo*. Деревенская речь называлась *rusticus sermo* (*rustica vox, rusticum vocabulum, sonus subrusticus, vox subagrestis*)⁶ в отличие от *urbanus sermo* 'городская речь'. Речь воинов называлась *militaris sermo, militaris vulgarisque sermo* (Иероним), *verba castrensia* (Плиний)⁷.

Другими словами, классическая литературная латынь и народная латынь должны быть рассмотрены не столько как стилистические варианты⁸ латинского языка вообще, но и как социальные и территориальные варианты. Отсюда и понятными становятся термины: *sermo urbanus, sermo rusticus, sermo plebeius, sermo nobilis, sermo militaris, sermo vulgaris*. А. Меёе довольно четко определяет, что «между литературным латинским языком, сохранившимся в произведениях писателей, и разговорной латынью, продолжением которой являются романские языки,

⁶ A. Z a u n e r. *Romanische Sprachwissenschaft*, Tl. I. Leipzig, 1905 (§ 24, 44 называет вульгарную латынь — *lingua Romana rustica*).

⁷ W. H e r a e u s. *Die römische Soldatensprache*. «Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik», Bd. XIII. Leipzig, стр. 255.

⁸ Al. G r a u r. *Tendințele actuale ale limbii române*. București, 1968, стр. 273; О н ж е. *Latin vulgaire*. «Actele celui de-al XII-lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică», v. I. București, 1970, стр. 117: «le latin, presentent plusieurs variantes selon les styles».

существовали расхождения, неодинаковые у разных людей, у людей разного культурного уровня»⁹.

В настоящее время подавляющее большинство романистов считают, что народная латынь как разговорный аспект латинского языка существовала во все периоды истории латинского языка. В этом отношении следует упомянуть в первую очередь В. Мейер-Любке¹⁰, а также Г. Рольфса¹¹, Г. Шмека¹² и др. Э. Рихтер характеризует народную латынь, как «разговорный язык всех периодов, всех социальных слоев»¹³, латиноамериканский романист С. Сильва Нето ставит знак равенства между народной латынью и общеупотребительной, повседневной, разговорной латынью¹⁴. Известный французский медиевист Ф. Лот также считает народную латынь разговорной латынью, латынью, употребляемой всеми социальными прослойками римского общества¹⁵. К. Гренджент высказывает мнение о том, что народная латынь — это латынь лишь средних слоев населения¹⁶. Итальянский ученый П. Сави-Лопес говорит о народной латыни как о живой единой латыни¹⁷.

Немногие романисты считают народную латынь ограниченной рамками последних веков существования Римской республики и империи¹⁸.

Таким образом, не может идти речь о противопоставлении «двух латинских языков» (классической латыни и народной) как двух самостоятельных единиц, как считали в одно время некоторые романисты¹⁹. Классическая, или литературная, латынь должна быть рассмотрена как определенный вариант латинского языка вообще, его письменный, графически фиксированный и литературно обработанный аспект латинского языка. Народная латынь — это народно-разговорный аспект латин-

⁹ А. Мейер. Сравнительный метод в историческом языкознании. Рус. перев. М., 1954, стр. 16; Он же. Esquisse. . ., стр. 239; C. Battisti. Avviamento. . ., стр. 26.

¹⁰ W. Meyer-Lübke. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1909, стр. 97.

¹¹ G. Rohlfs. Romanische Philologie, Bd. I. Heidelberg, 1950.

¹² H. Schmoeck. Aufgaben und Methoden der modernen vulgärlateinischen Forschung. Heidelberg, 1955.

¹³ E. Richter. Der innere Zusammenhang in der Entwicklung der romanischen Sprachen. Halle, 1911, стр. 77.

¹⁴ S. Silva Neto. Fontes do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1946.

¹⁵ F. Lot. A quelle époque a-t-on cessé de parler latin? — ALMA, Bull. Du Cange, 1931, № 6, стр. 97—159.

¹⁶ C. Grandgent. Introducere in latina vulgară, in românește de E. Tănase. Cluj, 1958, стр. 13.

¹⁷ P. Savj-López. Le origini neolatini. Milano, 1920, стр. 109.

¹⁸ См., например: F. G. Mohl. Introduction à la chronologie du latin vulgaire. Paris, 1899, стр. 15 и сл.; C. Battisti. Avviamento. . ., стр. 29; M. C. Diaz y Diaz. Antologia del Latin vulgar. Madrid, 1950, стр. 3.

¹⁹ W. Meyer-Lübke. Geschichte der lateinischen Volkssprache. Strassburg, 1884 (in «Gröbers Grundriss», I) (позднее Мейер-Любке изменил это свое мнение); M. Bonnet. Le latin du Gregoire de Tours. Paris, 1890.

ского языка вообще, его живой вариант, находившийся постоянно в эволюционном движении и проявлявший всю творческую энергию, которая и была предпосылкой возникновения современных романских языков²⁰.

Различие между литературной латынью, графически фиксированной и литературно обработанной преимущественно в классический период (I в. до н. э. — I в. н. э.), и народной латынью, находящейся всегда в движении и развитии, все больше и больше проявляется с течением времени по мере отдаления от классического периода. К концу IV в. н. э. между классической латынью и народной различия становятся все более явными. О них говорят латинские грамматики, анализируя различные их уровни (лексический, фонетический и структурно-грамматический).

47. В работах по романистике народно-разговорный аспект латинского языка носит зачастую название «вульгарная латынь». В XIV в. известный итальянский поэт Данте Алигьери озаглавил свой трактат: *De vulgari eloquio* (*eloquentia*); этот термин сохранился в различных работах по романистике. Ср. фр. *latin vulgaire*, ит. *vulgare lingua*, порт. *latim vulgar*, нем. *Vulgärlatein*²¹, англ. *the vulgar latin*, рус. *вульгарная латынь*²², чеш. *latiny vulgarni*, серб.-хорв. *vulgarni latinitet*²³.

Однако прилагательное «вульгарный» в современных языках является двусмысленным. Имеет значение 'пошлый грубый', (ср. вульгарный жест, вульгарное выражение, вульгарное поведение); 'упрощенный до крайности, простой до искажения смысла' (вульгарная латынь). Поэтому в русской²⁴ и в советской романистике, а также и в некоторых работах за рубежом, особенно в последнее время, предпочитается термин «народная латынь»²⁵. Это тем более оправдано, что идет речь

²⁰ Th. H. Maurer. *Gramática do Latim Vulgar*. Rio de Janeiro, 1959, стр. 5.

²¹ H. Schuchardt. *Der Vokalismus...* (употребляет также термин *Plebeierlatein*).

²² М. В. Сергиевский. Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания. «Вестник МГУ», 1946, № 1; Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования. М., 1963, стр. 261, и др.

²³ Р. Текавчић. *Uvod u vulgarni latinitet (s izborom tekstova)*. Zagreb, 1970.

²⁴ С. В. Савченко. Происхождение романских языков. «Киевские университетские известия», год 56, 1916, № 4.

²⁵ И. В. Шаровольский. Про народну латынь як основу романских мов. «Мовознавство», т. IV—V. Киев, 1947; В. Ф. Шишмарев, Р. А. Будагов. Программа по Введению в романское языкознание. Л., 1949; Р. А. Будагов. Программа по Введению в романскую филологию. Изд-во МГУ, 1950; В. А. Богородицкий. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 1953; М. С. Гурьчев. Народная латынь. М., 1959; о так называемой «вульгарной» латыни см.: История римской литературы, т. II. М., 1962, стр. 122; История французского языка. Под ред. Н. М. Васильевой. М., 1963; И. М. Тронский. Очерки... стр. 257—258 (считает термин «вульгарная латынь»

о проникновении народно-разговорных форм, слов, выражений, конструкций в тексты литературной латыни.

Термин «народная латынь» и будет использован нами в настоящей работе в процессе дальнейшего изложения ²⁶.

48. Не все романисты считают оправданным термин народная (или вульгарная) латынь. Против народной латыни как основы формирования романских языков высказался швейцарский романист А. Бюрге ²⁷. По мнению этого автора, то, что Квинтилиан называл *sermo vulgaris*, — это «разговорная, повседневная речь», т. е. то, что сейчас французы называют *langue de conversation*, а немцы *Umgangssprache*. Для понятия «основы романских языков» А. Бюрге считает более удачным термин общероманский (*roman commun*). Хронологически это охватывает период с III по VIII в. н. э.

Однако следует заметить, что процесс дифференциации латинского языка начался задолго до III в. н. э. Значит, исходные данные, зарождение романских языков надо искать раньше указанного периода. Кроме того, нельзя серьезно возражать против того, что именно народно-разговорная латинская речь послужила основой формирования романских языков. Чешский романист М. Кшепински ²⁸ считает, что вульгарная латынь — это термин ненужный и даже мешающий правильному решению проблемы формирования романских языков.

В связи с этим высказыванием следует привести справедливое мнение итальянского романиста К. Баттисти ²⁹, который говорил о том, что как рабочая гипотеза вопрос о народной латыни никогда не может быть снят.

49. Народную латынь нельзя смешивать ³⁰ с так называемой средневековой латынью (фр. *latin médiéval*; нем. *Mittellatein*), которая не являлась разговорным языком какого-либо народа, а была латынью, которую использовали ученые средневековья ³¹. В меру своих знаний эти ученые соблюдали правила литератур-

---

весьма неудачным); Al. Rosetti. *Istoria limbii române*. București, 1968, стр. 8, 87 (считает термин «народная латынь» (*latina populară*) предпочтительным).

²⁶ О термине «народная латынь» у различных романистов см.: Е. А. Р е ф е р о в с к а я. Истоки анализма романских языков. М.—Л., 1966, стр. 129—147; М. С. Г у р ы ч е в а. Народная латынь, стр. 5.

²⁷ A. B u r g e r. Pour une théorie du roman commun. «Memorial des études latines». Paris, 1943, стр. 162 и сл.

²⁸ M. K ř e p i n s k ý. La naissance des langues romanes et l'existence d'une période de leur évolution commune. «Rozpravy Československé Akademie Věd». Romanica, 1959.

²⁹ C. B a t t i s t i. Avviamento..., стр. 33.

³⁰ Как это делал Е. Литре (E. Littré. *Histoire de la langue française*, I, Paris, 1862, стр. 96).

³¹ Ch. du C a n g e. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, 1678 (был переиздан в 1844 г. в семи томах с примечаниями бенедиктинцев и в 1883—1887 гг. в десяти томах. Вследствие необходимости дополним: Du C a n g e. *Novum glossarium mediae latinitatis*. Paris, 1937—1938).

ной латыни. Вместе с тем они вводили и новые элементы из романских языков, на которых они разговаривали. Особенно это касалось произношения ³².

[С хронологической точки зрения средневековая латынь современна романским языкам и, следовательно, использовалась она после того, как народная латынь прекратила свое существования. Имеется еще одно различие. В то время как народная латынь явилась базой формирования современных романских языков, средневековая латынь не легла в основу языка какого-либо народа, ее нельзя считать живым языком в этом смысле. Средневековая латынь ограничена использованием в средневековой литературе, науке, дипломатии, в католической церкви ³³.

[Таким образом, нельзя согласиться с Дж. Девото, считающим средневековую латынь живым языком ³⁴. Ведь любой живой язык непосредственно связан с определенным народом, который пользуется им в качестве важнейшего средства общения. Что касается средневековой латыни, она искусственного, книжного происхождения.]

§ 8. Краткая периодизация народной латыни

50. На основе предыдущего изложения можно прийти к выводу, что в истории народной латыни следует различить несколько периодов ³⁵.

[Первый период — это период проникновения латинского языка в язык соседних с Лацием Италийских народов (осков, умбров, сабинян, этрусков, галлов и др.) Хронологические рамки данного периода относятся к III—IV вв. до н. э. ³⁶

[Второй период заканчивается распространением латыни на всей территории Италийского полуострова. В это время все больше и больше чувствуется разница между речью римских горожан, различных деятелей культуры (*sermo urbanus, urbanitas*) и народно-разговорной речью (*sermo vulgaris*), особенно крестьянской (*sermo rusticus*).

[Третий период продолжается до 14 г. н. э. (смерть императора Августа). В это время народная латынь распространяется в римских провинциях, а языки местного населения постепенно исчезают.] Между латинской речью различных провинций наблю-

³² J. Engels. *Latin vulgaire — roman commun — latin médiéval*. «Actes de celui de-al XII-lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică», I. București, 1970, стр. 123.

³³ K. Streckert. *Einführung in das Mittellatein*. Aufl. 3. Berlin, 1939 (фр. перев. «Introduction à l'étude du latin médiéval. Paris, 1948).

³⁴ G. Devoto. *Profilo di storia linguistica italiana*. Firenze, 1960, стр. 6.

³⁵ Aug. Fuchs. *Die romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen*. Halle, 1849; М. С. Гурьев. Народная латынь, стр. 8—9; Н. Мейер. *Über das Verhältnis der romanischen Sprachen zum Lateinischen*. «Romanische Forschungen», Bd. 54, 1940, H. 2, стр. 165—201.

³⁶ О. А. Домбровский. К вопросу о периодизации истории вульгарной латыни. «Проблемы диахронии...», ч. 2, стр. 7.

даются диалектальные различия. Таким путем противопоставляется народно-разговорная латинская речь метрополии (*sermo vulgaris*) с диалектальной латынью различных римских провинций (*sermo peregrinus*) ³⁷. Об этой дифференциации упоминает и Цицерон в своих сочинениях (*Ad M. Brutum*, 46, 171): *Id tu, Brute, iam intelleges, cum in Galliam veneris. Audies tu quidem etiam verba quaedam non trita Romae, sed haec mutari dediscique possunt*, т. е. 'Ты это поймешь, Брут, когда приедешь в Галлию. Вот тогда ты услышишь некоторые слова, которые в Риме неупотребительны, но они могут быть заменены или забыты'.

Четвертый период простирается до падения Западной Римской империи (476 г. н. э.). Теперь народная латынь весьма ощутительно изменяется как в отношении фонетики и грамматики, так и в отношении лексики и фразеологии. Письменный латинский литературный язык противопоставляется народным говорам, сформированным на основе взаимоотношения народной речи Рима с местными языками провинций (*barbarus sermo*).

Пятый период начинается с 476 г. и продолжается до VI—VII вв. ³⁸ Одновременно с падением Западной Римской империи и усилением атак мигрирующих народов появились совершенно новые условия для развития латинского языка. Политические, экономические и культурные связи между провинциями были прерваны, поскольку их занимали различные народы и подчинялись они различным правителям. Латинская классическая культура приходит в упадок. Школы уже не оказывали того влияния, которое они осуществляли ранее. Таким путем после V в. классическая литературная латынь уходит постепенно в историю ³⁹. Народно-разговорная латынь в это время стала играть решающую роль в развитии латинского языка вообще. Народная латынь в каждой провинции приобретает самостоятельный характер и свои особенности. Вполне прав В. фон Вартбург когда, имея в виду народно-разговорную речь бывшей Галлии, пишет, что «вульгарная латынь IV или V вв. очень далека от классической латыни и весьма близка к старофранцузскому» ⁴⁰.

Указанной периодизации, основанной больше всего на культурно-исторических предпосылках, противопоставляются другие теории ⁴¹. Так, Г. Мейер ⁴² различает лишь три периода взаимоотношений между латынью и романскими языками.

³⁷ В одном из писем (Ер. IX, 23) Плиний Цецилий Секунд (Младший) спрашивает своего корреспондента: *Italicus es an provincialis?* Это, по-видимому, надо интерпретировать как противопоставление Италии другим провинциям.

³⁸ О. А. Домбровский. Указ. соч., стр. 8.

³⁹ F. L o t. A quelle époque a-t-on cessé de parler latin? стр. 17—159.

⁴⁰ W. von W a r t b u r g. Evolution et structure de la langue française. Ed. 5. Berne, 1958, стр. 27.

⁴¹ Г. Шухардт основывает свою периодизацию на фонетических изменениях, см.: М. С. Г у р ы ч е в а. Народная латынь, стр. 12 и сл.

⁴² H. M e i e r. Über das Verhältnis der romanischen Sprachen. . .

В первый период наблюдаются определенные социально-диалектные черты в языке различных областей.

В имперскую эпоху, хотя в отдельных провинциях и наблюдались диалектные особенности, все же преобладающую роль играло общелатинское *koine*. По мнению М. Коэна, именно в этот период наблюдается определенная стабильность фонетической и грамматической системы с некоторыми изменениями в лексическом составе. «Латынь оставалась в своей основе той же самой на протяжении всего этого периода, по-видимому, даже в произношении, о котором трудно судить сквозь уже установившуюся орфографию. Грамматическая система обнаруживает очень мало изменений. Даже различия между почти народной латынью Плавта и изысканным, умышленно усложненным языком такого знаменитого оратора, как Цицерон, не затрагивают ни склонения, ни спряжения, ни основного строя предложения, а касаются только построения предложений и некоторой части лексики» ⁴³.

В третий период уже четко различаются три различные ветви: иберская латынь, легшая в основу испанского, португальского и каталанского; галльская латынь, послужившая началом французского и провансальского, и итало-балканская латынь, давшая начало итальянскому и восточнороманским языкам.

Ф. Диц особенно подчеркивал роль и влияние германских языков в формировании романских языков. Это касается в первую очередь лексики западнороманских языков, однако этот же автор утверждал, что «усвоение германского языкового материала не внесло сколько-нибудь существенного нарушения в организм романской языковой семьи, так как последняя не подвергалась воздействию чуждой грамматики» ⁴⁴.

О роли германцев в образовании романских языков говорили в своих работах Й. Брюх ⁴⁵ и Ф. Зейлер ⁴⁶. Было показано, что за четырехвековой период только 102 слова германского происхождения вошли в народную латынь.

В. фон Вартбург, напротив, стремился подчеркнуть роль германского «суперстрата» в формировании западнороманских языков ⁴⁷⁻⁴⁸.

51. В общих чертах можно сказать, что история латинского языка знает три основные фазы⁹:

⁴³ M. C o h e n. Notes de méthode pour l'histoire du français. M., 1958, стр. 23.

⁴⁴ F. D i e z. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd. I. Aufl. 5. Bonn, 1836, стр. 59.

⁴⁵ J. B r ü c h. Der Einfluss der germanischen Sprachen auf das Vulgärlatein. Heidelberg, 1913.

⁴⁶ Fr. S e i l e r. Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts, Bd. 1—2. Halle an der Salle, 1895—1900.

⁴⁷⁻⁴⁸ W. v o n W a r t b u r g. Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume. Bern, 1950.

⁴⁹ Ср.: Д. К. П е т р о в. Лекции по введению в романскую филологию. Отд. IV, стр. 1.

а) фаза латинизации, которая охватывает период распространения латыни на территории всех областей Италии. Эта фаза началась с завоевания в 396 г. до н. э. этрусского г. Вейи (Veji) в 12 милях севернее Рима, затем последовало покорение Умбрии (292 г. до н. э.), присвоение сабинянам права римского гражданства (267 г. до н. э.), что свидетельствовало об их латинизации. Все свободные жители Италии получили права римского гражданства принятием в 90—89 гг. до н. э. *Lex Julia municipalis*. К этому периоду латинизацию всех территорий Итальянского полуострова следует считать окончательной;

б) фаза романизации, что означает распространение латыни за пределами Итальянского полуострова. Началом этого периода следует считать 241 г. до н. э., когда Сицилия была объявлена римской провинцией. Эта фаза длилась до II в. н. э., когда последняя римская провинция Дакия подверглась процессу романизации;

в) фаза дезагрегации латинского языка. Народная латынь различных провинций постепенно дифференцировалась и достигла того момента, когда не могла уже идти речь о латинском языке, а нужно было говорить о самостоятельных романских языках, образованных на основе народной латыни.

Большинство романистов считают, что латинский язык отмирал как живой, разговорный язык определенного населения: в V—VI вв. в Галлии, в VII в. в Италии⁵⁰, в VI в. на Балканах.

Что касается памятников уже вновь сформировавшихся романских языков, то они появляются лишь в IX в.

Вот этот разрыв в 3—4 века не дает возможности романистам установить все подробности процесса перехода от латинского языка к романским языкам.

К. Гренджент считал, что о существовании народной латыни можно говорить до VI—VII вв.⁵¹ После этого надо иметь в виду уже различные романские языки. Это мнение подтверждает и Ф. Лот, который указывал на невозможность перемещений в Римской империи уже в IV—V вв.⁵²

Другое мнение поддерживается американской школой романистов, (Г. Ф. Миллер, М. А. Пей, Л. Ф. Сас, П. Тайлор и др.), которые считают, что в качестве общеразговорного языка Рома-

⁵⁰ Г. Грёбер на базе документов пытался установить дату, когда каждая провинция прекратила свои связи с новой метрополией (Константинополь): Франция — с 538 г., Испания — с 615—623 гг., Италия — с 650 г. (ALLG, Bd. I, 1884, стр. 45).

⁵¹ C. G r a n d g e n t. *Introducere in latina vulgară*. . . , стр. 14.

⁵² F. L o t. *A quelle époque*. . . , стр. 135; ср.: Chr. M o h r m a n n. *Les formes du latin dit «vulgaire»*. Essai de chronologie et de systematisation de l'époque augustéenne aux langues romanes. «Actes du I-er Congrès de la Fédération international des Association d'études classiques». Paris, 1950, стр. 207—220.

нии народная латынь просуществовала вплоть до VIII в.⁵³, сохранив при этом свое единообразие⁵⁴.

Однако такая точка зрения не была принята многими романистами⁵⁵, в том числе и советскими. Акад. В. Ф. Шишмарев писал, что старая латынь превращалась постепенно в мертвый язык, которому училось незначительное меньшинство. Медленно, но неуклонно черты нового склада стали получать все более широкое распространение и влияние и в конце концов превратили латинскую речь в романскую, язык нового общества⁵⁶. На основании этого можно утверждать, что латынь стала мертвым языком с того момента, когда люди, не обладающие литературной образованностью, уже не понимали текстов на латинском языке⁵⁷.

§ 9. Проблема формирования романских языков

52. В романском языкознании существуют различные теории образования романских языков.

Некоторые романисты делали особый упор на роль языка автохтонного населения. Г. Шухардт и особенно Г. И. Асколи⁵⁸ считали этнический субстрат основной предпосылкой дифференциации латыни в процессе ее перехода в современные романские языки. Теория эта так и была названа этнологической, или теорией субстрата. Г. И. Асколи объяснял различия в нынешних романских языках тем, что местные языки покоренных римлянами народов по-разному воздействовали на латинский язык и тем самым содействовали его постепенной дифференциации⁵⁹.

[Сторонником теории субстрата оказался и Ж. Вандриес⁶⁰. В несколько видоизмененной форме эту же теорию поддерживали А. Мейе⁶¹, В. Брёндаль⁶², А. Доза, В. Бертольди и др.

⁵³ Этого же мнения придерживается и Г. Шухардт (см.: М. С. Г у р ы ч е в а. Народная латынь, стр. 15).

⁵⁴ См.: P. T a y l o r. The Latinity of the Liber Historiae Francorum. N. Y., 1924; H. F. M u l l e r. A Chronology of vulgar Latin. «Zeitschrift für romanische Philologie». 1929, Beiheft, 78; M. A. P e y. The Language of the Eighth Century Tekts in Northern France. N. Y., 1932; L. F. S a s. The Noun Declension System in Merovingian Latin. Paris, 1937.

⁵⁵ См., например: В. Е. V i d o s. Il latino volgare. «Le Protolingue». Milano, 1965, стр. 23 и сл.

⁵⁶ В. Ш и ш м а р е в. Очерки. . . , стр. 62 (литературная латынь уже в V в. превратилась в мертвый язык).

⁵⁷ См.: J. H e r m a n. Le latin vulgaire, стр. 117.

⁵⁸ G. I. A s c o l i. Sprachwissenschaftliche Briefe. Leipzig, 1887.

⁵⁹ Подробно анализирована теория Асколи в работе: Б. Т е р р а ч и н и. Субстрат. «Современное итальянское языкознание». М., 1971, стр. 17—55.

⁶⁰ J. V e n d r u e s. Celtique et roman. «Revue de linguistique romane», I, 1925, стр. 262 и сл.

⁶¹ А. М е й е. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Рус. перев. М., 1938, стр. 57 и сл.; О н ж е. Сравнительный метод в историческом языкознании. Рус. перев. М., 1954, стр. 68 и сл.

⁶² V. B r ö n d a l. Substrat et emprunt en roman et en germanique. Copenhagen — Bucureşti, 1948.

На базе кельтского субстрата объяснялись во французском языке определенные фонетические особенности (переход лат. $u > \text{фр. } \ddot{u}$; $\bar{e} > \text{еі}$; $a > e$; $et > it$, назализация и др.). Иберийским субстратом объяснялся переход $f > j$ в испанском. В Восточной Романии $st > pt$; $cs > ps$ объяснялись фрако-дакийским субстратом и т. п. Однако следует заметить, что языки автохтонного населения нынешних романских территорий малоизвестны и поэтому очень немногие явления могут быть объяснены субстратом.

Излагая эту теорию, М. В. Сергиевский указал на ее односторонность, так как в ней не учитывается социальный фактор. Тем самым теория субстрата носит абстрактный характер и не может быть признанной единственным объяснением формирования романских языков ⁶³.

53. Полностью отрицал теорию субстрата Г. Грёбер ⁶⁴, который обосновал историческую, или хронологическую, теорию образования романских языков. По мнению этого романиста, началом формирования романских языков следует считать романизацию первой провинции за пределами Италии, завоеванной римлянами, и продолжавшуюся с каждым новым завоеванием. Язык первых римских иммигрантов, осевших в этих провинциях, означал исходный пункт каждого из романских языков. Г. Грёбер установил такую хронологическую схему романизации провинций: а) Сардиния, б) Испания, в) Португалия, г) Каталония, д) Южная Франция, е) Северная Франция, ж) Реция, з) Дакия, и) Италия.

К тому же С. Х. Гренджент добавляет, что ранее завоеванные провинции усвоили язык с более ярко выраженными народными элементами, а завоеванные позже провинции получили более официальный латинский язык ⁶⁵.

Теория Г. Грёбера была поддержана и Дж. Бонфанте, по мнению которого данная теория указывает на главнейший фактор развития романских языков ⁶⁶.

Однако, согласно мнению многих романистов, теория Г. Грёбера не может охарактеризовать в целом процесс дифференциации народной латыни и образования романских языков. В некоторой степени эта теория может объяснить лишь отдельные случаи расхождения в романских языках, которые наблюдаются как в звуковом составе ⁶⁷, так и в структурно-грамматическом

⁶³ М. В. Сергиевский. Введение. . . , стр. 154 и сл.'

⁶⁴ G. G r ö b e r. Vulgärlateinische Substrate romanischer Wörter. — ALLG, Bd. I (1884); Bd. VII (1890); G. G r ö b e r. Sprachquellen und Wortquellen des lateinischen Wörterbuchs. ALLG, Bd. I (1884).

⁶⁵ См.: С. Н. G r a n d g e n t. Introdúcere in latina vulgară. . . , стр. 12.

⁶⁶ См.: G. B o n f a n t e. L'origine des langues romanes. «Renaissance», I. N. Y., 1943, стр. 573—588.

⁶⁷ Ср. сардские архаические черты: $k + e, i$ (kelu), сохранение $\ddot{y}, \ddot{u}$ под ударением (сард. fide из лат. fīdem); сохранение флексивных -s, -t и др.

строе ⁶⁸, а также в лексике этих языков. Кроме того, хронологическая теория Г. Грёбера схематична и не в состоянии объяснить сам процесс формирования и дифференциацию романских языков ⁶⁹.

54. Свообразную теорию (диалектную) выдвинул чешский романист Ф. Ж. Моля ⁷⁰. Идею диалектной теории следует искать у К. Зиттля ⁷¹, но Ф. Ж. Моля старался развить и довести ее до логичного конца. Известно, что в древний период, примерно до II—I вв. до н. э., население Италийского полуострова разговаривало на различных местных говорах и языках. К I в. до н. э., т. е. ко времени Августа, на базе этих диалектных особенностей образовалась италийская латынь (*peregrinitas italica*), общая для всей территории Италии. Этот общеиталийский язык был подвергнут сильным влияниям со стороны литературного латинского языка, особенно через школу и администрацию. Общеиталийский язык, весьма близкий к литературному, стал затем общим для всей Римской империи. Этот «литературный язык в народном употреблении» нашел свое непосредственное продолжение в надписях имперской эпохи, характеризующихся сравнительно небольшим количеством диалектных и народно-разговорных черт. Таким образом, Моля считает, что, поскольку многие провинции были завоеваны римлянами до августовского периода, в основе провинциальной латыни находилась еще неунифицированная диалектная латынь Италии. Однако в период империи провинциальная латынь также была подвергнута сильному воздействию со стороны литературного языка, что, можно сказать, сгладило все диалектные различительные черты. С целью укрепления власти империи в провинциях римляне стремились усилить процесс романизации. Для этой цели внедрение литературного языка было как раз необходимым. Оно усиленно осуществлялось особенно в Галлии и в Испании. В Италии не чувствовалось необходимости усиления романизации в той мере, как это надо было делать в указанных провинциях. Дакия была слабо связана с другими провинциями из-за отсутствия школ и хороших дорог. Поэтому здесь основную роль в распространении латинского языка сыграли римские legionеры. Таким путем язык образовался в основном на базе *sermo militaris*. Легионы же формировались в Италии. Отсюда близость восточной народной латыни к языку Италийского полуострова.

Теория Ф. Ж. Моля, однако, не удовлетворила всех романистов, поскольку она была слабо подкреплена фактами, поэтому

⁶⁸ Например, отсутствие в Сардинии и в Иберии форм, образованных от *illui* (ср. фр. *lui*, молд. *луй*, рум. *lui*), поскольку эти формы стали развиваться только в периоде империи.

⁶⁹ W. Meyer-Lübke. Einführung. . ., стр. 17; М. В. Сергиевский. Введение. . ., стр. 160.

⁷⁰ F. G. Mohl. Introduction à la chronologie du latin vulgaire. Paris, 1899.

⁷¹ K. Sittl. Die lokalen Verschiedenheiten der lateinischen Sprache. Erlangen, 1882.

Мейер-Любке ее характеризовал «самой прекрасной из существующих фантазий о вульгарной латыни, но — только фантазией» ⁷². Несмотря на такую резкую характеристику, теория Моля все же и до сих пор находит некоторых приверженцев. Известный испанский романист Р. Менендес Пидаль объясняет некоторые диалектные особенности испанского языка влиянием оскского ⁷³. Так что своеобразную теорию Ф. Ж. Моля не следует сбрасывать полностью со счетов.

55. Что касается самого В. Мейер-Любке, то основным фактором образования романских языков, по его мнению, явилось падение Рима и распад Римского государства, когда были нарушены связи между провинциями. Мейер-Любке особо настаивает на том, чтобы при изучении проблемы формирования романских языков были учтены общественные отношения (Verkehrsverhältnisse). Возникновение и дальнейшее развитие любого языка, в том числе и романских, понятны лишь тогда, когда подробно прослеживается история взаимоотношений данной социальной и языковой группы с другими, ее влияние на соседние и наоборот. С момента падения Римской империи связи между метрополией и провинциями были прерваны. Установились новые контакты — политические, экономические, социальные и языковые. Каждая бывшая римская провинция стала жить своей обособленной, самостоятельной жизнью ⁷⁴. Каждая стала тяготеть и к другим областям с различными политическими и культурными центрами. Так, Сицилия, которая имела более тесные политические и культурные связи с Южной Италией, обнаруживает больше общих лингвистических черт именно с этой частью Италии, чем с Сардинией, хотя Сицилия и Сардиния были завоеваны римлянами почти одновременно (241 г. до н. э. — Сицилия; 238 г. до н. э. — Сардиния).

56. Конечно, ни одна из указанных выше теорий сама по себе не в состоянии полностью объяснить процесс образования современных романских языков. Только в совокупности этих факторов, учитывая конкретную историческую обстановку, надо видеть процесс формирования новых языков Европы.

Следует особо подчеркнуть, что классическая работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» во многом помогает понять процессы и историческую обусловленность развития от народной латыни к современным романским языкам.

Ф. Энгельс особо выделял первостепенное значение распада Римской империи как главного фактора самостоятельного развития определенных диалектов и превращения их в самостоятельные романские языки. В этот период «элементы новых наций

⁷² ALLG, IX, 1900, стр. 598.

⁷³ R. Menéndez Pidal. Orígenes del español. Ed. 3. Madrid, 1950.

⁷⁴ W. Meyer-Lübke. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Aufl. 3. Heidelberg, 1920, стр. 17 и сл.

были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными территориями, еще существовали и все еще давали себя чувствовать. . . Для громадной массы людей, живших на огромной территории, единственной объединяющей связью служило Римское государство, а это последнее со временем сделалось их злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим» ⁷⁵.

57. Таким образом, если зачатки дифференциации латыни были заложены еще в древнем периоде существования латинского языка, его дальнейшая дифференциация обязана влиянию различных языков автохтонных народов, покоренных римлянами в течение истории, и нарушению контакта между метрополией и провинциями особенно после падения Рима от рук мигрирующих народов в конце V в. н. э. С этого периода каждая бывшая римская провинция стала развиваться в особых экономических, политических и культурных условиях. Романизованное население соответствующей провинции находилось в различных контактах, в том числе и языковых, с разными народами, языки которых немало содействовали определению специфических путей развития каждого романского языка. «Романские диалекты представляют собой в своем современном виде новейший этап живой (неписменной, народной, или вульгарной, как ее часто называют) латыни в том виде, как она сложилась на почве иноязычных территорий, завоеванных Римом, и изменялась затем на протяжении истории в условиях внешнего контакта с другими языками и внутренних социальных и политических перестроек данной страны» ⁷⁶.

Если в западной части Романии значительную роль в развитии своеобразного, самобытного пути романских языков сыграли германские (в меньшей степени арабские) языки, то в Восточной Романии характерные языковые черты развились во многом под воздействием славянских языков.

В данной работе автор стремился особенно четко выявить и анализировать вклад славянского элемента в определении специфики восточнороманских языков, касательно всех лингвистических уровней.

§ 10. Генетическая классификация романских языков

58. Известно, как высоко ценят в мировой литературе великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265—1321). В «Предисловии» к итальянскому изданию (1893 г.) «Манифеста Коммунистической партии» Ф. Энгельс писал, что «итальянец Данте —

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 147.

⁷⁶ В. Шишмарев. Очерки. . ., стр. 45.

последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени» ⁷⁷.

В начале XIV в. (примерно в 1305 г.) Данте написал трактат «О народном красноречии» («De vulgari eloquio eloquentia») ⁷⁸. Из этого труда, задуманного в четырех главах, были реализованы только две (не полностью). В этой работе Данте первый в истории романистики считал народную латынь основой формирования известных ему романских языков. Общность этих языков Данте основывал на сходстве наименований таких понятий, как 'небо', 'земля', 'любовь', 'быть', 'жить', 'умирать' и т. п. ⁷⁹

Классификацию известных в то время романских языков Данте сделал на базе утвердительной частицы: *Nam alii os, alii oil, alii sic affirmando loquuntur, ut puta Hispani, Franci et Latini.*

Следовательно, Данте отмечал, что при утвердительном ответе одни говорят *os* (из лат. *hoc*), другие — *oil* (из лат. *hoc ille*), третьи — *sic* (лат. *sic*). Далее итальянский писатель показал, что те жители Южной Европы, которые говорят *os*, находятся в западной части от Женевского озера (имеются в виду провансальцы), те, которые употребляют в утверждении *sic*, находятся в восточной и южной части (итальянцы), а те, кто отвечает *oil*, являются северными по отношению к первым (т. е. идет речь о французах). Таким образом, Данте различал три романских языка, сформированных на базе народной латыни ⁷⁹.

59. Хотя работа Данте написана более шести с половиной веков тому назад, все же идея итальянского поэта не только не была отброшена в романистике, а, напротив, расширена и дополнена, включив в романскую группу еще большее количество языков.

Вплоть до XVIII в. число признанных романских языков так и оставалось три, только вместо провансальского (в связи с упадком провансальской литературы) стали включать испанский. Учитывая политические причины, португальский также включается в это время в группу романских языков.

В XVIII в. романских языков насчитывалось уже пять (французский, итальянский, испанский, провансальский и гасконский, т. е. каталанский) ⁸⁰.

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 382.

⁷⁸ Dante Alighieri. *De vulgari eloquio*, editio critica Pio Rajna. Firenze, 1896; F. D'Ovidio. *Dante e la filosofia de linguaggio*. Napoli, 1892; Данте Алигьери. О народной речи. Перев. Вл. Шкловский. Пг., 1922; Р. А. Будагов. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

⁷⁹ Были в то время и другие мнения. Например, П. Бембо (см. издание: *Prose scelte*. Milano, 1880, стр. 147—148) считал, что книжная латынь, испорченная в общении с варварскими языками, и является основой современных романских языков.

⁸⁰ Lacurne de Saint-Palaye. *Remarques sur la langue française des XII-e et XIII-e siècles, comparée avec les langues Provençale, Italienne et Espagnole, dans les mêmes siècles*. Paris, 1756.

В начале XIX в. Кристоф Аделунг⁸¹ считал романскими языками: французский, итальянский, испанский, португальский и ретороманский, образованные, по его мнению, примерно в XI—XII вв. на базе *lingua romana rustica*, происшедшей от смешения латинского с туземными языками бывших римских провинций.

Поскольку в конце XVIII в. была доказана латинская основа и для валашского, то в работе М. Ренуара⁸² романских языков уже стало семь (французский, итальянский, испанский, провансальский, каталанский, португальский и валашский).

60. Основатель романского языкознания Фридрих Диц (1794—1876)⁸³ в первом издании своей «Грамматики романских языков» (т. 1, стр. 77) различал ~~шесть~~ романских языков⁸⁴. Каталанский не занимал самостоятельного места. Во втором издании этой же работы Ф. Диц счел возможным назвать и каталанский среди прочих романских языков. Он характеризовал здесь каталанский как «самостоятельный язык (*Idiom*), ближайшим образом родственный провансальскому», но не «являющийся его диалектом»⁸⁵. Авторитет боннского романиста содействовал тому, что вплоть до 1870 г. количество признанных романских языков (7) так и не изменялось. Определение самостоятельности языка основывалось на принципе наличия письменных языковых памятников. Как правило, этот принцип поддерживался и общественно-политическими факторами. Это означало, что каждой романской литературе соответствовало в прошлом или в настоящем определенное политическое единство государственного значения. На этой основе Ф. Диц включал в восточную группу романских языков итальянский и румынский; в юго-западную — испанский и португальский; в северо-западную — французский и провансальский, затем и каталанский.

61. В 1873 г. к указанным шести романским языкам Г. И. Асколи прибавляет еще и ретороманский, или ладинский, распространенный в основном в трех кантонах Швейцарии: Граубюнден, Фриуль и Тироль⁸⁶. Затем тот же Асколи поддерживает самостоятельный характер франко-провансальского наречия⁸⁷. В основу своей классификации Асколи ставит определенные фонетические особенности.

⁸¹ J. Chr. Adelung. *Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde*, Bd. 1—3, Berlin, 1806—1817; Bd. 4, 1817.

⁸² M. Raynouard. *Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours*. Paris, 1821, Discours préliminaire.

⁸³ О научной деятельности Фр. Дица см.: Д. К. Петров. Лекции по введению в романскую филологию, стр. 82—89.

⁸⁴ Fr. Diez. *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bd. I—III. Bonn, 1836—1843.

⁸⁵ Fr. Diez. *Grammatik der romanischen Sprachen*, Bd. I. Aufl. 2. Bonn, 1856, стр. 112.

⁸⁶ G. I. Ascoli. *Saggi ladini*. — AGI, v. I, 1873.

⁸⁷ G. I. Ascoli. *Schizzi franco-provenzali*. — AGI, v. III, 1878.

По тому же принципу самостоятельное место среди романских языков занимал сардский, характеризующийся рядом архаических черт. В своих латинских исследованиях Асколи представил также обзор о далматском языке⁸⁸. Более основательно был изучен далматский в монографии М. Бартоли⁸⁹. После введения в работе изучается этнография, грамматика и словарь уже исчезнувшего языка. Даются тексты.

62. Известный австрийский романист В. Мейер-Любке различал тоже девять романских языков: румынский, далматский, ретороманский, итальянский, сардский, провансальский, французский, испанский, португальский⁹⁰. К. Тальявини насчитывает 11 современных романских языков: румынский, далматский, итальянский, сардский, ретороманский, французский, франко-провансальский, провансальский (вместе с гасконским), каталанский, испанский, португальский. В этой классификации далматский осуществляет связь между балкано-романскими и итало-романскими языками, а каталанский между галло-романскими (французский, франко-провансальский, провансальский с гасконским) и иберо-романскими (испанский и португальский)⁹¹.

63. Киевский романист С. В. Савченко считал, что «едва ли не самый определенный учет романских языков может быть произведен именно на основании старого принципа письменности и, быть может, самый термин «язык» правильнее всего было бы в данном случае удержать для языков, нашедших себе выражение в литературе. Таких романских языков со времен Ренуара насчитывается семь: португальский, испанский, каталанский, провансальский, французский, итальянский, румынский»⁹². М. В. Сергиевский различает 11 романских языков: испанский, португальский, каталанский, французский, провансальский, ретороманский, итальянский, сардский, румынский, молдавский, далматский⁹³.

64. Когда классифицируются современные романские языки, обычно, имеется в виду генеалогический признак, который основывается преимущественно на фонетическом признаке, обоснованном еще Асколи. Деление на восточные и западные роман-

⁸⁸ G. I. A s c o l i. Saggi ladini, стр. 435—446.

⁸⁹ M. B a r t o l i. Das Dalmatische. Altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der Apennino-Balkanischen Romania, Bd. I—II. Wien, 1906.

⁹⁰ W. M e y e r - L ü b k e. Einführung. . . , Aufl. 3. стр. 17.

⁹¹ C. T a g l i a v i n i. Le origini delle lingue neolatine. Ed. 4. Bologna, 1964, стр. 298.

⁹² С. В. С а в ч е н к о. Происхождение романских языков. «Киевские университетские известия», год 56, 1916, № 4, стр. 5.

⁹³ М. В. С е р г и е в с к и й. Введение. . . , стр. 28—35; см. также: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 1953 г., стр. 12—14; М. А. В о г о д и н а. La géographie linguistique et la classification typologique des langues et des dialectes romans. «Actele celui de-al XII-lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică, v. I. București, стр. 209—215.

ские языки делается на базе того, что на западе конечное -s сохранилось, в то время как на востоке Рومании оно исчезло в соответствующих формах или же: интервокальные p, t, k сохранились на востоке, а на западе они стали звонкими b, d, g ⁹⁴ и т. п.

Кроме того, необходимо отметить, также мнение и о том, что не имеется четкого разграничения между Восточной и Западной Руманией, как и вообще между романскими языками, поскольку нельзя говорить о строгом разграничении понятия язык и диалект. В связи с этим надо, следовательно, говорить лишь об одном-единственном романском языке, живущем в многочисленных наречиях, некоторые из которых под воздействием соседних наречий вырабатывались в литературные языки ⁹⁵. О последовательной близости западнороманских языков (кроме французского) писали В. Вартбург, А. Алонсо и др. ⁹⁶

Идея некой Romania continua была поддержана и совсем недавно на XII Международном конгрессе по романской лингвистике и филологии ⁹⁷. Однако это мнение осталось изолированным, и романисты так или иначе группируют романские языки по определенным признакам.

65. При классификации романских языков современный исследователь не может ограничиваться только строго лингвистическими данными, т. е. иметь в виду лишь интралингвистические факторы структурно-грамматического порядка. Он должен учитывать также и социально-политические, экстралингвистические факторы, имеющие огромное значение в распределении современных романских языков. Нельзя при этом не вспомнить того факта, что, когда Ф. Энгельс столкнулся с проблемой разграничения языка и диалекта, он, учитывая структурные признаки, большое внимание уделил социологическому по своей сущности критерию использования носителями того или иного диалекта определенного литературного языка. Он констатировал тот факт, что диалекты родственных языков могут иметь между собой больше сходных черт, чем соответствующие литературные диалекты. Ф. Энгельс описывал это явление на примере романских диалектов в зоне столкновения провансальского, итальянского и французского ⁹⁸.

Учитывая как структурно-лингвистические, так и экстралингвистические факторы, а также территориальное распростра-

⁹⁴ См., например: M. S a l a. Romania orientale et Romania occidentale. «Revue roumaine de linguistique», IX, 1964, № 4.

⁹⁵ См., например: H. S u c h i e r. «Gröbers Grundriss», Bd. I, стр. 712.

⁹⁶ W. von W a r t b u r g. L'articulation linguistique de la Romania. «Actas del Congreso Internacional de Lengüística Románica». Barcelona, abril de 1953; A. A l o n s o. Partición de las lenguas románicas de occidente. Madrid, [s. a.], стр. 11—127.

⁹⁷ M. I l i e s c u. Ressemblances et dissemblances des langues romanes du point de vue de la structure verbale. «Actele. . .», v. I, стр. 239.

⁹⁸ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 13, стр. 619—620.

нение, в число романских в настоящее время включают 14 языков⁹⁹, из которых восемь принадлежат к западнороманской группе, а шесть — к восточнороманской.

Среди западнороманских языков различают иберо-романскую, галло-романскую и итало-романскую подгруппы.

К иберо-романской подгруппе¹⁰⁰ относятся три языка.

а) Португальский, на котором говорят¹⁰¹ в Португалии (9630 тыс. чел.¹⁰²).

В северо-западной части Испании в провинции Галисия живут 2400 тыс. португальцев (галисийцев)¹⁰³. Вследствие колонизации португальский распространен в Бразилии (96 800 тыс. чел.)¹⁰⁴. Кроме того, на португальском разговаривают и в других странах Европы, Африки, Америки, Азии и Австралии. Таким образом, во всем мире португальским пользуется население в 108 830 тыс. чел. По своей распространенности португальский занимает второе (после испанского) место среди романских языков.

Первые письменные памятники на португальском языке датируются 1192 г. (завещания). Наиболее интенсивно этот язык стал развиваться после XVI в.¹⁰⁵

б) Испанский, или кастильский, является самым распространенным романским языком. Всего в мире на испанском языке говорят 213 434 тыс. чел., а именно в Испании (25 483 тыс. чел.), в ряде государств Латинской Америки (187 951 тыс. чел.)¹⁰⁶. На Латиноамериканском континенте на испанском говорят в сле-

⁹⁹ Al. G r a u r. Studii de lingvistică generală. București, 1955, стр. 127; Изд. 2, 1960, стр. 311; I. I o r d a n. Introducere în lingvistica romanică. București, 1957, стр. 56; Em. P e t r o v i c i. Unele probleme de dialectologie și geografie lingvistică. «Limba română», 1954, № 1; B. C a z a c u. Studii de dialectologie română. București, 1966, стр. 24; O. D u c h a c e k. Vvedení do romanského jazykozpytu, I—II. Praha, 1956—1958; Э. Б. А г а я н. Введение в языкознание. Ереван, 1960, стр. 548; История французского языка. Под ред. Н. М. Васильевой. М., 1963, стр. 14; Н. Г. К о р л я т я н у. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Вол. I. Лексиколожия. Кишинэу, 1969, стр. 9—10; Романские языки. Под ред. М. С. Гурьчевой, Н. А. Катагощиной. М., 1965.

¹⁰⁰ Н. А. К а т а г о щ и н а. Особенности фонологической системы современных иберороманских языков (португальского, каталанского и испанского). М., 1970.

¹⁰¹ Здесь и в дальнейшем все цифровые данные о численности романского населения даются по сб.: «Численность и расселение народов мира». Под ред. С. И. Брука; М., 1962; сб. «Население мира». Под ред. Б. Ц. Урбаниса. М., 1965; а также по «Атласу нового времени», 1971, вып. 1; 1972, вып. 2; сб. «Страны мира». М., 1972.

¹⁰² «Атлас нового времени», вып. 1, стр. 22.

¹⁰³ См. «Численность. . .», стр. 129. Некоторые романисты признают самостоятельный характер галийского. См.: О. К. В а с и л ь е в а - Ш в е д е. К вопросу о галисийском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 328/70, 1966, стр. 23—38.

¹⁰⁴ «Атлас нового времени», вып. 2, стр. 6.

¹⁰⁵ В. Ш и ш м а р е в. Очерки. . ., стр. 243—269; S. H o l g e r. Les particularités de la langue portugaise. «Travaux du cercle linguistique de Copenhague», II, 1944; Jorge M o r a i s - B a r b a r a. A lingua portuguesa no mundo. Lisboa, 1969.

¹⁰⁶ «Численность. . .», стр. 300.

дующих странах ¹⁰⁷: Аргентина (23 250 тыс. чел. — 1970), Боливия (5100 тыс. — 1971), Венесуэла (10 400 тыс. — 1970), Гватемала (5350 тыс. — 1971), Гондурас (2500 тыс. — 1969), Доминиканская республика (4324 тыс. — 1970), Колумбия (21 770 тыс. — 1971), Коста-Рика (1790 тыс. — 1971), Куба (8553 тыс. — 1970), Мексика (50 670 тыс. — 1970), Никарагуа (1980 тыс. — 1970), Панама (1500 тыс. — 1970), Перу (14 100 тыс. — 1971), Пуэрто-Рико (2840 тыс. — 1970), Сальвадор (3530 тыс. — 1971), Уругвай (2892 тыс. — 1970), Чили (9780 тыс. — 1970), Эквадор (6300 тыс. чел. — 1970) ¹⁰⁸.

На испанском говорят также на Малых Антильских островах (Виргинские, Наветренные, Подветренные, Багамские), на Филиппинах (Лусон, Минданао, Самар, Негрос, Палаван) и в других странах Европы, Америки, Африки, Азии, Австралии.

Первые памятники на испанском языке датируются X—XI вв. Первый поэтический текст («Cantar de mio Cid») анонимного автора датирован 1140 г. Испанская литература развивалась особенно после XIV в. ¹⁰⁹ В XVI—XVII вв. испанская литература знает таких выдающихся представителей, как М. Сервантес, Ф. Кеведо-и-Вильегас, Ф. Лопе де Вега, П. Кальдерон де ла Барка, Пирсо де Молина и др.

в) **Каталанский язык**, на котором говорят 5407 тыс. чел. на востоке Испании (в провинциях Каталония и Валенсия), на Балеарских островах в Средиземном море (Майорка и Минорка), в дистрикте Альгеро в Сардинии. Каталанский является официальным языком в Андоррской республике (в Пиренеях) — 19 тыс. чел. (1971) ^{109a}. Первое литературное произведение на каталанском языке появилось в XIII в. ¹¹⁰ «Каталанский язык является самостоятельным языком, на котором уже долгое время создается и будет создаваться научная и художественная литература. Тем

¹⁰⁷ Г. В. Степанов. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.

¹⁰⁸ «Атлас нового времени», вып. 2.

¹⁰⁹ В. Шишмарев. Очерки... стр. 45—192; Г. В. Степанов. К вопросу о формировании испанского национального языка. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 93. Факультеты английского и романских языков, 1954; R. M e n e n d e z P i d a l. Manuel de gramatica historica española. Ed. 7. Madrid, 1944; О н ж е. Origenes del español. Ed. 2. Madrid, 1951.

^{109a} «Атлас нового времени», вып. 1, стр. 38.

¹¹⁰ В. Шишмарев. Очерки... стр. 193—242; «Численность...», стр. 424; О. К. Васильева-Шведе. О месте каталанского среди романских языков. «Уч. зап. ЛГУ», № 299. Серия филологических наук, вып. 59, 1961; О н ж е. К проблеме классификации романских языков. «Проблемы диахронии...», ч. I, стр. 3—16; W. M e y e r - L ü b k e. Das Katalanische. Heidelberg, 1925; A. B a d í a M a r g a r i t. Gramática catalana, I—II. Madrid, 1962; A. G r i e r a. Tresor de la llengua de les tradicions i de la cultura popular de Catalunya. Ed. 2, 1968, t. 14 (76 500 palabras analizadas); A. G r i e r a. Gramática historica catalana, 1965; José B a l a r i J o v a n y. Origenes historicos de Catalunya. Ed. 2. 1964 (3 tomas).

не менее вследствие того, что территория, где говорят по-каталански, не обладает политической независимостью, правители Испании, которой принадлежит и Каталония, рассматривали и третировали каталанский как диалект, как «низкое» наречие»¹¹¹.

Так, в испанской энциклопедии каталанский считается диалектом провансальского¹¹². Этому же мнению придерживается и видный романист Г. Рольфс¹¹³. Иберо-романский характер каталанского подчеркивается Р. Менендесом Пидалем¹¹⁴ и др.

В подгруппу галло-романских языков¹¹⁵ следует включить два языка.

а) Провансальский язык (провансальский, или лимузинский) распространен в южной части Франции между Роной и Альпийскими горами. На провансальском говорят 10 млн. чел. Первые тексты на этом языке датированы 985—989 гг. («Поэма о Боэции», «Песня о святой Вере») ¹¹⁶. В средние века, особенно после XII в., провансальский (*langue d'oc*) был высоко-развитым литературным языком, языком трубадуров (Арнаут Даниель, Бернар де Вентадорн, Бертран де Борн, Маркабрю из Гасконии, Пэйрэ Видаля, Раймбаут де Вакейрас и др.) ¹¹⁷.

После указа (1539 г.) французского короля Франциска I о введении французского языка как обязательного в официальных документах провансальский язык уже не считался самостоятельным языком, а стал лишь местным диалектом. «Южнофранцузская национальность в средние века была не более родственна северофранцузской, чем теперь польская — русской. Южнофранцузская — *vulgo* провансальская — нация не только прodelала во времена средневековья «ценное развитие», но даже стояла во главе еврпейского развития. Она первая из всех наций нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. И все же она, подобно Польше, была сначала поделена между Северной Францией и Англией, а позднее вся была покорена французами-северянами. . . После трехсот-летней борьбы их прекрасный язык был низведен на степень местного диалекта, а сами они стали французами» ¹¹⁸. Сами провансальцы с восхищением говорили о своем языке. Раймон Видаля де

¹¹¹ И. Йордан. Романское языкознание. . ., стр. 349.

¹¹² Enciclopedia Universal ilustrada, europeo-americana, t. III. Madrid—Barcelona, 1926, стр. 134.

¹¹³ G. R o h l f s. Manual de filología hispánica. Bogota, 1957, стр. 240—246.

¹¹⁴ R. M e n é n d e s P i d a l. Orígenes del español. Madrid, 1926. Ed. 2, 1951.

¹¹⁵ М. С. Гурьчева, Н. А. Катагощина. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галлороманская подгруппа. М., 1964.

¹¹⁶ J. R o n j a t. Grammaire historique des parlers provençaux modernes. Montpellier, 1930.

¹¹⁷ J. A n g l a d e. Grammaire de l'ancien provençal ou ancienne langue d'oc. Paris, 1921.

¹¹⁸ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 5, стр. 377—378.

Безалю, автор «Правил стихосложения», писал: «Французская речь очень хороша, чтобы слагать романсы и пасторали, но лимузинская речь более пригодна для того, чтобы слагать стихи, песни и сирвенты; во всех областях песни на лимузинском языке ценятся больше, нежели произведения на каком-либо другом языке, и поэтому я прежде всего буду говорить с Вами на нем» ¹¹⁹.

В XIX в. провансальский был воскрешен как литературный язык благодаря деятельности великого провансальского поэта Фредерика Мистралья (1830—1914) и его школы (движение фелибров, Фелибриж — le felibrige) ¹²⁰.

б) Французский язык, на котором говорят во Франции (51 млн. чел. — 1971), в юго-западной части Бельгии, в провинции Валлония (3077 тыс. — 1970), в некоторых кантонах Швейцарии (Женева, Во, Невшатель и др.) (1 млн.), в государстве Монако (23 тыс. — 1969) и Люксембурге (7 тыс.), в провинции Канады Квебек ¹²¹ (5500 тыс. — 1971), в республике Гаити (3440 тыс.), а также в бывших французских колониях Африки (Алжир, Тунис, Марокко, Реюньон, Сенегал, Конго), Азии (Ливан, Вьетнам), а также в США. Всего в мире на французском языке говорят 64 047 тыс. чел. ¹²²

Первый текст на французском языке (так называемые «Страсбургские клятвы») датирован 842 г. К концу IX в. появляется более значительный по своему объему текст: «Кантилена о святой Евлалии» ¹²³.

Итадо-романская подгруппа ¹²⁴ включает три языка.

а) Итальянский язык, на котором говорят на Итальянском полуострове (54 700 тыс. чел.), на островах Сицилия и Корсика, частично на острове Сардиния, в одном кантоне Южной Швейцарии (Тичино — 30 тыс.), в государстве Сан-Марино (18 тыс. — 1971); а также в США, Аргентине, Канаде, в Африке, в Австралии. Всего в мире на итальянском языке говорят 63 841 тыс. чел.

Первые тексты на итальянском языке датированы 960 г. Идет речь о нескольких фразах, включенных в судебное решение, касающееся тяжбы между монастырем Монтекассино и частным владельцем.

¹¹⁹ Цит. по кн.: «Романские языки», стр. 44.

¹²⁰ С. В. Соловьев. Очерки из истории новой французской и провансальской литературы. СПб., 1914; С. В. Савченко. Провансальский язык и исторические судьбы южной Франции. Киев, 1918, «Фредери Мистраль». — В кн.: В. Ф. Шишмарев. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972, стр. 267—283.

¹²¹ Е. А. Реферовская. Французский язык в Канаде. Л., 1972; «Численность...», стр. 423—424.

¹²² М. В. Сергиевский. История французского языка. М., 1938; Изд. 2. М., 1947; «Страны мира», стр. 18, 61, 63, 90.

¹²³ М. С. Гурьев. Сравнительная грамматика романских языков. Итадо-романская подгруппа. М., 1966.

¹²⁴ «Численность...», стр. 423; «Страны мира», стр. 55; «Население мира», стр. 234; В. Ф. Шишмарев. Избранные статьи...

Более значительные литературные произведения на итальянском языке появляются в XIII в., а в следующем столетии итальянский язык достигает расцвета в гениальных произведениях Данте Алигьери, Ф. Петрарки, Дж. Боккаччо.

б) Ретороманский (романшский, или ладинский) язык распространен в юго-восточной и центральной части Альпийских гор в трех кантонах Швейцарии: Граубюнден, Фриуль, Тироль. На этом языке разговаривают 402 тыс. чел.¹²⁵

Первый текст на ладинском языке появляется в X—XI вв.¹²⁶

С 1938 г. ретороманский стал одним из четырех государственных национальных и литературных языков Швейцарии (наряду с немецким, французским и итальянским).

в) Сардский распространен на острове Сардиния. На нем говорят 1500 тыс. чел. Литературные тексты на сардском языке стали появляться в XI—XII вв.¹²⁸ Сардский язык имеет ряд черт, специфических по отношению к итальянскому, о которых говорил еще Данте: *Sardes, qui non Latii sunt, sed Latiis adsociandi videntur*¹²⁹. Однако не все романисты, особенно итальянские, считают сардский самостоятельным языком.

К подгруппе восточнороманских языков относятся, во-первых, северодунайские языки.

а) Молдавский язык¹³⁰, на котором говорят в Молдавской Советской Социалистической Республике и в других союзных республиках (УССР, РСФСР, Груз. ССР, Кирг. ССР) с общим числом в 2698 тыс. чел.¹³¹ Первые тексты относятся к XV—XVI вв.¹³²

б) Румынский язык распространен в Социалистической Республике Румыния (18 128 тыс. чел. — 1972), а также в других странах Европы (Югославия — 65 тыс., Венгрия — 15 тыс., Франция — 10 тыс., ФРГ — 1 тыс., СССР — 119 тыс. — перепись 1970), Америки (261 тыс.), Австралии (3 тыс.), Азии (1 тыс. чел.). Всего на румынском языке говорят 18 603 тыс. чел.¹³³

¹²⁵ «Численность...», стр. 423.

¹²⁶ G. I. A s c o l i. Saggi ladini. — AGI, I, 1873; Th. G a r t n e r. Raetoromanische Grammatik. Heilbronn, 1883; K. J a b e r g. Considérations sur quelques caractères généraux du romanch. «Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally». Genève, 1939; М. А. Б о р о д и н а. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. Л., 1969.

¹²⁷ М. А. Б о р о д и н а, А. А. С м о л ь е в с к и й. К проблеме сопоставительного изучения синтаксического строя (на материале ретороманского, французского и итальянского языков). «Проблемы диахронии...», т. I, стр. 123—133.

¹²⁸ M. L. W a g n e r. La lingua sarda. Forma, storia, spirito. Bern, 1951; M. L. W a g n e r. Dizionario etimologico sardo. Heidelberg, 1957.

¹²⁹ De vulgari eloquio, I, cap. XI.

¹³⁰ См.: БСЭ. Изд. 2., т. 24, М., 1958, стр. 356; т. 36, стр. 652; И. М. Т р о н с к и й. Очерки... стр. 252.

¹³¹ Перепись 1970 г.

¹³² Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1964.

¹³³ «Численность...», стр. 425; «Страны мира», стр. 78.

Первые тексты на румынском языке появились в XV в.¹³⁴ К восточнороманским языкам относятся, во-вторых, южно-дунайские языки.

в) Арумынский¹³⁵ (или македорумынский), на котором говорит 161 тыс. чел. на юге Балканского полуострова, в Греции (в провинции Фессалия и Эпир) — 50 тыс., в Албании — около 10 тыс., в Югославии — около 100 тыс., в Болгарии — 1 тыс. чел.¹³⁶

Только во второй половине XVIII в. был издан трехязычный словарь (латино-албано-арумынский) Теодора Кавалиоти, который можно считать первым письменным свидетельством арумынского языка.¹³⁷

г) Мегленитский (или мегленский) — распространен в десяти селах (самым большим из которых является Нынта), расположенных на юге Македонии. Около 15 тыс. чел. говорят на мегленитском.¹³⁸

д) Истриотский (или истрорумынский) распространен в девяти селах (Сусневица, Сукодру, Градинье и др.) на полуострове Истрия на севере Адриатического моря с населением в 1 тыс. чел.¹³⁹ С 1918 по 1945 г. полуостров Истрия принадлежал Италии, а с 1945 г. отошел к Югославии.¹⁴⁰

е) Среди восточнороманских южнодунайских языков следует отметить также и далматский, или велиотский, язык, сегодня исчезнувший, но который был разговорным языком на Адриатиче-

¹³⁴ Р. А. Б у д а г о в. Этюды по синтаксису румынского языка. М., 1958; Al. R o s e t t i. Istoria limbii române. București, 1968.

¹³⁵ N. I o r g a. Geschichte des rumänisches Volkes, I. Gotha, 1905, стр. 95 (автор считает арумынский самостоятельным языком); Th. C a p i d a n. Aromânii: dialectul aromân. București, 1932; G. P a s c u. Dictionnaire étymologique macédo-roumain, I—II. București, 1925; T. P a p a h a g i. Dictionarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963; М. Г а б и н с к и й. Проблема лексического заимствования и единый критерий (Опыт использования понятия диаглоссы). «Анале пттинцифиче», Институтул де лимба ши литература, X. Кишинэу, 1961; М. Г а б и н с к и й. Инконсистенца критериулуй глотонимик де класификаре а лимбилор. «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1971, № 1.

¹³⁶ «Численность. . .», стр. 426; S. P u ș c a r i u. Limba română, I. București, 1941, стр. 221. Автор дает (по Th. Capidan, Aromânii) другие данные: всего арумын — 360 тыс., из которых 150 тыс. в Греции, 100 тыс. в Югославии, 40 тыс. в Болгарии и 65 тыс. в Албании.

¹³⁷ V. G u ț u - R o m a l o. Stabilirea datei de separație a aromânei de dacoromână cu ajutorul glotocronologiei. «Studii și cercetări lingvistice», X, 1959, № 4.

¹³⁸ Th. C a p i d a n. Meglenoromânii. I. Istoria și graiul lor. București, 1925; II. Literatura populară la Megleno-români. București, 1928; III. Dicționar meglenoromân. București, 1935.

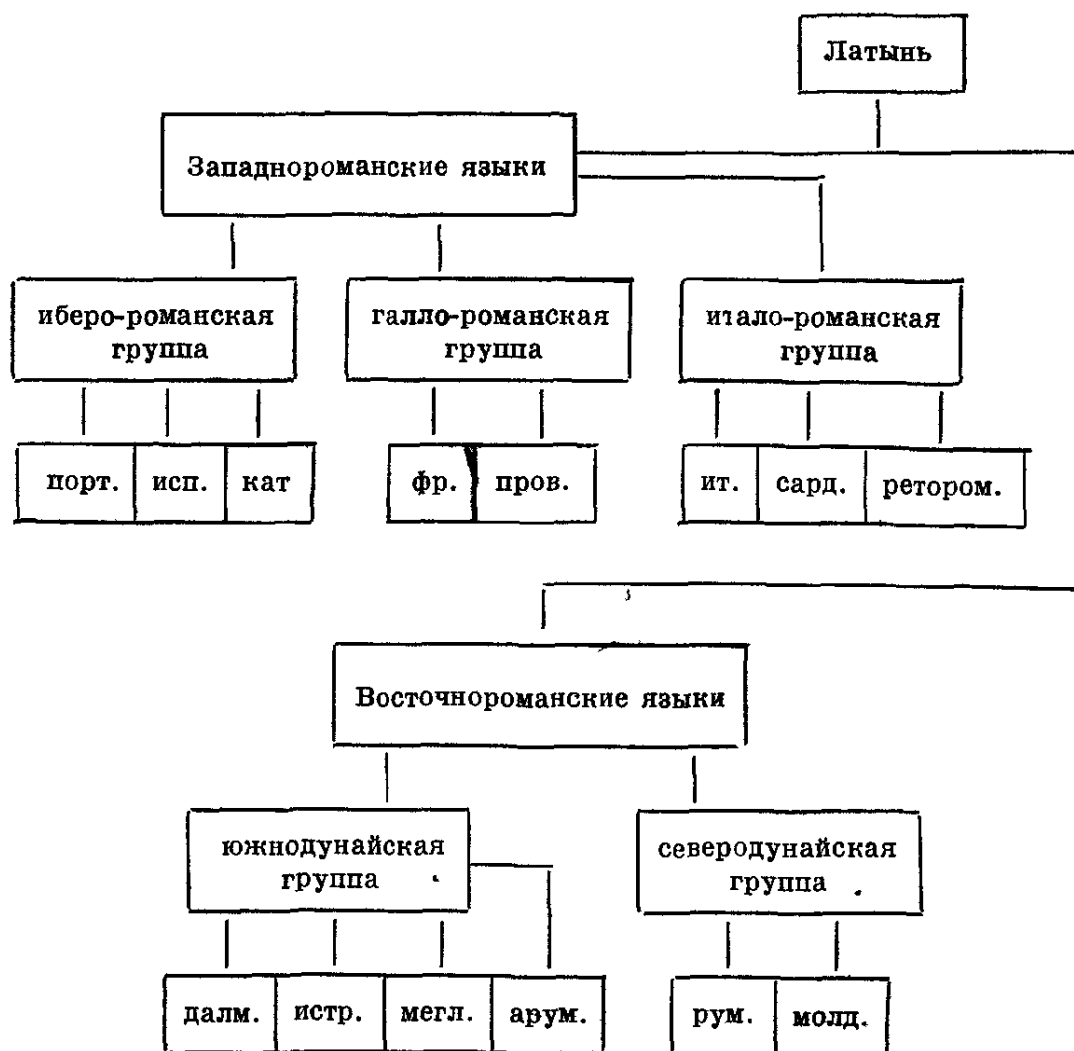
¹³⁹ «Численность. . .», стр. 426.

¹⁴⁰ S. P u ș c a r i u (M. Bartoli, A. Belulovici, A. Byhan). Studii istroromâne. I. Texte. București, 1906; II. Introducere, gramatică, caracterizarea dialectului istroromân. București, 1926; III. Bibliografie critică. București, 1929; P. T e k a v č i č. Vvod u vulgarni latinitet. Zagreb, 1970 (автор считает истриотский самостоятельным романским языком).

ском побережье в бывшей римской провинции Далмация. Последний житель, говоривший на этом языке, Антонио Удина, прозванный Бурбуром, умер в 1898 г. на острове Велія (Veglia). Итальянский лингвист М. Г. Бартоли анкетировал этого жителя и на основании собранного материала опубликовал большую монографию о далматском языке¹⁴¹. Первый далматский текст датирован 1397 г.

* * *

Таким образом, в настоящее время на романских языках говорят всего 488 958 тыс. чел., в том числе в Европе около 35,5% всего латинского населения, а в Южной и Северной Америке — около 50%¹⁴². Классификация романских языков представлена на схеме:

¹⁴¹ М. Г. Бартоли. Das Dalmatische, Bd. I—II. Wien, 1906.

¹⁴² По данным сборника «Численность и расселение народов мира» (стр. 92, 300), а также по сборнику «Страны мира» и «Атласу нового времени».

Глава III

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

§ 11. Общие замечания

66. Не существует ни одного памятника языка, написанного целиком и полностью на народной латыни¹. Это и понятно, поскольку никто, — может быть, кроме Петрония (см. ниже, стр. 108), — не писал сознательно на народной латыни. Все думали, что они используют литературную латынь и все же по разным причинам во многие произведения проникали народнолатинские элементы (так называемые вульгаризмы). Они представлены в различных текстах литературной латыни (в произведениях различных писателей — комедиографов, сатириков, эпиграммистов и т. п., в научных трудах, в том числе и грамматиков, в надписях, переводах, в частной переписке и т. д.).

Однако все эти источники лишь фрагментарно, в определенной мере и неполно отражают характерные черты народной латыни. Элементы народной латыни встречаются во все периоды развития латинского языка, как в эпоху древней латыни, так и в классический период. Их количество значительно возрастает в постклассическую эпоху, после III в. н. э., и особенно после падения Рима в 476 г.

* * *

Безусловно, больше всего народно-разговорные элементы, особенно крестьянские слова и обороты (*sermo rusticus*), использовались в народных комедиях, известных под названием *fabulae Atellani*². В этих веселых пьесах бичевались нравы крестьянской жизни и мелких городов. Обычно главными персонажами ателлан были прожорливый глупец Макк (*Massus*³), старый скряга Папп (*Pappus*), болтун и блюдолиз Буккон (*Bucco*), коварный горбун, грубый плут Дорсен (*Dorsenus*), или Доссен (*Dossenus*). Действия

¹ A. Meillet. *Esquisse d'une histoire de la langue latine*. Paris, 1938, стр. 236; V. Väänänen. *Introduction...*, стр. 14.

² По названию оскского города *Aderl(ú)*: лат. *Atella* в провинции Кампания. Эти комедии назывались и *ludi Osci*, *ludi Atellani*. Долгое время в ателланах использовался оскский, а не латинский язык.

³ Отсюда, по-видимому, производное *massagone*.

этих персонажей, их различные приключения и вызывали смех у крестьянской публики. Особое распространение получили литературно обработанные ателланы, которые были написаны на латинском языке, причем со многими народно-разговорными формами. Наиболее известными авторами литературных ателлан являются Новий (Novius) и Луций Помпоний (Lucius Pomponius), время деятельности которых относится к I в. до н. э.

§ 12. Произведения латинских писателей

67. Особенно много народнолатинских элементов появляются в произведениях одного из первых комедиографов, Тита Макция Плавта (см. о нем выше, стр. 49).

В пьесах Плавта действующие лица из низших слоев населения (солдаты, рабы, плебеи). В связи с этим вполне понятно, почему язык действующих лиц у Плавта носит народно-разговорный характер. Этим самым писатель показывал жизнь, поведение своих персонажей. Среди пьес Плавта наибольшую популярность завоевала комедия «Хвастливый воин» («Miles gloriosus»). Интрига этой комедии довольно проста. Воин из Эфеса (Purgopolinice) очень хвастлив, но простоват и в то же время жаден, зазнайка обманут рабом-интриганом (Palestrion), который уводит его невесту, красивую рабыню. В конце концов солдат еще получает и хорошую взбучку за то, что позарился на нареченную другого ⁴.

В комедиях Плавта, которые представляли народную жизнь, вполне понятно, много явлений народной латыни.

1) а) Вместо форм существительных среднего рода классической латыни (corium 'кожа', 'ремень'; aevum 'век'; collum 'шея') у Плавта появляются формы мужского рода, которые в народной латыни заменили формы среднего рода (corius, aevus, collus и др.). Плавт использует аккузативы у существительных среднего рода: gutturem 'глотка', 'шея' или параверем 'мак' вместо форм литературной латыни: guttur, paraver.

2) б) Существительные на -is (например, finis 'конец', cingis 'коса (у женщин)') употребляются Плавтом то в мужском роде — как в литературной латыни, — то в женском — как в народной латыни. В большинстве же случаев подобные существительные употребляются Плавтом в женском роде. В современных романских языках подобные существительные относятся также к женскому роду: фр. la fin; ит. fine (ж. и м. р.), ср., однако, исп. fin (м. р.).

⁴ Комедии Плавта были обработаны и локализованы многими последующими авторами. Так, сюжет «Хвастливого воина» заимствован такими крупными французскими писателями, как Ж. А. Байф (1532—1589 — в комедии «Храбрец»), Сирано де Бержерак (1619—1655 — в комедии «Обманутый педант» «Le pédant joué»), П. Скарон (1610—1660 — в пьесе «Жоделе-дуэлист» «Jodelet duelist»), П. Корнель (1606—1684 — в пьесе «Комическая иллюзия»). Сюжет комедии Плавта «Amphitruo» был заимствован Ж. Б. Мольером и Ж. Жироду и др.

3) в) Известно, что в литературной латыни имелось пять склонений (I: -a, -ae; II: -us, -i; III: -is, -is; IV: -us, -us; V: -es, -ei). В народной латыни существительные IV склонения (-us, -us) перешли в категорию существительных II склонения (-us, -i). У Плавта можно обнаружить подобные переходы. Вместо форм литературной латыни *tumultus*, -us (IV склонение) 'шум, суматоха, восстание', *quaestus*, -us 'польза' у Плавта используются формы *tumulti*, *quaesti* в генитиве ед. ч., т. е. по второму склонению.

4) г) У Плавта встречаются также колебания в использовании глаголов II и III спряжения. Так, у него появляется форма *olēge* 'пахнуть' вместо литературной формы *olēge*. Использование подобных форм участилось особенно в поздний период развития латинского языка. Глагол *ridēre* перешел в народной латыни в III спряжение: *ridēre*. Отсюда исходят современные романские формы: молд. *a ryde*, рум. *a rīde*, фр. *rire*, исп. *reir(se)*, ит. *ridere*. Ср. также: фр. *mordre*, ит. *mordere* из нар. лат. *mordēre* при лит. лат. *mordēre* 'укусить'.

д) Неустойчиво включение глаголов в III или IV спряжение. Ср. народную форму *moriri*⁵ вместо лит. *morī* 'умирать'. Соответствующие современные глагольные формы исходят от народнолатинских, напр., молд. *a мури*, рум. *a muri*, фр. *mourir*, ит. *morire*, исп. *morir*. Плавт использует также форму *effodiri* 'капать' вместо лит. *effodēre*.

е) Следует также отметить, что у Плавта изобилуют уменьшительные формы типа *ocellus* (от *oculus* 'глаз'), *haedulus* (от *haedus* 'козленок'), *vitellus* (от *vitulus* 'теленок'), *auricula* (от *auris* 'ухо') и др., то, что характерно для народной латыни.

5) В комедии «*Asinaria*» Плавт заменяет прилагательным *bellus* лит. форму *pulcher*. Появляются у Плавта аналитические формы сравнительной степени прилагательных (*magis versutus* 'более хитрый') наряду с синтетическими (*versutior*).

ж) Глагол *portare* 'нести ношу' заменяет постепенно глагол *ferre*. Кроме того, следует особо подчеркнуть изобилие фреквентативных (многократных) глаголов типа: *rōgito* 'расспрашиваю', *imperito* 'повелеваю', *victito* 'живу, существую' и т. п.

з) С целью усиления значений союзов или наречий в функции союзов они используются по два: *propterea quod* 'потому что', *itaque ergo* 'следовательно' и т. д.

и) Вместо конструкции аккузатива с инфинитивом, типичной книжной конструкции, у Плавта появляются дополнительные предложения после глаголов sentiendi: *Equidem scio iam filius quod amet meus. . . Philaenium (Asinaria)* 'Я-то уже знаю, что сын мой любит. . . Филена'.

к) Надо упомянуть также, что у Плавта присутствуют специфические для народно-разговорной речи стяженные формы. Ср. *melius* вместо *melius est* (*Asinaria*); *ubist* вместо *ubi est*; *ergost* вместо

⁵ Форма *moriri* проникла даже в «*Метаморфозы*» (14, 215) Овидия.

ergo est (Epidicus); Ubi tu's? — Ecceum (Miles gloriosus), т. е. ubi tu es? Ecce eum и т. п.

Таким образом, в произведениях Плавта можно обнаружить значительное количество слов, форм, конструкций, специфических для устно-народной латинской речи широких масс, отличающейся от литературных норм латинского языка.

68. Писатели классического периода — Цицерон, Квинтилиан (Marcus Fabius Quintilianus — 35—96 г. н. э.)⁶ и другие — отличали «ораторскую», т. е. литературную, латынь от «повседневной» (*sermo cotidianus* ⁷), народно-разговорной, речи, используемой особенно в деревнях (*rustice loqui*,) рабами (*plebeius sermo*), солдатами (*militaris sermo*) и т. д.

Следует упомянуть здесь, например, замечания Плиния: *hirudine, quam sanguisugam vulgo coepisse appellari adverto 'hirudo, которая, я вижу, начала именоваться в народе sanguisuga'*.

В произведениях некоторых классических авторов зачастую проникают различные элементы народной латыни. В личной переписке (особенно со своим лучшим другом Аттиком — Titus Pomponius Atticus — 100—32 гг. до н. э.) Цицерон не один раз использует средства народно-разговорной речи, следуя тем самым традициям Плавта и Теренция.

У Цицерона появляется конструкция *ad* + аккузатив вместо синтетической формы датива. Ср. *ad te scribam* вместо *tibi scribam*; *ad te dederam* вместо *tibi dederam*; *litteras ad te mitto* вместо *litteras tibi mitto*. Аналитический суперлатив также появляется в переписке Цицерона: *bene mane* 'очень рано' (ср. фр. *bien tard* 'очень поздно', *bien vite* 'очень быстро' и т. д.). В переписке Цицерона часто используются краткие простые выражения народно-разговорного происхождения (*mi vetule* 'старик!, старый друг!'; *barbatuli iuvenes* 'наши бородатые молодцы' и т. п.). На страницах цicerоновских писем рассыпаны сотни слов и оборотов, которые отсутствуют у многих авторов и даже у самого Цицерона в других трудах. В его философских работах, в официальных речах используются уже строго литературные, книжные слова и обороты, сложные синтаксические конструкции, характерные для литературного языка.

У поэта-классика Гая Валерия Катулла (Caius Valerius Catullus — 87—55 гг. до н. э.) часто используются диминутивные народно-разговорные формы (типа *ocellus*, *oricilla* вместо клас. *oculus* 'глаз'; *auricula* 'ухо'; *amiculus* 'милый или бедный друг'; *lectulus* 'приятное, покойное ложе' и др.).

О некоторых фонетических особенностях разговорной латыни мы можем судить и по тому, как следует читать стихи поэтов-

⁶ M. Fabii Quintiliani. Institutionis oratoriae libri duodecim, recensuit. Ed. Bonnell, I—II. Lipsiae, 1903, 1905.

⁷ J. Bourciez. Le sermo cotidianus dans les satires d'Horace. Bordeaux, 1927; G. Bonfante. Los elementos populares en la lengua de Horacio. Madrid, 1937.

классиков. Так, читая стихи: monstr(um) (h)orrend(um) inform(e)-ingens или exegi monument(um) aere perennius. . . мы имеем возможность уловить некоторые особенности произношения звуков в разговорной латыни (исчезновение конечных согласных, онемение гласных перед гласными последующих слов и т. д.)

В народной латыни берут свое начало различные варианты ударения в словах, аттестованных у писателей-классиков. Ср. tēnēbrae вместо лит. ténēbrae 'темнота', volúcris вместо лит. vólūcris 'птица', intégro вместо лит. íntēgro 'целый' и др. У поэтов (у Вергилия, например) наличествует древнее народно-разговорное ударение: dédērunt, stétērunt вместо лит. dedērunt, stetērunt. Ср. ит. diédero.

69. Для изучения народной латыни весьма важное значение имеет произведение, которое приписывается писателю времен императора Нерона Гаю Петронию (Caius Petronius Arbiter — умер в 66 г. н. э.). Идет речь о своеобразном романе, который известен под названием «Сатирикон» (рис. 16). Правильное название «Сатурн»⁸. Это первый роман, который дошел до наших дней из латинской литературы. Сохранился отрывок из этого романа под названием «Пир у Трималхиона» («Cena (или Convivium) Trimalchionis») ⁹. Изображая живую и яркую картину римского быта времен Нерона, произведение Петрония является самым верным, а может быть, и самым значительным источником описания народных нравов (quodque facit populus 'того, что делает народ') и изучения языковых особенностей народной латыни. Это единственное произведение латинской литературы, написанное сознательно, преднамеренно и последовательно при использовании языковых средств народной латыни. Хотя основное действующее лицо богач-выскочка Трималхион, — и другие персонажи не все плебеи: некоторые из них — высокопоставленные лица, но все они так представлены, что говорят на языке своих слуг, используя много народно-разговорных элементов ¹⁰. Так говорит и мальчик Гитон, и опустившийся поэт Евмолп, и главный герой Энколпий, как и сам Трималхион. Правда, язык «Пира» должен быть изучен критически, так как, собственно говоря, автор издевается над языком своих персонажей. Вообще роман в своей основе является

⁸ См.: История римской литературы, т. I, стр. 22; т. II, стр. 115.

⁹ Petronii Cena Trimalchionis nebst ausgewählten Pompejanischen Wandinschriften. Hg. von W. Heraeus. Heidelberg, 1909; Aufl. 3, 1939; О н ж е. Le Satiricon. Texte établi et traduit par A. Ernout. Paris, 1922, Éd. 3, 1950; Petronii. Cena Trimalchionis. Hg. von H. Schmeck. Aufl. 5. Heidelberg, 1964; P. Perrochat. Petrone. Le festin de Trimalcion. Commentaire exégétique et critique. Paris, 1939; Ed. 3. Paris, 1962; О н ж е. Mentalité et expression populaire dans la Cena Trimalchionis. «L'Information littéraire», 1961; A. Stefennelli. Die Volkssprache im Werk der Petron im Hinblick auf die romanischen Sprachen. Wien, 1962; (S e g e b a d e-Lo m m a t s c h. Lexicon Petronianum. Leipzig, 1898 (Изд. 2. Hildesheim, 1963); П е т р о н и й. Арбитр. Сатирикон. Перев. под ред. Б. И. Ярхо. М.—Л., 1924.

¹⁰ И. М. Т р о н с к и й. Очерки. . . , стр. 12, 233.

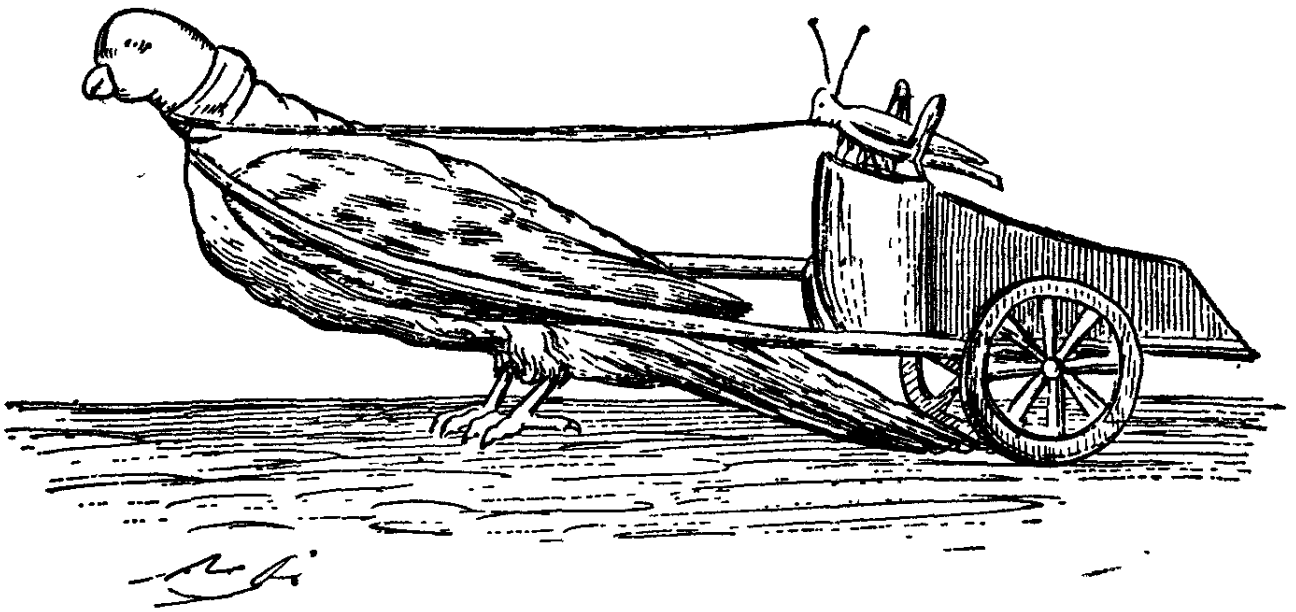

Рис. 16. «Карикатура Сенеки»

ироническим и пародийным, и использование «вульгаризмов» служит литературным приемом ¹¹. Сам автор признает, что:

В гладком рассказе моем веселая прелесть смеется,
Нравы народа поет мой пристрастный язык.

(Перев. Б. И. Ярхо)

Поэтому иногда язык его представляет не подлинную картину языковых народных средств, а лишь их карикатуру ¹².

И все же сознательное противопоставление народнолатинских оборотов литературным конструкциям ¹³ представляет большой интерес для исследования живой разговорной речи. Автор заставляет своих героев говорить их обыденным разговорным языком со всеми специфическими особенностями фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Если сопоставить разговорную речь действующих лиц романа Петрония с персонажами Плавта, то наглядно можно проследить историю развития живой народно-разговорной латыни на протяжении почти трех столетий.

Пир описан от лица бродяги-слуги Энколпия, который обслуживал стол. Народнолатинские элементы в романе Петрония относятся к различным языковым уровням.

Вместо литературных форм (*calefacit* 'согревает', *calida* 'теплая') появляются синкопированные формы (*calfecit*, *caldā*), характерные для народно-разговорной латыни. Дифтонг *au* переходит в гласную *o* (*coda* вместо *cauda*).

¹¹ Собственное имя Трималхион — это *nomen et omen*. Оно само характеризует хозяина пира, так как *malchio* (CGL, II, 126—127) означает 'противный, отвратительный' — значит, Трималхион — это 'втройне отвратительный'.

¹² F. Brunot. Histoire de la langue française, t. I. Paris, 1905, стр. 41.

¹³ Ритор Агамемнон говорит на чисто литературном языке.

Из морфологических явлений можно отметить, что формы мужского рода (типа *balneus* 'баня', *cornus* 'рог') заменяют литературные формы среднего рода у соответствующих существительных (*balneum*, *cornu*). Как и в разговорной речи, в романе используются очень часто диминутивные формы (*taugulus* вместо *taurus* 'бык' и др.). Прилагательное нар. лат. *bellus* употребляется в семь раз больше, чем книжное *pulcher*.

Наряду с глаголом литературной латыни *edĕre* и производным от него *comedĕre* появляется *manducare*¹⁴, который в литературной латыни имел уничижительное значение 'жевать, чавкать, шамать'. Часто используется в романе фреквентатив *cantare* вместо книжного *canĕre* 'петь'.

И в отношении тоники в романе наблюдаются некоторые нововведения народно-разговорного происхождения. Если в литературной латыни, как правило, глагол стоит в конце предложения, то в данном тексте можно встретить такие предложения, как *subito intravĕrunt dui servi* 'внезапно вошли два слуги'.

В романе много поговорок, народных выражений: *pummoſ modio metitur* 'деньги он мерил модием, т. е. был очень богатым'; *noluisses de manu illius panem accipere* 'не хотелось бы из его рук даже хлеб брать'; *nes quid, nes quam* 'ни то, ни сё'; *manus manum lavat* 'рука руку моет' и многие другие.

§ 13. Работы авторов разных специальностей

70. Элементы народной латыни проникали в различные труды научно-технического характера. Они интересны не только как стилевые разновидности, противопоставляемые литературному стилю, но и в плане терминологических и фразеологических оборотов, а также в отношении синтаксических особенностей.

Как правило, авторы этих работ старались писать на литературной латыни. Однако сам предмет их исследования заставлял использовать не только выразительные возможности литературного языка, но и народнолатинские термины и выражения.

71. Среди работ специалистов в первую очередь надо упомянуть трактат «Об архитектуре» («*De architectura*») известного в Риме инженера-архитектора Марка Витрувия Поллиона (*Marcus Vitruvius Pollio*)¹⁵, жившего во времена Юлия Цезаря и Августа.

Желая выразиться кратко и ясно по роду своей деятельности, Витрувий часто прибегает к использованию терминов и оборотов народно-разговорного происхождения. Ср. *cum enim limuntur (cratici), recipientes umorem turgescunt, deinde siccescendo contrahuntur*, т. е. 'когда строящиеся стены штукатурятся, от влаги они набухают, а затем при сушке они сжимаются' (следует обра-

¹⁴ В древнеримской комедии актер в маске комического обжоры с широко разинутым ртом и огромными зубами назывался *manducus*.

¹⁵ *Vitruvii. De architectura libri decem*. Ed. F. Krohn. Leipzig, 1912.

тить внимание на конструкции *recipientes umorem* и *siccescendo*); формы типа *crescentia*, -ae 'рост; увеличение', *nascentia*, -ae 'рождение', *resonantia* 'отголосок, отзвук' и т. п. имеют явно народно-разговорный характер. У Витрувия появляются формы типа: *genuorum* вм. лит. *genuum*, *magis melior* для выражения компаратива от *bonus* и др. Сам автор сознает, что он отклоняется от литературных норм латинского языка. Поэтому за свои грамматические и прочие ошибки Витрувий просит извинения у читателей, так как *non enim architectus potest esse grammaticus* 'ведь может быть архитектор в то же время и грамматиком'.

72. Работа Т. Лукреция Кара (см. стр. 50) «О природе вещей» имеет определенное значение и для исследования народной латыни. Лукреций жалуется на «бедность отечественного языка» (*patrii sermonis egestas*), которая мешает ему излагать отвлеченные философские мысли. Автор старался использовать все средства которыми располагал латинский язык, в том числе народно-разговорную речь. Так, например, Лукреций использует наречие *forsan* 'возможно' (вместо лит. лат. *fortasse*), которое появляется позже и в «*Itinerarium Egeriae*». Существительное *effigies* 'образ' появляется у Лукреция (IV, 105) в форме *effigiae*. Автор труда «О природе вещей» широко использует синонимическое богатство как литературного языка, так и народной речи. Можно сослаться, например, на то, что для понятия «атом» Лукреций использует более 50 лексических единиц. У данного автора встречаются и ряд архаических народных форм типа *agricolum*¹⁶ (генитив от *agricola*) вместо литературной формы *agricolarum* и т. п. Метрические предпосылки предопределили иногда у Лукреция использование того или иного суффикса из определенной синонимической серии, например, *differitas* 'различие, разница' вместо *differentia*; *pestilientia* 'чума, зараза' вместо *pestilentia* и др.¹⁷

Таким образом, труд Лукреция представляет большой интерес не только как высокохудожественное произведение, но и как ценный источник для изучения архаических и народных слов, оборотов.

В V книге (ст. 1027—1090) своего труда Лукреций высказывает мнение и по общим проблемам языка и его роли в обществе. По его мнению, звуки, «какие язык производит», вызвала природа, «а нужда подсказала названия предметов».

А потому полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словом от него научились впервые, —
Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
Всё и различные звуки издать языком, то зачем же
Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?

(V, 1041—1045. Перев. Ф. А. Петровского).

¹⁶ ... et genus *agricolum* late sentiscere cum Pan (IV, 584)... 'и издали слышит народ деревенский, как Пан...' (перев. Ф. А. Петровского).

¹⁷ M. L e u m a n n. Kleine Schriften. Zürich, 1959, стр. 148.

Лукреций придает огромное значение роли языка в процессе объединения людей в общество. Более того, язык создает само общество. Таким образом, и в этом вопросе поэма Лукреция не теряет свою значимость и для современного мира.

73. Труд по ветеринарной медицине составлен на основе работ нескольких авторов древности и называется «Муломедицина Хирона»¹⁸. Автор этого труда Claudius Hermerus veterinarius, который в IV в. н. э. составил свой трактат, используя книги по ветеринарной медицине известных древнегреческих ветеринаров: Хирона, Аписирто, Фарнакса и др. В языке работы «Муломедицина Хирона» появляется ряд особенностей:

а) фонетические: дифтонг ae переходит в гласную e (que вместо quae; auricule вместо auriculae, sedo вместо caedo 'бить, колотить' и др.);

б) морфологические: инструментальный аблатив заменен конструкциями с предлогом ex (например, ex aceto asco 'кислым уксусом'); предлог per с локальным значением (per longum 'вдоль') заменяет аблатив; существительные V склонения переходят в I склонение (planicia вместо planicies 'ровное место, плоскость'); появляются формы аналитического суперлатива (valde asce 'очень кислый', valde succosi 'очень сочный'), формы сложных предлогов (desub); местоимение ipse приобретает функцию, весьма близкую к определенному артиклю¹⁹ (sub ipsum palpebrum 'под веком', iuxta ipsum palpebrum 'около века'); перфект конъюнктива пассива образуется с помощью вспомогательного глагола в перфекте конъюнктива (factus fueris), а не в презенсе конъюнктива, как в литературной латыни;

в) лексические: книжное прилагательное magnus повсюду заменено grandis.

74. Много элементов народной латыни Галлии появляется в сборнике медицинских рецептов, написанных в начале V в. (410 г. н. э.) врачом эмпирического направления Марцеллом Эмпириком (Marcellus Empiricus)²⁰. Речь идет о 2500 рецептах, составленных на основе народных верований и поверий. Здесь указываются народные названия некоторых растений. Например, lingua bovis 'воловик'; ср. молд. *лимба-боулуй*, рум. *limba-boului* (научный термин *Anchusa italica*); porrum sectivum 'шнитт-лук' (научный термин *Allium schoenoprasum*); pomus со значением 'яблоко', ср. фр. *potte*²¹ (научный термин *malus*) и др.

Существительные — названия частей человеческого тела *geniculus* 'почка' (молд. *риникъ*, рум. — *rinichi*); глаголы, сохранен-

¹⁸ «Claudii Hermeri Mulomedicina Chironis», Ed. Eugenius Oder. Lipsiae, 1901; Proben aus der sogenannten Mulomedicina Chironis. Hg. von M. Niedermann. Heidelberg, 1910; S. G r e v a n d e r. Untersuchungen zur Sprache der Mulomedicina Chironis. Lund—Leipzig, 1926.

¹⁹ В 163 из 203 случаев ipse находится в проклизе.

²⁰ Marcelli E m p i r i c i. De medicamentis liber. Recensuit M. Niedermann. Lipsiae, 1916.

²¹ Сам автор глоссирует: mali, id est pomi.

ные в восточнороманских языках: *allactare* (молд. *a alăpta*) 'кормить грудью', рум. *a alăpta* и др.

75. Педаний Diosкорид из Аназарбоса (Киликия) — известный в древности греческий врач и ботаник — жил в I в. н. э. Благодаря своей работе в пяти книгах «О медицинской материи» Diosкорид может считаться основателем фармакологии. Автор собрал названия медицинских растений на многих языках (греческом, латинском, дакском и др.). В VI в. эта работа была переведена на латинский язык под названием «*Dioscoride Latinus*»²². Этот текст представляет определенное значение для изучения народной латыни. Для книги Diosкорида характерно явление бетацизма (*betus* вместо *vetus* 'старый, древний'); *solbet* вместо *solvit* 'отвязывает'; единые (для всех родов) окончания у прилагательных (типа *molle*), которые в литературной латыни имели два окончания (*mollis, molle*).

76. Концом IV в. н. э. датируется кулинарная книга, автором которой считается гастроном и хлебосол Апиций (*Marcus Gabius Apicius*). Эта книга предназначалась для поваров римских аристократов²³. В ней дана кулинарная рецептура некоторых диетических и лечебных блюд. В тексте этой книги много форм и слов, конструкций народной латыни. Так, предлог «*de* + аблатив» заменяет синтетическую форму генитива (*albumen de porris* 'белая часть порея'). Много примеров синкопированных форм у Апиция (*fiblas* вм. *fibulas* 'пряжка').

§ 14. Латинские грамматики

77. О различиях между литературной и народной латынью весьма часто упоминают и латинские грамматики²⁴.

Особо следует отметить известного латинского ученого Марка Теренция Варрона Реатинского (*Marcus Terentius Varro Reatinus* — 116—28 гг. до н. э.). Ученик одного из первых римских грамматиков Луция Элия Стилона (*Lucius Aelius Stilo Praeconius* — 154—74 г. до н. э.), Варрон получил затем хорошую подготовку в школах Афин по различным областям знаний (естествознание, сельское хозяйство, медицина); «муж ученейший во всех областях» (*vir doctissimus unde cumque Varro*) — такова характеристика со стороны Теренциана Мавра.

²² «*Dioscoride latino. Materia medica libro primo*». A cura di H. Mihăescu. Iași, 1938; H. M i h ă e s c u. La versione latina di Dioscoride. «*Ephemeris Dacoromana*», t. VIII. Roma, 1938.

²³ «*Apicii librorum X qui dicuntur De re coquinaria*». Ed. C. Giarratano ed. Fr. Vollmer. Lipsiae, 1922; *Caelii A p i c i i. De re coquinaria liber*. A cura di Aldo Marsili. Pisa, 1957.

²⁴ *Grammatici latini, I—VII. Ex recensione H. Keili*. Lipsiae, 1857—1888; И. М. Т р о н с к и й. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.

Однако наибольшее значение имеет трактат Варрона по латинской филологии «О латинском языке» («De lingua latinā») ²⁵, посвященный Цицерону. Из этого труда (25 книг) сохранились лишь V—X книги. Кроме того, до нас дошло еще одно произведение Варрона «О сельском хозяйстве» («Rerum rusticarum libri tres»).

В своей работе «О латинском языке» Варрон разбирал вопросы этимологии (II—VII кн.), морфологии (VIII—XIII кн.) и синтаксиса (XIV—XXV кн.). Ценные материалы для своей книги Варрон черпал в произведениях древней римской письменности (гимны салиев, законы Двенадцати таблиц и др.). Автор подчеркивал (VIII, 66) некоторые формы, распространенные в живом, народном языке (*volgo dicunt*): *ovi* и *ove*; *-avi* и *-ave*; *civitatum* и *civitatium*; *parentum* и *parentium*; *montes* и *montis* (аккуз. мн. ч.) ²⁶. Варрон ссылается также на оскский, этрусский языки и на греческие диалекты.

78. Среди латинских грамматиков позднего времени следует упомянуть ряд весьма известных имен: Харисий, Диомед, Сервий, Донат и др.

79. Комментируя различные произведения Вергилия, латинский грамматик (IV в. Мавр Сервий Гонорат (*Maurus Servius Honoratus*) ²⁷ отмечая различные особенности народной латыни по сравнению с литературными нормами: *latine asilus, vulgo tabanus vocatur*, т. е. 'по-латыни (литературно) называют *asilus* ('овод, слепень') то, что по-народному — *tabanus*'. Таким образом, Сервий выделяет определенные лексические различия между лексической нормой литературной латыни и общеупотребительным в народно-разговорной латыни словом. Это слово и унаследовано романскими языками. Ср. молд. *таун*, рум. *таун*, исп. *tabano*, ит. *tafano*, фр. *таон*. Комментируя вторую книгу «Энеиды», Сервий писал: *ulva, quam vulgus budam vocat*, т. е. 'ulva, то что народ называет *buda*' ('камыш'). Ср. сард. *buda*, пров. *buzo*, кат. *bova*.

В другом месте Сервий говорит о том, что: *cum et dum a Romanis esse confusa. . . cum sit adverbium temporis, pro dum*.

80. Латинский ученый позднего времени Августин (*Aurelius Augustinus* — 354—430 гг. н. э.) цитирует следующий пример, в котором он констатирует различие между народной и литературной

²⁵ Terenti Varronis. De lingua latina libri, emendavit. . . Leonardus Spengel. . . Andreas Spengel. Berolini, 1885; Varron. De la langue latine. Traduction française. Paris, 1850; Варрон. О латинском языке. . . Перев. Я. М. Боровского. — В кн.: «Античные теории языка и стиля». М.—Л., 1936; J. Collart. Varron, grammairien latin. Paris, 1952.

²⁶ См.: История римской литературы, т. I, стр. 240.

²⁷ Servii Grammatici in Bucolica et Georgica commentarii. Lipsiae, 1887; Servianorum in Vergilii Carmina commentariorum. Ed. Harvardiana, 2. Lancaster Pa., 1946; Мавр Сервий Гонорат. Объяснения к Энеиде, Буколикам и Георгикам Вергилия (отрывок). — В кн.: «Scythica et Caucasica. . .», т. II, вып. 1, стр. 17—24; Комментарии Сервия к «Георгикам» и «Энеиде» Вергилия. Отд. оттиск. СПб., 1910.

латынью: quod vulgo dicitur ossum, latine os dicitur 'то, что по-народному говорят ossum, по-латыни (литературно) говорят os'. Таким путем Августин отмечает переход в народной латыни существительного среднего рода III склонения (os, ossis) во II склонение (ossum, ossi).

81. В V в. н. э. жил грамматик Консенций (Consentius). Сохранились фрагментарно его два трактата: «Ars de nomine et verbo», «Ars de barbarismis et metaplasms»²⁸. Говоря о степенях сравнения прилагательных, Консенций приводит только их аналитические формы: dicimus enim tam bonus, magis bonus, maxime bonus, minus bonus, minime bonus.

Среди иноязычных форм (barbarismi) Консенций считает те слова, к которым прибавляются некоторые согласные: corerit вместо operit 'покрывает', tottum вместо toto 'все, целое' и др. Эти слова сохранились во многих романских языках. Ср. молд. *акопери*, рум. *асопери*, ит. *сорпире*, фр. *сouvrir*, порт., исп. *subrir*, молд. *тот*, рум. *tot*, фр. *tout*, кат. *tot*.

82. Для изучения народной латыни особое значение имеет небольшая тетрадошка, содержащая ошибки в произношении и по грамматике, сделанные под влиянием народно-разговорной речи. Эта тетрадь датирована III в. н. э. (от 200—320 г.) и является приложением к грамматике, автором которой ошибочно считается *Probus Grammaticus*, живший в I в. н. э. Грамматика озаглавлена «Основы наук» («*Instituta artium*») и относится к IV в. н. э., а упомянутое приложение (тетрадь) известно под названием «*Appendix Probi*»²⁹.

В «*Appendix Probi*» появляются заметки относительно отклонений от фонетических и грамматических норм литературной латыни, а также рекомендуемые с точки зрения литературной латыни формы. Мы читаем в «*Appendix Probi*» примеры типа: *vetulus* non *veclus*, *augis* non *ogicla* и т. д. Всего в этом приложении 227 подобных примеров. Для изучения народной латыни это противопоставление литературной и народной латыни является весьма важным. Приведенные примеры показывают, что в народной латыни произошло синкопирование латинских гласных *u*, *i* между двумя согласными (*veclus*, *virde* и др.); группа *tl* перешла в *cl* (*vet(u)lus*

²⁸ Consentii. Ars de nomine et verbo, de barbarismis et metaplasms. «Artium scriptores minores». Ex recensione Henrici Keilii. Lipsiae, 1923; M. Niedermann. Consentii ars de barbarismis et metaplasms. Victorini fragmentum. Neuchâtel, 1937.

²⁹ «Appendix Probi». Ed. W. Heraeus. Heidelberg, 1899; H. Keil. Grammatici latini, IV; «W. A. Baehrens Sprachlicher Kommentar zur Vulgärlateinischen Appendix Probi». Halle, 1922; S. Silva Neto. Fontes do latim vulgar (O Appendix Probi). Ed. 3. Rio de Janeiro, 1956; C. A. Robson. L'Appendix Probi et la philologie latine. «Le Moyen Age», 1963, стр. 37—54; Ch. Lambert. La grammaire latine selon les grammairiens latins du IV-e et du V-e siècle. Dijon—Paris, 1908 (Revue bourguignonne, t. XVIII, № 1-2); История римской литературы, т. II, стр. 59—61.

non veclus). Дифтонг au перешел в гласную o (oricla³⁰ вместо auris).

Упомянутые заметки имеют большое значение не только для истории латинского языка и романских языков, но и для изучения определенных проблем общего языкознания. Эволюция языка зачастую основывается на тех изменениях, которые вначале представляются в виде «ошибок», в виде отклонений от литературных норм. Вполне справедливо чешский лингвист В. Матезиус отмечал: «...развитие языков вообще складывается прежде всего из изменений, которые вначале с точки зрения действующей нормы воспринимаются как ошибки и которые поэтому не выдерживают критики, если применить к ним критерий исторической чистоты»³¹.

И действительно эти так называемые ошибки являются определенными тенденциями, которые, если соответствуют духу и законам данного языка, становятся со временем всеобщими³² и входят, таким образом, в литературную норму³³. Латинские грамматики не без основания говорили communis error facit jus 'всеобщая ошибка становится законом', ср. у Сенеки (Epist., 16, 9): Recti apud nos locum tenet error, ubi publicus factus est 'когда ошибка становится всеобщей, она считается правилом'.

83. Труд «Основы наук» («Instituta artium»³⁴), автором которого ошибочно считают Валерия Проба, написан в IV в. и содержит также ряд указаний об отклонениях от литературных норм латинского языка. Много замечаний относится к морфологии. Так, Проб (160, 14) цитирует формы перфекта индикатива: ... numeri singularis probavi non probai, probasti non probaisti, probavit non probait; numeri pluralis probavimus non probaimus, probavistis non probastis, probaverunt et probarunt et probavere. Следует, однако, отметить, что даже Проб не уверен в подаче правильных, литературных форм перфекта. Ведь в классической латыни 2-е лицо ед. ч. этого времени имело форму probavisti, а не probasti, как указывает Проб. Для 3-го л. мн. ч. Проб цитирует нелитературную форму probarunt наряду с формами, соответствующими литературной норме probaverunt, probavere.

В своих указаниях Проб обычно ссылается на авторитет латинских писателей-классиков: Nunc cum dicat Vergilius fuge litus avarum, utique iam infinito modo fugere, non fugire facere pronuntiat³⁵ 'И так как говорит Вергилий — fuge litus avarum, то уж, конечно, в инфинитиве необходимо произносить fugere, а не fugire' (185, 24). Этим самым Проб³⁶ отличает литературную форму

³⁰ Отсюда: молд. ureke, рум. ureche, ит. orecchio исп. oreja, порт. orelha, фр. oreille. Форма oricla появляется и в надписях (CIL, 5686, 652).

³¹ В. М а т е з и у с. О необходимости стабильности литературного языка. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 380.

³² Латинский грамматик Харисий указывал, что благодаря привычке (consuetudo), побеждают формы, которые не соответствуют теории грамматиков (см. GL, I, 90, 94).

³³ Н. F r e i. La grammaire des fautes. Paris—Genève—Leipzig, 1929.

³⁴ Probi instituta artium. Ed. H. Keil. — GL, IV. Lipsiae, 1864, стр. 47—192.

fugere от народнолатинской формы fugire. Глагол перешел из III в IV спряжение.

Можно, однако, найти у Валерия Проба (185, 34) и рекомендации в пользу народнолатинских форм: et ideo ferbeo, non ferveo facere pronuntiatur 'и поэтому необходимо произносить ferbeo, а не ferveo'. Ведь литературная, классическая форма была все же ferveo, -ui, -ere 'кипеть, бурлить', а не ferbeo, как рекомендует Проб.

§ 15. Эпиграфические памятники

84. Другим источником, способствующим изучению народной латыни, являются эпиграфические памятники, т. е. надписи³⁵.

Древнейшей римской надписью является так называемый черный камень (lapis niger), найденный в римском форуме на месте, где, согласно легендарному преданию, находилась гробница Ромула, основателя Рима³⁶. Надпись датируется VI в. до н. э., однако до сих пор она не была расшифрована. По всей вероятности, в ней идет речь о посвящении, в котором встречается слово rex 'царь'.

Со времен республики, основанной в V в. до н. э., сохранилось мало надписей. Более 100 тыс. надписей сохранилось со времен империи начиная с I в. н. э. Можно выделить несколько категорий надписей. Некоторые посвящены богам, другие высокопоставленным лицам. Имеются надписи на общественных зданиях, надгробные надписи. В последних упоминаются имена умерших, их биографические данные, а некоторым посвящаются даже стихи³⁷. Имеются документальные надписи, законы правителей, эдикты императора, сената, магистратов. Значение надписей возрастает, если они датированы, указано место, где написаны.

Для изучения народной латыни важны не столько официальные надписи (написанные, как правило, на литературном языке), сколько частные надгробные надписи на могилах простых людей, сделанные простыми, малограмотными мастерами³⁸. Чем меньше автор был знаком со строгими правилами литературной латыни, тем больше наблюдается отклонений от литературных норм и, следовательно, все больше в этих надписях выражений, конструкций народной латыни. Конечно, эти надписи должны быть изу-

³⁵ H. Schuchardt. Vocalismus. . ., E. Diehl. Altlateinische Inschriften. Bonn, 1909; P. Skok. Pojave vulgarno-latinskoga jezika na natpisima rimske provincije Dalmacije. Zagreb, 1915; В. Ямпольский. Вновь открытая латинская надпись у Горы Бек-Даш (Азерб.ССР). «Вестник древней истории», 1950, № 1.

³⁶ Фотокопия этой надписи см. в кн.: Vl. Colin. Povestea scrisului. București, 1966, стр. 70.

³⁷ «Carmina Latina epigraphica». Conlegit Franciscus Bücheler, I—III. Lipsiae, 1895—1926; Ф. А. Петровский. Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962.

³⁸ И. М. Тронский. Очерки. . ., стр. 16.

чены критически³⁹, потому что иногда в эпиграфических документах встречаются такие «ошибки», которые не имеют ничего общего с дальнейшими изменениями в народной латыни и в романских языках и которые являются просто-напросто графическими изъятиями. Если в надписях появляются формы как: eorundum (CIL, III, 3351) вместо eorundem или же crescns (CIL, XIII, 796), то это лишь графические ляпсусы, а не тенденции эволюционного порядка в латинском языке.

85. Латинские надписи были собраны и опубликованы под общей редакцией Теодора Моммсе в 16-томной коллекции⁴⁰.

Найденные латинские надписи в различных провинциях и городах Римской империи распределяются по томам указанной коллекции следующим образом: I — надписи республиканского периода; II — Испания; III — Дакия⁴¹ и Балканский полуостров (Греция, Иллирия, Мезия), а также Египет и Киренаика; IV — Помпея, Геркуланум; V — Северная Италия, Цисальпинская Галлия⁴²; VI — Рим; VII — Британия; VIII — Африка; IX — X — Южная Италия и острова Средиземного моря; XI — Средняя Италия (Умбрия, Этрурия, Эмилия); XII—XIII — Северная Галлия и Германия; XIV — Древний Лаций; XV — Рим (утварь, кирпичи); XVI — воинские дипломы.

В этих надписях огромное количество отклонений от литературных норм, они сделаны под непосредственным влиянием народно-латинской речи.

1) Фонетические особенности:

а) дифтонг ae переходит в гласную e (filie вместо filiae);

б) протеза гласных i, e (iscola вместо schola; isperabi вместо speravi);

в) переход группы согласных ns в s (mesibus вместо mensibus; omnipotes вместо omnipotens);

г) утрата конечных согласных (meci вместо mecum; magnu вместо magnus);

³⁹ И. М. Т р о н с к и й. Очерки. . . , стр. 17—18.

⁴⁰ «Corpus Inscriptionum Latinarum». Consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae edidit Th. Mommsen, I—XVI. Berolini, 1862—1956 (сокр. CIL) (новое издание, т. I, ч. I, 1893).

⁴¹ Всего в Дакии найдено 3 тыс. надписей, древнейшая из которых относится к 105 г. н. э., последняя к 268 г. н. э. (см.: I. I o r d a n. [рец.] «Revista critică», I, № 1, 1927, стр. 7). К Дакии относятся так называемые Восковые таблицы (tabulae ceratae), написанные во второй половине II в. н. э. и содержащие несколько договоров рабочих золотых приисков Западных Карпат. Фотокопию одной из Восковых таблиц см.: «Istoria României», Ed. V. București, 1948, стр. 10. Полностью Восковые таблицы опубликованы в т. III CIL. См. также: I. I. R u s s u. Numele de localități în tăblițele cerate din Dacia. «Cercetări de lingvistică», II. Cluj, 1958; L. N. Gal l a r y. The Latinity of the Dacian Inscriptions. «Harvard Studies in Classical Philology». Cambridge, LI, 1940; P. D r ä g o i e s c u. Limba latină în inscripțiile din Dacia. Rîmnicul Vîlcii, 1950; S. S t a t i. Limba latină în inscripțiile din Dacia și Scythia Minor. București, 1961.

⁴² См. по Галлии также: P. W u i l l e u m i e r. Inscriptions latines des trois Gaules. Paris, 1963.]

д) утрата интервокального -g- (triente вместо triginta).

2) Морфологические особенности:

аналитический генитив, образованный при посредстве предлога ad перед числительными: *membra ad duos fratres* (CIL, XIII, 248).

Кроме этого, в надписях встречается много отклонений от принятой орфографии, слов не принятых литературным языком, ряд аффиксов и т. д.

§ 16. Глоссы и схолии

86. Элементы народной латыни встречаются и в так называемых глоссах (*glossema* 'устарелое или редкое слово нуждающееся в пояснении'). Давались определенные разъяснения (*interpretamenta*) словам, выражениям литературной латыни, встречающимся в произведениях писателей или в других текстах, которые были непонятными для читателей. Так, в одной глоссе толкуется — *hirundo: nomen passeris* 'hirundo название птицы (воробья)' (CGL, V, 459, 44), в другой — *fissura: crepatura* 'щель' (*Glossarium Alphabeticum*) и т. д.

Имеются маргинальные и интерлинеарные глоссы. Первые делались на полях рукописей, вторые — между строчками текста. В комедии Плавта «*Pseudolus*» (5—6) читаем:

Duorum labori ego hominum parsissem lubens,
Mei te rogandi et tuis respondendi mihi.
'Я охотно поберег бы труд двоих людей,
мой — спрашивать тебя и твой — отвечать мне'.

В этом тексте использована архаическая форма *tis* — генитив личного местоимения *tu*, соответствующая позднейшей форме *tui*. Грамматик Авл Геллий глоссирует архаическую форму *tis*, надписывая над ней классическую форму *tui*⁴³. Это и есть интерлинеарная глосса.

Истолкованные слова не употреблялись в разговорной речи и не были понятны читателям. Так, в одной глоссе читаем такое толкование: *arcitidon id est giniperu*, а в других глоссах: *collirida: turta; emit: comparavit* 'покупает'; *pueros: infantes* 'дети' и т. д.

Для изучения народной латыни, конечно, не интересны слова — неологизмы, позаимствованные писателем из греческого или других языков (ср. в приведенных примерах *arcitidon*, *colirida*), а объяснения, интерпретация этих слов: *giniperu* (из лат. *jeniperus или *juniperus*) и *turta*, которые унаследованы современными романскими языками: молд. *енупэр* или *жняпэн* 'можжевельник, арча', рум. *ienupăr*, *jneapăn*; ит. *ginevro*, фр. *génévrier*, исп. *junipero*, *enebro*, порт. *zimbro*; молд. *туртэ* 'лепешка', рум. *turtă*, фр. *tourte*, ит., исп., порт. *torta*.

⁴³ И. М. Тронский. Очерки. . . , стр. 8—9.

Иногда глоссы помогают обнаружить латинский прототип какого-нибудь слова в романских языках. Так, например, молдавское слово *greu*, рум. *greu*, ретором. *grev* (*greiv*) 'тяжелый' не может исходить по фонетическим причинам от латинского литературного *gravis*. В одной глоссе аттестована форма *grevis*, которая служит этимологической основой молдавского *greu*, рум. *greu* и т. д.

87. Самый древний сборник глосс «О значении слов» («*De verborum significatu*») составил в I в. н. э. римский грамматик Веррий Флакк (*Verrius Flaccus*). Сборник этот сохранился в сокращенной копии Секста Помпея Феста (*Sextus Pompeius Festus* ⁴⁴ конец II—начало III вв. н. э.), а затем в копии ломбардского историка Павла Диакона (*Paulus Diaconus* — 740—801). Для латыни Испании, может быть, самым значительным латинским лексикографом был Исидор Севильский (570—636), который в своих «*Origines sive etymologiae*» представляет ценные сведения о народной латыни этого края ⁴⁵.

Работа Веррия Флакка представляла огромный лексикон. Слова на букву А, например, занимали не менее четырех книг, а на Р — пять книг. Весь материал Веррия Флакка был сокращен у Феста до 20 книг. Павел Диакон сократил лексикон вдвое.

В лексиконе объясняются различные обычаи, обряды, предметы римского обихода; толковалось название города Рима и т. п. ⁴⁶

В некоторых глоссах даются пространные цитаты из различных произведений, которые были затем утеряны. Так, сочинение Марка Теренция Варрона «Менипповы сатиры» известно почти исключительно по цитатам, приводимым Нонием Марцеллом (*Nonius Marcellus* — III—IV вв.) в своеобразном толковом словаре «*De compediosa doctrina*».

88. Среди глосс наиболее значительными являются глоссы, найденные в городе Рейхенау (Швейцария), составленные в бывшей Галлии, по всей вероятности, в VIII—IX вв. ⁴⁷ В первой части сборника 821 глосса, дающая толкования слов библейского текста Вульгаты. Вторая часть (822—1163) содержит алфавитный глоссарий. Рейхенауские глоссы являются важным документом живой разговорной латыни. Они включают также много германизмов. Вот некоторые глоссы: *pulchra: bella; ingrederetur: intraretur; optimum: valde bonum; ait: dixit; ager: campus; cerno: video; reus: culpabilis; biennium est: duo anni sunt; rerum: causarum; canere:*

⁴⁴ *Sexti Pompei Festi. De verborum significatu*, Ed. W. M. Lindsay. Lipsiae, 1913.

⁴⁵ *Gregorii Turonensis opera*. Ed. Arndt, Krusch et Bonnet. «*Monumenta Germaniae historica*», I. Hanovra — Berolini, 1826;

⁴⁶ История римской литературы, т. I, стр. 504—506; Е. И. Челакова. Из истории римской лексикографии (о характере словаря Веррия Флакка). «Язык и стиль античных писателей». Л., 1966.

⁴⁷ Рейхенауские глоссы включены в хрестоматию: В. Ф. Шишмарев. Книга для чтения. . ., стр. 13—19.

cantare; ita: sic; is: ille; rostrum: becus; pignus: wadius (ср. фр. gage); Gallia: Frantia; in ore: in bucca и др.⁴⁸.

Глоссы были опубликованы в пятитомном сборнике ⁴⁹, к которому добавились еще два тома ⁵⁰.

89. К некоторым произведениям писателей-классиков часто делались комментарии, заметки критического порядка. Уделялось внимание грамматическим и стилистическим пояснениям, а также философской и исторической стороне произведения. Эти заметки назывались схолиями. Как правило, схолии были разрознены; они составлялись без определенного плана. Преследуя цель быть доступными для читателей, схолии включали много элементов народно-разговорной речи.

Схолии насыщены большими цитатами из произведений писателей-классиков. Значение схолий состоит и в том, что благодаря им сохранились многие произведения латинских писателей или грамматиков, которые с течением времени были утеряны. Подсчитано, что из 772 латинских писателей всех периодов 276 известны для нашего современника только как имена писателей, которые когда-то жили и творили. Из творчества 352 авторов сохранились лишь отрывки произведений. И только творения 144 латинских писателей сохранились более или менее полно, хотя и они не всегда отражают полностью литературную деятельность соответствующего автора ⁵¹.

Наиболее известные комментарии принадлежат Элию Донату (Aelius Donatus — IV в.), комментатору Теренция и Вергилия ⁵², и Мавру Сервию Гonorату, который также комментировал произведения Вергилия ⁵³.

Для изучения народной латыни имеют значение также копии с определенных произведений писателей. При этом следует подчеркнуть, что копии классических произведений дают зачастую много форм, конструкций, слов из народно-разговорной латыни.

Так, в одной копии вместо формы palude (лат. лит. palus, paludis 'болото') обнаружена форма padule. В данном случае не идет речь о графической ошибке, а о метатезированной форме, используемой копистом. Именно эта форма помогает восстановить этимологию соответствующих слов в романских языках: молд. *pădure* 'лес', рум. *pădure*, ит. padule 'болото'.

⁴⁸ M. N i e d e r m a n. Contribution à la critique et à l'explication des glosses latines. Neuchâtel, 1905.

⁴⁹ Corpus Glossariorum Latinorum. A Gustavo Loewe inchoatum. . . composuit, recensuit Georgius Goetz, I—V. Lipsiae, 1888—1923 (собр. CGL).

⁵⁰ Thesaurus glossarum emendatarum составляют VI и VII тома коллекции.

⁵¹ См.: Н. Q u e l l e t. Les dérivés latins en -or. Paris, 1969, стр. 22—23.

⁵² П. Н. Ч е р н я е в. Наблюдения над Теренцием и его истолкователем Донатом. Варшава, 1910; см. также: История римской литературы, т. II, стр. 443.

⁵³ Там же, стр. 444—447.

§ 17. Переводы

90. Среди переводов особое значение для исследования народной латыни имеют переводы на латинский язык религиозных, христианских текстов. Сначала римляне с пренебрежением относились к этим текстам, написанным «рыбацкой речью» (*sermo piscatorius*), имея в виду, что христианские апостолы были рыбаками и христианство было обращено к простым людям—рыбакам, земледельцам, пастухам и ремесленникам. Действительно, как указывал Фридрих Энгельс в статье «К истории первоначального христианства»: «...христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов... Через триста лет после своего возникновения христианство стало признанной государственной религией Римской мировой империи...»⁵⁴.

Обращаясь к самым широким социальным слоям населения, христианство проповедовалось на понятном для них языке. Вот почему латинский перевод Библии и содержит много отклонений от литературных норм латинского языка. Эти отклонения делались умышленно христианскими авторами, так как они стремились писать на понятном для народа языке. Известно признание одного из этих авторов — Аврелия Августина: *melius est reprehendant nos grammatici quam non intelligent populi* 'Лучше будет, если грамматики станут порицать меня, чем если не поймет народ'^{54a}.

91. Еще со II в. н. э. были сделаны фрагментарные переводы Библии с греческого текста (*septuaginta* 'перевод 70 толковников'). Эти переводы известны под названием *Itala*, или *Vetus Latina*⁵⁵. Некоторые рукописи Италы под названием *Afra* имеют особое значение для изучения народной латыни.

Между 390 и 405 г. осуществлен полный перевод Библии непосредственно с древнееврейского оригинала. Этот перевод сделан Евсевием Иеронимом⁵⁶ и известен под названием *Vulgata*⁵⁷, поскольку текст адаптирован «для пользования народа» (*ad usum vulgi*). В связи с этим небезынтересно заявление Иеронима (*Epist.*, XX. *Ad. Eust.*) о том, что он побаивается обвинения в чрезмерном пользовании литературным, книжным языком вместо простого, христианского (*ciceronianus non christianus*).

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 467.

^{54a} А. И. Садов. Народная и обыденная латынь. СПб., 1914, стр. 19.

⁵⁵ *Bibliorum sacrorum Latinae versiones antiquae seu vetus Itala* edidit P. Sabatier. Reims, 1743—1749; *Itala. Das neue Testament in altlateinischer Überlieferung*. Berlin, 1938—1963 (Ed. A. Jülicher — W. Matzkow-Aland).

⁵⁶ H. G o e l z e r. *Étude lexicographique et grammaticale de la latinité de Saint-Jérôme*. Paris, 1884.

⁵⁷ *Novum Testamentum Latine (Vulgata)*. Oxonii—Londini, 1911; H. R o n s c h. *Itala und Vulgata*. Aufl. 2. Marburg, 1885.

§ 18. Описание паломничеств

92. Значительное количество слов, форм, конструкций народной латыни содержат различные описания паломничеств к так называемым святым местам, связанным с христианскими мифами. Предполагаемым автором одного из таких паломничеств считалась испанская монахиня Сильвия, или Этерия⁵⁸. Датирование этого текста колебалось между 380—540 гг. Новые исследования установили, что автором указанного описания является Этерия, которая совершила паломничество в 415—418 гг.⁵⁹ В тексте этого описания имеются многочисленные черты народной латыни⁶⁰:

а) повторение прилагательного или наречия для выражения суперлатива (*lente et lente*). Этот прием нашел свое применение в некоторых романских языках: ср. исп. *roso a roso* 'мало-помалу', фр. *peu à peu, petit à petit*, ит. *piano piano* молд. *пуцин кыте пуцин*, рум. *puțin cîte puțin* и др.;

б) конструкции с формой и значением возвратности (*vadent se*), которые унаследованы романскими языками (исп. *vonse*, фр. *ils se vont*, молд. *ей се дук*, рум. *ei se duc*);

в) некоторые слова приобретают в Itinerarium Egeriae новые значения, связанные с христианством. Так, например, слово *oratio* в литературной латыни означало 'способность произносить речь, речь, выступление', ср. *oratio longa* 'длинная речь'. В тексте *Itinerarium... oratio* приобретает другое значение: 'молитва', а *orationes* использовано со значением 'кельи', ср. исп. *oración* 'молитва', ит. *orazione* 'молитва', фр. *oraison* 'надгробная речь';

г) в тексте *Itinerarium* имеются и случаи гиперкорректности (Нас *sic* вместо *ac sic* 'и'; *hornatus* вместо *ornatus* 'снаряженный') и др.;

д) топка в *Itinerarium* весьма близка к современному состоянию романских языков⁶¹.

§ 19. Различные тексты

93. Для изучения народной латыни на Балканах большое значение имеет так называемое Письмо Александра Македонского

⁵⁸ *Silviae vel potius Aetheriae peregrinatio ad loca sancta*. Hg. von W. Heraeus. Heidelberg, 1908; Aufl. 4, 1939.

⁵⁹ H.-W. Klei n. Zur Latinität des *Itinerarium Egeriae* (früher *Peregrinatio Silviae*), «Romania». Festschrift G. Rohlfs. Halle, 1958, стр. 243—258; *Itinerarium Egeriae*. Ed. O. Prinz. Heidelberg, 1960.

⁶⁰ E. Lö f s t e d t. Philologischer Kommentar zur *Peregrinatio Aetheriae*. Uppsala, 1911; A. E r n o u t, Le vocabulaire de la *Peregrinatio Egeriae*. «Aspects du vocabulaire latin». Paris, 1954.

⁶¹ Описание этого путешествия переведено и на русский язык: Паломничество по святым местам (*Peregrinatio ad loca sancta*). Текст, перев. и примеч. И. Помяловского. Оpubл. в: «Православный палестинский сборник», вып. 20, т. VII. СПб., 1889; *Peregrinatio ad loca sancta saec. IV exeuntis, edita rossica versa, notis illustrata ab J. Pomiałowsky*. Peterburgii, 1889 (mit krit. Beiträgen von Cholodniak, der die Handschr. neu verglichen).

к Аристотелю о чудесах Индии, в котором в простой форме излагаются эпизоды из жизни македонского царя. С лингвистической точки зрения Письмо . . . интересно тем, что в нем появляются аналитические приемы связей между словами, различные явления нового порядка слов, а также синтаксические конструкции, весьма близкие к балканским романским языкам.

В качестве источника для изучения латыни на Балканах может быть упомянуто также Письмо Авксентия из Дуростора. В этом Письме . . . Авксентий описывает жизнь и смерть готского епископа Вульфилы — переводчика Библии на готский язык. В указанное письмо проникло много элементов народной латыни, а именно: дифтонг *ae* переходит в гласный *e* (*beate memorie* вместо *beatae memoriae*); согласные *b* и *v* заменяет друг друга (*incarpavilem* вместо *incarpabilem*; *immovilis* вместо *immobilis*; *sibe* вместо *sive*; *vibere* вместо *vivere*; *laborabit* вместо *laboravit* и др.). Авксентий использует придаточное дополнительное с *quia* вместо классической конструкции аккузатива с инфинитивом. Однако Авксентий не отказывается совершенно от классической конструкции, которую он неоднократно использует. Что касается лексики, то у данного автора много слов специфических для христианской латыни (*advocatus* в смысле 'утешитель'; *grandis* вместо *magnus* и др.)⁶².

94. Для развития народной латыни на Балканах определенное значение имеет список названия местностей, включенный в работу «*De edificiis*» византийского историка Прокопия из Кесареи, умершего в 562 г.⁶³ В этом списке местностей древней Иллирии (Дардании) фигурирует, например, название *Caromalba*, которое Х. Михэеску⁶⁴ интерпретирует как *sarut malva*, а Г. Рольфс⁶⁵ считает, что идет речь о *sarum alba*.

Другие топонимы у Прокопа: *Gemellomontes*; *Monteregine* в Нижней Мезии; *Luprophontana* в Верхней Мезии и др.

§ 20. Сравнительное изучение современных романских языков

95. Многие романисты и особенно В. Мейер-Любке считали, что самым надежным источником восстановления лингвистического статута в народной латыни представляет сравнительное изу-

⁶² Auxenti Durostorensis epistula de fide, vita et habitu Ulfilae. «Aus der Schule des Wulfila». Texte und Untersuchungen zur altgermanischen Religionsgeschichte. Straßburg, 1899, стр. 73—76; Н. М и х ä е с к у. Scrisoarea lui Auxentius din Durostor, izvor pentru latinitatea balcanică. «Omagiu lui I. Iordan». Bucureşti, 1958, стр. 607—610.

⁶³ P. S k o k. De l'importance des listes toponomastiques de Prèdcope pour la connaissance de la latinité balkanique. «Actes du IV-e congrès international des études byzantines», t. I. Sofia, 1935, стр. 161 и сл., а также: «Revue des études balkaniques», v. III, 1937, стр. 47—58.

⁶⁴ Н. М и х ä е с к у. Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman. Bucureşti, 1960, стр. 195.

⁶⁵ G. R o h l f s. Les avatars. . . , стр. 23.

чение современных романских языков. Именно этот подход и может дать романисту необходимые сведения для определения лексики, фонетики и грамматического строя народной латыни.

Нужно прямо сказать, что те источники изучения народной латыни, о которых шла речь выше, не могут разрешить множества проблем, относящихся к структурно-грамматическим, фонетическим и лексико-фразеологическим особенностям народной латыни. В связи с этим на основании сравнительно-исторических данных, почерпнутых из истории современных романских языков, романисты пытались восстановить некоторые элементы, которые, по их мнению, должны были существовать в латинской народной речи⁶⁶. Восстановленные, но текстуально не аттестованные формы давались в работах по специальности (этимологических словарях, грамматиках) со звездочкой (астериском)⁶⁷.

«История народной латыни, — писал В. Мейер-Любке, — должна быть восстановлена почти полностью из живых языков. Незначительный материал, представленный античностью, может быть введен только как подсобный. То, что из этого материала не подходит, должно быть отброшено как ненужное и обманчивое»⁶⁸.

Латинские прототипы были восстановлены путем сравнения с современным состоянием в романских языках в весьма значительных случаях. Сошлемся на такой пример. Этимология существительных (молд. *ploaie* 'дождь', рум. *ploaie*, фр. *pluie*, исп. *lluvia*) не может по фонетическим причинам исходить из литературной латинской формы *pluvia*. Поэтому на основе сравнительного изучения соответствующих форм современных романских языков была реконструирована форма *plovía, поддержанная аттестованной в текстах глагольной формой *plovebat*.

Важно отметить, что иногда восстановленные формы были впоследствии аттестованы в текстах, найденных позже. Это по существу доказывает, что реконструкция осуществлена правильно. Чтобы объяснить романские формы — молд. *дескулц* 'не обутый', рум. *descult*, исп. *descalzo*, порт. *descalco*, ит. лит. *scalzo* (ст.-вен. и ст.-пад. *descolzo*), — В. Мейер-Любке⁶⁹ восстановил форму **disculcius*⁷⁰. Недавно реконструированная форма была аттестована в тексте⁷¹. Тем самым доказано, что реконструкция сделана правильно.

⁶⁶ Так почти полностью была восстановлена лексика народной латыни, см.: G. K ö r t i n g. Lateinisch-romanisches Wörterbuch. Paderborn, 1901; Aufl. 3, 1907.

⁶⁷ A. G r a u r. Mots «reconstruits» et mots attestés. «Bulletin linguistique», II, 1934.

⁶⁸ См.: Grundriss der romanischen Philologie: Hg. von G. Gröber, Bd. I, Aufl. 1. (1888), стр. 359.

⁶⁹ Romanisches Etymologisches Wörterbuch, Aufl. 3, № 2662.

⁷⁰ S. P u ș c a r i u. Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. Heidelberg, 1905; I. A. C a n d r e a, O. D e n s u ș i a n u. Dicționarul etimologic al limbii române. București, 1907 (восстановили лат. *disculcius).

⁷¹ Lex Salica, ms. D: sic postea in camisa discinctus, *disculcius palo* in mano sepem psaltire debit, см.: K. A. E c k h a r d t. Lex Salica 100 Titel-Tex.

Астериск был снят у многих слов романских языков вследствие того, что аттестованы в текстах соответствующие латинские этимоны. В восточнороманских языках таких слов более ста ⁷² (ср. молд. *a абате* 'отвлекать', *a алунга* 'гнать', *алуат* 'тесто', *a апропия* 'приблизить', *a се асемэна* 'походить', *дор* 'мечта', *а блестяма* 'проклинять', *а ботеза* 'крестить', *бэтэтурэ* 'двор, место перед домом' и др.).

При использовании метода реконструкции в этимологических исследованиях необходимо учесть как фонетические соответствия (т. е. фонетический состав слов — латинских и романских), так и семантическое значение лексических единиц. Молд. глаголу *а муя* 'мочить' соответствуют в других романских языках такие глагольные формы: рум. *a muia*, фр. *mouiller*, пров., порт. *molhar*, кат. *mollar*, исп. *mojar*. Во всех этих языках указанные глаголы имеют то же самое значение 'мочить'. Относительно фонетического оформления этих глаголов имеется также полное соответствие в исторической фонетике каждого романского языка. Так гласный *и* (из дифтонга $\dot{y} + a = я$, молд. *муя*) точно соответствует гласному *і* (из рум. *muia* и фр. *mouiller*) и происходит из нар. лат. *l'* (*л* палатализованный), сохранившегося в арум. языке (*mul'at* 'отмоченный', *mol'u* 'мочу'). Французское графическое изображение *ill* также соответствует *l'*, сохранившемуся в средневековом французском языке. В провансальском, португальском (*lh*), и каталанском (*ll*) имеется то же соответствие. Исп. *j* также происходит из более древнего *l'*.

Однако ни в одном письменном латинском источнике нельзя найти такую глагольную форму, из которой образовались бы все соответствующие глаголы современных романских языков. В связи с этим и был реконструирован глагол **molliare* на основе прилагательного *mollis* 'мягкий' ⁷³ и глагольного суффикса *-(i)are*.

Реконструкция какой-либо языковой единицы реализуется следующим путем. Изучаются в сравнительном плане соответствующие формы современных романских языков, например, молд. *векъ*, рум. *veschi*, ит. *vecchio*, порт. *velho*, исп. *viejo*, пров. *vielh*, ст.-фр. *vieil*. На этой основе восстанавливается языковая единица, которая, по всей вероятности, должна была бы существовать в народной латыни (**veclus*). В то же время учитывается и латинская форма, аттестованная в текстах (*vet(u)lus*). Переход группы согласных *tl* в *cl* наличествует также в других словах: *fiscia* из *fist(u)la* ⁷⁴, *siclus* из *siculus* ⁷⁵ и др. Астериск у **veclus*

Weimar, 1953; см. также: M. I l i e s c u. Lat. *disculcius*. «Studii și cercetări lingvistice», IX, 1958, № 3, стр. 411.

⁷² H. M i h ä e s c u. E indreptătită reconstruirea? «Omăgiu lui Al. Rosetti», 1965, стр. 567—571; см. также: «Studii și cercetări lingvistice», 1967, № 6, стр. 679.

⁷³ Ср. молд. *моале*, рум. *moale*, ит., порт. *molle*, фр. *mou*, *mol(le)*, пров. *mol*, кат. *moll*, исп. *muelle*.

⁷⁴ См.: CGE, V, 248, 14.

⁷⁵ У Антонина из Плаценции.

снят, когда это слово было аттестовано у Проба (*vetulus non vetulus*).

96. Со временем некоторые романисты стали злоупотреблять методом реконструкции, присваивая народной латыни такие языковые черты, которых не только не было, но даже не могло существовать. Особенно сомнительными стали восстановленные флективные формы ⁷⁶. Вот почему и раньше ⁷⁷, и теперь ⁷⁸ многие романисты высказались против метода реконструкции, заявляя, что этот метод привел к произвольным и нереальным конструкциям ⁷⁹. На трудности полного описания характерных особенностей народной латыни посредством сравнительного исследования романских языков указывал также и А. Мейе ⁸⁰. Поэтому даже самый горячий сторонник метода реконструкции В. Мейер-Любке теоретически от него отказался ⁸¹, хотя практически продолжал им пользоваться. Современные исследователи весьма осторожно его используют ⁸².

Нам представляется, что на современном этапе развития романистики надо иметь в виду, что результаты, достигнутые посредством сравнения различных лингвистических явлений, бытующих в романских языках, остаются гипотезами до тех пор, пока они не находят надежного подтверждения в латинских текстах ⁸³, т. е. в конечном счете пока они не аттестуются в письменных источниках. Ср. то, что было сказано о *veclus*, *desculcius* и т. п. (стр. 125—126).

---

⁷⁶ Методом реконструкции особенно злоупотребили Е. Гамильшер (E. Gamillsche g. *Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache*, Heidelberg, 1928), Г. Гиуглеа (G. Giuglea. *Dacoromania*, v. II, III), С. Пущариу (S. Puscariu. *Zur Rekonstruktion des Urrumänischen*. «Beiheft zur Zeitschrift für romanische Philologie», Bd. XXVI, 1910), и др.

⁷⁷ ALLG, VIII, 146 (см. K. Sittl); F. G. Mohl. *Introduction...*, стр. 25—26.

⁷⁸ «Bulletin de la société de linguistique de Paris», 1924 (см. А. Терраше); Е. Курлович. О некоторых функциях сравнительного языкознания. — ВЯ, 1962, № 1; И. М. Тронский. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Л., 1967.

⁷⁹ См.: «Revue de philologie», t. XXXIX, 1965, стр. 159 (А. Эрну).

⁸⁰ См.: «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 61, 1930, стр. 116 (см. А. Мейе).

⁸¹ Во втором издании (1904—1906) *Grundriss'a*.

⁸² См.: V. Văănăne n. *Introduction...*, стр. IX.

⁸³ Ср.: А. Эрну (Указ. соч.) и И. Герман (J. Herman. *Le latin vulgaire*. Paris, 1967, стр. 35). См. также: Al. Rosetti. *Istoria limbii române*, стр. 91.

ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

Глава I

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 21. Общие замечания

97. По вполне понятным причинам латинские грамматики не создали специального труда, в котором анализировались бы в сравнительном плане фонетические особенности литературной и народной латыни. Поэтому современные романисты вынуждены судить о фонетических особенностях народнолатинской речи лишь на базе письменных источников (надписи, тексты и т. д.), которые лишь в определенной мере могут дать представление об этих особенностях. Правда, в отдельных случаях романисты имеют в своем распоряжении непосредственные свидетельства латинских грамматиков, которые отмечают некоторые особенности произношения звуков в народной и литературной латыни. Много сведений о произношении латинских звуков имеется, например, в трактате Теренциана Мавра «De litteris, de syllabis, de metris».

Особое значение имеет «Appendix Probi». Если в нем читаем: *auris non oricla*, то легко понять, что в те времена (IV в.) дифтонгу *au* из литературной латыни (*auris*) соответствовал гласный *o* в народной латыни (*oricla*). Этот же источник дает нам примеры типа: *sibilus non sifilus*. Первая форма соответствует литературной латинской норме, а вторая принадлежит народной речи. Грамматик первой половины IV в. Ноний Марцелл непосредственно подтверждает, что народнолатинская форма стала нормой: *Sifilare quod nos vilitatem verbi vitantes sibilare dicimus*, т. е. 'sifilare вместо чего мы, желая избежать вульгарности этого слова, говорим sibilare'.

Для выявления произношения некоторых согласных весьма ценными являются утверждения латинского грамматика Кассиодора (который цитирует Папириан): *justitia cum scribitur, tertia syllaba sic sonat, quasi constet ex tribus litteris t, z, i, cum habeat duas t et i*¹, т. е. 'когда пишется *justitia*, то третий слог звучит

---

¹ GL, VII, 216, 8—9.

так, как если бы он состоял из трех букв t, z, i, хотя он имеет две t и i'.

Грамматик Сервий, живший в IV в., делает различия в произношении простого l и удвоенного (геминированного)² (II). В первом случае он произносился палатализовано (мягко) — *tenuis* — как пишет Сервий, а во втором — непалатализовано (твердо) — *pinguis*. Сервий писал так: . . . *aut unum l tenuis dicis, ut Lucius, aut geminum pinguis, ut Metellus* 'l бывает или простым (и тогда) произносится мягко, как (в слове) *Lucius*, или удвоенным, который произносится твердо, как (в слове) *Metellus*'³.

Присциан (I, 38), ссылаясь на Плиния, уже различает три вида произношения этого плавного звука: *l triplicem, ut Plinio videtur, sonum habet: exilem, quando geminatur secundo loco posita, ut il-le, Metel-lus; plenum, quando finit nomina vel syllabas et quando aliquam habet ante se in eadem syllaba consonantam, ut sol, silva, flavus, clarus, medium in aliis, ut lectus, lectum* 'Как представляется Плинию, буква l имеет тройное произношение: слабое, когда при удвоении она стоит на втором месте, как в словах *il-le, Metel-lus*; полное, когда она завершает слова или слоги и когда имеет перед собой в этом же слогe согласную, как в словах *sol, silva, flavus, clarus* . . .; среднее в других случаях, например *lectus, lectum* . . .'

98. Различия в произношении простых и удвоенных согласных имели значение не только с фонетической точки зрения, но были и семиологически релевантны, дифференцируя единицы на семантическом уровне. Ср. *caleo, -ui -ēre, 'согреваюсь' — calleo, -ui, -ēre 'соображаю'*; *stela 'столб, колонна, надгробная стена' — stella 'звезда'*; *catus 'смышленный' — cattus 'кот'*; *ager 'поле' — agger 'насыпь, дамба'*; *aditus 'приход' — additus 'приставленный'*; *ferum (ср. p) 'дикий' — ferrum 'железо'*; *sēra 'поздняя', sēra 'запор, задвижка' — serra 'пила'*; *gemo, -ui -ēre, 'стону' — gemmo, -avi, -atum, -āre 'осыпан драгоценностями'*; *ānus 'кольцо', ānus 'старуха' — annus 'год'*.

99. Дифференцированное произношение простых и удвоенных согласных отразилось и на дальнейшем развитии соответствующих звуков в романских языках⁴: лат. *stela 'столб, колонна' > рето-ром staila*, лат. *stella 'звезда' > ит. stella, исп. estrella, фр. étoile*, молд. *стя*, рум. *stea*; лат. *cupa 'бочка' > фр. cuve, исп. cuba*, ит. *cupola*; лат. *cupra 'кубок, чаша' > фр. coupe 'разрез', исп. cора, ит. сорра*.

100. В латинском языке оппозиции фонологического порядка обнаруживаются по различным признакам:

² Геминированные согласные составляют одну из характерных черт латинского фонетизма, см.: A. M e i l l e t. *Esquisse* . . ., стр. 35.

³ *Grammatici latini*. Ed. H. Keil, IV, стр. 445; ср: E. S e e l m a n n. *Die Aussprache des Latein nach physiologisch-historischen Grundsätzen*. Heilbronn, 1885.

⁴ Al. G r a u r. *Les consonnes géminées en latin*. Paris, 1929; A. G r a u r, A. R o s e t t i. *Sur le traitement de latin l double en roumain*. «Bulletin linguistique», t. IV, 1936.

а) по звонкости:

pono 'кладу' — bono 'хороший' (абл., дат. ед. ч.) tensus 'натянутый' (партицип перфект от tendo) — densus 'густой', ācer 'клен' — āgēr 'земля';

б) по способу образования:

pono 'кладу' — sono 'издаю звук', natus 'рожденный' — latus 'широкий';

в) по месту образования:

cantūs 'пение' — quantus 'какой', secor (пассив от seco) 'срезан' — sequor 'иду вслед', lingas (конъюнктив презенс 2 л. ед. ч. от lingo) 'чтоб ты лизал' — linguas (аккузатив мн. ч. от lingua) 'языки'.

§ 22. Ударение

101. Общеизвестно, что одной из самых характерных качественных черт лингвистического звука является его тембр. Это определенное свойство, характерная окраска звука, отличающая его от других звуков. Окраска звука создается гармоническими обертонами и резонаторными тонами, которые накладываются на основной тон или шум. Чтобы изменить тембр звука в языке имеются три основных средства: количество (квантитативность), усиление (интенсивность) и высота звука (тональность).

В литературной латыни наибольшее значение имела количественная (квантитативная) сторона произношения звука. От этого зависело и место ударения в слове. В латинском языке ударение падало на предпоследний или предпредпоследний слог. Ударение падало на предпоследний слог, если он был долгим (например, айусис 'друг') и передвигалось на третий слог с конца, если предпоследний слог был кратким (аніма 'душа'). Вследствие того, что тот или иной гласный произносился с различной степенью длительности, т. е. долго или кратко, темп латинской литературной речи характеризовался преимущественно количественной стороной. На принципе чередования долгих и кратких гласных основывались правила латинского метрического стихосложения и положение ударения⁵. Зачастую отличие между долгими и краткими гласными имело фонологическую значимость. Ср. sāgus (прил.) 'дорогой' — sāgus (сущ.) 'воз'. Ср. также occīdo 'падаю' — occīdo 'убиваю'.

В других случаях место ударения определяло морфологическую форму:

advēnit (презенс, индик. 3 л ед. ч.) 'прибывает'

advēnit (перфект, « « « «) 'прибыл'.

2) Интенсивность — это степень усиления или ослабления выдыхания, с которой произносится звук. В литературной латыни интенсивность играла второстепенную роль.

⁵ И. М. Тронский. К вопросу о латинском ударении (циркумфлекс), «Сборник памяти академика Л. В. Щербы». Л., 1951.

Высота звука зависит от частоты колебаний голосовых связок в единицу времени (в секунду) при произношении данного звука. В литературной латыни звук выделялся своей высотой, т. е. более высокой или низкой нотой произношения данного звука, а также определенного слога в слове, именно ударяемого слога. Вследствие этого в литературной латыни (как и в древнегреческом и санскрите) ударение в фонетическом аспекте имело мелодичный, музыкальный характер⁶, т. е. было основано на повышении тона⁷.

Латинский грамматик Варрон (по сообщению другого грамматика Сергия) пишет: . . . *natura vero prosodiae in eo est, quod aut sursum est aut deorsum; nam in vocis altitudine omnino spectatur adeo ut, si omnes syllabae pari fastigio vocis enuntientur prosodia sit nulla* (De accentibus, GL IV, 525, 21 и сл.) ' . . . природа ударения заключается в том, что (тональность изменяется) или вверх или вниз; она проявляется вообще в высоте голоса, так что если бы все слоги произносились с одинаковым повышением голоса, то не было бы никакого ударения'.

Цицерон выделяет в слове острый тон: . . . *ipsa enim natura, quasi modularetur hominum orationem, in omni verbo posuit acutam vocem nec una plus nec a postrema syllaba citra tertiam* ' . . . природа, как бы стремясь к разнообразию человеческой речи, в каждом слове выделила острый звук и притом только один, и не далее чем на третьем слоге от конца'.

102. В народной латыни, начиная со II в.⁸ и особенно после III в., произошло существенное изменение в этом отношении. Мелодическое, музыкальное ударение было заменено динамическим экспираторным ударением, основанным на усилении (интенсивности) звука. Впервые среди поэтов Коммодиан (III в. н. э.), сириец по происхождению, переходит от метрической к динамической (тонической) основе стиха⁹.

В стихах поэта V в. Седулия чередование ударных и неударных слогов лежит в основе новой латинской метрики:

Beátus áuctor saéculi
Servíle córpus índuit,
Ut cárne cárnem líberáns
Ne pérderét quos cóndidít.
'Блаженный творец мироздания
облекся в рабское тело,
освобождая плоть плотью, дабы
не погубить тех, кого сотворил'.

⁶ См.: М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика. . . , § 8; ср. Maurer, § 30.

⁷ Музыкальное ударение сохранено до сих пор в некоторых индоевропейских (литовском, сербохорватском) и восточных языках (китайском, японском, корейском и др.).

⁸ M. G. N i c o l a u. L'origine de «cursus» rythmique et les debuts de l'accent d'intensité en latin. Paris, 1930.

⁹ И. М. Т р о н с к и й. Историческая грамматика. . . , стр. 65.

Динамическое ударение было одним из первостепенных факторов дальнейшего развития латинского вокализма. Предпосылки, способствующие замене музыкального ударения динамическим, разнообразны. По всей вероятности, одним из главных факторов, содействовавших этому переходу, являлось то, что иноязычное, нелатинское население провинций произносило ударяемые слоги с особой интенсивностью. Латинский грамматик Помпей, живший в Африке в V в., писал: *Illa syllaba plus sonat in toto verbo, quae accentum habet, ergo illa syllaba, quae accentum habet plus sonat, quasi ipsa habeat maiorem potestatem* 'Тот слог, который имеет ударение, звучит сильнее во всем слове. Значит, тот слог, который имеет ударение — более звучный, как будто имеет большую силу (интенсивность)'. Эту же характеристику подчеркивает и грамматик Сервий: *Accentus in ea syllaba est, quae plus sonat*. 'Ударение падает на тот слог, который звучит сильнее'.

103. Ударяемые слоги произносились более интенсивно и поэтому подвергались, как правило, дифтонгизации. Дифтонгизовались особенно ударные гласные *e*¹⁰ и *o*. Ср. лат. *petra*, которому соответствует в романских языках: ит. *pietra*, фр. *pierre*, исп. *piedra*, рум. *piatră*, молд. *пятрэ*. Что касается *o*, то оно становится *uo*, *ue*. Ср. лат. *focus*, ит. *fuoco*, исп. *fuego*; лат. *porta*, исп. *puerta* (кат., ст.-пров. *portă*). В ст. фр. *o* ударное также перешло вначале в *ue*, а затем в *eu* (лат. *morit* > фр. *meurt*)¹¹.

104. В неударяемых слогах гласные *i*, *u* подвергались редукции, а затем синкопировались¹². Явление синкопы особенно присуще трехсложным словам с ударением на третьем слоге от конца слова. Даже в классический период литературной латыни аттестована синкопа гласного *i* (*e*) в произведениях таких поэтов, как Гораций (*lamna* — Carm. II, 2, 2 — вместо *lamina* 'лист, доска'), Вергилий (*aspris* — Аен. II, 379 — вместо *asperis* 'шероховатый'). По словам Квинтилиана (*Inst. orat.* I, 6, 19), Август считал форму *calidum* 'теплый' искусственной, доказывая тем самым, что форма *caldum* была в общем употреблении. Форма *discipulina* 'учение' (от *discipulus* 'ученик') считалась архаической, а литературной нормой являлась синкопированная форма *disciplina*.

В текстах народной латыни аттестованы формы: *verde* 'зеленый' (лит. лат. *viridem*); ср. ит., рум., исп., порт. *verde*; пров., кат., фр. *vert*.

«Appendix Probi» цитирует форму *stablum* 'стойло' (лит. лат. *stabulum*). Ср. ит. *stabbio*, пров. *estable*, фр. *étable*, рум. *staul*, молд. *стаул*.

¹⁰ CIL, VIII, 9181: *dieo* (вместо *deo*).

¹¹ Л. Н. Сычева. Дифтонгизация латинских кратких гласных под ударением в открытом слоге во французских диалектах. «Проблемы диахронии...», ч. II, стр. 99—110.

¹² М. Нидерман. Историческая фонетика... , стр. 40 и сл.

Во II в. н. э. раб Felix Satrius соорудил на могиле своих хозяев памятник в городе Viminacium (Верхняя Мезия). В надписи на этом надгробье появились синкопированные формы: domno et domnae (вместо domino, dominae). По свидетельству Г. Шухардта, форма domnus встречается повсюду, начиная с Плавта и кончая Григорием Турским¹³.

Нужно добавить, что явление синкопы характеризует преимущественно народно-разговорную речь. Из 227 поправок в «Appendix Probi» 25 относятся к синкопе. Поэтому вполне понятно, почему в романских языках нашли распространение формы с синкопой (исп. duena, dueno, ит. don, donna, пров. dom, domna, фр. dame, рум. domn, doamnă).

Ср. ит. caldo, исп. caldo (со значением 'суп'), рум. cald, молд. калд 'теплый'; лит. лат. oculum, нар. лат. ocul > ит. occhio, фр. oeil, исп. ojo, порт. olho, рум. ochi, молд. окь.

В надписях Нижней Мезии, Дакии и других провинций аттестована синкопа i, u в безударном положении перед другими гласными: conugo (CIL, III, 7499), Aurelus (CIL, III, 804); «Appendix Probi» предупреждает triclinium non triclinu (столовая), Februarius non Febrarius и др.

105. Как правило, в народной латыни ударение сохранялось в слове на том же месте, где оно находилось и в литературной латыни¹⁴ за небольшими исключениями. Следует отметить ряд таких отклонений.

106. В литературной латыни гласный, который находился перед группой согласных muta cum liquida (взрывной+плавный), был кратким и, следовательно, не мог нести ударения. Ср. pal-рѣбра 'веко', colōbra 'змея', tēnēbrae 'темнота', intēgrum 'целый', catēdra 'кафедра' и др. В литературной латыни такие слова были пропарокситонами (proparoxytona). Как поэтическая вольность (licentia poetica) появляется у Овидия в «Метаморфозах» ударение volūcres¹⁵ 'птицы'. Такое ударение чаще всего встречается у более поздних поэтов.

В народной латыни вообще в подобных словах ударение переходит на предпоследний слог. Эти слова становятся парокситонами (paroxytona): palpēbra, colōbra, tenēbrae, intēgrum, catēdra и т. д. Такое же ударение в романских языках: исп. tiniéblas, фр. couleuvre, пров. coloura, исп. culebra; ит. int(i)éro, фр. entiér, исп. entéro, молд. ынтрег, рум. întreg; ст.-фр. chaïere, пров. cadiera, исп. cadera, порт. cadeira¹⁶ и т. д.

Необходимо упомянуть здесь явление так называемой рекомпозиции. В литературной латыни префиксальные глаголы имели ударение на префиксе. В народной латыни на основе рекомпозиции

¹³ H. Schuchardt. Vokalismus. . . , Bd. II, стр. 70 и сл.

¹⁴ И. М. Тронский. Историческая грамматика. . . , стр. 63 и сл.

¹⁵ Sideraque ventique nocent avidaeque volūcres, 'дикие птицы вредят и небо и ветер'.

¹⁶ Ит. cattedra, исп. catedra — книжные слова.

ударение переходит на корневую часть глагола, т. е. как и в производной форме соответствующего глагола.

Ср.

лит. лат.

нар. лат.

rénëgo

renégo 'отрицаю' (как négo)

rétënet

reténet 'удерживает' (tenet),

dísplăcet

displăcet 'не нравится' (plăcet)

Ср. фр. (il) reçoit, renie, deplaît; ит. riceve, rinnega, dispiace (из нар. лат. recípit, renégat, displăcet).

В народной латыни были, однако, аттестованы и случаи непереходного ударения в производных глаголах. Это имело место преимущественно, тогда, когда налицо явление синкопы. Ср. лат. лит. sólloco 'ложусь спать', лат. нар. sólco, ит. colco, исп. cuelgo, порт. colgo, фр. couche, молд. кулк, рум. culc.

Рекомпозиция относится также к восстановлению гласной в производных глаголах. Из глагола capto в литературной латыни образован ассерто 'принимаю, допускаю'. Народная латынь восстановила корневую гласную: ассарто (отсюда фр. achète 'покупаю'). Ср. лит. лат. condemnno 'обсуждаю, обвиняю' (из damno) — нар. лат. condamno (отсюда фр. condamne, рум. condamn, молд. кондамм — ср., однако, исп. condenar); лит. лат. transilio 'подпрыгиваю' (из salio) — нар. лат. transalio (фр. tresaille, молд. тресар). В надписях представлено множество форм, подвергнутых рекомпозиции. Ср. commando (CIL, VI, 10464) вместо лит. лат. commendo. Поэтому грамматик Веллий Лонг (GL, VII, 73, 10) вполне справедливо отмечает: Quamvis commendo dicamus tamen commando in consuetudine est 'Сколько ни говорили бы мы (грамматики) commendo, все же обычной формой является commando.'

Отражение явления рекомпозиции в романских языках может содействовать восстановлению народнолатинских форм, не аттестованных в текстах. Так, глагол лит. лат. infringo, -ëre должен был иметь в нар. лат. соответствие *infrango, infrangere, так как этот глагол считался производным от frango, frangere. Ср. молд. ынфрынг 'побеждаю', ынфрынгжере; рум. înfrîng, înfrîngere; ит. infrangere. Подобным же образом лит. лат. attineo, attinëre должен был иметь в нар. лат. соответствие *atteneo, attenere (от te-neo, tenëre). Ср. ит. attenëre.

107. У слов, имеющих гласные в зиянии (хиатус), ударение перешло с предпредпоследнего на предпоследний слог, так как последующая гласная, будучи более открытой, притягивала ударение на себя. Вследствие этого произошла редукция, а затем синкопа более закрытых гласных i, u. Ср. лит. лат. pariëtem — нар. лат. pariétem 'стена' и даже paréte¹⁷ (ит. parete, исп. pared,

¹⁷ В одной надписи Рима (CIL, VI, 3714). В надписях часто quéta вм. quieta 'тихая, спокойная'. Ср. ит. cheto (ит. quieto — книжное), фр. ça, исп., порт. quedo.

пров. *paret*, порт. *parede*, фр. *paroi*, молд. *перете*, рум. *perete*); лит. лат. *mulīēgem* — нар. лат. *mulīēgem* 'женщина' (ст.-ит. *mogliera*, исп. *mujer*, пров. *mōlher*, порт. *mulher*, ст.-фр. *moillier*, молд. *муере*, рум. *muiere*).

108. Парокситонные числительные литературной латыни (*vīginti*, *trīginta*) становятся пропарокситонными (*víginti*, *tríginta*). Именно эти формы (после утраты интервокального -g-) и легли в основу соответствующих современных числительных (ср. ит. *venti*, исп. *veinte*, порт. *vinte*, фр. *vingt*, арум. *yig'inț*, *yinyiț*, *ying'iț*; ит. *trenta*, исп. *trienta*, порт. *trinta*, фр. *trente*).

109. Место ударения изменилось и в некоторых глагольных формах. В литературной латыни такие глаголы, как *battūere* 'бить', *consūere* 'шить', были пропарокситонными. В народной латыни эти глаголы получают ударение на четвертом с конца слоге: *báttuere*, *cónsuere*. Впоследствии гласный *u* синкопируется (*báttere*, *cónsuere*). В «Муломедицине Хирона» обнаружена форма *batit* от глагола *bat(t)ere*. Кассиодорий (490—585 гг.) отмечает: ... *battualia*, quae vulgo *battalia* dicuntur... 'battualia, что в народе называют *battalia*'. На основе нар. лат. *battalia* образовались: ит. *battaglia*, фр. *bataille*, пров. *batalha*, молд. *бэтае*, рум. *bătaie*. Ср. также глагол: ит. *battere*, порт. *bater*, исп. *batir(se)*, фр. *battre*, молд. *а бате*, рум. *a bate*.

110. У глаголов III спряжения 1 и 2 лица мн. числа ударение перешло в народной латыни с корня на окончание по аналогии с соответствующими формами других спряжений. Ср. нар. лат. *credímus*, *credítis* 'думаем, думаете' (лит. лат. *crédimus*, *créditis*) по аналогии с *laudámus*, *laudátis* 'хвалим, хвалите'; *delémus*, *delétis* 'разрушаем, разрушаете'; *audimus*, *auditis* 'слышим, слышите' и т. п.

* * *

В дальнейшем изложении мы остановимся особенно на тех фонетических явлениях, которые представляют определенные особенности народной латыни по сравнению с литературной латынью¹⁸.

§ 23. Консонантизм

Общие замечания

111. Народная латынь представляла определенные особенности по отношению к литературной в явлениях консонантизма.

¹⁸ Система латинского фонетизма Восточной Романии исследована в монографиях: А. В. Широкова. Латинский язык на Балканах (опыт фонологического описания). Минск, 1967; Она же. Очерк сравнительного описания восточнороманской фонологической системы (на материале надписей). Минск, 1968.

В латыни ффрикативный глухой звук *s* не имел звонкой пары. Так, в слове *causa* 'причина, повод' согласная *s* была глухой и произносилась, как и в слове *sol*. Поэтому иногда графически это слово оформлено как *caussa*. Та же глухая согласная появлялась и в сочетании *cs* (написано *x*). В слове *exire* 'выходить' произносилось *essire*, а не *egzire*. Появление звонкой (*z*) следует объяснить греческим влиянием в словах типа: *zephyrus* 'западный весенний ветер', *zona* 'пояс' и т. п. Слова греческого происхождения появляются уже у писателей, использующих народнолатинские элементы: *zonarius sector* 'карманный вор' (Плавт), *zamia* 'ущерб, убыток' (Плавт); *zēlōtura* 'ревнивица' (Петроний), *zāplūtus* 'очень богатый' (Петроний), *zugia tibia* 'брачная флейта' (Апулей) и др. В романских языках сохранились и глухой (*s*) и звонкий (*z*) ффрикативные звуки.

Ср. лат. *saccus* 'мешок' > ит. *sacco*; исп., порт. *saco*, фр., пров., кат. *sac*; молд. *sak*, рум., арум., мегл. *sac*, истр. *sqc*; лат. *sanguis* 'кровь' > ит. *sangue*, исп. *sangre*, фр. *sang*, пров., кат. *sanc*, молд. *сынже*, рум. *sînge*, арум. *sîndze*, мегл. *sondz*, истр. *sânje*; лат. *casa* 'лачуга, дом' > ит., пров., кат., исп., порт. *casa*, молд. *касэ*, рум., арум., мегл. *casă*, истр. *cqse*; ср. лат. *causa* 'причина, повод' > фр. *chose, cause*, молд. *каузэ*, рум. *cauză*; лат. (из греч.) *zephyrus* 'зефир (ветер)' > фр. *zephyr(e)*, молд. *зефир*, рум., арум. *zefir*.

В литературной латыни глухой лабиодентальный ффрикативный звук *f* не имел звонкой пары. То, что обычно передавалось через согласный *u*, произносилось примерно как современное английское *w*; например, *venio* 'прихожу' произносилось *wenio*, а писалось *uenio*. Примерно с I в. н. э. согласная *u* стала произноситься как звонкий лабиодентальный ффрикативный звук (*v*), составляя пару с ффрикативным глухим звуком *f*.

Эта пара ффрикативных звуков сохранилась в романских языках.

Ср. лат. *factum* 'действие, поступок' > ит. *fatto*, пров. *fach*, фр. *fait*, порт. *feito*, молд. *фант*, рум. *fapt*, арум. *faptu*, *faptă*, мегл. *fat*; лат. *vīnum* > ит., исп. *vino*, пров., кат. *vi*, фр. *vin*, порт. *vinho*; молд. *вин*, рум. *vin*, арум. *vin*, мегл. *vin*, истр. *vir*.

В романских языках развились также ффрикативные переднеязычные звуки *š* и *ž*.

Ср. фр. *chanter* 'петь' (из лат. *cantare*); фр. *pêcher* 'удить' (из лат. *pīscari*); молд. *шарпе* 'змея', рум., арум. *șarpe*, мегл. *șarpi* (из лат. *sērpens*); молд. *фашиэ* 'свивальник', рум., арум. *fașe*, мегл. *fașă*, истр. *foșa* (из лат. *fascia*); молд. *каш* 'свежий (сладкий) овечий сыр', рум., арум., мегл. *caș*, истр. *cqș* (из лат. *caseus*).

Ср. фр. *jeu* 'танец, игра', пров. *joc*, кат. *jog*, порт. *jogo*; молд. *жок*, рум. *joc*, мегл., истр. *joc* (из лат. *iōcus*); фр. *joug*, 'иго, ярмо', пров. *jo*, кат. *jou*, порт. *jugo*; молд. *жуг*, рум. мегл., истр. *jug* (из лат. *iūgum*).

Аффрикаты (*ts* [ц] и *tš* [ч]) появились еще в период существования народной латыни. Латинские грамматики IV—V вв. отмечают наличие этих согласных, которые образовались на основе сочетания *t+e, i; c+e, i* и др.

В романских языках указанные аффрикаты продолжают существовать до сих пор.

Ср. ит. *zanzara* 'комар', молд. *цынцар*, рум. *țânțar*, мегл. *tsân-tsar* (из лат. *zinzola*); ит. *giustizia* 'юстиция, правосудие', молд. *жустиице*, рум. *justiție* (из лат. *justitia*); ит. *cielo* 'небо', молд. *чер*, рум., истр. *cer* (из лат. *caelum*).

Аффриката *ġ* [дж] также аттестована уже в народной латыни. В романских языках эта аффриката особо развилась в итальянском: *giustizia* 'юстиция, правосудие' (из лат. *justitia*), *gioia* 'радость' (из лат. *gaudia*), *gelo* 'мороз' (из лат. *gēlum*), *gingiva* 'десна' (из лат. *gingīva*), а также и в восточнороманских языках (ср. молд. *жинџие*, *жинџинэ* 'десна', рум. *gingie*, истр. *žinžire* — из лат. *gingīva*; молд. *жер* 'мороз', рум., арум. *ger* — из лат. *gēlum*).

Следует отметить также развитие в некоторых романских языках аффрикаты лат. *d+i, e > [dz]*. Это явление стало всеобщим в арумынском. Ср. лат. *decem* < арум. *dzatse*; лат. *hordeum* 'ячмень' > арум. *ordzu*; *prandium* > *prîndzu*; рум. *zece*, *orz*, *prînz*; молд. *зече*, *орз*, *прынз*.

В древних молдавских и румынских текстах эта аффриката передается буквой *s* («дзяло»). Аффриката *dz* бытует до сих пор в молдавских говорах¹⁹.

Еще в надписях народной латыни аттестованы переходы *d+i, e > dz, z*: *adiutor* 'помощник' > *adzutor*; *diebus* 'дням' > *zebus*. Латинские грамматики (V в.) также упоминают этот переход.

Выпадение согласных

112. Еще в архаический период развития латинского языка²⁰ начальное *h* (в виде придыхания)²¹ подвергалось выпадению, хотя во многих случаях оно имело фонологическую значимость, способствуя семантической дифференциации слов.

Ср. *hōra* 'время', 'час' — *ōra* 'граница, берег'; *hābeo* 'держу' — *ābeo* 'ухожу' и т. п.

Из разговорной латыни тенденция к утрате начального *h*-проникла и в литературный язык, где появляются слова типа *anser*

¹⁹ См.: Тексте диалектале кулесе де В. Мелник, В. Стати, Р. Удлер, вол. I, партя I. Кишинэу, 1969, стр. 8, 63 и др.

²⁰ Относительно хронологизации фонетических изменений романских языков см.: E. R i c h t e r. Beiträge zur Geschichte der Romanismen, I. Chronologische Phonetik des Französischen bis zum Ende des 8. Jahrhunderts. Halle, 1934.

²¹ У латинских грамматиков *h* считалось не буквой (*littera*), а «знаком придыхания» (*nota aspirationis*). См.: М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика..., стр. 95.

‘гусь’ вместо *hanser*. Ср. «Appendix Probi»: *hostiae non ostiae; adhuc non aduc*.

Впоследствии народная латынь обобщила эту тенденцию. В сохранившихся надписях очень много примеров с утратой *h*- (*омо* вместо *homo*; *опогем* вместо *honorem*; *абере* вместо *habere*; *апс* вместо *hanc* и т. п.).

Лучшим доказательством исчезновения *h*- в произношении является гиперкорректность, т. е. появление *h*- в письме там, где оно не оправдано литературными нормами. Так, в надписях появляются формы типа: *het* вместо *et*; *hest* вместо *est*; *have* вместо *ave*; *heius* вместо *eius*; *hossa* вместо *ossa*; *hoccidit* вместо *occidit* и т. д.

Различные писатели и грамматики хорошо понимали случаи гиперкорректности. Поэт классического периода Катулл иронизирует по поводу форм *chommoda* (вместо *commoda*) и *hinsidias* (вместо лит. *insidias* ‘заговор, ловушка’): . . . *chommoda dicebat, si quando commoda vellet dicere et insidias Arrius hinsidias* ‘желая сказать *commoda*, Аррий говорил *chommoda*, а вместо *insidias* — *hinsidias*’.

Нигидий Фигул (*Nihidius Phigulus* — I век до н. э.) считал крестьянского происхождения произношение с придыханием, а значит, неуместным в литературном языке: *Rusticus fit sermo si adspires perperam* ‘речь становится крестьянской если некстати делать придыхания’.

Грамматик Варрон считал крестьянскими формы без *h*-, типа *edus* вместо лит. *haedus*.

113. В классический период развития латыни наблюдалась и другая тенденция — это утрата интервокального *h*.

Во II в. до н. э. распространялось произношение типа *prendo*²², *nil*, *coors* (и даже *cors*²³) вместо лит. *prae-hendo* или *prehendo* ‘хватаю’, *nihil* ‘ничего’, *cohors* ‘когорты’. Квинтилиан отмечает, что в его время (I в. до н. э.) форма *deprendere* была более распространена, чем *deprehendere* ‘схватить’.

114. Важнейшим фонетическим явлением в истории латинского языка было выпадение конечных согласных. Как известно, еще у поэтов-классиков окончания ~~(-um, -am, -em)~~ сливались с гласным следующего слова. Это явление так характеризуется Квинтилианом: *Illa littera m quotiens ultima est et vocalem verbi sequentis ita contigit, ut in eam transire possit, etiamsi scribitur, tam parum exprimitur . . . sed obscurantur et tantum in hoc aliqua inter duas vocales velut nota est, ne ipsae coeant*. ‘Эта буква *m* каждый раз, когда она стоит в конце слова и так близко соприкасается с гласной следующего слова, что может в нее перейти, хотя и пишется, однако почти не произносится . . . но затемняется и сохраняется лишь как некий знак между двумя гласными, препятствующий им слиться’.

²² Упомянуто поэтом Теренцием Скавром (*Terentius Scaurus* — II в. н. э.).

²³ Форма *corte* обычна в «Муломедицине Хирона».

Так, например, в аккумулятиве произносилось: *porta, memoria, muru, turre* и т. п., хотя писалось: *portam, memoriam, murum, turrem* и т. п. Согласный *m* сохранялся лишь в односложных словах: *sum, quem, rem* и др. Ср. в надписях: *usque et die tun* (CIL, VI, 13075); *sum* (из лат. лит. *suum*) — CIL, VI, 15477.

Конечная носовая согласная сохранилась в романских языках соответственно в односложных ударных словах. Ср. порт. *com*, ит., исп. *con* ²⁴ 'с' (предлог) (из лат. *cum*); ит. *sperme* 'надежда' (из лат. *sperem*); ~~фр. *rien* (из лат. *rem*); фр. *ton* (из нар. лат. *t(u)um*); фр. *son* (из нар. лат. *s(u)um*); исп. *quien*, порт. *quem*, кат., ретором. *quin*, сард. *ken, kini*, рум. *cine*, арум. *tsine*, истр. *tsire*, молд. *чине* (из лат. *quem*), пров. *can*, исп. *cuan*, порт. *quao* (из лат. *quam*) ²⁵.~~

Во всех других случаях согласная *-m* выпала. «Appendix Probi» предупреждает: *passim non passi, idem non ide*. Однако надписи повсюду дают примеры с утраченным конечным *m*: ²⁶ *месu* ²⁷ вместо *mesum*, *sorte* вместо *sortem*, *annoru* вместо *annorum*, *donu* вместо *donum*, *nequa* вместо *nequam* и т. д. Отпал *m* и у существительных с предлогом (*ad vila, ob pietate*).

Имеются и здесь случаи гиперкорректности, что также доказывает отсутствие фонетической значимости у конечного *m*: *benem* вместо *bene*, *mortem* (в аблативе ед. ч.) вместо *morte* и т. п.

115. В конечном положении утрачивается и согласная *n*: *егате* вместо *aegamen* 'медь', *ехате* вместо *ехamen* 'куча, множество, (пчелиный) рой, исследование'.

116. Еще в архаической латыни (как и в умбрском языке) конечная согласная *-s* не произносится, если последующее слово начиналось согласным звуком. Ср. *magi strenuus* 'более усердный', но *magis idoneus* 'более удобный'. Идет речь, следовательно, о позиционном выпадении звука. В надписях можно встретить уже формы типа: *lectu* вместо *lectus*, *mino* ²⁸ вместо *minus* и т. д.

У некоторых писателей, в частности у Плавта, наблюдается тенденция к утрате *-s* независимо от последующего слова. Так, можно встретить конструкции типа: *magi* (или *mage*) *amat*, наряду с *magis facete* ²⁹. Впоследствии в литературном языке появилось стремление восстановить конечное *-s* ³⁰. Однако даже Цицерон вынужден признать: *Ita enim loquabamur: qui est omnibu'*

²⁴ Ср. молд. *ку*, рум., арум., мегл., истр. *си*, ит. диал. *си*.

²⁵ Ср. молд. *ка*, рум., арум., мегл., истр. *са*.

²⁶ E. Diehl. De *-m* finali epigraphica. Lipsiae, 1899.

²⁷ Ср. ит. *тесо* 'со мной', *тесо* 'с тобой', *сесо* 'с собой'.

²⁸ По мнению Г. Шухардта, подобные формы объясняются влиянием фалисского языка и пренестинского диалекта. См.: М. С. Г у р ы ч е в а. Народная латынь, стр. 11.

²⁹ М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика. . . , стр. 95.

³⁰ Может быть, не без влияния греческого языка. См.: F. В г у н о т. Histoire de la langue française, t. I, стр. 45. — Восстановление датируется 186 г. до н. э., а именно сенатус-консультом о Вакханалиях. См.: V. V ä ä n ä n e n. Introduction . . . , стр. 70.

princeps, non omnibus princeps et vita illa dignu' loquoque, non dignus 'Ибо, таким образом, мы говорим: qui est omnibu' princeps (который является руководителем всех), а не omnibus princeps и vita illa dignu' loquoque (достойн для этой жизни и для этого места), а не dignus'. Произношение с -s Цицерон прямо называет недостаточно изысканным, крестьянским 'iam subrusticum', но при этом добавляет: . . . olim autem politius, т. е. ' . . . когда-то оно считалось довольно изысканным'.

И все же даже в III—IV вв. грамматики ратовали за восстановление -s. Ср. «Appendix Probi»: barbarus non barbar, figulus non figel.

В Галлии, в Сардинии и на Иберийском полуострове согласная s продолжала произноситься под влиянием школ и, по всей вероятности, благодаря определенным артикуляционным тенденциям местного населения ³¹. Сохранение конечного -s способствовало тому, что в указанных провинциях этот звук укрепил свою фонологическую позицию, став морфологической характеристикой множественного числа у существительных (ср. сард. muros, canes), 2 л. ед. ч. у глаголов (порт., исп., сард., пров. cantas, кат. cantes, фр. chantes), 1 л. мн. ч. личных местоимений (сард., пров., кат., исп., порт. nos, ретором. (энг.) nus, ст.-фр. nos, фр. nous).

Однако в Италии и на Балканах конечное -s все же исчезло из произношения. В народнолатинских надписях этих областей повсюду даются формы типа filiu 'сын', germanu 'родной' и т. п.

Примечание. В итальянском и в восточнороманских языках в качестве морфологического признака мн. ч. и 2 л. у глаголов ³² было принято -i. Ср. ит. poi, canti; молд. ной, кыць; рум. poi, cîntî и т. п.

117. К концу существования Римской империи на основе некоторых итальянских диалектных тенденций согласная t в окончании 3 л. ед. ч. глаголов исчезла на Балканах, в Италии и на Иберийском полуострове (canta, vende). В Галлии и Сардинии, однако, эта согласная сохранилась (cantat, vendet). В 3 л. мн. ч. конечное -t также выпало из языка в тех же провинциях (ср. в надписях Италии fecerun вместо fecerunt, debuerun вместо debuerunt, quiescun вместо quiescunt; sun вместо sunt, cantan вместо cantant; — ср. ит. cantano и т. п.).

В языках Восточной Романии выпало также и n в конце глагольной флексии. Поэтому, в балканских надписях встречаются формы типа feceru (CIL, III, 6115) вместо fecerunt ³³. В Галлии и Сардинии эти два согласных звука (nt) сохранились (kantant, timent). Ср. фр. chantent.

³¹ М. Нидерман. Историческая фонетика. . . , стр. 95.

³² По-видимому, не без влияния форм credi, vidi из лат. credis, vides.

³³ И. Венедиков. Фонетика на латинските надписи от българските земи. «Изв. на семинарите при Ист.-фил. фак-та». София, I, 1942.

118. В Италии и на Балканах еще в период империи подверглась утрате согласная г. В надписях можно встретить формы типа *mate, frate* (CIL, III, 7465) вместо лит. *mater, frater*.

119. Надо отметить также, что в народной латыни имел место процесс упрощения конечного -х в -s. Ср. в надписях: *coniū* (CIL, VIII, 3617) вместо лит. лат. *coniūx* 'супруга'. Примеры гиперкорректности говорят о том же. Ср. *milex* (CIL, VI, 37) вместо лит. лат. *miles* 'воин'. «Appendix Probi» также отмечает этот процесс: *miles non milex*.

Судьба некоторых (срединных) согласных

120. В начале, а чаще в середине слова после плавного согласного смешивалось произношение *v*³⁴ и *b*. В народной латыни *i* в н. э. обычно появляется *b* там, где в литературной латыни имеется соответственно *v*. Надписи Италии и Африки засвидетельствовали формы типа *botum* вместо *votum*; *bocem* вместо *vocem*, *birtus* вместо *virtus*; *solbit* вместо *solvit*, *se bibo* вместо *se vivo* и др. Этот переход *v* в *b* носит название бетаизма. Данным явлением можно объяснить восточнороманские формы типа молд. *бэтрын* 'старик', рум. *bătrîn*, арум. *bitârnu*, мегл. *bitōra*, истр. *betâr* (из лат. *vet(e)ranus*); молд. *бешикэ* 'пузырь', рум. *bășică*, арум. *bișică*, мегл. *bișocă* (из лат. *vessica*) и т. п.

Бетаизм осуществляется регулярно особенно в восточнороманских языках в позиции «плавный + у». Ср. нар. лат. *alvea* (из *alveus*³⁵), молд. *албие* 'корыто', рум. *albie*, ит. диал. *albi(o)*³⁶, нар. лат. *salvaticus* > молд. *сэлбатик* 'дикий', рум. *sălbatic*, мегл. *sălbatic*³⁷; лат. *pŭlvĕrem* > молд. *пулбере* 'пыль', рум. *pulbere*, арум. *pulbire*³⁸; лат. *corvus* > молд. *корб* 'ворон', рум., мегл., истр. *corb*, арум. *corbu*³⁹ (ср. пров. *corp*, ст. фр., кат. *corb* — совр. фр. *corbeau*); лат. *cervus* > молд. *черб* 'олень', рум. *cerb*, арум. *tserbu*, мегл. *tserb*⁴⁰; лит. лат. *vervecem*, нар. лат. *berbecem*⁴¹ > молд. *бербече*, *бербек* 'баран', рум. *berbec(e)*, арум. *birbec*, *birbeatse*, мегл. *birbetsi*, истр. *birbetse*, ит. *berbice*, ст. пров. *berbitz*, фр. *brebis* и др.

Менее значительны случаи обратного перехода (*b* > *v*). Ср. *vene merenti* (CIL, VI, 12210) вместо *bene merenti* 'заслуживаю-

³⁴ В нашем изложении согласная *u* передается через *v* с тем, чтобы не смешивать ее с гласной *u*. Ср. *volvi* 'я скатывал' (*volvo, volvi, volutum, volvĕre* 'катать, скатывать') и *volui* 'я хотел, я желал' (от *vŏlo, vŏlui, velle* 'хотеть, желать').

³⁵ «Appendix Probi»: *alveus non albeus*.

³⁶ Ит., исп., порт. *alveo* — неологизмы. См.: Alejandro Cioranescu. Diccionario Etimológico Rumano, I, fasc. 1. Laguna, 1958, № 178, стр. 18.

³⁷ Ср. ит. *salvatico*, пров. *salvatge*, фр. *sauvage*.

³⁸ Ср. ит. *polvere*, пров. *poldra*, фр. *poudre*, исп., порт. *pólvoга*.

³⁹ Ср. ит. *corvo*, исп. *cuervo*.

⁴⁰ Ср. ит., порт., кат. *cervo*, пров. *cer(v)*, фр. *cerf*, исп. *ciervo*.

⁴¹ У Петрония: *berbex*; в Рейхенауских глоссах (77) *oves: berbices*.

щий похвалы', *vene valeas* (CIL, XIV, 1169) вместо *bene valeas* 'хорошо живешь' и т. п. «Appendix Probi» отмечает: *baculus non vaclus* 'палка, посох'.

В романских языках этот переход не носил всеобщего характера. С одной стороны, сохранилось b (ср. лат. *bene* > молд. *бине* 'хорошо', рум. *bine*, мегл. *binì*, истр. *bire* — арум. *gine* < *bine*, ит. *bene*, пров. *ben*, порт. *bem*, исп. *bien*, фр. *bien*), а с другой — b > v (ср. лат. *habere* > молд. *a авя* 'иметь', рум. *a avea*, далм. *avar*, ит. *avere*, пров. *aver*, фр. *avoir*⁴²).

121. В середине слова согласная v выпала перед гласной u (реже перед o): ср. «Appendix Probi» — *rivus non rius*, 'река', *avus non aus* 'дед'; *Flavus non Flauius* — *ravor non paor* 'страх'. Надписи дают формы типа *vius* (CIL, III, 15055; V, 2046; VI, 35987) вместо *vivus* 'живой'.

Народнолатинские формы без -v- и послужили основой для соответствующих форм современных романских языков. Ср. ит., исп., порт. *rio*; пров., кат. *riu*; молд. *рыу*, рум. *riu* и т. п.

Группы согласных ct и pt имели тенденцию к регрессивной ассимиляции. Эта тенденция отмечена в «Appendix Probi»: *auctor non autor* 'творец, создатель' и у грамматика Феста: *dumecta antiqui quasi dumecita appellabant, quae nos dumeta* 'чаща, заросли'.

Романские языки по-разному отражают эту тенденцию: лат. *lacte(m)*: ит. *latte*, ретором. *lat*; лат. *septe (m)*, ит. *sette*, ретором. (энг.) *set*, (сельв.) *siat*. В Западной Романии ct > it⁴³ (фр. *lait*, пров., порт. *leite*), в Восточной Романии ct > pt (молд. *ланте*, рум., арум. *lapte*, мегл. *lapti*, истр. *lqpte*; молд. *шанте*, рум., арум. *şapte*, мегл. *şapti*, истр. *sqpte*).

122. Группа согласных -rs- в середине слова перешла (регрессивная ассимиляция) в -ss-, начиная с I в. н. э. Грамматик Великий Лонг (*Velius Longus*), живший в первой половине II в. н. э. отмечает: . . . *sic et dossum*⁴⁴ *per duo s quam per r quidam et lenius enuntiaverunt* . . . 'Так и слово *dossum* некоторыми произносится мягче с двумя s, не с r'. А в «Appendix Probi»: *persica non pessica*. В «Муломедицине Хирона» везде написано: *susu* (вм. *sursum*). Эта ассимиляция имела всеобщий характер только на Иберийском полуострове (ср. исп. *oso*, кат. *os* вместо *ursum*). В остальных провинциях в подобных случаях ассимиляция не произошла (ср. фр. *ours*, ит. *orso*, пров. *ors*, молд. *урс*, рум. *urs*).

123. Относительно некоторых простых интервокальных согласных необходимо отметить важнейшее изменение в их произношении. Глухие смычно-взрывные согласные (так наз. *tenues*)

⁴² Однако исп. *haber*.

⁴³ Переход *-ct-* > *-ht-* > *it*, по-видимому, кельтского происхождения (H. S c h u c h a r d t. *Der Vokalismus*. . . , Bd. II; F. B r u n o t). *Histoire de la langue française*, t. I. Paris, 1905, стр. 73.

⁴⁴ Ср. ит. *dosso*; сард. *dossu*; фр., пров., кат. *dos*; молд. *дос*, рум. *dos*. Однако исп. *dorso*.

(с, t, p), а затем и фрикативные (f, s) перешли в соответствующие звонкие согласные (g, d, b, v, z).

Этот переход аттестован еще в надписях Помпеи, ср.: tridicum (CIL, IV, 5380) вместо triticum 'пшеница'; pagatus (CIL, IV, 1486) вместо reccatum 'погрешение' и др. Очень много таких озвончений после V—VI вв.: megum (CIL, VIII, 20505), amadus (CIL, VI, 12944), elevanti вместо соответствующих: mesum 'со мною', amatus 'любимый', elephanti 'слон' и др.

Хотя еще во II в. н. э. надписи Испании аттестуют форму imudavit (CIL, II, 462), все же, по всей вероятности, этот переход осуществился более интенсивно после V в. и охватил лишь Иберийский полуостров. Ср. порт. pagar, sede, mudar, riba, roda и др.; исп. pagar, sed, mudar, riba, rueda и др. То же положение (но непоследовательно) остается и в провансальском (mudar, riba, rouda; но set — как и в кат.), ретороманском (riva, roda) и сардском (roda).

Как и в других западных провинциях, в Северной Галлии произошло озвончение⁴⁵ указанных согласных (pacare > pagare), и процесс развился дальше (payeг 'платить')⁴⁶.

Озвончение имело место и перед сонантными г, l: ср. лат. capra 'коза' (исп., порт., кат., пров. cabra; ст.-фр. chievre); лат. petra 'камень' (исп. pedra, порт. pedra, кат. pedra, пров. peira, ст.-фр. piegre — совр. фр. pietre); лат. lacrima 'слеза' (исп., порт. lagrima, кат. llagrema, пров. lagrema, фр. larme).

При этом следует добавить, что геминированные (удвоенные) глухие согласные не перешли в соответствующие звонкие. Ср. лат. vassa 'корова' > ит. vassa, ретором. vaka, исп., кат. порт., пров. vaca, фр. vache; лат. gutta 'капля' > ит. gota, исп., порт., пров. gota, ретором. guota, фр. goutte.

Таким образом, в западных областях Романии оппозиция «простой (негеминированный) — удвоенный (геминированный) глухой согласный» имела фонологическое значение.

124. На Балканском полуострове, включая далматское побережье, в Центральной Италии глухие согласные (как простые, так и удвоенные) остались в первоначальной форме, т. е. глухими. Ср. молд. ымпэка 'умиротворить', рум. a împăca (из лат. pacare); молд. сете, 'жажда', рум. sete, арум. seate, мегл. seti, истр. sete (из лат. sitis); молд. а мута 'отодвигать', рум. a muta, арум. mut, mutare, мегл. mut, mutari (из лат. mūtāre); молд. рынэ 'берег реки', рум. gîră, арум. agîră, мегл. goră, истр. ăgre (из лат. gîra); молд. вакэ 'корова', рум., арум., мегл. vacă, истр. vōke. Ср. ст.-ит. gîra; ит. ruota.

⁴⁵ Ср. ст.-фр. muder.

⁴⁶ См.: А. В. Ш и р о к о в а. Фонологические изоглоссы диалектов народной латыни (на материале соноризации интервокальных согласных). «Проблемы диахронии. . .», ч. I, стр. 87—97. — Г. Рольфс считает соноризацию интервокальных гласных влиянием кельтского субстрата (см. RLIR, XXIV, 1960, стр. 192).

В Восточной Романии и в Италии сохранились глухие согласные и перед сонантами г. 1. Ср. молд. *капрэ, пятрэ, лакримэ*; рум. *саргă, pîtră, lacrimă*; арум. *сарă, k'atră, lacrimă (lacîrmă)*; мегл. *сарă, k'atră, lacrimă*; истр. *соре*. Ср. также ит. *сарга, pietra, lacrima*.

125. Утрата -g- и -t- в Галлии объясняется кельтским влиянием. Ср. *augusto > aout*; *Rotomago > Rouen*; *Sauconna > Sâone*; *mutare > muer*; *vita > vie*; *fata > fée* и т. п.⁴⁷

126. Вообще нужно добавить, что больше всего изменились интервокальные согласные на территории Галлии⁴⁸. Ср. лат. *lerogem > фр. lièvre 'заяц'*, в то время как исп. *liebre*⁴⁹, ит. *lepre*, молд. *епуре*, рум. *ierure*.

Заднеязычные согласные

127. Больше всего в романистике дебатруется вопрос о фонетической значимости заднеязычных согласных (с, g) перед переднеязычными гласными (е, i).⁵⁰

В орфоэпическом латинском произношении согласная с в указанных условиях, по всей вероятности, произносилась как греческая χ («карра») ⁵¹. Значит, писалось *servum*, *caelum*, а произносилось *kerum*, *kelum*. Такое произношение сохранилось в некоторых романских языках и до сих пор. Так, в сардском (логудорский диалект) произносится: *kerbu*, *kelu*, *dulke*, *kingere*, а в далматском (велиотском) языке: *kaina* (из лат. *cena*), *plakar* (из *placere*). Графика с k в надписях народной латыни (*pake* 'мир', *dekembris* 'декабрь'⁵², *cresquet* 'растет'), но *Markellino*⁵³ свидетельствует то же произношение. В греческих надписях появляются латинские слова: *kreskens*, *krukes*, *donatriki*. Плутарх пишет по-гречески: *Kikeron*, *prinkipia*; а Полибий — *kenturiones*, что явно показывает способ произношения лат. *c + e, i* как *ke, ki*.

Следует отметить, что германские языки, заимствуя латинские слова: *Caesar*, *ceresea*, *cista*, *cellarius*, *Celio Monte* и другие, сохранили произношение заднеязычной согласной: *Kaiser* 'император', *Kirsche* 'черешня', *Kiste* 'ящик', *Keller* 'кладовщик', *Kellmüntz* (в Баварии) и т. д.

128. В римских провинциях, однако, эта группа звуков развивалась в разных направлениях.

⁴⁷ F. Brunot. Histoire... t. I, стр. 53.

⁴⁸ Там же, стр. 73; Al. Rosetti. Istoria limbii române, стр. 204 (объясняют влиянием субстрата большие изменения во фр. консонантизме).

⁴⁹ Lex salica: leborem.

⁵⁰ M. Friedwagner. Zur Aussprache des lateinischen c vor hellen Vocalen. «Hauptfragen der Romanistik». Heidelberg, 1922; A. Rosetti. Sur le traitement du latin c devant voyelle antérieure en roumain. «Bulletin linguistique», t. VI, 1938 (со всей библиографией вопроса).

⁵¹ R. I. Sbierea. Gramatica latină. Cernăuț, 1913, стр. 4.

⁵² CIL, I, 1038.

⁵³ CIL, V, 3555.

На Балканах и в Италии на основе группы с + e, i образовалась аффриката *tš* (u *ts*): ит. *serbo*, ретором. *tserf*, молд. *черб*, рум. *serb*, арум. *tserbu*, мегл. *tserb* (из лат. *serbum* 'олень'). Ср. и ит. *braccio* 'рука', *faccia* 'лицо' (из лат. клас. *brachium*, *facies*; лат. нар. *facia*). В других же языках: молд. *брац*, *фацэ*; рум. *braț*, *față*, мегл., арум. *brats*, истр. *brōts*; арум., мегл. *fatsă*, истр. *fotse*, сицилиан. *brattsu*.

В западных провинциях на основе группы *с + e, i* была образована аффриката *ts*, которая развилась затем в ффрикативную *s*. Ср. фр. *serf*, исп. *ciervo*, порт. *serbo*, лат. *cinere(m)* 'зола' > фр. *cendre*, исп. *ceniza*.

Следует также отметить, что группа с + e, i (ку) смешивалась с группой *t + e, i* (ту). Об этом свидетельствуют народнолатинские формы типа: *terminaciones*, *definiciones*, *condiciones* вместо литературных форм: *terminationes* 'окончания', *definitiones* 'определения', *conditiones* 'условия'. Ср. Albinus: . . . *benedictio et oratio et talia t debent habere in penultima syllaba non c* ' . . . *benedictio и oratio* и тому подобные слова в предпоследнем слоге должны иметь *t*, а не *c*'⁵⁴. Группа *ty* перешла в аффрикату *ts* со II в.⁵⁵

Латинский грамматик Помпей отмечал, что . . . *si dicas Titius pinguis sonat et perdit sonum suum et accipit sibilum*⁵⁶. По-видимому, этим самым Помпей хотел характеризовать процесс йотации, о котором специально пишет Сервий: *Iotacismi sunt, quotiens post ti vel di syllabam sequitur vocalis, et plerumque supra dictae syllabae in sibilum transeunt*⁵⁷.

'Йотацизм мы имеем там, где после слога *ti* или *di* следует гласный звук, и часто сверх того эти слоги приобретают свистящее звучание'.

В другом месте тот же Помпей уточняет: *Quotiescumque. . . post ti vel di syllabam sequitur vocalis, illud ti vel di in sibilum vertendum est* 'Каждый раз как за слогом *ti* или *di* следует гласный, это *ti* или *di* должно получить присвист'⁵⁸.

Другой же грамматик, Кассиодор (цитируя Папириана), уже более ясно свидетельствует о наличии аффрикаты: *Iustitia cum scribitur tertia syllaba sic sonat, quasi constet ex tribus litteris t, z, i cum habeat duas t et i*⁵⁹. 'Когда пишется *iustitia*, то третий слог звучит так, как если бы он состоял из трех букв *t, z, i*, хотя он имеет две *t* и *i*'.

Восточнороманские языки и итальянский свидетельствуют об этом произношении. Ср. лат. *cutitum* > молд. *куцит*, рум. *cuțit*; лат. *fortia* > ит. *forza* и др.

⁵⁴ Цит. по: А. В. Широкова. Очерк. . . , стр. 66.

⁵⁵ Впервые *ts* появляется в надписи 140 г. н. э. (*crescentsianus* вместо *crescentianus*). См.: F. Brunot. Histoire . . . , t. I. стр. 71.

⁵⁶ GL, V, 104, 5—7.

⁵⁷ GL, IV, 445, 8—10.

⁵⁸ GL, V, 286, 12—14.

⁵⁹ GL, VII, 216, 8—9.

~~Во французском и провансальском интервокальная аффриката ts стала звонким фрикативным звуком. Ср. лат. pretia > фр. prise, пров. preza; лат. puteu(m) > ст.-фр. puiz.~~

Надо отметить, что в период народной латыни группы *c+e, i* (*ky*) и *t+e, i* (*ty*) полностью не смешивались. Латинский грамматик V в. Консенций писал: *Alterum sonum habet i post t et alterum post c; nam post c habet pinguem sonum, post t gracilem* 'i имеет один звук после t и другой звук после c; а именно: после c он имеет твердый звук, а после t — мягкий'. Этим самым он, по-видимому, хотел сказать, что *c+e, i* произносилось как аффриката *tš*, а *t+e, i* как аффриката *ts*.

129. Как и в конце слова (см. выше, стр. 142), группа срединных согласных *ks* (на письме *x*) перед следующим за ней согласным утратила согласную *k*. В надписях очень часто появляются написания *cusit, visit, destet, sestus, escepit* и т. п. вместо *coxit* (перф. 3 л. ед. ч. от *coquo* 'варю, пеку') *vixit* (перф. 3 л. ед. ч. от *vivo* 'живу'), *dexter* 'правый', *sextus* 'шестой', *excepit* (перф. 3 л. ед. ч. от *excipio* 'вынимаю') и т. п.

Имеются в надписях и случаи гиперкорректности: *extiva* вместо *aestiva* 'летняя'.

Романские языки унаследовали эту тенденцию: ср. ит. *destro*, исп. *diestro*; ит. *sesto*, пров. *sest*, ~~ст.-фр. siste~~, исп. *siesto*.

130. Хотя латинские грамматики (в частности, Сервий) и отрицают переход *dy* в аффрикату *dz* (*Media di sine sibilo preferenda est* 'В слове *media di* произносится без шипящего звука'), все же можно с уверенностью сказать, что аффриката *dz* существовала.

Об этом говорят примеры из надписей (CIL, XII, 1137 и др.) типа: *zebus* вместо *diebus* 'дням', *oze* вместо *hodie* 'сегодня', *azutorbus* вместо *adiutoribus* 'помощникам' и другие, а также случаи гиперкорректности *baptidiare* вместо *baptizare* 'крестить' и др. Исидор Севильский прямо говорит: *solent Itali dicere ozie pro hodie* ⁶⁰.

131. Другой заднеязычный звук *g+e, i* произносился вначале как греческое *g+e*, Августин отмечал: *Cum dico lege* ⁶¹ *in his duabus syllabis aliud Graecus, aliud Latinus intellegit* 'Когда произношу *lege*, эти два слога по-своему понимают греки и по-своему латиняне'. Далее *g+e, i* перешел в народной латыни (через стадию палатализованного звука *g'*) в согласный *y* (йот). Так, вместо литературной формы *genegum* в народной латыни имеется соответственно *uenegu*. Этот звук (*y*) сохранился на Иберийском полуострове, в Сардинии, Сицилии и на юге Италии. Ср. лит. лат. *gemma* 'почка, глазок' (*y* растений) > исп. *uergno*, беарнедское *ueme*; лит. лат. *genusculum* 'колени' > сиц. *yinokyu*.

⁶⁰ См.: С. Н. Grandgent. *Introducere*... , стр. 137.

⁶¹ Императив от *lego* 'читаю'.

В Восточной Романии и Италии *g+e, i* развился в аффрикату *dž*. Ср. молд. *женунжъ*, рум. *genunchi*, арум. *genunch'u*, истр. *jerunch'u* (из лат. *genus(u)lum*). Ср. также ит. *ginocchio*.

Сонанты

132. К концу периода империи сонанты *l, n+e, i* (*ly, ny*) находились уже в стадии палатализации (*l', n'*). Таким путем, появились формы *fil'a, fil'us, vin'a* вместо *filia, filius, vinēa*. В западороманских и в южнодунайских восточнороманских языках до сих пор сохранилось это явление. Ср. ит. *figlia, figlio, vigna*; пров., порт. *filha, filho, vinha*; фр. *vigne*; кат. *vinya*; исп. *viña*; арум. *hil'e, hil'u, (a)vin'e*; мегл. *пге, il'u, vin'ä*; истр. *fil'*; далм. *veña*.

В северодунайских восточнороманских языках сонант *l* полностью утрачен. Ср. молд. *фие(-мя), фиу, вие*; рум. *fie(-mea), fiu, vie*.

133. Надо отметить, что носовой сонант *n* выпал в народной латыни перед фрикативным *s*. В надписях весьма часты примеры типа: *mesis, cesor, mesor, desus, remasisse* вместо *mensis* 'месяц', *ensor* 'цензор', *ensor* 'землемер', *densus* 'густой', *remansisse* (от *remanere* 'оставаться') и т. п.

Квинтилиан прямо признает, что: . . . *consules exempta n littera legimus* 'consules мы читаем, опуская букву *n*'. «Appendix Probi», однако, настаивает: *ansa non asa* 'рукоятка'. Романские языки, как правило, продолжили эту тенденцию. Ср. лит. лат. *mensis* 'месяц', нар. лат. *mesis*; ит. *mese*; сард. *meze*; исп., порт., кат., пров. *mes*; ретором. *mais*; фр. *mois*; арум. *mes*.

И в данном случае аттестовано явление гиперкорректности. Ср. *crenscens* вместо *crescens* (от *cresco* 'расти'); *herens* вместо *heres*, 'наследник'; *occansio* вместо *occasio* 'случай'; *formonsus* вместо *formosus* 'красивый'; *pariens* вместо *paries* 'стена' и др. «Appendix Probi» также отмечает эту гиперкорректность: *occasio non occansio; Hercules non Herculens*.

Грамматик Напириан должен был точно указать, когда пишется *n* перед *s* и когда нет: *formosus sine n secunda syllaba scribendum est, ut axenosus, frondosus, aquosus, barbosus, participia vero habent n, ut tonsus, tunsus, mensus, pensus* 'formosus (красивый) должно писаться без *n* во втором слоге, как и *axenosus* (негостеприимный), *frondosus* (густолиственный), *aquosus* (изобилующий водой), *barbosus* (бородатый), причастия же имеют *n*: *tonsus* (стриженный), *tunsus* (битый), *mensus* (измеренный), *pensus* (отвешенный)'.
134. Весьма часто носовая сонанта *n* смешивается в различных словах с другой носовой сонантой *m*. Ср. народнолатинские написания: *inmensus* вместо *immensus* 'неизмеримый', *imfelicissimi* вместо *infelicissimi* 'несчастнейшие', *quon* вместо *cum, bene* вместо *bene*; *inperatoris, inpiederit, iden, mecun, menten* часто

появляются в надписях вместо *imperatoris*, *impederit*, *idem*, *m̄cum*, *mentem* и т. п.

Этот переход считался Пецилием Виндексом вполне закономерным: *m litteram ad vocales primo loco in verbis positas si accesserit, non pronuntiabimus; cum autem ad consonantes. . . tunc pro m littera n litterae sonum decentis efferamus* 'Если (конечное) *m* оказывается перед начальной гласной (следующего) слова, мы его произносить не станем; если же оно находится перед согласной, тогда вместо *m* мы произносим звук близкий к *n*'.

Кроме того, следует учесть замечания Присциана (около 500 г.): *m obscurum in extremitate dictionum sonat, ut templum; mediocre in mediis, ut umbra; apertum in principio, ut magnus* 'м звучит неясно в конце слова, как, например, *templum*; более отчетливо звучит он в середине слова, как в *umbra*; и ясно в начале слова, как в *magnus*' ⁶².

135. Следует отметить некоторые примеры диссимилиации ($r-r > l-r$; $r-r > r-l$ и др.). В надписях (CIL, III, 422; XI, 2875 и др.) аттестованы формы типа: pelegrinus 'странник' (вместо лит. peregrinus). Народнолатинская форма и находится в основе: фр. pelerin, ит. pellegrino (ср. нем. *Pilgrim*). У врача Марцелла Эмпирика встречается слово scriblum 'решето', scriblare 'просеивать' (лат. лит. scriblare, scribrum). Французские слова crible, cribler исходят из народнолатинских форм.

§ 24. Вокализм

Общие замечания

136. Народнолатинский вокализм отличается от вокализма литературной латыни. Имеются отличия, относящиеся ко всей территории Римской империи, и специфические особенности для той или иной провинции ⁶³.

Кроме того, надо подчеркнуть, что латинский вокализм изменился в разной степени по разным провинциям. Меньше всего — в сардском языке (8%), в более значительной степени латинский вокализм модифицировался в восточнороманских (23,5%) и больше всего — во французском (44%) ⁶⁴.

137. В качестве примера изменения вокализма в восточнороманских языках можно говорить о развитии гласных: *ə*, *ɨ* — в молдавском, *ă*, *î* (*â*) — в румынском, *o* (из *î*) в мегленитском — вследствие тенденции закрытия открытых и полуоткрытых гласных.

⁶² Более подробно относительно носового *m* см.: М. Н и д е р м а н а. Историческая фонетика. . . , стр. 102 и сл.

⁶³ Н. S c h u c h a r d t. Der Vocalismus. . . , Bd. I—III; J. Н о г е с к ý. Fonologia latinčiny. Bratislava, 1949.

⁶⁴ Mario A. Р е у. A new Methodology for Romance classification. «Word», I, 1949, стр. 138. См. также «Studii și cercetări lingvistice», XV, 1946, № 6, стр. 704.

Ср. лат. manus 'рука' > молд. *мынэ*, рум. *mînă*, арум. *mănă*, *mînă*, мегл. *mōnă*, истр. *măr(e)*; лат. *vēna* 'вена' > молд. *вынэ*, рум. *vină*⁶⁵; лат. *foetus* (fetus) 'потомок' > молд. *фэт*, рум. *făt*⁶⁶, лат. *ripa* 'берег реки' > молд. *рынэ*, рум. *riță*, арум. *aripă*, мегл. *gōră*, истр. *āgre*.

Кроме того, ударные гласные е, о в восточнороманских языках были подвергнуты дифтонгизации, если в последующем слоге имелся индуктор⁶⁷ *é+э*, а > *ea* (молд. *я*); *ó+э*, е, а > *oa*. Ср. лат. *porta* > молд. *поартэ* 'ворота', рум., арум., мегл. *poartă*, истр. *poarte*. В западнороманских языках дифтонг в данном положении не развился. Ср. ит., пров., кат., порт. *porta*, фр. *porte*.

Количественные и качественные признаки латинских гласных

138. Латинские грамматики (по-видимому, не без греческого влияния, где различались о и ω; е и η) противопоставляли гласные по их долготе. Гласные могли быть долгими (ˉ) или краткими (˘). Долгая гласная обладала большей длительностью по сравнению с краткой при том же темпе речи. Краткие гласные равнялись одной мере⁶⁸, а долгие были двухмерными. Долгими считались также и все дифтонги (*ae*, *au*, *oe*, *eu*)⁶⁹. Латинские грамматики ясно отдавали себе отчет в этих отличиях.

Грамматик Сервий, например, писал: *Vocales sunt quinque; a, e, i, o, u; ex his duae e et o aliter sonant productae, aliter correptae. . . e quando producitur vicinum est ad sonum i litterae, ut «meta»; quando autem correptum, vicinum est ad sonum diphthongi ut «equus»* 'Гласных пять: а, е, і, о, u; две из них е и о по-одному звучат, когда они долгие, по-другому, когда они краткие. . . Когда е произносится долго, оно близко к звучанию буквы і, как в *meta*; когда же оно кратко, оно близко к звуку дифтонга, как в *equus*'.

Этим и объясняется появление в надписях *ě* и в виде дифтонга *ae* (*muliaeri*, *maea*), а *ē* как *i* (*ficit*, *comidi*, *Aurilia*). Ср. «Appendix Probi»: *senatus non sinatus*.

⁶⁵ Ср., однако, арум., мегл. *vină*, истр. *virę*.

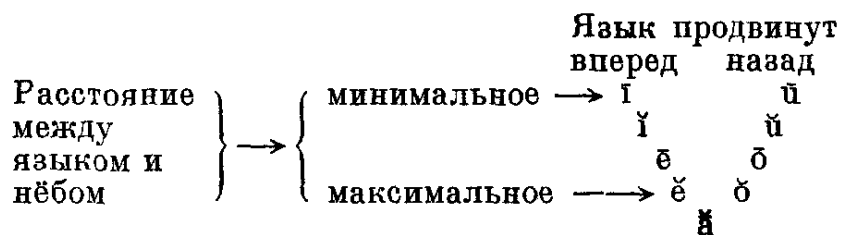
⁶⁶ Арум. *fetu*, истр. *fet*.

⁶⁷ I. Iordan. Diftongarea lui e și o accentuați în pozițiile ă, e. Iași, 1921; Al. Ionașcu. Cu privire la problema «diftongării» lui e și o accentuați în pozițiile ă, e. «Omăgiu lui I. Iordan». București, 1958; Al. Ionașcu. Din nou despre evoluția vocalelor accentuate e și o în poziția ă, e. — SCL, X, 1959, № 4.

⁶⁸ Мора — единица длительности, равная краткому слогу или половине долгого.

⁶⁹ В III в. до н. э. сократились конечные долгие гласные всех двухсложных слов с кратким первым слогом (*bēnē* > *bēnĕ*; *āmā* 'люби' > *āmă*). Долгота сохранилась в силу долготы первого слога *cērtē* 'наверняка', *laudā* 'хвали'. Поэты могли расценивать формы (*bene*, ама либо как *˘˘*, либо как *˘˘* — под влиянием *cērtē*, *laudā*, где долгота удержалась. См.: Е. Курилович. Очерки. ., 396.

Положение латинских гласных можно представить схематично в таком фонологическом треугольнике ⁷⁰.

Количественное противопоставление долгих и кратких гласных имело и фонологическую значимость. Квантитативность той или иной гласной содействовала во многих случаях лексико-семантическим отличиям и тем самым обогащению выразительных возможностей словарного состава. В то же время морфологические признаки также могли в латинском языке передаваться количественными оппозициями. Причем если у имен грамматические категории (падеж, число и т. д.) уточнялись и другими языковыми средствами (согласованными прилагательными, причастиями и т. п.), то у глаголов дифференциация осуществлялась именно квантитативностью ⁷¹.

Ср. *manūs magna* (N Sg); *manūs magnae* (G Sg), но *pōtēs* 'ты можешь' — *pōtēs* 'чтоб ты пил'; *frigēre* 'жарить' — *frigēre* 'быть холодным'.

139. Все гласные противопоставлялись в литературной латыни по долготе, создавая лексико-семантические оппозиции.

ī : ī

<i>pīla</i> 'мяч'	— <i>pīla</i> 'столб, колонна'.
<i>concīdo</i> 'терплю поражение, погибаю'	— <i>concīdo</i> 'разрубаю'
<i>dīco</i> 'возвещаю'	— <i>dīco</i> 'говорю'
<i>praedīco</i> 'провозглашаю'	— <i>praedīco</i> 'предсказываю'

ē : ē

lēvis 'лёгкий' — *lēvis* 'гладкий, блестящий'

ǣ : ǣ

<i>ǣser</i> 'клен'	— <i>ǣser</i> 'острый'
<i>lǣtus</i> 'сторона'	— <i>lǣtus</i> 'широкий'

⁷⁰ См.: М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика. . . , стр. 17; И. М. Т р о н с к и й. Очерки. . . , стр. 155. См. также: N. T r u b e t z k o y. Die Quantität als phonologisches Problem. «Actes du 4-e congrès international des linguistes». Copenhagen, 1938, стр. 117—122; Н. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. Рус. перев. М., 1960, стр. 112.

⁷¹ J. M a r o u z e a u. La prononciation du latin (Histoire, théorie, pratique), éd. 3. Paris, 1943, стр. 27. — Автор справедливо замечает, что для римлян отождествлять *mālum* 'зло' и *mālum* 'яблоко' было равносильно тому, как смешивать сейчас нем. *bitten* 'просить' и *bieten* 'представлять'.

lābor 'труд' — *lābor* (*lapsus sum, labi*) 'скользить'
mālum 'зло' — *mālum* 'яблоко'

ö : ō

ös, ossis 'кость' — *ōs, oris* 'рот'
rōpūlus 'народ' — *rōpūlus* 'тополь'
sōlum 'земля, почва' — *sōlum* 'только, лишь'

ŷ : ū

lūstrum 'лужа, логовище' — *lūstrum* 'очистительное жертвоприношение'

lūtum 'грязь, ил' — *lūtum* 'желтоцвет, желтая резеда'

140. Противопоставление гласных по долготе имело также и морфологическую значимость, дифференцируя именные формы. Например, номинатив ед. ч. существительных ж. р. I скл. (-ā) от аблатива ед. ч. (-ā);

N Sg *aquā* 'вода' — Abl. Sg. *aquā*
rosā 'роза' — *rosā*
Romā 'Рим' — *Romā*

У существительных IV скл. долготой отличались формы номинатива (-ūs) и генитива ед. ч. (-ūs):

N Sg *fructūs* 'плод' — Gen. Sg. (N. Acc. Pl.) *fructūs*
N Sg *vultūs* 'выражение лица' — Gen. Sg. (N. Acc. Pl.) *vultūs*

Грамматик Варрон⁷² отмечает, что формы перфекта индикатива отличаются от форм презенса того же склонения тем, что в первом случае они долгие, в другом — краткие: *in praeteritis* *u dicimus longum plūit (lūit)*, *in praesenti breve (plūit), (lūit)*, т. е. 'в прошедшем времени мы произносим долгое *u plūit (lūit)*, в настоящем — краткое *plūit (lūit)*'. Это относится и к другим гласным.

Ср. *vēnit* 'пришел' — *vēnit* 'приходит'

lēgit 'прочитал' — *lēgit* 'читает'

fōdit 'вскопал' — *fōdit* 'копает'

Следует отметить, что в надписях долгота обычно отмечена удвоенной буквой. Ср. *fuueit* (CIL, I, 1297) вместо *fuit*; *fiilio* (CIL, III, 13763) вместо *filio*.

Различия по долготе гласных служили и для дифференциации омоформ.

Ср. *rugnā* 'сражение, борьба' — *rugnā* 'сражайся ты' (императив от *ugno*)

ōgā 'граница, берег' — *ōgā* 'молись ты' (императив от *ogo*)

mānē (наречие) 'утром' — *mānē* 'оставайся ты' (императив от *maneo*)

141. Нет сомнения, что долгим и кратким гласным были свойственны также и определенные качественные особенности. В общем долгие гласные были закрытыми звуками, а краткие — открытыми.

⁷² *Lingua latina*, IX, 104.

Все же в литературной латыни основной особенностью в произношении гласных была долгота, именуемая 'количеством' (*quantitas*), и на количественной характеристике гласных основывалось латинское метрическое стихосложение. Отличие между долгими и краткими гласными ясно ощущалось еще в первых веках нашей эры.

142. Во времена империи, однако, совершилось коренное изменение в произношении гласных. В течение II—III вв. н. э. количественные особенности утратили свою значимость⁷³. Создалось положение, при котором учитывалась только качественная сторона произношения гласных, т. е. их тембр, который становится фонологическим явлением. Стихотворения «*Instructiones*» и «*Carmen Apologeticum*» поэта Коммодиана (III в. н. э.), сирийца по происхождению, написаны без строгих правил латинского стихосложения. В произведениях этого поэта ясно виден переход от литературного принципа чередования слогов с долгими и краткими гласными (метрическое стихосложение) к принципу ударных и безударных слогов (тоническое стихосложение), что изменило в корне основы латинского классического стихосложения.

143. Следует подчеркнуть, что уже в V в. латинские грамматики затрудняются в определении противоположности по долготе гласных, поэтому они прибегают в подобных случаях к авторитету писателей: *Syllabas natura longas difficile est scire; Sed hanc ambiguitatem sola probant auctoritatis exempla, cum versus poetarum scandere coeperis*⁷⁴ 'Трудно знать, какие слоги долги по природе. Разрешить эту неопределенность могут только примеры из литературных образцов, когда мы начнем скандировать стихи поэта'.

144. Следствием замены противоположности по долготе противоположностью по тембру открытости — закрытости было то, что:

а) гласная *ā* полностью совпала с *ā*. Значит, утратилось различие в произношении между *ā* (например, в слове *mālus* 'яблоня') и *ā* (*mālus* 'злой');

б) гласный *ē* стал *e* (открытым), например, *lēvis*, а *ō* > *o* (*populus*);

в) *ī* и *ū* стали соответственно *i* и *u* (*pila*, *lustrum*);

г) следует особо отметить, что *ī* ассимилировалось с *ē* и оба стали *e* (закрытым). Значит, произносилось не только *lēvis*, но и *pēla* (из *pīla*). Также само *ū* ассимилировалось с *ō*; обе гласные произносились как *o*. Появились, следовательно, *populus* и *gola* (из *gūla*), *forca* (из *fūrca*). При этом надо добавить, что такое произношение характерно только для западных провинций Римской империи. Ср. исп., ит., пров., кат. *gola*, фр. *gueule* (из лат. *gūla*); ит., пров., кат., порт. *forca*, исп. *horca*, фр. *fourche* (*fourchette*)

⁷³ Начало утраты количественного темпа следует искать еще в надписях Помпеи. См.: V. V. *ā ā n ā n e n*. Lat. vulg. des inscript. pomp., стр. 18 сл.

⁷⁴ «*Pseudo Sergius in Grammatici latini*». Ed. H. Keil, IV, 24—26.

(из лат. *fūrca*); ит. *polvere*, пров. *poldra*, фр. *poudre*, исп. порт. *pólvo(ra)* (из лат. *pŭlvĕrem*).

145. В Восточной Романии и в некоторых областях Западной Романии *ŷ* сохранился как *u*.

Ср. лат. *gŭla* > молд. *гурэ*, рум., арум., мегл. *gură*, истр. *gure*; сард. *bula*; лат., *fūrca* > молд. *фуркэ*, рум., арум., мегл. *furcă*, истр. *furke*, сард. *furka*; лат. *pŭlvĕrem* > молд. *пулбере*, рум. *pulbere*, арум. *pulbire*, далм. *pulvgo*.

146. Схематично изменения гласных представлены на стр. 154.

Таким образом, в ударных слогах в дороманский период в Западной Романии было семь гласных (*a, e, ē, i, o, ō, u*), а в Восточной — восемь (*a, e, ē, i, o, ō, u, ŷ*). Сардиния образует особую область. Здесь лишь пять гласных.

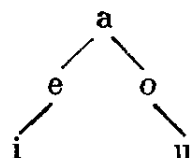
Эти изменения аттестованы уже в значительном количестве начиная с III в. н. э. во многих надписях, где появляется *e* вместо *i*: *karessemo* 'очень дорогой' (CIL, II, 2997), *semul* 'лишь только' (CIL, V, 1642), *minus* 'меньше' (CIL, V, 1645), *demediam* 'половина' и др.

Латинские грамматики (в частности, Донат) отмечают, однако, и обратный переход (*ē > i*): *Quando e productum est, sic sonat quasi i*. 'Когда *e*, долгое, оно звучит как *i*'. В подтверждение этого положения «Appendix Probi» предупреждает: *senatus non sinatus*, а в надписях Дакии появляются формы типа *Aurilia* (CIL, III, 7982).

Гласный *ŷ* заменен *o* (ср. *avoŷculus* — CIL, V, 8460). «Appendix Probi» отмечает: *columna non colomna* 'колонна'; *turma non toŷma* 'толпа'.

Когда же гласные находились в безударном положении, то *e* и *o* качественно не различались.

Следовательно, в безударном положении народная латынь знала лишь пять гласных

Надо отметить, что в безударном положении гласные подвергались закону редуции. Это касалось особенно гласных *u, i* «скользящих»⁷⁵ элементов в фонологической системе латинского языка. Они синкопировались⁷⁶ вследствие действия динамического ударения (см. выше стр. 132), что имело большие последствия во всей народнолатинской фонологической системе.

147. Особо надо подчеркнуть, что интервокальное *-i-* преитировалось и в произношении соответствовало *-ii-*. Латинские грамматики отмечают это явление. Велий Лонг (первая половина

⁷⁵ А. В. Ширкова. Очерк сравнительного описания. . . , стр. 5.

⁷⁶ W. Gierach. Syncope und Lautabstufung. Halle, 1910.

II в. н. э.) пишет: *In plerisque Cicero videtur auditu emensus scriptionem, qui et Aiiacem et Maiiam per duo i scribenda existimavit* 'Во многих случаях Цицерон при письме руководствовался, по-видимому, слухом, так, он считал, что Aiiax и Maiia надо писать с двумя i'. Это фонетическое явление отмечается и Квинтилианом, и Присцианом ⁷⁷.

Романские языки подтверждают указанное произношение. Ср. ит. *maggiore, peggiore* (из лат. *maior, peior*).

Протеза гласных

148. Примерно с начала II в. н. э. наблюдается явление протезы гласных, являющееся приемом эвфонического порядка.

Если слово начиналось группой согласных, среди которых первая была *s impurum* (т. е. *s*+согласный звук: *-sp-, -st-, -sc-*), то данное слово приобретало протетическую гласную перед указанной группой согласных ⁷⁸. Во II в. аттестована форма *iscolasticus* вместо *scholasticus* 'ритор'. Обычно в качестве протетической гласной появляется *i*, затем и *e*. Надписи, особенно после VII в., изобилуют формами типа *iscola* 'школа' (CIL, VI, 32965), *ispose* (VIII, 3485), *espiritum* 'дух' (IX, 6408), *istratuam* 'покрывало' (XI, 5996) *Isthefanus* (III, 2403), *Ispartacus* (X, 1974) и др. По всей вероятности, в начале протеза гласной имела место в условиях так называемой синтаксической фонетики, т. е. когда слово оканчивалось на согласную, а последующее за ним слово начиналось также согласной. Ср. *cum ispatha* 'с лопатой', *in istrata, illas ispatas* ⁷⁹. Если отсутствовала эта коллизия согласных, то протеза не имела места: *illa spatha, illa strata* и т. д.

В итальянском и в настоящее время действует синтаксическая фонетика. Ср. *lo studio* 'этюд', но *con istudio* и т. д.

Эта тенденция эвфонического порядка была унаследована современными романскими языками ⁸⁰ (ит., пров., исп., порт., фр.).

Ср. лат. *scutum* 'щит': исп., порт. *escudo*, сард. *iskudu*, пров. кат. *escut*; фр. *écu*; лат. *spatha*; исп. *espada, espadilla*, кат., пров. *espaza*, ст. фр. *espée*, фр. *épée*; лат. *scribere*: порт. *escrever*, исп. *escribir*, фр. *écrire*, кат. пров. *escriure*, сард. *iscriere*.

В восточнороманских языках, в ретороманском, итальянском в данном случае нет протезы гласной. Ср. молд. *a scrie*, рум.

⁷⁷ См.: М. Нидерман. Историческая фонетика..., стр. 106—107.

⁷⁸ F. Sommer. De prothesi et aphaeresi e glossariis latinis illustrandis. Jena, 1900.

⁷⁹ Формы типа *idies* 'день', *icaput* 'голова', *ilocus* 'место' из народной латыни следует считать аналогичными.

⁸⁰ I. Şiadbeî. Proteza vocalică în limbile romanice. «Revista de filologie romanică şi germanică», 1957, № 1; Он же. La prothèse vocalique dans les langues romanes. «Revue de linguistique», III, 1958, № 2, Bucarest; O. Nandriş. Phonèmes additionnels, tension et structure. «Actele celui de-al XII-lea congres internaţional de lingvistică şi filologie romanică», v. I. Bucureşti, 1970, стр. 221—237.

а scrie, арум. scriire, ретором. scriver, ит. scrivere (из лат. scribere).

Только в арумынском аттестована протеза гласной а перед плавными согласными. Ср. арум. arîs 'смех' (лат. rîsus; молд. *рыс*, рум. rîs), арум. arîră 'обрыв' (лат. rîra; молд. *рынэ*, рум. rîră, мегл. roră, истр. ārre; арум. alăvdare 'восхваление' (лат. laudare, молд. *лэударе*, рум. lăudare).

В молдавских говорах аттестована форма с протетическим, а в некоторых словах: *алэмые* 'лимон' (из н.-греч. lemoni, ср. рус. *лимон*, болг. *лемония*, пол. limonia; ит. limone, исп. limon), а *амироси* (лит. а мироси 'благоухать').

Афферезис (aphaeresis)

149. Афферезис — явление, противоположное протезе. Идет речь об утрате гласной i (e) перед той же группой согласных. Афферезис объясняет формы типа Spania из лат. Hispania; Storia из historia, stimare из aestimare, Scarioth из Iscarioth и т. п.

Явление афферезиса имеет место и в отношении некоторых форм глагола связки esse, а именно 2 л. ед. ч. es и 3 л. ед. ч. est. Примеры типа scriptust вместо scriptum est довольно часто встречаются в надписях и у некоторых писателей, в частности у Плавта (meliust вместо melius est; ubist вместо ubi est; ergost вместо ergo est и т. п.)

Афферезис стал продуктивным явлением в итальянском, ретороманском и в восточнороманских языках.

Ср. лат. obscurum 'темный' > ит., scuro, ретором. schiur; лат. excal(i)dare 'купать' > ит. scaldare, молд. *скэлдаре*, рум. scăldare, арум. scaldare, мегл. scaldari, истр. scod (ср., однако: пров. escaudar, фр. échauder, исп., порт. escaldar) лат. excutere 'вытряхивать, извлекать': ит. scúotere, молд. *скоатере*, рум. scoatere, арум. scoatire, истр. scot.

Восточнороманским языкам свойствен также афферезис о. Ср. лат. occasione > молд. *кэшунаре* 'причинение', рум. cășunare (ср., однако: ит. assagionare, ст.-фр. achoisoner). В ит. противопоставляются: occasione (книжное слово) и cagione (народное слово); лат. annōtinus > молд. *ноатен* 'годовалый ягненок', рум. noatin и noaten, арум. noaten, мегл. noatin, истр. notir.

Апокопа

150. Апокопа — это выпадение гласного или даже целого слога в конце слова. Это явление происходит обычно в быстром темпе речи и, как правило, касается служебных слов. Апокопа объясняет современные формы (исп., порт. сомо, пров. соп, со, ст. ит. сомо, ст.-фр. сом, some; молд. *кум*, рум. cum) из литературных, а затем народных форм quomodo, quomo. В Помпейских надписях уже наличествует форма сомо.

151. Народной латыни свойственно было также и явление ассимиляции (особенно регрессивная⁸¹) гласных. Ср. лит. лат. aeramen 'медь', нар. лат. *aramen, которая легла в основу ст.-пров., кат. agam, порт. agame, ст.-исп. arambre, ст.-фр. arain (фр. airain), молд. арамэ, рум., арум. aramă; лит. лат. silvaticus, нар. лат. salvaticus: ит. salvatico, пров. salvatge, ст.-фр. salvage (фр. sauvage), молд. сэлбатик, рум. sălbatic, мегл. sălbatic.

152. Латинские грамматики особо подчеркивают явление ассимиляции в произношении слов типа: optineo (вм. лит. obtaineo 'получаю'), suptilis (вм. subtilis 'тонкий') и др. Квинтилиан (I, 7, 7) отмечает: *Ut cum dico optinuit (secundam enim b litteram ratio poscit, aures magis audiunt p)* 'Когда я говорю optinuit, рассуждение (аналогия) требует написания на втором месте буквы b, а слух скорее воспринимает p'.

Надписи, конечно, свидетельствуют народнолатинское произношение: optinui (CIL, I, 1570), pleps (CIL, VI, 909), suptilissima (CIL, VI, 9797) ср. также at porta (CIL, IV, 2013), im balneum (IV, 2410) и т. п.

Подобная же тенденция имеется и в современных романских языках. Ср. у молдавского писателя XIX в. И. Крянгэ народно-разговорные формы типа: супцире 'тонкий' (из лат. subtilis) и его производное супциратик 'тоненький' вместо литературных: субцире, субциратик и т. п.

153. В отношении диссимиляции можно цитировать: лит. лат. vicinus 'сосед': нар. лат. vecinus (аттестован уже в IV в. у Сервия). Отсюда исп. vecino, пров. vezi(n), кат. vehi, ст.-фр. veisin (фр. voisin), молд. вечин, рум. vecin, истр. vecin.

Ср. лит. лат. rotundus: нар. лат. rotundus > retundus⁸². Отсюда ит. ritondo, исп., порт. redondo, ст.-фр. reond, пров. redon.

Однако в Восточной Романии сохранились формы без диссимиляции, ср. молд. ротунд (диал. рэтунд), рум. rotund.

Дифтонги

154. В литературной латыни наибольшее распространение имели дифтонги⁸³: ae, oe⁸⁴, au. Например: saere 'часто', soeri 'начинаю', augora 'заря'.

Менее распространены были дифтонги: eu, ui, ei, ja, jo (eheu 'увы!' (межд.), seu 'или'; cui (дат. ед. ч. от qui, quae, quod 'кото-

⁸¹ М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика. . . , стр. 126 и сл.

⁸² CGL, IV, 347, 16; V, 280, 29.

⁸³ Синхронно-диахроническое развитие латинских дифтонгов см.: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Сравнительная грамматика ариоевропейских языков, вып. I, 1914, стр. 131—134.

⁸⁴ Фонетическая выделяемость (в хиатусе) гласного e из диграфа и самостоятельное его произношение (a—e, o—e) отмечалась у римлян знаком диерезы (·); aër 'воздух', poëta 'поэт', poëma 'поэзия' и т. п.

рый'); fui 'был' (перф. 1 л. ед. ч. от *esse*); ei! увы!, ай!, ой (межд.); janua 'дверь'; maior 'больше' (срав. степ. от *magnus*).

155. Противопоставление дифтонга простой гласной имело фонологическую значимость, будучи релевантной, ср.:

caedo 'бью, колочу'	— cedo 'иду, ухожу'
saecula (мн. ч. от <i>saeculum</i>) 'века'	— secula 'секира'
auga 'дуновение, воздух'	— āra 'возвышение алтаря'
aula 'двор, дворец'	— āla 'крыло, плечо'
auctor 'создатель, творец'	— actor 'действующий, актер' (<i>tragicus</i>).

156. Эти оппозиции воздействовали на развитие соответствующих лексических элементов в романских языках. Ср. ит. *secola*, исп. *siglo* (из лат. *saeculum*) 'века'; ит. *secolo* (из лат. *secula*) 'серб' (исп. *segur*, порт. *segure*).

157. Несмотря на эти оппозиции, дифтонги были подвергнуты процессу стяжения не без влияния умбского языка. Эта тенденция имела значительные последствия для перестройки народно-латинского вокализма.

В народной латыни дифтонги *ae* и *oe* очень рано упростились. Уже в I в. н. э. дифтонг *ae* произносился как *e*. В период классической латыни грамматик Варрон считал крестьянским произношение *e* вместо *ae*: *rustici rarrum Mesium non Maesium* 'жители деревень говорят: *rarra*⁸⁵ (старик) *Mesius* вместо *Maesius*'. В другом месте тот же автор настаивал: *in Latio rure 'edus' qui in urbe ut in multis a addito aedus* 'В Лации в деревнях говорят *edus*, а в городе, как и во многих других словах, прибавляется *a*: *aedus*'.

Однако в народнолатинских текстах почти повсюду налицо написание (а значит, и произношение) *e* вместо *ae*. Ср. в надписях *terre, memorie, eterne* и др. вместо *terrae, memoriae, aeternae* и др. Примеры гиперкорректности также говорят о том, что *ae* произносился повсюду как *e*. Ср. *daeo* (CIL, V, 8136) вместо *deo*, *aeogum* вместо *eogum*, *faecit* вместо *fecit*, *taerrae* вместо *terrae* и т. п.

В IV в. грамматик Сервий прямо признает, что в его время дифтонг *ae* уже без всякого сомнения произносился как *e*. Латинских грамматиков особенно раздражало то, что отсутствие чередования *ae/e* затемняло дифференциацию определенных частей речи (например, существительных и наречий). Грамматик Проб отмечал: *Inter sobriae et sobrie hoc interest, quod sobriae nomen designat. . . sobrie autem adverbium esse demonstrat*⁸⁶ 'Между *sobriae* и *sobrie* отличие состоит в том, что первое называет имя, а второе наречие'.

Несмотря на сопротивление грамматиков, переход *ae > e* аттестован во всех провинциях. Свидетельство этому — романские языки, ср.: лат. *caelu(m)* > ит. *cielo*, исп. *cielo*, пров. кат. *cel.*, фр. *ciel*, порт. *ceo*, ретором. (сельв.) *tschiel*, рум. истр. *cer*, арум., мегл. *tser*, молд. *чер*; лат. *querere*: ит. *chiedere*, сард. *kèr-*

⁸⁵ Комическая маска одного из персонажей народной комедии.

⁸⁶ GL, IV, 203, 14—15.

гере, пров., ст.-фр. *querre*, исп., порт. *queger*, рум. *сеге*, арум., мегл. *tser*, молд. *чере*.

158. Дифтонг *oe* примерно с I в. н. э. приносился как *e*. Например, *роена* > *репа* 'кара' (ср. исп., ит., пров., кат. *репа* фр. *reine*). В тексте «*Itinerarium Egeriae*» аттестована форма *сері* вместо лит. *соері* 'начинаю'. В народной латыни получили повсеместное распространение формы типа *Phebus* (вместо *Phoebus*), *obedire* (вместо *oboedire* 'слушать'). Аттестована в данном случае и гиперкоррекция: *соена* (вместо *сена* 'ужин'), *foelix*⁸⁷ (вместо *felix* 'счастливый') и др.

159. Что касается дифтонга *au*, то он перешел в *o* под влиянием некоторых тенденций к сокращению гласных, свойственных умбrescoму языку. Грамматик Присциан (около 500 г.) замечает: *au transit in o productam more antiquo, ut lotus pro lautus, plostrum pro plastrum* 'au переходит в *o* долгое по древнему обычаю, как в *lotus* вместо *lautus* ('лотус, нильская лилия'), *plostrum* вместо *plastrum* ('повозка, телега')'. Собственные имена также подвергались этому изменению: *Clodius*, *Olus* вместо *Claudius*, *Aulus*. Интересно отметить, что живший во времена Цицерона римский трибун Публий Клавдий Пульхер настаивал, чтобы его имя произносилось *Clodius*, желая тем самым подчеркнуть демократизм своих взглядов.

В народно-разговорной речи весьма часты формы типа *огум* вместо *аугум* 'золото', *сода* вместо *сауда* 'хвост'. Даже у Цицерона в письме к своему брату Квинту появляется форма: *oricula*⁸⁸ (вместо *auricula* 'ухо'), *coles* (вместо *caulis* 'стебель'), *plodo* (вместо *plaudo* 'бью'), хотя грамматик Фест (202, 13) говорил, что произношение типа *огум*, *огата*, *oricula* (вместо *аугум*, *аугата*, *auricula*) является крестьянским. К IV в. н. э. монофтонгизация (*au* > *o*) входит уже в норму. Грамматик Проб отмечает: *sunt nomina, quae au litteris et o convertant, ut puta cauda et coda* 'Есть слова, в которых *au* переходит в *o*, как *cauda coda*'.

160. Романские языки продолжили тенденцию монофтонгизации. Ср. лит. лат. *auricula* (из *auris*), нар. лат. *oricla*: ст.-сард., *oricla*, кат. *orella*, ит. *orecchio*⁸⁹, исп. *oreja*, порт. *orelha*, фр. *oreille*; молд. *уреке*, рум. *ureche*, арум. *ureacl'e*, мегл. *urescl'ă*, истр. *urescl'e*, далм. *gacle*; лит. лат. *audire*: ит. *udire*, кат. *ohir*., исп. *oír*.

161. Переход *au* в *o* не охватил, однако, всю Романию. На Балканах⁹⁰, в южной Италии (по-видимому, не без влияния оскского субстрата), в Сардинии, в Реции (частично) и в южной Галлии сохранились формы с дифтонгом *au* в ударяемых слогах⁹¹. Ср. лит.

⁸⁷ CIL, III, 10, 016.

⁸⁸ Это в пословице: *oricula infima molliorem*, 'мягче, чем мочка уха'.

⁸⁹ Ср. сиц. *arichi*.

⁹⁰ P. S k o k. La dipthongue latine *au* dans les langues balkaniques. «*Melanges Mario Roques*», t. IV. Paris, 1952, стр. 241 и сл.

⁹¹ В южной Галлии и в неударяемых слогах: пров. *aurelha*.

лат. *audire* > молд. *аузи*, рум. *auzi*, арум. *avdu*, истр. *qvdu*; ст.-пров. *auzir*, сард. *audire*, ретором. *auda*; лит. лат. *laudare* 'хвалить' > молд. *ләуда*, рум. *lăuda*, арум. *alăvdare*; пров. *lauzar*. В порт. *au* > *ou* (*louver* из *laudāre*, *ouro* из *aurum*, *ouvir* из *audire*).

162. Схематически можно представить судьбу латинского дифтонга *au* (в ударяемых слогах) в современных романских языках таким образом:

Лат.	Ит.	Исп.	Фр.	Порт.	Пров.	Ретором.	Далм.	Рум.	Молд.
<i>au</i>	<i>о</i>	<i>о</i>	<i>о</i>	<i>ou</i>	<i>au</i>	<i>au</i>	<i>у (au)</i>	<i>au</i>	<i>ау</i>
<i>aurum</i>	<i>ого</i>	<i>ого</i>	<i>ог</i>	<i>оуго</i>	<i>aur</i>	<i>aur</i>	<i>уaur</i>	<i>aur</i>	<i>аур</i>

163. Дифференцированное положение по провинциям следует, по-видимому, объяснить тем, что монофтонгирование *au* имело место не раньше IV—V вв.

Диссимиляции обязано появление гласной *а* вместо диффтонга *au*, которое появляется в надписях (сначала в надписях Помпеи во времена Нерона: CIL, IV, 2124: *Agosto*, *agustus* вместо *augustus* 'август'). Эта форма хорошо согласуется с романскими: ит. *agosto*, исп. *agost*, порт. *agôsto*, пров. *agost*, ретором. (энг.) *avoust*, ст.-фр. *aost*, фр. *août*.

164. Литературной латинской глагольной форме *auscultāre* соответствует в нар. лат. *ascultare* 'слушать'. Ср. у грамматика Капра (GL, VII, стр. 108, 6): *ausculta*, *non asculata*. Ср. ит. *ascoltare*, ст.-фр. *ascouter* из *ascolter* (фр. *écouter*), ст.-исп. *ascuchar* (исп. *escuchar*), ст.-порт. *ascuitar*; молд. *аскулта*, рум. *asculta*, арум. *ascultu*, мерл. *ascult*, истр. *ascutu*.

§ 25. Общие замечания

165. В процессе развития языковой системы латыни произошли определенные изменения и в отношении грамматических категорий. Этот внутренний процесс, касающийся структурно-грамматической системы, неизвестен современному романисту во всех его деталях из-за отсутствия необходимой информации о памятниках народной латыни.

В общих чертах можно сказать, что этот процесс характеризовался как начало постепенного перехода от синтетизма к аналитизму. Это означало, что различные именные или глагольные формы, выражающие определенные грамматические категории, не передавались в пределах одной морфемы, а посредством нескольких морфем.

Касаясь индоевропейского синтетизма, А. Мейе писал: «Индоевропейское слово содержит, следовательно, три части: корень, суффикс и окончание, из которых каждая играет особую роль: корень, указывает общее значение, суффикс его определяет точнее, а окончание (совместно с чередованиями гласных и местом повышения тона) определяет роль слова в предложении»¹.

Mutatis mutandis — это положение относится и к латинскому языку в более древний период его развития². Со временем, однако, стало выступать расчлененное выражение семантической значимости, с одной стороны, и грамматическое оформление — с другой. Семантическая значимость передавалась самостоятельными словами, а грамматическое оформление выражалось различными вспомогательными словами, которые сопровождали самостоятельные слова. Так, в именной системе и особенно в передаче морфологических категорий, в частности падежей, важную роль стали играть предлоги; а в глагольной системе при основном глаголе

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М., 1938, стр. 167.

² Конечно, нельзя утверждать, что синтетизм выражал все синтаксические отношения внутри латинского предложения. Вся система пассивного перфекта строилась в латыни аналитически (ср. тип *laudatus sum* и т. д.). Это говорит о том, что даже в древнейшей латыни были определенные тенденции к аналитизму.

при образовании форм сложных времен появляются различные вспомогательные глаголы. По существу вспомогательный глагол в спряжении и предлог в склонении играют примерно ту же роль, что и флексия синтетических форм³, т. е. выражают соответствующую грамматическую категорию (время, лицо, наклонение, залог — у глаголов; падеж — у имен).

Таким образом, если при синтетизме отношения между словами и различные синтаксические функции слов выражались особыми, специальными формами (т. е. флексией) самих слов, то при аналитизме эти отношения и функции передаются уже дополнительными элементами (предлогами, частицами, вспомогательными словами) и тоной.

166. Следствием такого внутреннего преобразования, происшедшего не без определенного воздействия на латынь языков других народов, было то, что структурно-грамматическая система народной латыни претерпела коренные изменения. Основные из них относятся к постепенной утрате ряда синтетических форм склонения и спряжения, а также постепенная замена их новыми, описательными, аналитическими формами.

Необходимо подчеркнуть при этом, что данный процесс способствовал в большой степени и процессу унификации морфологических форм. Так, в литературной латыни генитив выражался различными формами в соответствии со склонением. У I склонения в ед. числе имелось окончание *-ae* (*silvae*), у II склонения ед. числе *-i* (*horti*), во мн. числе: I склонение *-arum* (*silvarum*) у II склонения *-orum* (*hortorum*), у III склонения в генитиве мн. числа были два окончания: *-um* (у существительных неравносложных, например, *imperatorum*) и *-ium* (у равносложных — *civium*) и т. д. В народной латыни все эти различные формы заменяются одной единственной конструкцией: предлог *de*+аблатив⁴.

У глаголов наблюдается та же тенденция к регулярности. Неправильный глагол *edo* (*edi*, *esum*, *edēre*) и его производное *comedo* (*comedi*, *comesum*, *comedēre*) заменяется еще во времена Петрония регулярным глаголом: *manduco* (*manducavi*, *manducatum*, *manducare*) 'есть', 'кушать'. Неправильный глагол *eo* (*ivi* или *ii*, *itum*, *ire*) заменен регулярным глаголом *ambulo* (*ambulavi*, *ambulatatum*, *ambulāre* 'ходить'; а глагол *fero* (*tuli*, *latum*, *ferre*) глаголом *porto* (*portavi*, *portatum*, *portāre*) 'нести'. Рейхенауские глоссы свидетельствуют о такой замене *adferam*: *adportam*. Романские языки сохранили только *portare*, ср. ит. *portare*, пров., кат., исп., порт. *portar*, фр. *porter*, молд. *(a)nypta*, рум. *(a)purta*, арум. *purtare*, мерл., истр. *port*.

С целью более ясного представления об изменениях, происшедших в морфологической системе народной латыни, в дальней-

³ В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Введение. . . , стр. 79 (автор говорит о «предлоговой флексии»).

⁴ М. Т. A t z o r i. La preposizione 'de' nel latino volgare. Firenze, 1939.

шем будут показаны эти преобразования по каждой части речи. Кроме того, не все части речи были подвергнуты анализу, а лишь те, у которых ярче выступают тенденции к дифференциации от литературной латыни.

§ 26. Существительное

Склонение

167. Общеизвестно, что латинские грамматики — учитывая соотношения между номинативом и генитивом — распределяли существительные по пяти группам, названным склонениями (*declinationes*). К I склонению относились те существительные, которые в номинативе ед. числа оканчивались на -a (генитив -ae), например, *silva, silvae* 'лес'; II склонение: *us, -ei, -i* (генитив -i) *lupus, lupi* 'волк'⁵; III склонение охватывало существительные, которые оканчивались в номинативе ед. числа на: *is* (*civis* 'гражданин'), *aed-* (*aedes* 'комната'), согласную (*mens* 'ум'); в генитиве все они имели окончание -is (*civis, aedis, mentis*); IV склонение: *us* (генитив *us* — *fructus, fructus* 'плод' — м. р.); -u (генитив -us — *cognu, cognus* 'рог' — ср. р.); V склонение: -es, -ei (*dies, diei* 'день').

По склонениям латинские существительные не распределялись равномерно. Огромное большинство существительных относилось к III склонению. Подсчитано, что из 178 существительных, включенных в основное ядро латинского языка, 87 принадлежали III склонению; 52 — ко II склонению, 24 — к I склонению, 10 — к IV склонению и только 5 — к V склонению⁶.

По-видимому, вследствие того, что существительные IV и V склонений были малочисленны, очень рано появилась тенденция включить эти существительные в другие склонения. Еще в период классической латыни существовали параллельные формы: *materies* 'вещество, материя', *luxuries* 'изобилие, роскошь' наряду с *materia*⁷, *luxuria*. В произведениях Плавта можно встретить: *segnities* 'медлительность' наряду с *segnitia*; *durities* 'твердость', *duritia* и т. п.

168. В народной латыни почти все существительные V скло-

⁵ Как правило, существительные женского рода оканчивались на -a. Однако в виде исключения в эту группу включались и такие существительные, как *nauta* 'мореплаватель', *poëta* 'стихотворец', *Persa* 'перс' и др., которые были мужского рода (ср. *bonus poëta* и т. п.), и, наоборот, имелись существительные на -us женского рода: *anus* 'старуха', *fagus* 'бук', *cerasus* 'вишня' (дерево) и др. (ср. *alta fagus* и т. п.). В народной латыни названия деревьев стали м. р.: *fraxinus* 'ясень', *pinus* 'сосна', *populus* 'тополь' и др.

⁶ L. M a c a r i e. Un exemplu de interdependență între morfologie și lexic din istoria limbii latine. «Omăgiu lui Al. Rosetti», 1965, стр. 502.

Например, у Овидия: *materiam superabat opus* 'выполнение превзошло материал; верх искусства'; см. также: R. I. S b i e r a. Grammatica latină. Cernăuț, 1913, стр. 33.

нения перешли в I склонение: *glacia* (вместо *glacies* 'лед'), *facia* (вместо *facies* 'лицо'). По всей вероятности, «Appendix Probi» также отмечает этот переход: *facies non fa(cia)?* (89). Ср. исп., порт., *dia*; пров., *dia*; кат., *dia*⁸ (из лат. *dies*); исп. *madera*, порт. *madeira* (из лат. *materia*)⁹.

Романские языки продолжили именно формы I склонения, какими они были в народной латыни. Ср. молд. *фацэ*, рум., арум., мегл. *faṭă*, с истр. *fotse*, ит. *faccia*, фр. *face*, порт. *face* (в выражении *face à face* 'лицом к лицу'); молд. *гяцэ*, рум. *ghiaṭă*, ит. *ghiacia*, фр. *glace*.

Некоторые же романские языки сохранили остатки прежнего V склонения: исп. *haz*, пров. *fatz*, кат. *fas*, ит. диал. (сиц.) *fattsi* (из лит. лат. *facies*); пров. *glatz*, кат. *glass*, ретором. *glatsch* (ед. ч.), *glatscha* (мн. ч.).

Наблюдаются также и некоторые колебания во включении существительных V склонения в ту или иную категорию. Так, слово *fides* 'вера' было включено в западнороманских языках в III склонение: ит. *fedē*, фр. *foi* (<*feid*), исп. *fe(d)*, пров., кат., порт. *fe*. В Восточной Романии, Реции и в Италии *dies* образовало специальную категорию: молд. *зи*, рум., истр. *zi*, арум. *dzî*, ит., пров., ретором., ст.-фр. *dî*.

169. Существительные IV склонения перешли во II склонение. В связи с этим в генитиве ед. числа они получают окончание *-i*: *fructi*, *exerciti*, *tumulti*, *geli*, *gemitu* вместо лит. лат. форм *fructus* 'плод', *exercitus* 'войско', *tumultus* 'беспорядок, шум', *gelus* 'мороз', *gemitus* 'стон' и т. п.

Очевидно, закон аналогии играл немаловажную роль в этих переходах:

$$\frac{\text{ном. } hortus}{\text{ген. } horti} = \frac{\text{ном. } fructus}{\text{ген. } fructi}$$

Значит, путем дедукции заполнялось равенство двух отношений.

Народнолатинские формы этих существительных (*tumulti*; *fructi* и т. п.) встречаются не только у такого народного писателя, как Плавта, но и у Теренция, Катона, Лукреция и др. В надписях (да и в некоторых текстах литературной латыни¹⁰) в генитиве ед. числа аттестованы формы: *senati*, *laci* вместо литературных *senatus*, *lacus*. В надписях встречаются также формы аблатива ед. ч. *domo*, *mano* по II склонению. В тексте «Муломедицина Хирона» встречается форма генитива мн. ч. *genuorum* по II склонению, хотя имеем дело с *genu* 'колени', существительным IV склонения, которое должно иметь в генитиве мн. ч. форму *genium*.

Следует отметить, что некоторые существительные IV склонения, называя лиц женского пола, перешли в I склонение, т. е.

⁸ Имеется и *jorn*.

⁹ Н. Редерсен. *La V-e déclinaison latine*. København, 1926.

¹⁰ См.: R. I. Sbierra. *Gramatica latină*. . . , стр. 33.

стали существительным женского рода: формы *nura*, *sosra* вместо литературных *nurus* 'невестка, сноха', *socrus* 'теща, свекровь' появляются в надписях (*nuram*, *socre*). Этот переход засвидетельствован и в «Appendix Probi»: *nurus nura*, *socrus non socra*. Генитив *nurae* появляется в «Formulae Marculfi» (VII—VIII вв.). Народно-латинские формы унаследованы и романскими языками. Ср. молд. *норэ*¹¹, *соакрэ*; рум., арум., мегл. *noră*, *soacră*; ит. *nuora*, *suosera*, сард. (лог.) *nura*, ст.-фр. *puere*, *suire* (*suegre*), исп. *nuera*, *suegra*; кат., пров., порт. *noira*, *sogra*.

170. И у других существительных наблюдается переход из одного склонения в другое. Существительное *перос* 'внук' (аккузатив *perotem*) в некоторых романских языках осталось в III склонении (ит. *nipote*, кат. *nevodo*, порт. *neto*, исп. *nieto*, фр. *neveu*), в других оно перешло во II склонение (молд. *непот*, рум., истр. *perot*, арум., мегл. *nipot*).

171. Латинские существительные III склонения на -tas имели тенденцию перейти в I склонение, особенно после утраты конечных согласных. Даже в классический период можно встретить форму *juventa* (ab *juventa* 'смолоду', вместо ab *juventate*) наряду с *juventas* 'молодость'. В народной латыни такие переходы участились: *siccita* вместо *siccitas* 'сухость, засуха' (молд. *сечетэ*, рум. *secetă*, ит. *siccità*), ср. ит., пров., кат. *tempesta*, фр. *tempête* (из лат. *tempestas*).

172. Таким образом, в народной латыни существительные включались не в пять склонений, а только в три. К I склонению относились не только существительные женского рода на -a (*сарга*, *silva*), но и те, которые перешли из V склонения (*materia*, *luxuria*) и из III склонения (*juventa*, *siccita*). Ко II склонению относились существительные мужского рода на -us (*hortus*, *murus*), а также те, которые перешли из IV склонения (м. и ср. рода): *exercitus*, *cognus*. Третье склонение сохранило в основном свой контингент существительных на -is.

173. Тенденция унификации количества слогов существительных относилась к III склонению. Известно, что в литературной латыни у некоторых существительных III склонения количество слогов не было одинаковым в номинативе и в остальных падежах. Ср. *mons*, *montis* 'гора', *imperator*, *imperatoris* 'император'. Подобные существительные с неравным количеством слогов так и назывались — неравносложными.

В народной латыни очень рано появилась тенденция уравнивать количество слогов у всех существительных. Такие формы проникают и в язык писателей, не только таких, как Плавт (который использовал форму *sortis* вместо *sors*) или Энния (который употреблял *lactis*, *mentis* в номинативе), но даже и у писателей-классиков. Так, у Тита Ливия появляется в номинативе форма *carnis* 'мясо', *stirpis* 'корень, род' вместо *caro*, *carnis*, *stirps* (номинатив),

¹¹ В древнемолдавских текстах: *нор(у)-мя*.

stirpis (генитив). Формы номинатива типа *bovis* (вместо *bos*) можно встретить у Петрония и Варрона. «Appendix Probi» замечает: *besten non pectinis* 'гребешок', *glis non gliris* 'соня' (зоол.); *grus non gruis* 'журавль'. А грамматик позднего времени Присциан (VII, 760) писал: *terra corpus est at mentis* (вместо *mens*) *ignis* 'земля — это тело, а ум — огонь'. Форма *sanguem* (вместо аккумулятива *sanguinem*) появляется в тексте Италы. Ср. молд. *сынже*, рум. *sînge*, арум. *sîndze*, мегл. *sındz*, истр. *sânje*; ит., порт. *sangue*, исп. *sangre* (ж. р.); фр. *sang*, кат. *sanc*.

Необходимо отметить и те случаи, когда в разных романских языках сохранились обе формы. Так, молд. *шарпе* 'змея', рум., арум. *șarpe*, мегл. *șarpi*, истр. *șorpe*; ит., порт. *serpe*, ретором. *siarp* берут свое начало от формы лат. ном. ед. ч. *sēre(n)s*, в то время как фр. *serpent*, исп. *serpiente* (имеется и *sierpe*) исходят от лат. аккуз. ед. ч. *serpentem*. Лат. ном. ед. ч. *caro* сохранилось в арум. форме *сарă*, в то время как все остальные романские языки продолжают форму аккуз. ед. ч. *carne*; ср. молд. *карне* 'мясо', рум. *carne*, мегл. *carni*, истр. *cogni*, ит., исп., порт. *carne*, пров., кат. *carn*, ст.-фр. *charn*.

174. Некоторые неравносложные существительные, особенно те, которые называли людей (*homo*, *hospes* и др.), сохранили и форму номинатива ед. числа, поскольку она употреблялась особенно в обращениях. Подобные существительные так и остались неравносложными в некоторых современных романских языках. Ср. молд. *ом* (ед. ч.) — *оамень* (мн. ч.); рум. *ом*, *оамені*; арум. *ом*, *оаміні*; мегл. *(u)om*, *оаміні*, истр. *ом*, *qmiri*; ит. (калабр.) *ому*, *uomini*; молд. *оасне* (ед. ч.), *оаснецъ* (мн. ч.), рум. *oaspe*, *oaspeți*.

175. В период империи у имен, называющих лица, наблюдается склонение с мобильным ударением. Так, в надписях наряду с формами типа *tāta*¹² 'отец', *māmma* 'мать' появляются и *tatāni* (CIL, X, 3646), *mamāni* (CIL, X, 2965), на основе которых образовались формы: молд. *тэтыне* (ед. ч.), *тэтынъ* (мн. ч.); рум. *tătine* (ед. ч.) — *tătini* (мн. ч.); арум. *tată* (ед. ч.) — *tătini* (мн. ч.); мегл. *tată* (ед. ч.) — *tătqni* (мн. ч.). Ср. молд. арх. *мэмыни(-мя)*. По аналогии образовалась форма: молд. *фрэцыне(-меу)*, рум. *frăține* (-меу) 'брат' (мой).

Падежные окончания

176. Еще в период архаической латыни существовала общейталийская тенденция постепенного сокращения числа падежей¹³. Литературная латынь уже не знала специальную морфологическую форму для инструментального (творительного) и локативного (местного) падежей. Функции этих падежей выражались аблатив-

¹² Ср. далм. *tuota*, южн.-ит. *tata*, ст.-фр. *taie*, исп., порт. *tatá*; ср. новогреч. *татаς*.

¹³ Относительно сокращения флексий в индоевропейских языках см.: А. Мейер. Сравнительный метод . . ., стр. 80.

ном, который объединил в своем значении три древних падежа: отложительный, творительный и местный. На протяжении всей истории своего развития латинский язык продолжал тенденцию сокращения падежей.

177. Общеизвестно, что в литературной латыни было шесть надежных форм в единственном и множественном числе (номинатив, генитив, датив, аккузатив, аблатив, вокатив). Вследствие возникновения новых синтаксических конструкций и в связи с ростом синтаксической роли предлогов падежные синтетические формы стали постепенно выходить из общего употребления; их заменяли описательными, аналитическими конструкциями¹⁴.

Так, вместо синтетической формы генитива стала употребляться конструкция de+аблатив¹⁵. Примеры такого использования имеются еще у Плавта (*demidium de praeda* вместо *dimidium praedae* 'половина добычи'). Далее в надписях весьма часто встречаются конструкции типа: *caballus de Petro*, *liber de fratre*, *de sorore nepus* вместо *Petri equus* 'конь Петра', *fratris liber* 'книга брата', *sororis nepus* 'племянник (от сестры)'. В «Вулгате»: *vas de aceto plenum* вместо *vas aceti plenum* 'посуда полная уксуса'; в «Itinerarium»: *clerici de ipsa ecclesia* вместо *clerici ipsae ecclesiae* 'служители этой церкви'. Ср. у Августина: *episcopi de Numidia*.

Романские языки продолжили и обобщили эту тенденцию выражения генитива. Ср. молд. *nenot de soră*; ит. *figlia del pittore* 'дочь художника'; фр. *la fille du peintre*; исп. *la hija del pintor* и т. д.

Синтетическая форма генитива сохранилась в некоторых романских языках лишь в определенных устойчивых оборотах. Ср. лат. *lūnae dies*; фр. *lundi*; лат. *de noctis tempore*; ит. *di notte tempore*, позже *di notte tempo*; лат. *aqua vitae*; ит. *acquavite*; лат. *aqua rosae*; пров. *aigaros*; лат. *caput scolae*; пров. *cabescol* и др.¹⁶

178. Вместо синтетической формы датива используется в народной латыни конструкция ad+аккузатив. Ср. у Плавта: *ad hostis. . . dabit* вместо *hostibus dabit* (*Epidicus*) 'отдаст врагам'.

Даже Цицерон, следуя тенденциям устной речи, так пишет в своей переписке: *litteras ad te mitto* вместо *litteras tibi mitto* 'посылаю тебе письма'. Нельзя при этом не заметить, что синтетическая форма датива не совпадала полностью по своему значению с предложной конструкцией. Последняя с большей конкретностью уточняла значение соответствующего отношения, указывая направление совершаемого действия. Предложная конструкция

¹⁴ Е. А. Реферовская. Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода. М.—Л., 1964.

¹⁵ Е. А. Реферовская. Развитие предложных дополнений при приглагольных глаголах удаления в латинском языке позднего периода. «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961, стр. 37 и сл.; T. Săvborg. Étude sur le rôle de la préposition dans les expressions de lieu relatives en latin vulgaire et en ancien gallo-roman. Uppsala, 1941.

¹⁶ C. H. Grandgent. Introdúcere. . . , стр. 61.

имела и в период классической латыни устно выраженный характер, чем и объясняется ее использование в цicerоновской переписке.

179. В народной латыни часто употребляются предложные конструкции для указания направления действия к адресату. Ср. *ait ad me, dixit ad aliquem, tradit ad te, dono panem ad Petrum* вместо литературных конструкций: *ait mihi* 'говорит мне', *dixit alicui* 'сказал кому-то', *tredit tibi* 'передает тебе', *do panem Petro* 'даю хлеб Петру' и т. п. Ср. *Vulgata: qui dixit ad mulierem* 'который сказал женщине'. В «*Itinerarium*»: *dicens ad eum* вместо *dicens ei* 'говоря ему'. Ср. *CIL, XIII, 2483; Hic requiescunt menbra ad diuus fratres Gallo et Ficensio* 'Здесь покоятся тела двух братьев Галла и Фиценция' и *terra ad illo homine (Formulae Andecavenses)* 'земля такого-то человека'.

И в данном случае имеются примеры гиперкорректности. Так, у поэта Коммодиана читаем: *Vertite vos Christo* вместо *vertite ad Christum* 'обращайтесь к Христу'. В данном случае датив использован вместо *ad*+аккузатив, как требовала литературная норма.

180. Описательные конструкции с предлогами: de, ab, ex, apud начинают заменять аблатив¹⁷. Ср., *dulcis ab hac voce* 'сладким голосом', *de manibus suis* 'своими руками', *occidam de lancea* 'убью копьем' и т. д., где литературная норма не требовала предлога. В тексте «*Муломедицина Хирона*» *de*+аккузатив заменяет инструментальный аблатив (*de pedes* 'ногами'). То же явление наблюдается и у Апиция: *ab aceto, ex aceto* 'уксусом' и т. п.

Древняя форма аблатива *domi* 'дома' заменена в Итале и Вулгате конструкцией *in domo*.

181. Латинские грамматики считали вокатив отдельной падежной формой (*vocativus casus*), включая его в парадигму имен. При посредстве этой формы указывалось лицо, к которому обращаются. В предложении вокатив занимал обособленное место, что во многом способствовало его исчезновению.

В литературной латыни окончание вокатива совпадало во всех склонениях с окончанием номинатива, кроме существительных мужского рода (II склонение), оканчивающихся на *-us* (*lupus* 'волк', *hortus* 'сад', *dominus* 'господин'). У этих существительных вокатив имел окончание *-e*¹⁸ (*lupe, horte, domine* и т. д.).

Однако и у этой категории существительных чувствовалась тенденция отождествления форм вокатива и номинатива.

У Плавта, Горация, Тита Ливия и других писателей вместо вокатива на *-e* использовалось окончание *-us*, как и в номинативе. Ср. у Плавта (*Asinaria*): *Da, meus ocellus. . . Leonida, argentum, mihi* 'Дай, моя радость. . . Леонид, мне денег'. В Помпейских надписях: *amicus, vale. . .*¹⁹

¹⁷ Ср.: A. G r a u r. *Ab, ad, apud et cum en Latin de Gaule*. Paris, 1932.

¹⁸ То же окончание было и у прилагательных на *-us*, например: *magnus (N)—magne (Voc.)*. Ср. *o mi germane!* 'о мой родной!'.

¹⁹ V. V ä ä n ä n e n. *Introduction. . .*, стр. 118.

Вокатив на -е сохранился, как правило, в общеупотребительных формулах типа: *mi domine* 'боже мой'.

Собственные имена на -ius (*Pompeius, Ovidius*) в вокативе имели окончание -i (*Pompei, Ovidi*). То же положение было и у нарицательных имен на -ius (*filius*) и у притяжательных местоимений (*meus*): *mi fili* 'о, мой сын!'

182. В западороманских языках латинский вокатив на -е не сохранился²⁰. Другая ситуация сложилась в Восточной Романии. В славянских языках, тесно соприкасавшихся на протяжении долгих веков с романизованным населением Дакии и всего Балканского полуострова, употреблялся вокатив на -е у существительных мужского рода. Ср. ст.-слав. *друже, клече, отаче*²¹; совр. болг. *оате, ветре, попе*²².

Это содействовало тому, что восточнороманские языки (молд., рум., мегл.) сохранили древний латинский вокатив на -е²³. Ср. молд. *вечине*²⁴, *кумэтре, лун(ул)е; Петре, Александре* и т. п.

В арум, вокатив на -е не сохранился, будучи заменен номинативом. Больше того. В восточнороманские языки проник непосредственно из славянских языков вокатив на -о у существительных женского рода. Ср. молд. *соро!* 'сестра!', *норо!* 'сноха!', *вечино!* 'соседка!', *лелицо!* 'тетя!' и т. п.; ст.-слав. *глако, жено*²⁵; укр. *сусидко, жинко* и т. п.

183. В результате процесса упрощения падежных форм сохранились лишь два падежа: номинатив и аккузатив во всей Романии, кроме Восточной, где осталась еще и третья форма: латив ед. ч. на -е у существительных женского рода (I склонения) и на -i у существительных женского рода (III склонения). Ср. молд. *уней касе* 'дому', *капре* 'козе'; рум. *case, capre*, молд. *уней вульп* 'лисице'; рум. *vulpi*.

Аккузатив в сопровождении различных предлогов выполнял все функции утраченных падежей. Однако следует заметить, что с момента утраты конечных согласных (-m, -s) стерлось и различие номинатива от аккузатива.

184. В итоге, в народной латыни произошло объединение «массы форм по признаку рода»²⁶ и, таким образом, «род пережил основную»²⁷. Вследствие всего этого число типов склонений сократилось, как и число падежей.

²⁰ Изолированно вокатив появляется в сардском у личных имен: *Benedicte, Estave*. См.: V. V ä ä n ä n e n. Introduction. . ., стр. 118.

²¹ St. Ku l' b a k i n. Le vieux slave. Paris, 1929, стр. 219.

²² L. B e a u l i e u x. Grammaire de la langue bulgare. Paris, 1933, стр. 43 и сл.

²³ Поправ И. Пэтруц («Romanoslavica», VII, 1963, стр. 92), когда отрицает славянское влияние на сохранение лат. вокатива на -е.

²⁴ Вокатив *vicinae* (-*vicine*) появляется в Помпейских надписях, см.: V. V ä ä n ä n e n. Le latin vulgaire des inscriptions pompeiennes. . . Paris, 1959, стр. 24. Там же вокатив *Grapichae*.

²⁵ St. Ku l' b a k i n. Le vieux slave, стр. 260.

²⁶ В. Ф. Шишмарев. Историческая морфология французского языка. М.-Л., 1952, стр. 34.

²⁷ Там же, стр. 33.

Первое склонение (существительные женского рода).

185. В ед. числе форма номинатива на -а сохранилась в народной латыни повсюду (*sarga, fascia, folia*). С момента утраты конечного -*m* совпали по форме: номинатив, vokатив, аккузатив и аблатив. Для генитива—датива сохранилось окончание -*e* (лит. лат. -*ae*).

В Восточной Романии окончание -*e* (генитива—датива) сохранилось. Ср. молд. (*уней*)*case, mese*; рум. *case, mese*. В Западной Романии оно утрачено.

Во мн. числе народной латыни имелись окончания: -*e* (лит. лат. -*ae*) для номинатива, -*as* для аккузатива; -*is* для датива—аблатива; -*ago* для генитива.

В Италии и Восточной Романии номинатив на -*e* использовался и для аккузатива и vokатива (*sarge, case*). В Западной Романии номинатив на -*e* был вытеснен аккузативом на -*as*. Эта форма и стала употребляться как в номинативе, так и в аккузативе и vokативе. Ср. исп., порт., пров. *sabras*; фр. *chevres*. Остальные окончания были утрачены.

Второе склонение (существительные мужского рода).

186. В ед. числе народной латыни сохранился номинатив на -*er* (*puer*) и на -*us* (-*os*) (*muros*), с которым совпал vokатив, генитив на -*i* (*muri*), датив—аблатив на -*o* (*muro*).

После утраты конечных согласных номинатив типа *muro(s)* совпал по своей форме в Восточной Романии и в Италии с аккузативом *muro(m)* и с дативом—аблативом *muro*. Конструкция типа *venit slavus* 'идет раб' и *video slavum* 'вижу раба' стали идентичными. Ср. ит. *viene lo schiavo, vedi lo schiavo*.

В Западной Романии номинатив *muros* 'стена', *murus* и аккузатив *muro(m)* (*murum*) сохранили свои различные формы. Сардский язык и сейчас различает *muri* и *muro*. Во мн. числе в народной латыни имелся номинатив на -*i* (*muri*), аккузатив на -*os* (*muros*), аблатив на -*is* (*muris*), генитив -ого (*murogo*).

В Восточной Романии номинатив типа *muri* стал употребляться и в аккузативе, так как форма *muros* считалась формой ед. числа.

В Галлии сохранились и *muri*, и *muros*; а на Иберийском полуострове победила форма *muros* как в номинативе, так и в аккузативе²⁸. Ср. исп. *amigos* 'друзья', порт. *cousas*, кат. *cases* 'дома', *pans* 'хлеба'.

Третье склонение (существительные мужского и женского рода)

187. В народной латыни номинатив ед. числа оканчивался на -*er* (*pater*), -*es* (<*is*), *canes* (м. р.), *vulpes* (ж. р.), генитив на -*es*²⁹

²⁸ G. I v ä n e s c u. Les formes du nominatif et de l'accusatif pluriels des I-re et II-e déclinaisons et latin vulgaire. «Recueil d'études romanes». Bucarest, 1959.

²⁹ Окончание -*s* произносилось весьма слабо, а затем совсем исчезло.

(is) (canes, vulpes), датив на -i (cani, vulpi), аблатив—аккузатив на -e.

В Восточной Романии номинатив canī(s) фонетически совпал с аккузативом cane (m). Вначале здесь же сохранился и датив canī (м. р.) и vulpi (ж. р.). Позднее датив canī заменен формой cane, поскольку большинство существительных мужского рода (типа tиги) имели лишь одну форму. Формы женского рода типа vulpe, vulpi сохранились различные, поскольку и другие существительные женского рода (типа сарга, сарге) имели две различные формы. В Галлии различными сохранились формы canis, cane, а в Иберии — лишь cane.

Во мн. числе флексия -es была в литературной латыни единственной. Однако под влиянием архаических форм получила всеобщее распространение форма на -is в Италии и на Востоке. На Иберийском полуострове и в Галлии окончание -es сохранилось как в аккузативе, так и в номинативе.

Категория рода

188. В литературной латыни существительные распределялись по трем родам: мужской (genus masculinum), женский (genus femininum) и средний (genus neutrum). В основе этой классификации стоял логический критерий: существительные, называющие одушевленные предметы были мужского или женского рода в зависимости от их пола. Существительные, обозначающие неодушевленные предметы, были, как правило, среднего рода. Окончание и, следовательно, принадлежность к определенному роду того или иного существительного не отражались на распределении по склонениям. Так, I склонения были и существительные scriba, poëta, nauta 'мореплаватель' (м. р.), и terra, silva (ж. р.). Ко II склонению принадлежали и animus (м. р.) и humus (ж. р.); pater (м. р.) и mater (ж. р.) относились к III склонению; exercitus (м. р.) и manus (ж. р.) были IV склонения; dies (м. р.) и species 'зрение' (ж. р.) — V склонения.

189. В народной латыни произошел процесс постепенной утраты среднего рода как самостоятельной морфологической категории. Ни в одном романском языке не сохранился средний род таким, как его знала литературная латынь³⁰.

Предпосылки, способствующие утрате среднего рода, весьма сложные³¹. Однако надо иметь в виду особенно чисто формальные, фонетические факторы, с одной стороны, и факторы психологического порядка — с другой.

А. Эрн у. Историческая морфология латинского языка. Рус. перев., М., 1950, стр. 19.

³¹ Г. Мольт считает исходным пунктом утраты среднего рода влияние умбрийского языка (умбр. serio; лат. cipiū; умбр. filio; лат. filius), см.: G. M o h l. Introduction. . . , стр. 179 и сл.

Существительные среднего рода II склонения типа *vinum* 'вино', *bracchium* 'рука', *templum* 'храм', *stratum* 'одеяло' и другие составляли наиболее значительную категорию среди других существительных среднего рода. Они отличались от существительных мужского рода типа *tingus* в единственном числе только своими формами номинатива, аккузатива и вокатива. Существительные мужского рода имели в номинативе окончание *-us* (*tingus*, *lupus*), а среднего рода — *-um* (*caelum* 'небо', *balneum* 'баня') ср. вокатив *lure*, но *caelum*, *balneum*, как и номинатив. В связи с этим в развитии латинского языка очень рано наблюдаются колебания в использовании существительных среднего рода. Плавт колеблется, используя в номинативе то *nasum* 'нос', *caseum* 'сыр', *corium* 'ремень', *aevum* 'век', *dorsum* 'спина, хребет' — как требовала литературная латынь, то *nasus*, *caseus*, *corius*, *aevus*, *dorsus* — как это было в народной латыни. У Катона мы находим форму *raster*, *rastri* 'мотыга' вместо *rastrum*. Петроний даже в классический период развития латинского языка использует народнолатинские формы: *balneus* 'баня', *caelus* 'небо', *vinus* 'вино', *vasus* 'сосуд' вместо *balneum*, *caelum*, *vinum*, *vas* — как требовали литературные нормы.

Со временем количество народно-разговорных форм все больше и больше увеличивается. В тексте Вулгаты наличествуют народнолатинские формы: *lignus* 'дерево', *signus* 'знак', *verbus* 'слово' и др. Надписи почти не знают форм среднего рода (ср. *donus* — CIL, V, 5418, *fatus*, XIII, 2205 и т. п.).

В конце концов было достигнуто такое положение, что огромное большинство существительных среднего рода перешло в ед. числе в категорию мужского рода.

В литературной латыни имелись существительные среднего рода не только во втором склонении. Существительные среднего рода IV склонения на *-u* (*cornu*, *cornus* 'рог'), как мы уже видели (стр. 164), перешли в категорию существительных II склонения. Грамматик Варрон цитирует формы типа *cornus*, *cornum* по II склонению, появившихся у Петрония. В «Муломедицине Хирона» имеется форма аккузатива мн. числа *cornos*.

Имелись колебания и в отношении существительных III склонения³², особенно оканчивающихся на *-r*. Плавт использует аккузатив типа *gutturē*, *paraverē* вместо литературных форм *guttur* 'глотка, шея', *paraver* 'мак'. У других писателей можно встретить формы аккузатива *sulfurē*, *marmore* вместо *sulphur* 'сера', *marmor* 'мрамор'³³.

Во мн. числе существительные среднего рода имели отличные формы от существительных мужского рода. Все существительные

³² R. de D a r d e l. Recherches sur le genre roman de substantifs latins de la troisième déclinaison. Genève, 1965.

³³ G. I v ă n e s c u. Soarta neutrului latin clasic în latina populară și în limbile romanice. «Studii și cercetări lingvistice», 1957, № 3.

среднего рода независимо от склонения оканчивались в номинативе—аккузативе на -а (*templa, marmora, cornua*). Это окончание, и особенно у существительных с собирательным и вещественно-материальным значением (*materia*), сближало их фонетически с формой ед. числа существительных ж. р. I склонения типа *porta, carpa* и т. п. Вследствие этого появились дублетные формы типа *camentum, -i* 'неотделанный бутовый камень' наряду с *caementa, -ae* с тем же значением. Ср. также: *garum, -i* 'репа' и *gara, -ae* и т. п. Такое смешение участилось особенно вследствие использования различными поэтами (например, у Овидия) в переносном значении формы типа *gaudia* в смысле *gaudium* 'радость'³⁴. С другой стороны, такому смешению содействовало и собирательное значение, которое могли иметь формы мн. числа типа *folia* 'листва' (от *folium* 'лист'). Вот почему такие формы, как *gaudia, folia, ligna, materia*, стали считаться формами женского рода ед. числа.

Грамматик Вергилий Марон (VI в. н. э.), обобщая эту тенденцию, считал окончания -es, -a эквивалентными: *Sunt etiam nomina quae duplici declinatione gaudent ut materies et materia. . . facies et facia*³⁵ 'Есть имена, которые могут склоняться по двум склонениям, как, например, *materies* и *materia. . . facies* и *facia*'.

В народнолатинских текстах можно встретить примеры феминизации среднего рода, т. е. формы на -а (мн. ч. ср. р.) считаются ед. ч. ж. р. (по I склонению): *ligna. . . ardet*. В «Мулумедине Хирона» употребляется форма *folias*, как и *rosas, silvas* и т. п.³⁶

Романские языки включили подобные существительные в категорию женского рода ед. числа. Ср. фр. *la joie* (из *gaudia*), *la feuille* (из *folia*); ит. *gioia, foglia*; исп. *hoja* 'лист'; кат. *fulla*; пров., порт. *folha* 'лист', ретором. *föglia*; молд. *foae* 'лист'; рум. *foaie*, арум. *foaie, fol'*; мегл. *foale, foluri*, истр. *fole, fol*.

В Восточной Романии, в Центральной и Южной Италии и на Иберийском полуострове формы типа *bracchia, ligna, adjutoria* стали существительными женского рода мн. числа (молд. *браце* 'руки', *лемне* 'дрова'; рум. *brațe, lemne*; ит. *braccia, legna*; исп. *leña, lenha*; молд. *ажутоаре* 'помощники'; рум. *ajutoare*. В ст.-фр. ед. ч. *braz* — мн. ч. *brace*; ст.-пров. *bratz*—*brasa* имели коллективное значение³⁷.

Окончание -а распространилось и на некоторые существительные мужского рода II склонения (ср. *digita* от *digitus*, 'палец'; *fusa* от *fusus*, -i 'веретено') и IV склонения (*fructa* от *fructus, -us, grada* от *gradus, -us* 'шаг'), формы *digita, fusa, fructa, grada* появляются в народнолатинской речи. Отсюда они проникли и в романские языки: ит. (le) *dita, fusa, frutta, grada*; исп. *deda,*

³⁴ См.: W. A p p e l. De genere neutro intereunte. Erlangen, 1883.

³⁵ См.: F. B r u n o t. Histoire de la langue française, t. I, 1905, стр. 79.

³⁶ L. S p i t z e r. Feminización del neutro. «Revista de filologia hispanica», 1941, № 4.

³⁷ L. S p i t z e r. Feminización del neutro.

fruta, grada; порт. deda, fruta; молд. *дежете, фрукте, фусе, граде*; рум. *degete, fuse, fructe, grade*. Следует отметить, что мн. число на -i сохранилось в ит., но с другим значением. Ср. ит. *i muri* 'стены'; *le mura* 'укрепления'; *gli ossi* 'кости', *le ossa* 'бренные останки, прах'.

190. В результате утраты среднего рода в восточнороманских языках была создана новая категория существительных, именно существительных гетерогенных, или обоюдородных, т. е. таких, которые имеют в ед. числе окончание мужского рода (молд. *лемн* 'дерево', *семн* 'знак' рум. *lemn, semn*), а во мн. числе — окончание женского рода³⁸ (молд. *лемне, семне*, рум. *lemne, semne*). Конечно, здесь не идет речь о появлении нового рода, наподобие того, каким он был в латыни или имеется и сейчас в славянских языках, где средний род морфологически оформлен самостоятельно от других родов³⁹. Ср. лат. *lignum, signum, cogni* и др.; *поле, знамя, такси* в современном русском языке.

Единственной связью между средним родом латыни и обоюдородным молдавского или румынского, например, является то, что много существительных, которые были в латыни среднего рода, стали в современных восточнороманских языках обоюдородными (*ambigeni*). Ср. лат. *adjutor* 'помощник' > молд. *ажутор*, мн. ч. *ажутоаре*; рум. *ajutor, ajutoare*; лат. *factum* 'действие' > молд. *фант, фанте*; рум. *fapt, fapte*; лат. *ferrum* 'железо' > молд. *фер фере*; рум. *fier, fiere*; лат. *vallum* 'вал' > молд. *вал, валурь*; рум. *val, valuri* и т. д.

Латинские существительные III склонения на -us, мн. ч. -ora (*tempus, tempora*, 'время', *corpus, corpora* 'тело') имели особую судьбу. В ед. числе они были восприняты как остальные существительные среднего рода только в Восточной Романии, где после выпадения конечного -s существительное типа *tempu(s)* получило идентичную форму как и *templu(m)*. Во мн. числе окончание -ora на Востоке не только не исчезло, а, напротив, охватило и другие слова (*сампрога, јосога, јосога, јосура*)⁴⁰, которые и дошли до современности: молд. *кымпурь* 'поля', *жокурь* 'игры', *локурь* 'места', *фокурь* 'огни'.

Таким образом, обоюдородные существительные имеют во мн. числе как окончание -e из лат. -a, так и -урь (из лат. -ora). Первое окончание характерно, как правило; для многосложных существительных⁴¹ (молд. *инел* 'кольцо' — *инеле*; рум. *inel, inele*). Окончание -урь больше оформляет односложные существительные (молд. *пепт* 'грудь' — *пептурь*; рум. *piept, piepturi* молд. *кымп*.

³⁸ В ст.-фр. *ambes les brase* 'обе руки' также мн. ч. ж. р.

³⁹ Ср.: Al. Rosetti. *Istoria limbii române*, стр. 303.

⁴⁰ В ит. формы типа *luogora, sampora, corpora, fuocora, nidora* считаются архаизмами. См.: F. G. Mohi. *Introduction...*, стр. 200; см. также: P. Aebischner. *Les pluriels analogiques en -ora dans les chartes latines de l'Italie*. — ALMA, VIII, 1933, стр. 5—76.

⁴¹ Ср., однако, молд. *ак* 'иголка' — *аче*.

‘поле’ — *кымпурь*; рум. *cîmp, cîmpuri*; молд. *нод* ‘узел’ — *нодурь*; рум. *nod, noduri*; молд. *рыу* ‘река’ — *рыурь*; рум. *riu, riuri* и т. п.). В румынском языке насчитывается около 600 существительных первой категории (на -е) и около 500 существительных второй категории ⁴².

191. Несколько слов надо сказать о таком существительном, как *сарут* ‘голова’. В системе латинского склонения это существительное (III склонения) было обособлено вследствие своего необычного окончания. Поэтому народная латынь включила его в категорию существительных II склонения. В надписях встречаются формы *сарус* и *сарум* (*Roma sarpus mundi* — CIL, VI, 29849a). Отсюда ит. *саро*, исп., порт. *сабо*, фр. *chef*, молд. *кап*, рум. *арум*, мегл. *сар*. От этой формы закономерной является форма мн. числа *сарі* (ср. ит. *сарі*; молд. *капъ*, рум. *сарі*). Однако в Италии и в Восточной Романии сохранилась и латинская форма мн. числа *capita* ⁴³ (молд. *капете*, рум. *сарете*, арум. *сарите*, мегл. *саріті*).

В Восточной Романии данное существительное образовало и третью форму множественного числа на -ога (ср. молд. *капурь*, рум. *сарурі*). Эти формы мн. числа имеют различную семантическую значимость: молд. *капъ* ‘начальники, руководители’ (ср. ретором. *сар*. ‘глава, начальник’); *капурь* ‘головы’ — как часть человеческого тела и у животных; *капурь* ‘мысы’ (географический термин).

192. Важно отметить, что многие заимствованные слова из славянских языков восточнороманскими языками включены также в категорию обоюдородных существительных. Ср. молд. *плуг* (из ст.-сл. *плугъ*), *плугурь*; *яз* (из ст.-сл. *ѣзъ*) *язурь*; *зид* ‘стена’ (из ст.-сл. *зидъ*), *зидурь*; *звеноу* (из рус. *звено*), *звеноурь*; рум. *pluguri, iazuri, ziduri*.

193. В ретороманском языке на базе латинских существительных среднего рода была создана новая категория существительных с так называемым собирательным мн. числом. Идет речь о существительных мужского рода (*fav* ‘боб’, *рум* ‘плод’, *лепп* ‘дрова’, *меіл* ‘яблоко’, *рег* ‘груша’ и др.), которые кроме формы мн. числа мужского рода (*favs, rums, lenns, meils, pers*) имеют также окончания (-а) существительных женского рода (*fava, рума, lenna, miela, рера*). Этимологически это окончание (-а) исходит от латинских существительных среднего рода (типа *roma, ligna, mala, pira* и т. п.) ⁴⁴.

В итальянском языке также имеется небольшая группа существительных мужского рода, которой свойственны две формы мн. числа — *il, le* (*l'uovo, le uova; il braccio, le braccia* из лат.

⁴² S. P o p. Grammaire roumaine. Bern, 1948, стр. 126.

⁴³ Ср.: *tot capita, tot sensus* ‘сколько голов, столько умов’.

⁴⁴ М. А. Б о р о д и н а. Современный литературный ретороманский язык. ., стр. 46.

ovum, ova 'яйцо'; blacchium — braccia 'рука' и т. п.⁴⁵ Артикль *le* исходит из формы среднего рода *illae* (например, *illae pectora*) и имеет собирательное значение.

В французском языке средний род у существительных не сохранился. Только у местоимений, где средний род имел вполне определенное значение, сохранились формы *que, se, cela*⁴⁶.

§ 27. Прилагательное

Категории прилагательных

194. В латинском языке прилагательные склонялись по образцу существительных.

Прилагательные распределялись по трем категориям.

В первую группу включались прилагательные, которые имели особые окончания для каждого рода: bonus, bona, bonum 'хороший'; liber, libera, liberum 'свободный'; niger, nigra, nigrum 'черный' и т. д.

Во вторую группу входили прилагательные, имеющие одну общую форму для мужского и женского рода, а другую для среднего рода: fortis, forte 'сильный'; mollis, molle 'мягкий'; viridis, viride 'зеленый' и т. д.

Менее значительную группу составляли прилагательные, имеющие лишь одно окончание для всех родов. Ср. *ingens* 'громадный'; *dives* 'богатый'; *pauper* 'бедный'; *felix* 'счастливый'; *atrox* 'ужасный, дикий' и др.

195. В историческом развитии латинского языка имелись различные колебания в использовании форм прилагательных. Даже в литературной латыни можно было встретить наряду с *proclivus, procliva, proclivum* 'покатый, наклонный' и *proclivis, proclive*, хотя только последняя считалась отвечающей норме литературного языка.

Прилагательные на -er, -a, -um (*miser* 'печальный', *sacer* 'посвященный') перешли в категорию прилагательных на -us, -a, -um (*miserus, misera, miserum*).

В «Appendix Probi» указано: *acre non acrum* 'кислый'; *tristis non tristum* 'печальный'. Романские языки отразили по-разному эти колебания: исп., порт. *triste*, *acre* исходят от *tristis, triste*; а ит. *tristo*, *acro*; молд. *trist*, *акру*; рум. *trist*, *acru*; мерл., арум. *acru* происходят от лат. *tristus, trista, tristum*; *acrus, acra, acrum*.

Этот переход прилагательных III склонения во II склонение отмечен в «Appendix Probi» в словосочетании: *pauper mulier non paupera mulier* 'бедная женщина'.

196. Вместе с морфологическими изменениями, происшедшими в категории существительных, имели место и сдвиги в системе

⁴⁵ Т. Б. Алисова, Т. З. Черданцева. Итальянский язык. Изд-во МГУ, 1962, стр. 27.

⁴⁶ F. Grunot. Histoire... t. I, стр. 77.

прилагательных. Был утрачен ряд падежных форм. Вследствие утраты среднего рода прилагательные распределялись уже только по двум категориям. Некоторые имели особые окончания для мужского и женского родов (*bonus, bona*), а другие сохранили одно окончание для обоих родов (*viride, triste*). Это положение сохранилось и в романских языках, где имеются прилагательные с двумя окончаниями (ср. фр. *bon, bonne*; ит. *buono, buona*; ретором. (энг.) *bun, buna*; рум., арум. *bun, bună*; истр. *bur, bură*; молд. *бун, бунэ*) и с одним окончанием (ит. *felice*, ретором. *felice*, рум. *ferice*, молд. *ферице* и т. п.).

Степени сравнения

197. Для выражения степеней сравнения качественных прилагательных литературная латынь использовала синтетические морфологические средства.

Для сравнительной степени (компаратив) использовались суффиксы -ior (для м. и ж. р.), -ius (для ср. р.): *fortior, fortius* 'более сильный'; *pulchrior, pulchrius* 'более красивый'; *atrocior, atrocius* 'более ужасный'. Таким путем образовывался компаратив превосходства. Тожественная степень (или экватив) выражалась, однако, аналитическими средствами при посредстве наречия tam, а компаратив недостаточности — при посредстве наречия minus⁴⁷.

Абсолютный суперлатив (элатив) образовывался в литературной латыни при посредстве суффикса -issimus, -issima, -issimum: *fortissimus, fortissima, fortissimum*.

Относительный суперлатив формировался аналитическим способом с помощью наречия *minime*: *minime fortis*. Когда суперлатив использовался без сравнительного дополнения, тогда он имел значение абсолютного суперлатива, выражая максимум интенсивности того или иного качества. Ср.: *Sapientissimus quisque sententiam quoque aliorum rogat* 'Мудрейший спрашивает (всегда) и мнение других'.

Надо подчеркнуть, что в литературной латыни была группа прилагательных, оканчивающихся на -us после гласной, которые образовывали все степени сравнения только аналитическим способом, а именно при посредстве наречия *magis* или *plus* (в компаративе) и наречия *maxime* (в суперлативе). Идет речь о таких прилагательных, как *idoneus* 'удобный' (*magis idoneus, maxime idoneus*), *necessarius* 'необходимый' (*magis necessarius, maxime necessarius*), *vacuus* 'пустой' (*magis vacuus, maxime vacuus*), *congruus* 'соответствующий' (*plus congruus, maxime congruus*) и др.

198. Очень рано синтетические формы (типа *dulcior, dulcissimus; fortior, fortissimus* и т. п.) стали вытесняться аналитическими конструкциями, образованными с помощью наречий.

⁴⁷ А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. Рус. перев. М., 1950, стр. 97.

Еще во время Плавта в компаративе используется наречие *magis* даже у тех прилагательных, которые могли образовать синтетический компаратив, как, например, *magis aptus* вместо *aptior* 'более способный' или *magis altus* вместо *altior* 'более высокий'. Ср. у этого же автора: *magis severus* 'более строгий', *magis sapiens* 'более мудрый' и др. Иногда, намного реже, использовалось и наречие *plus* при образовании компаратива. Эний использует *plus miser* 'более жалкий'; Плавт — *plus infesta* 'более враждебный' и т. д. Формы с *plus* стали более распространенными начиная со II в. н. э. и особенно у таких писателей, как Иероним, Тертуллиан и др.

При передаче аналитическими способами абсолютного суперлатива, как правило, использовалось наречие *maxime*, но наряду с этим у классиков появляется и наречие *multum* (Цицерон: *vir multum bonus* 'лучший муж'; Гораций: *multum celer* 'наиболее быстрый' и др.). В романских языках сохранился этот способ образования суперлатива. В древних молдавских текстах (Шкелянская псалтырь и др.) встречается суперлатив: *мулту милостив* 'милостивейший'. В произведениях М. Эминеску (поэма «Кэлин») в виде архаизма используется подобный же суперлатив: *мулт богат ай фост одатэ, мулт рэмас-ай ту сэрак*, досл. 'весьма богатым был ты когда-то, весьма бедным стал ты теперь'. Такой способ образования суперлатива наличествует в арумынском языке (*multu* + начальная форма прилагательного). В западно-романских языках также распространен такой суперлатив. Ср. ит. *molto grazioso* 'очень грациозный', исп. *muuy hermoso* 'очень красивый', порт. *muito grande* 'очень большой', ст.-фр. *molt grand* 'очень большой' и т. п.

Абсолютный суперлатив мог формироваться аналитически и при посредстве других наречий: *bene* (*classis bene magna* 'флот весьма большой' — у Цицерона)⁴⁸, *valde* (*valde bene* 'очень хорошо' — у Петрония; *valde pulchra* 'очень красивая' — в тексте «*Itinerarium*»), *forte* и др.

Выражая относительный суперлатив, в народной латыни использовались конструкции типа: *ille magis* (или *plus*) + прилагательное: *ille magis* (или *plus*) *carus* 'самый дорогой'⁴⁹.

Все эти способы сравнения употреблялись в народной латыни наряду с литературными: *altior*, *grandior*, *gravior*, *levior*; *altissimus*, *carissimus* и т. д.

Процесс перехода от одного способа к другому наиболее ярко выступает в тех случаях, когда очевидно то, что старый способ уже не был в состоянии выразить идею сравнения и поэтому он подкрепляется наречиями. У Витрувия: *magis melior* 'лучший'; а в «Муломедине Хирона»: *magis deterior* 'худший, более плохой'; у Коммодиана: *plus levior* 'более легкий' и т. п.

⁴⁸ Ср. фр. *bien jolie* 'очень хорошенькая', *bien tard* 'очень поздно', *bien vite* 'очень быстро'.

⁴⁹ С. Н. G r a n d g e n t. *Introducere* . . ., стр. 49.

199. В литературной латыни связь между компаративом прилагательного и сравниваемым существительным осуществлялась посредством наречия *quam*. Ср.: *Homo levior quam pluma* (Плавт) 'Человек легче перышка'; *Petrus magis temerarius quam Paulus est* 'Петр храбрее Павла'. Если наречие *quam* отсутствовало, тогда существительное ставилось в аблативе: *Aër levior est aquā* 'Воздух легче воды'.

В народной латыни некоторых провинций связь между компаративом прилагательного и сравниваемым существительным реализовалась и посредством предлога *de*. Например: *Bestia fortior de elefanto* 'Звери сильнее слона'; *plus fortis de leone* '... сильнее льва'. В литературной латыни в таких случаях использовались конструкции типа *fortior leone*.

200. Романские языки используют, как правило, аналитические способы образования степеней сравнения. В некоторых из этих языков получило распространение наречие *magis* в компаративе (молд. *май ыналт* 'наиболее высокий', рум. *mai înalt*, исп. *mas alto*, порт. *mais alto*, сард., кат. *mes alt*). В других языках — *plus* (ит. *più alto*, сард. (лог.) *prus forte*, фр. *plus haut*, ретором. *pli bien*).

Относительный суперлатив образуется конструкциями: молд. *чел май* + прилагательное (например, *чел май ыналт* 'наиболее высокий'); исп. *el más* + прилагательное (например, *el más alto*, *el más grande*); фр. *le plus* + прилагательное (*le plus haut*); ит. *il più* + прилагательное (*il più bello*), ретором. *il pli* + прилагательное (*il pli bien*).

201. Нельзя забывать, однако, что западнороманские языки сохранили и латинские литературные синтетические формы выражения степеней сравнения. Они считаются супплетивными, так как образуются от других основ, по сравнению с положительной степенью соответствующего прилагательного:

лит. лат.	<i>bonus</i> 'хороший'	— <i>melior, melius</i> — <i>optimus</i>
ит.	<i>buono</i>	— <i>migliore</i> — <i>ottimo</i>
исп.	<i>bueno</i>	— <i>mejor</i> — <i>optimo</i>
порт.	<i>bom</i>	— <i>melhor</i> —
фр.	<i>bon</i>	— <i>meilleur</i> — <i>optime</i>
ретором. (анг.)	<i>bun</i>	— <i>meglder</i> — <i>il meglder</i>
лит. лат.	<i>malus</i> 'плохой'	— <i>peior, peius</i> — <i>pessimus</i>
ит.	— ⁵⁰	— <i>peggiore</i> — <i>pessimo</i>
исп.	<i>malo</i>	— <i>peor</i> — <i>pésimo</i>
порт.	<i>mau, mal</i>	— <i>péor</i> —
ретором.	<i>mel'</i>	— <i>il pessim</i>
фр.	— ⁵¹	— <i>pire</i> —

¹ Не сохранилось и было заменено прилагательным *cattivo*.

² Заменено *mauvais* из нар. лат. *malifatius*. См.: Н. Schuchardt. Franz. mauvais (lat. malifatius). — В кн.: Н. Schuchardt. Brevier. Aufg. 2. Halle/Salle, 1928.

Также следует отметить, что некоторые романские языки имеют до сих пор как литературную норму синтетические формы абсолютного суперлатива (исп., ит. *novissimo* 'очень новый'; кат. *altisme* 'очень высокий'; ретором. *interessantischem* 'очень интересный'; исп. *bellisimo* 'очень красивый' и т. д. Ср. ст.-фр. *bonisme, cherisme, hautisme* и т. д.

202. Итерация (повторы) как средство выражения высшей степени также является довольно древней в романских языках. Ср. *liber, lirbe sum* (у Горация), *malum, malum* (у Коммодиана). В надписях: *fortis, fortis; felicis, felicis; merenti, merenti* и др. Этот способ выражения степеней сравнения нашел свое продолжение в романских языках (ср. ит. *due occhi peri, peri*).

§ 28. Местоимение

203. В литературной латыни местоимение склонялось по образцу существительных, но с некоторыми особенностями. Поэтому склонение местоимений претерпело примерно те же изменения, что и склонение существительных. Все же необходимо подчеркнуть, что по определенным причинам синтаксического порядка местоимения лучше сохранили, чем существительные, некоторые падежные формы, в частности датива.

Личные местоимения

204. Форма 1 л. этого местоимения (*ego*) была вытеснена в народной латыни (примерно с VI в.) формой *eo*⁵² (по всей вероятности, умбрского происхождения), которая распространилась по всей Романии. Ср. сард. (лог.) *eo*, ит. *io*, пров. *ieu*, порт. *eu*, исп. *yo*, ретором. (энг.) *eu* (*eau*), ст.-фр. *jou* (фр. *je*); молд. *eu*, рум. *eu*, арум. *eu*, *io* (й), *mine*; мегл., истр. *io*, далм. *jo*.

Во 2 л. сохранилась форма *tu* во всех романских языках (в ретором. — сурсельский диалект — *ti; tei, te*; энг. — *tü*, далм. *toi*).

В аккузативе сохранились: *me, te, se* (возвратное). В дативе от литературной формы *mihi* образовалось *mi*⁵³, а по аналогии *ti* (из *tibi*), *si* (из *sibi*).

Во мн. числе в номинативе и аккузативе использовались: *nos, vos*; в дативе — *nobis, vobis* (ср. у Вергилия: *Sic vos, non vobis* 'Так вы, но не вам, т. е. вы работаете, а плата другим'). Эти формы имеют соответствия: ст.-исп., порт., пров., кат. *nos, vos*; фр. *nous, vous*; ретором. *nus, vus*. В Италии и Восточной Романии после выпадения конечного согласного *s*, было добавлено *i* как характеристика множественности: далм., ит. *poi, voi*; рум., арум., мегл. *poi, voi*; молд. *ной, вой*.

⁵² CIL, VIII, 13, 134.

⁵³ CIL, I, 1216.

Как известно, в литературной латыни местоимения относились к лицу «которое говорит» (*ego, nos*), или к лицу, «с которым говорят» (*tu, vos*). Лицо, «о котором говорят», т. е. третье лицо, не имело в литературной латыни специальной формы. Оно включалось в семантику существительных или указательных местоимений (*is, ille* и др.). Со временем, однако, указательное местоимение *ille* в новой своей форме *elli* (м. р.), *ella* (ж. р.) стало выполнять функцию личного местоимения 3 л. С V в. латинские грамматики (Кледоний и др.) включают уже *ille* наряду с *e(g)o, tu* в категорию личных местоимений. Ср. продолжатели *ille, illa* в романских языках: ит. *el, ella*; исп., порт. *el, ella*; пров. *el, ela*; ретором. *el, ella* фр. *il, elle*; рум., арум. *el, ea*; мегл. *iel, ea*; истр. *ie, io*; молд. *el, ea*.

В дативе наряду с формой *illi* появляется в надписях *illui* (CIL, X, 2564), *illaei* (ж. р.). Ср. в романских языках: ит. *lui, lei*; пров. *lui, liei, lei*; ст.-фр. *lui, li* (из *liei*); рум. *lui, ei*; молд. *луй, ей*.

В систему местоимений вводится местоимение *inde*, заменяющее косвенные падежи *ille*. У Августина: *Nemo inde dubitat* 'Никто не сомневается в этом'. От *inde* исходят фр. *en*, ит. *ne*.

Во мн. числе вместо формы датива *illis* стал употребляться генитив *illorum*. Номинатив *illi* отличался от аккузатива *illos*.

Продолжатели *illi, illae* в романских языках: ит. *eglino, elleno*, исп. *ellos, ellas*; пров. *il, elas*; ретором. *els, ellas*; фр. *ils, elles*; рум. *ei, ele*; молд. *ей, еле*.

Надо особо отметить, что вместо *ille* в некоторых провинциях (Сардиния) стало употребляться *iste* в качестве личного местоимения 3 л.

205. Таким образом, в народной латыни склонение личных местоимений представляло такую картину:

1 лицо		2 лицо	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
N <i>eo</i>	<i>nos</i>	<i>tu</i>	<i>vos</i>
D <i>mi</i>	<i>nobis</i>	<i>ti</i>	<i>vobis</i>
A <i>me</i>	<i>nos</i>	<i>te</i>	<i>vos</i>
3 лицо м. р.		3 лицо ж. р.	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
N <i>ille</i>	<i>illi</i>	<i>illa</i>	<i>illas</i>
D <i>illi, illui</i>	<i>illoru(m)</i>	<i>illi, illaei</i>	<i>illoru(m)</i>
A <i>illu</i>	<i>illos</i>	<i>illa</i>	<i>illas</i>

В отношении форм аккузатива надо отметить тенденцию к дифференциации кратких безударных форм (*me, te, se*) и полных ударных (*mene, tene, sene*⁵⁴), которые появились в Италии, на

⁵⁴ В арум. косвенно-объективная форма личного местоимения 1, 2 л. ед. ч. (*mine, tine*) используется вместо прямо-объективной формы (*io, tu*). Ср. *mine fac* 'я делаю'.

Далматском побережье и на Балканском полуострове. Появление этих форм следует объяснить использованием древних вопросительных и восклицательных форм. Ср. *Tene haec posse ferre?* 'Можешь ли ты это сделать?' — у Цицерона. Они могут быть объяснены и как аналогические формы: *se, sine; me, mene*. Кроме того, в ранний период проявилась тенденция к функциональной дифференциации между ударными (полными) и безударными (краткими) формами местоимений. Последние на основе темпа речи никогда не могли находиться в начале предложения и употреблялись всегда в энклитическом положении по отношению к предшествующему ударному слову. Ср. у Петрония: *Ad hanc me fortunam frugalitas mea perduxit* 'К этой судьбе меня привела моя любовь к порядку'.

206. Следует отметить в народной латыни определенную активизацию возвратных местоимений (*se, sibi*) при глаголах. В «*Itinerarium*» появляются конструкции типа *vadent se*, напоминающие о современных: фр. *ils s'en vont*; исп. *vanse*, молд. *се дук* 'уходят', рум. *se duc*. Цель активизации возвратного местоимения состояла в более четком подчеркивании того, что подлежащее участвует более интенсивно в реализации действия, выраженного глаголом. В связи с этим надо особо подчеркнуть, что в Восточной Рومании важную роль в распространении возвратных глаголов сыграли славянские языки. Так объясняется появление глаголов типа: молд. *a se teme* 'бояться'; рум. *a se teme* при лат. *timeo* (ст.-слав. *бѣѣти сѧ*). Ср. ит. *temere*, пров., исп. *temer*, кат. *tembre*.

Притяжательные местоимения

207. В народной латыни притяжательные местоимения имели такие формы:

1 лицо	2 лицо	3 лицо
<i>meus mea</i>	<i>tuus tua</i>	<i>su(o)us su(o)a</i>
<i>noster nostra</i>	<i>voster vostra</i>	<i>illoru(m)</i>
	лит. лат. <i>vester, vestra</i>	

По аналогии с вокативом м. р. *mi* с III в. появляется и форма женского рода *mi* (из *mea*). Например, *mater mi, mi soror*.

Кроме того, следует отметить в народной латыни наличие стяженных форм: *mus* (из *meus*)—*ma* (из *mea*), *tus—ta, sus—sa*, зарегистрированных в надписях. Грамматик VI в. Марон цитирует формы *mus—ma*, а также формы косвенных падежей *mi, meae*.

Надо добавить при этом, что грамматик Фест еще в архаической латыни засвидетельствовал формы типа *sos* вместо *suos*. Он писал: *Sos pro suos ponebant, ut cum per dativum casum idem Ennius refert: postquam lumina sis oculis bonus Ancus reliquit* 'Употребляя *sos* вместо *sous*, как сообщает Энний: после того как славный Анк лишился света своих очей'.

208. В литературной латыни употреблялись следующие указательные местоимения:

- hic, haec, hoc — указательное местоимение, которое относится к 1 л., показывая приближение к этому лицу: 'вот этот; этот, о котором я сейчас говорю; этот, который меня интересует';
- iste, ista, istud — относится преимущественно ко 2 л., показывая приближение к собеседнику: 'вот тот, который около тебя; тот, о котором ты говоришь';
- ille, illa, illud — 3 л. выражало отдаленность предмета от действия говорения или, можно сказать, приближение к этому лицу: 'вот тот; тот, о котором он говорит'⁵⁵;
- is, ea, id — появлялся во всех случаях, указывая на лицо, о котором шла речь или немедленно будет идти речь ('тот, который').

На основе местоимения *is, ea, id* при посредстве неизменяемой частицы *-dem* образовалось сложное местоимение *idem, eadem, idem*: из *i(s)+dem, ea+dem, i(d)+dem*, которое выражало тождественность, идентичность ('именно этот, тот же самый, та же самая').

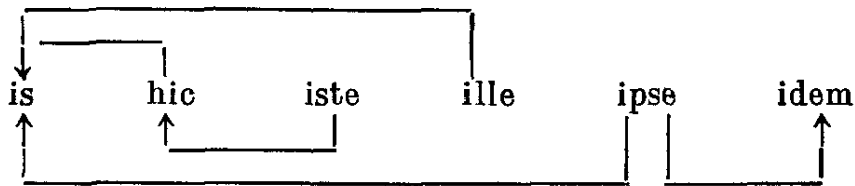
Iipse, ipsa, ipsum — противительное местоимение. Оно имело значение 'сам; он сам и никто другой'.

209. В народно-разговорном языке, да и в поэзии, однако, эти отличительные значения стали постепенно стираться. Из всех местоимений сохранились лишь три: *iste, ille, ipse*, подкрепленные обычно деиктическим элементом *esse-, ессу-, *ассу-* (см. ниже, стр. 184).

С раннего периода, особенно по мотивам стихосложения, местоимение *is* заменено *hic*, сохраняясь лишь при образовании сложных местоимений, например *id ipsum* (отсюда ит. *desso*). Позднее и *hic* был утрачен, будучи вытеснен *iste* (указывающий на приближение предмета по отношению к говорящему) и *ille* (указывающий на удаленность). К VI в. грамматик Присциан четко формулирует это положение: *... ille spatio longiore intelligitur, iste vero propinquiore* '... ille указывает на пространственную удаленность, а iste — на близость'. Кроме того, *iste* и *ille* могли характеризовать близость или отдаленность и по отношению ко времени реализации глагольного действия. Первое передавало действие настоящее, совершенное одновременно с актом говорения, а второе было использовано при выражении действия в прошедшем времени.

⁵⁵ D. Găzda ru. Descendenții demonstrativului latin ille în limba română. Iași, 1929.

Взаимоотношения между местоимениями и их судьбу в процессе эволюции можно представить такой схемой:

210. Поскольку некоторые указательные местоимения утратили со временем свою демонстративность, появилась необходимость в народной латыни использовать сочетание двух местоимений. Уже у Цицерона встречается сочетание местоимений: *iste ipse*, у Петрония *is ipse*. Ср. также *hic ipse*, *ille ipse*, *hic idem*, *met ipse* и др. В качестве усилительного (деиктического) элемента используется особенно часто частица *ессе* — ‘вот’ и конструкция **accu-* (из *atque+essum*). Еще в произведениях Плавта встречаются формы *eccillum*, *eccistum*.

Таким путем были созданы новые формы указательных местоимений, лежащих в основе соответствующих форм современных романских языков. Ср. *ессе+iste*⁵⁶ > ст.-фр. *cest* (фр. *cet*, *ce*); ит. *questo*, ретором. *quest*, *quist*; **accu+iste* > молд. *ачест*; рум. *acest*, арум. *aestu aistu*; мерл. *tsista*, истр. *tsăsta*; ст.-исп. *aquesto*; кат., пров. *aquest*; *ессе+ille* > ст.-фр. *cil* (фр. *cel*), ит. *quello*; **accu+ille* > молд. *ачел*, рум. *acel*, арум. *atsel*, мерл. *tsela*, истр. *tsel(a)*; ст.-пров., ст.-исп. *aquel*, порт. *aquello*.

Образование определенного артикля

211. Общеизвестно, что литературная латынь не знала категории артикля как самостоятельной морфологической единицы. Квинтилиан прямо говорит: *Noster sermo articulos non desiderat* ‘Наша речь не требует артиклей’. Несмотря на это, даже в текстах классической латыни, можно встретить примеры, в которых указательное местоимение имеет детерминативную функцию. Ср. у Цицерона: *annus ille quo...*

С течением времени указательное местоимение *ille* все больше и больше утрачивает свою демонстративную значимость, превращаясь постепенно в детерминатив. Группа, образованная из существительного и указательного местоимения, приобретает в народной латыни особое значение. Из необходимости указать более точно, определить содержание существительного или другого имени, местоимение *ille* (в некоторых провинциях — Сардиния, Каталония, Балеарские острова *iste*, приобретая форму *su*, *sa*, *sos*) утратило свою демонстративную (указательную) значимость и превратилось постепенно в детерминатив, который по своей функции находится весьма близко к определенному артиклю.

⁵⁶ *Esceiste* используется в «*Itinerarium Egeriae*», 57, 3.

Начало этой эволюции следует искать еще в народной латыни архаического периода ⁵⁷.

У Плавта можно встретить такие обороты, как *in lecto illo altero*, т. е. 'в другой кровати'. В более значительном количестве подобные конструкции появляются в постклассический период. В тексте Италы читаем: *dixit illis duodecim discipulis* 'сказал 12 апостолам'. В «*Itinerarium*» местоимение *ille* (и *ipse*) появляется с ослабленной демонстративной значимостью, приобретая значение, близкое к определенному артиклю: *montis illius* 'той горы'; *per mediam vallem ipsam* 'по середине (той) долины'; *tunc ait ille sanctus presbyter* 'тогда сказал (тот) святой отец'.

В других народнолатинских текстах конструкции такого типа встречаются чаще. Ср.: *cito proferte mihi stolam illam primam* 'дайте мне быстро (то) платье первое'; *ipsa aqua* '(эта) вода'; *de stercore illo* (Марцелл Эмпирик), *notissimus ille* 'этот наиболее известный' (*Carmina epigraphica*), *illa acida* 'кислое кушанье', *illa fava fresa* 'размолотый боб' (Анфим), *illum jumentum* 'лошадь' («Муломедицина Хирона»).

212. В сочетании «существительное + артикль» первоначально не было твердо установлено проклитическое или энклитическое местоположение артикля. Употреблялась то конструкция типа *ille homo*, то *homo ille*. При этом надо подчеркнуть, что в Западной Романии стабилизировалась топика *ille homo*, т. е. с проклитическим артиклем, а в Восточной Романии — топика *homo ille*, т. е. с энклитическим артиклем. Постпозицию определенного артикля в восточнороманских языках следует объяснить в первую очередь внутренними тенденциями, специфическими для этой группы языков, в которых фраза не может начинаться с неударного слова и определяющее слово стоит, как правило, после определяемого ⁵⁸; во-вторых, надо иметь в виду явления субстратного, иллиро-фрако-дакогетского происхождения (ср. в албанском языке также постпозитивный артикль, а также в болгарском — артикль постпозитивный).

Таким образом, на основе лат. *ille* образовались: ит. *il*, *lo* (*il cavallo*), исп. *el* (*el caballo*), порт. *o* (*o cavallo*), пров. *lo* (*lo caval*), фр. *le* (*le cheval*); рум. *-l*, *-le* (*calul*, *cînele*), молд. *-л*, *-ле* (*калул*, *кынеле*).

⁵⁷ Такого мнения придерживаются многие романисты: M. Bonnet. *Le latin de Grégoire de Tours*. Paris, 1880; C. H. Grandgent. *An Introduction to vulgar Latin*. Boston, 1907; J. B. Hofmann. *Lateinische Umgangssprache*. Aufl. 2. Heidelberg, 1936. — Другие романисты, однако, допускают появление артикля лишь с конца VII в. н. э.: G. L. Trager. *The Use of the Latin Demonstratives (especially ille und ipse) up to 600 A. D., as the source of the romance article*. N. Y., 1939. Р. Г. П и о т р о в с к и й. Формирование артикля в романских языках. М.—Л., 1960, стр. 37.

⁵⁸ S. Pușcariu. *Limba română*, v. I. București, 1940, стр. 168—169; I. Iordan. *Stilistica limbii române*. București, 1944, стр. 231, примеч. 3; A. Kuhn. *Romanische Philologie*, Tl. I. Bern, 1951, стр. 140.

213. В литературно латыни имелись относительные местоимения *qui*, *quae*, *quod* и вопросительные *quis* (м. и ж. р.), *quid* (ср. р.). В народной латыни форма *quis* была заменена формами *qui* (м. р.), *quae* (ж. р.), а в ср. р. *quod* — на *quid*. Затем формы *qui*, *quem* использовались и для ж. р. Ср.: *Primae Florentinae filiae carissimae. . . qui ab Orfeu marito in Tiberi decepta est. . .*, т. е. 'Прекраснейшая флорентинская дочь. . . которая погибла в Тибре из-за своего мужа Орфея'.

214. Таким образом, в народной латыни относительно-вопросительные местоимения имели следующие формы:

	Ед. число	Мн. число
N	<i>qui</i> , <i>quid</i>	<i>qui</i>
G	<i>cuius</i>	—
D	<i>cui</i>	—
Ac	<i>quem</i>	<i>quos</i> , <i>quas</i>

В качестве относительного местоимения, особенно в Восточной Романии и Италии, использовались *qualis*, *quale*, которые склонялись по образцу прилагательных типа *tristis*, *triste* (молд. *каре*, рум. *care*, арум. *care*, *carî*; мегл. *carî*, истр. *соре*; ит. *quale*). Ср. пров., порт. *qual*, фр. *quel*, исп. *cual*.

Следует упомянуть здесь также использование сочетания формы ср. р. *quod* и наречия (*de*) *unde*, которое в современных романских языках стало: ит., порт. *onde* (ср. ит. *donde*), пров. *on*, кат. *hon*, ст.-исп. *ond*, ст.-фр. *ont* (фр. *dont*); рум. *unde* (ср. *de unde*), мегл. *iunde*, истр. *dende*; молд. *унде* (*де унде*).

215. Необходимо также упомянуть об использовании в народной латыни форм ср. р. (*hoc*, *id ipsum*, *illud*; *illum*, *quid*, *quod*) для выражения неопределенного значения.

§ 29. Числительное

216. Как и в литературной латыни, первые три числительные продолжали склоняться и в народной латыни. Так, числительное *unus*, *una* склонялось, как прилагательное типа *bonus*, *bona* и могло быть употреблено и во мн. числе. Ср. *in unis aedibus* 'в некоторых дворцах'. Наряду с *duo*, которое является древней формой дв. числа, по аналогии (с существительными II скл. типа *lupî*, и личными местоимениями *poî*, *voî*) появилась форма м. р. *dui*, аттестованная уже в III—IV вв. например, в тексте «Муло-медицина Хирона». Некоторые романские языки, особенно на Востоке, продолжили эту форму. Ср. молд. *дой*, рум., арум., мегл., истр. *doi*; ст.-ит. *dui* (ит. *due*), пров. *dui* (но и *duas*).

Помимо формы *ambo* 'оба', в нар. лат. используется также *ambi* а из сочетания *ambi*+*dui* образовалась новая форма **ambi-*

dui, которая нашла продолжение в романских языках: молд. *амын-дой*, рум. *amîndoi*, арум. *amindo(i)li*, истр. *amindoi*; ст.-ит. *amen-due*, ст.-фр. *andui*, пров. *amdui*. По аналогии с *dui* числительное *tres* образовало форму *trei*, сохраняя форму ср. р. *tria*. Ср. молд. *трей*, рум., арум., мегл., истр. *trei*. Другие романские языки: далм. *tria*, ит. *tre*, пров., кат., исп., порт. *tres*, фр. *trois*.

Остальные простые числительные имели в народной латыни формы: *quat(t)or* или *quat(t)ro*, *cinque*, *sex*, *septe*, *octo* (или *otto* ⁵⁹), *nove*, *dece*.

217. Современные романские языки, как западные, так и восточные, сохранили все эти числительные, приспособлявая их, конечно, соответственно своим фонетическим законам ⁶⁰.

Ср.: порт. *um*, *uma*, *dois*, *tres*, *quatro*, *cinco*, *seis*, *sete*, *oito*, *nove*, *dez*; исп. *un(o)*, *una*, *dos*, *tres*, *cuatro*, *cinco*, *seis*, *siete*, *ocho*, *nueve*, *diez*; фр. *un*, *une*, *deux*, *trois*, *quatre*, *cinq*, *six*, *sept*, *huit*, *neuf*, *dix*; ит. *un(o)*, *una*, *due*, *tre*, *quattro*, *cinque*, *sei*, *sette*, *otto*, *nuove*, *dieci*; ретором. (энг.) *ün*, *üna*, *duos*, *trois*, *quatter*, *tschinch*, *ses*, *set*, *och*, *nuov*, *desch*; молд. *ун*, *уна*, *дой*, *трей*, *пампу*, *чинч*, *шасе*, *шанте*, *онт*, *ноуэ*, *зече*; рум. *un*, *una*, *doi*, *trei*, *patru*, *cinci*, *şase*, *şapte*, *opt*, *nouă*, *zece*.

218. От 11—19 народная латынь сохранила количественные числительные литературного латинского языка ⁶¹, незначительно изменяя их фонетически: *undecē*, *d(u)odecē*, *tredecē*, *quattordecē*, *quindecē*, *vi(g)inti* (*vinti* ⁶²), *trienta* ⁶³ (*trinta* ⁶⁴), *quarranta* ⁶⁵, *cinquanta* ⁶⁶. . . *octaginta* ⁶⁷, *noanta* ⁶⁸, *centu*, *mille* (мн. ч. *milia*).

219. Западнороманские языки сохранили как морфологический состав, так и структуру народнолатинских числительных свыше 11: порт. *onze*, *doze*, *treze*, *quatorze*, *quinze*, *dezesseis*, *dezessete*, *dezoito*, *dezenove*, *vinte* . . . *trinta* . . . *cem* (*cento*) . . . *mil*; исп. *once*, *doce*, *trece*, *catorce*, *quince*, *diez y seis*, *diez y siete*, *diez y ocho*, *diez y nueve* . . . *veinte*, *treinta* . . . *cuarenta* . . . *cien(to)* . . . *mil*; ит. *undici*, *dodici*, *tredici*, *quattordici*, *quindici*, *sedici*, *diciassette*, *diciotto*, *diciannove*, *venti* . . . *trenta* . . . *quaranta* . . . *cento* . . . *mille* (мн. ч. *mila*);

⁵⁹ Ср.: CIL, XI, 2537: *ottobres*.

⁶⁰ Только истр. заменил латинские числительные славянскими, начиная от 8 (кроме 10). В истр. считают: *un*, *doi*, *trei*, *potru*, *cinc*, *şose*, *şapte*, *osn* (реже *opt*) 'восемь', *devet* 'девять', *zece*, *iedănaist* 'одиннадцать' . . . *dvaişet* 'двадцать'.

⁶¹ M. I h m. *Vulgarformen lateinischer Zahlwörter auf Inschriften*. — ALLG, VII, 1892, стр. 65 и сл.

⁶² CIL, VIII, 8573.

⁶³ CIL, XII, 5399.

⁶⁴ CIL, XI, 1711.

⁶⁵ CIL, XII, 7645.

⁶⁶ CIL, X, 5939.

⁶⁷ Вместо лит. лат. *octoginta*.

⁶⁸ CIL, VIII, 27984.

фр. onze, douze, treize, quatorze, quinze, seize, dix-sept, dix-huit, dix-neuf, vingt... trente... quarante... cent... mille; ретором. (анг.) ündesch, dodesch, tredesch, quattrodesch, quindesch, saidesch, descheset, deschdoch, deschnuov, vainch... trenta... quaraunta, tschient... milli;

Ср. далм. dotko пров. dotze 'двенадцать'.

220. Надо заменить, однако, что если большинство западно-романских языков сохранили полностью структуру латинских числительных (исп. setenta 'семьдесят'; ochenta 'восемьдесят'; noventa 'девяносто'; порт. setenta, oitenta, noventa; ит. settanta, ottanta, novanta; ретором. (анг.) settaunta, ochaunta, nonaunta), то другие западнороманские языки (французский), хотя и сохранили латинский морфологический материал, все же имеют нелатинскую структуру у некоторых числительных. Ср. фр. soixantedix (60+10), quatre-vingts (4×20), quatre-vingts-dix (4×20+10). До XVII в. употреблялись еще: trois-vingts, six-vingts. В данном случае говорят о влиянии кельтского или галльского субстрата на формирование числительных во французском языке⁶⁹.

221. В Восточной Романии при образовании сложных числительных были использованы лингвистические кальки по славянскому образцу. Морфологический материал числительных от 11—19 латинского происхождения, а структура этих числительных калькирована по славянской модели. Так, по ст.-слав. образцу единѣ на десѣте образовалось числительное: молд. *унспрезече*, рум. *unsprezese*. Таким путем образуются числительные до 19. Названия десятков также скалькировано: ст.-слав. *дѣсѣти*; болг. *двадесет*; молд. *доуэзечь*, рум. *douăzeci* и т. д. См. также: молд. *доуэзечь ши уну* по образцу *дѣсѣти* и *единѣ*; *доуэзечь ши дой* — *дѣсѣти* и *дѣсѣ* и т. д. Ср., однако, ит. *ventuno*, порт. *vinte e um* и др.

Числительные — молд. *сутѣ*, рум., арум., мегл. *sută* — являются непосредственными заимствованиями из славянских языков (ст.-слав. *сѣто*). Кальками являются числительные типа: молд. *доуэ суте*, *трей суте* и др., *дѣсѣтѣ*, *три сѣтѣ* и т. д. Ср., однако, ит. *duecento*, *trecento*; порт. *duzentos*, *trezentos* и др.

222. Среди восточнороманских языков только арумынский сохранил латинское числительное *viginti* — арум. *yg'inț*, *yingiț*, *yinyiț*. Ср. в арум.: *unsprăyg'inț* (21), *dosprăyg'inț* (22), *tresprăyg'inț* (23), *noauăsprăyg'inț* (29). В дальнейшем и в арумынском появляются лингвистические кальки по славянскому образцу: *treidzăț* (30), *patrudzăț* (40) и т. д.

223. Народная латынь сохранила в целом форму порядковых числительных литературной латыни: *primus*, *secundus*, *tertius*, *quartus*, *quintus* и т. д., которые склонялись как *bonus*.

⁶⁹ F. Brunot. Histoire... , t. I, стр. 54, F. G. Mohl. Introduction... , стр. 79.

В романских языках и у этих числительных наблюдаются определенные нововведения. Если ит. (*primo, secundo, terzo, quarto, quinto* и др.), исп. (*primer(o), segundo, tercer(o), cuarto, quinto* и др.) и порт. (*primeiro, segundo, terceiro, quarto, quinto* и др.) сохранили с соответствующими фонетическими изменениями латинское порядковое числительное, то во французском эти числительные образовались на основе количественных числительных и окончания *-ième*: *unième (premier), deuxième, troisième, quatrième, cinquième* и др. В ретором. для образования порядкового числительного (выше четырех ⁷⁰): к количественным числительным присоединяется суффикс *-avel* (сельв. диал.) и *-evel* (энг. диал.). Это числительное всегда сопровождается определенным артиклем: *il siatavel* (сельв.), *il settevel* (энг.) 'седьмой', *il novavel* (сельв.), *il pouvevel* (энг.) 'девятый' и т. д.

224. Что касается Восточной Романии, то числительное *prīmus* уже в народной латыни было заменено **antaneus* 'первый в колонне', по всей вероятности, позаимствовано из речи военных (*sermo militaris*). Остальные порядковые числительные в восточно-романских языках образовались на основе специальной конструкции: прономинальный (поссессивный) артикль *ал* + количественное числительное + частица *ля*: молд. *ал дойля* 'второй', *ал трейля* 'третий' и т. д.

Образование неопределенного артикля

225. Еще в литературной латыни можно было встретить примеры, в которых *unus* не выражал уже количественный признак, т. е. значение числительного, а имел значение 'кто-то, неопределенный': То же значение могло быть передано и словом *quidam* (*quidam ex militibus* 'кто-то из солдат').

С этим значением *unus* появляется уже в произведениях Плавта: *Est huic unus servus violentissimus* 'это был раб буйственнейший'; у Петрония: *Unus servus Agamemnonis interpellavit trepidantes. . .* 'Какой-то раб Агамемнона спросил дрожа. . .' у Цицерона (*De oratore*, I, 29); *Sicut unus pater familias his de rebus loquor* 'Как некий отец семьи я говорю об этих вещах'.

В тексте Вулгаты значение неопределенности выступает еще ярче: *Et accessit ad eum una ancilla, dicens. . .* 'И приблизилась к нему какая-то рабыня, сказав. . .' Тот же смысл появляется в «*Itinerarium Egeriae*»: *Dicitur ergo ibi unus psalmus* 'Таким образом здесь был прочитан псалом'.

Развитие *unus* от функции числительного к функции неопределенного артикля, по-видимому, прошло через такие этапы значения: 'один-единственный, один из определенной группы, один вообще из какой-то группы, один, какой-то неопределенный'.

⁷⁰ До четырех: ретором. (энг.) *il prüm, la prüma; il segnond, il terz, il quart.*

Когда уже слово *quidam* недостаточно выражало значение неопределенности, к нему в качестве деиктического элемента добавлялось *unus*: . . . *attulerat enim eis quidam unum piscem modicum* '...ибо принес им некто рыбку' (VI в.⁷¹). Затем уже сам *unus* стал выражать идею неопределенности. Ср. *sub una arbor* 'под каким-то деревом' (Григорий Турский).

Романские языки обобщили начатый процесс в народной латыни и *unus* преобразовался в неопределенный артикль: молд. *un*, рум., арум., мегл. *un*, истр. *un* (и *ur*); далм. *uoin*, ит., исп. *uno*, пров., фр., кат. *un*, порт. *hum*.

§ 30. Глагол

Время и наклонение

226. В глагольной системе народной латыни наблюдается также тенденция к упрощению многих синтетических форм.

Вышли из употребления все синтетические формы пассива⁷². Так, вместо синтетических пассивных конструкций типа *littera scribitur* появляются аналитические конструкции: *littera scripta est* 'буква написана'. С таким же значением используются некоторые активные конструкции (*litteram scribunt*, *litteram scribit homo*) и возвратные (*littera se scribit*).

Утратились также некоторые формы participia, infinitivi, gerundii, supini. Из них сохранились лишь participium praesentis activi (типа *laudans*), participium praeteriti passivi (*laudatus*), форма аблатива gerundii (*laudando*), инфинитива praesentis (*laudare*).

Супин заменен инфинитивом (с предлогом или без него). Ср. в Вулгате: *venimus adorare* (вместо *adoratum*) *eum* 'мы пришли поклониться ему'; у Августина: *cum veneris ad bibere* 'когда придете пить'. Только в Восточной Романии сохранилась форма супина, которая стала сопровождаться предлогом (ср. молд. *de lăudat*, *de băut*).

В связи с утратой форм пассива народная латынь не сохранила и так называемые отложительные глаголы (*verba deponentia*), т. е. такие глаголы, которые выражали активные значения, а имели пассивные формы типа: *partior*, *partitus sum*, *partiri*, 'делить'; *hortor*, *hortatus sum*, *hortari* 'повелевать, побуждать' и т. п.

Поскольку подобные глаголы не обладали самостоятельной семантической значимостью, народная латынь стала считать их активными. Еще у Плавта⁷³ часто употребляются глаголы типа: *horto* 'повелеваю', *partio* 'делю', *sortio* 'бросаю жребий', *auguro*

⁷¹ *Vitae Patrum sive Historiae Eremiticae Libri decem*, t. prior. Parisiis, 1879.

⁷² A. Ernout. *Recherches sur l'emploi du passif latin à l'époque républicaine*. Paris, 1909.

⁷³ J. B. Hofmann. *De verbis quae in prisca latinitate extant deponentibus*. Greifswald, 1910.

‘предвещаю’ вместо литературных: *hortor, partior, sortior, auguro* и т. п.

Было утрачено также будущее время (*laudabo*⁷⁴), имперфект конъюнктива (*laudarem*⁷⁵), плюсквамперфект индикатива (*laudaveram*⁷⁶) и др.

227. Вместо утраченных синтетических форм образуются новые, описательные⁷⁷.

Так, пассив стал выражаться при посредстве соответствующих спрягаемых форм глагола *esse* ‘быть’ и партицип пассив спрягаемого (основного) глагола. Вместо литературных форм типа *amatur* (презенс) и *amabatur* (имперфект) появляются формы *amatus est* и соответственно *amatus erat*. Все романские языки продолжили эту эволюцию (ср. ит. *sono lodato*, фр. *je suis loué*, молд. *сынт лэудат*, рум. *sînt lădat*). По-видимому, в этой замене сыграла большую роль аналогия с описательными формами перфекта и плюсквамперфекта, бытовавшими в литературном языке (*amatus fuit, amatus fuisset*).

Кроме того, надо добавить, что со значением пассива были использованы также возвратные глаголы (*verba reflexiva*). Еще у Вергилия в «Энеиде» можно встретить конструкции типа *clamor se tollit in auras*, т. е. ‘крик раздается в ушах’. Ср. также *se vertere* ‘повернуться’, *se exercere* ‘упражняться’, *se dedere* ‘предаваться’ и др.

В народнолатинских текстах возвратные глаголы встречаются довольно часто. Так, в «Муломедицине Хирона» *cum cicatrices se clauserint* ‘когда раны зарубцовываются’; в «Itinerarium» (27, 3): *haec ergo dum aguntur, facit se hora quinta* ‘когда эти (церемонии) совершились, было уже пять часов’. Последняя конструкция явно напоминает соответствующие романские обороты: ит. *si fa* (*notte, sera*), исп. *se hace* (*noche, tarde*), фр. *il se fait* (*nuit, tard*); молд. *се фаче* (*ноapte, тырziu*), рум. *se face* (*noapte, târziu*) и т. п. Ср. также ит. *si chiama*, исп. *se llama*, фр. *s'appelle*. В западнороманских языках развитие возвратности глаголов связываются с германским влиянием⁷⁸.

⁷⁴ Особенно вследствие бетаизма, поскольку формы типа *laudabet* (из *laudabit*) совпадали с формами типа *laudavet* (из *laudavit*).

⁷⁵ Сохранился только в сард.

⁷⁶ Сохранился в Иберии (ст. исп. *partiera, vendera*; ст. порт. *partira, vendera*). При этом в порт. латинский плюсквамперфект на -га сохраняет свое старое значение, а в исп. играет больше роль кондиционалиса (исп. *cantara* ‘я бы пел’) или имперфекта конъюнктива (В. Ш и ш м а р е в. Очерки. . . , стр. 54, 247). См. также: Е. М. В о л ь ф. Об «архаичности» языка в свете его системы и нормы. «Проблемы диахронии. . . », ч. I, стр. 17—30. — В восточнороманских языках эта форма стала выполнять функцию простого прошедшего (ср. молд. *ей лэударэ*, рум. *ei lăudară* — 3 л. мн. ч. из лат. *laudaverant*).

⁷⁷ М. N i c o l a u. Remarques sur les origines des formes périphrastiques passives et actives dans les langues romanes. — BL, IV, 1936.

⁷⁸ Istoria limbii române, v. I. București, 1965, стр. 172.

В Восточной Романии подобные обороты нашли полную поддержку в соответствующих славянских конструкциях: ст.-сл. боѣтиса: молд. *a se teme*, рум. *a se teme*⁷⁹ Ср. лат. *timēre* (ит. *temere*, пров., исп., порт. *temer*, кат. *tembre*).

228. Постепенно вводятся новые описательные формы прошедших времен (сначала у переходных глаголов) с помощью флексивных форм глагола *habēre* и партиципа пассива спрягаемого глагола (*habeo laudatum*). Подобные описательные формы известны еще в языке Плавта (*illa omnia missa habeo* 'я послал все это', *multa bona porta habemus* 'мы принесли много хорошего'), а также в классической латыни. Однако в этих условиях было еще ярко выражено поссесивное значение глагола *habēre*, как в примере: *habeo caballum comparatum*⁸⁰. Ср. у Цицерона: *In ea provincia pecuni'as magnas collocatas habent* 'В этой провинции много денег собрали'. Ср. также: *Satis habeo deliberatum, scriptum habeo* 'Достаточно поразмыслив, я написал'. Начало такой конструкции следует искать в тех конструкциях, когда *habeo* выражал поссесивное значение относительно настоящего времени. Так, если говорилось *habeo scriptam epistolam*, означало буквально 'я имею написанным письмо', т. е. *habeo* показывало, что в настоящее время я владею этим письмом, являющимся как бы результатом действия 'писать'. Шла речь о действии, осуществленном в прошлом, но результат которого имеется в настоящем. Таким способом устанавливалась связь со старыми формами перфекта (типа *scripsi*), но *habeo scriptum* имело значение результативного перфекта, связанного с настоящим временем.

В народной латыни (особенно после IV в.) конструкции типа *habeo scriptum* получили вообще значение прошедшего времени, а именно так называемого сложного перфекта, выражающего действие прошедшего времени, но связанного с настоящим временем. Ср. у Григория Турского (VI в.): *esse episcopum. . . invitatum habes* '...ты пригласил . . . епископа'. Эти глагольные формы прошедшего времени⁸¹ получили всеобщее распространение во всех романских языках: ср. фр. *j'ai acheté un cheval* 'я купил лошадь', ит. *ho comprato un cavallo*, исп. *he comprado un caballo*, молд. *ам кумпэрат ун кал*, рум. *am cumpărat un cal*. Перфект может быть использован и абсолютно, т. е. без дополнения: фр. *j'ai chanté* 'я спел', ит. *ho cantato*, исп. *he cantado*, молд. *ам кынтат*, рум. *am cântat*.

⁷⁹ A. G r a u r. Les verbes 'réfléchis' en roumain. — BL, VI, 1938.

⁸⁰ J. K u r y ł o w i c z. Les temps composés du roman. «Prace filologiczne», XV, стр. 448—453 (считает, что начало подобных конструкций следует искать в пассивной форме «датель+esse», распространенной в латыни *mihi comparatum est*, точный эквивалент которого был *habeo comparatum*, где *habēre* первоначально имело значение 'держат, владеть').

⁸¹ См.: Ph. T h i e l m a n n. Habere mit dem Part. perf. pass. — ALLG, II, 1885, стр. 372—423 и 509—549.

Старая форма перфекта (типа *laudavi, cantavi*) с ослабленным результативным значением приобрела значение греческого аориста (простого прошедшего), выражая и в дальнейшем прошедшее действие, но без его отнесения к настоящему времени ⁸².

229. Изменил свои функции и плюсквамперфект индикатива (типа *fueram, laudaveram*). В народной латыни он стал употребляться все больше в значении имперфекта. Ср. в одной эпитафии: *Quod fueram, non sum* 'Тем, кем я был, я больше не есмь'.

230. Значение латинского плюсквамперфекта индикатива принимает на себя плюсквамперфект конъюнктива (типа *laudavissem*). Ср. молд. *лэудасем, лэудасей, лэудасе* и т. д., рум *lăudasem, lăudasei, lăudase* и т. д.

Кроме того, стал развиваться и перифрастический плюсквамперфект, особенно с имперфектом от *habere*: *comparatum habebat* и т. п. Эта конструкция нашла свое продолжение в романских языках. Ср. молд. *авям лукрат, авям кынтат, авям лэудат* наряду с упомянутой выше *лукрасем, кынтасем, лэудасем* и т. п.

231. Следует также заметить, что в народной латыни имел место и ряд замен относительно личных форм. В презенсе индикатива глагола *esse* 'быть' вместо формы 2 л. ед. числа *es* стала употребляться форма *estis* (от 2 л. мн. числа), которая превратилась в восточнороманских языках: молд. *ешть*, рум. *ești*. Форма 3 л. ед. числа *est* после ряда фонетических изменений стала *e*, а три формы мн. числа *sumus, estis, sunt* были заменены в народной латыни формами презенса конъюнктива *simus, sitis, sint*. В древних молдавских текстах они звучат так: *сему, сеци* (или *сету*), *синту*. Затем по аналогии (с *авем, авець*) стали *сынтем, сынтець*.

232. Образовалась и новая форма будущего времени, имеющая вначале описательный характер. Она сформировалась из глагола *habere* (или *velle, debere*) и инфинитива спрягаемого глагола. Еще у Плавта можно было встретить такие обороты: *Ego ire in Piræum volo* 'Я хочу отправиться в Пирей'. В подобных примерах не шла речь вначале о выражении определенной временной глагольной категории (будущее время). Необходимо было скорее всего передать описательными средствами определенную модальность (желание, возможность, необходимость и т. п.). Ср. у Цицерона: *De re publica nihil habeo ad te scribere* 'О делах общественных (республики) мне нечего тебе писать'. У Сенеки подобные обороты выражают необходимость, долженствование: ... *quid habui facere* '... что я должен делать'.

К концу империи модальное значение подобных перифраз ослабевает и они становятся грамматическими средствами выражения будущего. Среди этих конструкций наибольшее распространение получила конструкция *habere + инфинитив* ⁸³.

⁸² И. В. Нетушил. Об аористах в латинском языке. Харьков, 1881.

⁸³ Ph. Thielmann. Habere mit dem Infinitiv und die Entstehung des romanischen Futurums. — ALLG, II, стр. 48—89, 157—202.

Это положение ярко выступает в текстах народной латыни. В «Вулгате» часто можно встретить обороты типа: *multa habeo dicere* в смысле *multa debeo dicere* 'должен многое сказать'.

Со временем в некоторых романских языках инфинитив спрягаемого глагола и *habeo* слились в одну морфологическую форму (*amare habeo* > *amar'aio*). В «Страсбургских клятвах» появляются формы типа: *salvarai*, *prindrai* и т. п. Ср. фр. *chanterai*, пров. *cantarai*, ит. *cantero*.

233. По образцу такого описательного будущего образовалась позднее в западнороманских языках форма кондиционалиса. Она сформировалась из инфинитива спрягаемого глагола и имперфекта *habere*: *cantar'e(b)a*. Отсюда исп.: *cantaria*, пров. *cantaria*, ст.-фр. *chantereie*, фр. *chanterais*.

234. В Восточной Романии будущее время образовалось на базе *vollere* + инфинитив (например *servire volunt*), но без слияния этих форм. Ср. молд. *вой лукра*, рум. *voi luscita* и т. п. Подобные же формы имеются и в некоторых диалектах западнороманских языков (ретором., ю.-ит., в.-фр.)⁸⁴.

Распределение глаголов по спряжениям

235. Некоторые изменения относятся к распределению глаголов по спряжениям. Только глаголы с инфинитивом на *-are* (I спр.) и на *-ire* (IV спр.), которые были более многочисленными, сохранили свои позиции. У остальных спряжений, морфологически наименее четко дифференцированных, наблюдается переход глаголов из одного спряжения в другое. Так, глаголы III спряжения, которые оканчивались в презенсе на *-io* (типа *fugio*, *fugere* 'убегать') и часть глаголов II спряжения с окончанием *-eo* (типа *floro*, *florere* 'цвести') перешли в IV спряжение (на *-ire*). У поэта Коммодиана имеется глагольная форма инфинитива: *fugire*. Проб рекомендует *fugere et non fugire*. Однако романские формы исходят из народнолатинских. Ср. молд. *a ынфлори*, рум. *a înflori*; ит. *fiorire*, фр. *fleurir*. За этими глаголами пошли другие: *fallere* (*fallo*, *fefeli*, *falsum* 'обманывать') стало *fallire*; *occurere* 'встретить' — *occurire*; *offerre* 'представить' — **offerire*, *soffere* 'подчинить' — **sofferire* (ср. молд. *a офери*, *a суфери*; рум. *a oferi*, *a suferi*; ит. *off(e)rire*, *soffrire*, фр. *offrir*, *souffrire*; пров. *soffrir*, кат., исп. *sufrir*).

Аналогичные переходы наблюдаются и у других спряжений. В литературной латыни глаголы типа *ardere*, *battuere*, *mordere*, *ridere*, *respondere*, *torquere* были II спр. В народной латыни они перешли в III спр.: *ardere* 'гореть', *battere* 'бить', *mordere* 'кусать', *respondere* 'отвечать', *ridere* 'смеяться', *torquere* 'прясть' и т. д. Такими они остались и в романских языках: ит. *ardere*, фр. *ardre*, ретором. *arder*, молд. *a арде*, рум. *a arde*; ит. *battere*,

⁸⁴ Al. R o s e t t i. *Istoria limbii române*, стр. 149.

порт. *bater*, фр. *battre*, пров. *batre*, молд. *a bate*, рум. *a bate*; фр. *mordre*; ит. *ridere*, фр. *rire*, молд. *a ryde*, рум. *a rîde*; фр. *repondre*, пров. *respondre*, исп., порт. *responder*, молд. *a răsponde*, рум. *a răspunde*; ит. *torcere*, сард. (лог.) *torkere*, кат., исп., порт. *torcer*, фр. *tordre*, молд. *a тоарче*, рум. *a toarce*.

Имеются примеры перехода глаголов III спряжения во второе. Ср. лит. лат. *credere* 'верить', *cadere* 'падать' — нар. лат. *credere*, *cadere*, (фр. *croir*, исп. *creer*, но ит. *credere*, молд. *a креде*, рум. *a crede*); ит. *cadere*, исп. *caer*; молд. *a кэдя*, рум. *a cădea*.

В Иберии формы инфинитива III спряжения вообще исчезли. Глаголы этого спряжения перешли, как правило, во II спряжение. Ср. исп. *hacer*, порт. *fazer* из лат. *facere* 'делать'; исп. *poner*, порт. *pôr* из лат. *ponere* 'ставить'; исп., порт. *responder* из лат. *respondere* 'отвечать'. Некоторые глаголы, которые в латыни были III спряжения, в Иберии, как и в других провинциях, перешли в IV спряжение. Ср. порт. *fugir*, исп. *huir* из лат. *fugere* 'бежать'; исп. *escribir* из лат. *scribere* 'писать' и др.

236. Таким образом, примерно с (V) в. в народной латыни глаголы распределялись по трем группам.

Первая группа охватывала глаголы с инфинитивом на *-are* (*laudare*, *cantare*), как это было и в литературной латыни.

Во вторую группу включались глаголы с инфинитивом на *-ire* (*audire*), т. е. глаголы, которые в литературной латыни относились к IV спряжению.

В третью группу входили глаголы с инфинитивом на *-ere*, т. е. как *-ere*, так и *-ere*, те глаголы, которые в литературной латыни относились ко II и III спряжениям.

Продуктивными спряжениями в народной латыни, как и в романских языках, остались I (*-are*⁸⁵) и II (*-ire*). Глаголы I спряжения не только сохранили свои позиции, но и увеличили свое количество за счет глаголов других спряжений. Так, в народной латыни появились глаголы *prostrare*, *prosternare*; *sternare* вместо *prosternere* 'падать ниц, на колени' (ср. ит. *prosternare* 'покорять, посвящать', исп. *prosternarse*; однако фр., *prosterner*).

В это же спряжение вошли и новые глагольные образования типа *canto*, *cantare* 'петь' из более древней нерегулярной глагольной формы *cano*⁸⁶, *cecini*, *cantum*, *canere*. Все романские языки, конечно, продолжают народнолатинскую форму (ит. *cantare*, исп. *cantar*, фр. *chanter*, молд. *a кынта*, рум. *a cânta*). Ср. и другие фреквентативные глаголы: *clamito* 'беспрерывно кричу' (от *clamo*), *dicto* и *dictito* 'повторяю' (от *dico*).

Первое спряжение включило и ряд глаголов греческого происхождения (*gubernare*, *gubernavi*, *gubernatum*, *gubernare* 'править, руководить').

⁸⁵ А. Эрну («Историческая морфология») насчитывает 1360 глаголов I спряжения.

⁸⁶ Ср. у Вергилия: *Arma virumque cano* 'Я воспеваю ратные подвиги мужа'.

Таким образом, I и IV спряжения литературной латыни так и сохранили свою продуктивность в романских языках. Шведский романист А. Ломбард насчитал в румынском языке 2568 глаголов первого спряжения и 2998 — четвертого спряжения⁸⁷. Во французском языке около 4000 глаголов на -er (*parler* 'говорить', *rester* 'оставаться') и 300 глаголов на -ir (*finir*, *choisir*).

Второе и третье спряжения литературной латыни остались непродуктивными и в народной латыни, и в романских языках⁸⁸.

Личные окончания

237. Следует отметить ряд отклонений от литературной нормы в спряжении глаголов народной латыни; у глаголов на -ere особое распространение получили суфф.: -isco, -asco, -esco. Эти суффиксы характеризовали так называемые зачинательные (инхоативные) глаголы (*verba inchoativa*), обозначающие начало действия или его становление. В литературной латыни наряду с глаголом *floreo* (*florēre*, *florui*) 'цвести' имелся зачинательный глагол *floresco* (*florescēre*) 'зацветать'. При *seneo* (*senēre*) 'быть старым' был инхоатив *senesco*, *senui*, *senēre* 'стареть, стариться'. Ср. *tepeo*, *tepuī*, *teperē* 'быть теплым' — *tepesco*, *tepescēre* 'становиться теплым'.

Архаизмами считались инхоативные глаголы на: -asco, -esco, -isco: *amasco*, -ēre 'начинать любить, влюбляться' (при *amo*, -avi, -atum, -are 'любить'); *addormisco*, -ēre и *obdormisco*, -ēre 'вздormнуть' (при *dormio*, -ire 'спать', *ignesco*, -ēre 'воспламеняться' и др.). Латинские грамматики настаивали на том, что, например, *calesco* non est *caleo*, sed *calere incipio*⁸⁹.

В народной латыни этот суффикс уже не выражал инхоативность. Он использовался для образования как непереходных глаголов, так и каузативных переходных. В V в. в текстах народной латыни аттестованы глаголы: *innotescere* 'делать известным, объявить', *mollescere* 'размягчать' и др. Этот суффикс стал употребляться в глаголах на -ire, которые в презенсе индикатива имели окончания: -(i)o, -is, -it и т. д. Например, *florēscō* (или *florīscō*), *florēscis*, *florēscit*, *florēmus*, *florētis*, *florēscunt* (с ударением всегда на окончание). Данный суффикс использовался и в презенсе конъюнктива: *florescam* (или *floriscam*), *florescas*, *florescat*, *floreamus*, *floreatis*, *florescant* и в императиве: *floresce* (или *florisce*).

⁸⁷ A. L o m b a r d. Le verbe roumain, v. II. Lund, 1955, стр. 1117; M. I l i e s c u. La productivité de la IV conjugaison latine dans les langues romanes. «Recueil d'études romanes». București, 1959 (стр. 97 несколько уточнила цифры Ломбарда). — М. Илиеску дает для первого спряжения — 2538 глаголов, а для четвертого — 2036. См. также: А. Э р н у. Историческая морфология, стр. 198—199.

⁸⁸ См.: М. А. Б о р о д и н а. Совр. лит. ретором. язык . . . , стр. 72.

⁸⁹ См.: V. V ä ä n ä n e n. Introduction . . . , стр. 146; А. А. Д е р ю г и н. Инхоативные глаголы у Квинта Энния. «Язык и стиль античных писателей». Изд-во ЛГУ, 1966, стр. 188—193.

Этот тип спряжения сохранился во всей Романии. Начинательное значение сохранилось, однако, только в испанском⁹⁰: *flore-scer, florezco, floreces, florece, florecemos, floreceis, florecen*. В остальных романских языках этот суффикс не имеет начинательного значения: порт. *florescer, floresco, floresces* (или *-eces*); *florece, florecemos, florecedes, florecem*.

В 1—2 л. мн. числа суффикс отсутствует в других романских языках: ит. *fiorire* (*fiorisco, fiorisci, fiorisce, fioriamo, fiorite, fioriscono*); пров. *florir* (*florisc, florisses, floris, florem, floretz, floriscou* или *florisson*); молд. *а ынфлори* (*еу ынфлореск, ту ынфлорешть, ел ынфлореште, ной ынфлорим, вой ынфлориць, ей ынфлореск*); рум. *a înflori* (*eu înfloresc, tu înflorești, el înflorește, noi înflorim, voi înfloriți, ei înfloresc*). Во французском языке суффикс имеется только во мн. ч.: *fleurir* (*je fleuris, tu fleuris, il fleurit, nous fleurissons, vous fleurissez, ils fleurissent*).

Указанный суффикс характерен в Восточной Романии и для глаголов, заимствованных из других языков. Ср. молд. *а чити* (из ст.-слав *чигати*): *еу читеск, ту читешть, ел читеште, ной читим, вой читиць, ей читеск*; рум. *a citi* (*eu citesc, tu citești, el citește, noi citim, voi citiți, ei citesc*; молд. *а хотэры* 'решать' (из венг. *határ*): *еу хотэрэск, ту хотэрэшть, ел хотэрэште, ной хотэрым, вой хотэрыць, ей хотэрэск*; рум. *a hotărî* (*eu hotărăsc, tu hotărăști, el hotărăște, noi hotărîm, voi hotărîți, ei hotărăsc*).

238. У глаголов на *-іо* (или *-ео*, где произносилось *іо* или *јо*), этот неслоговой *i* (в дифтонге) был утрачен во всех формах, где он мог находиться перед окончанием. Так, вместо литературных форм типа *dormio, audio, sentio, vidio, facio* и т. п. в народной латыни используются соответственно *dormo, audio, sento, vedo, faco* (ср. *CI LIII 3551: facunt*). Это явление имело место не только в форме презенса, но и в других глагольных формах. Лит. лат. *dormiente, audiente, dormiendo, audiendo* в народной латыни соответствует *dormente, audente, dormendo, audendo*. Народнолатинские формы и сохранились в романских языках: ит. *sento, dormo, vedo, odo*; исп. *siento, duermo, veo*; молд. *симт, ауд, дорм, вэд, фак*; рум. *simt, aud, văd*.

239. Определенные изменения произошли и в окончаниях других глагольных времен. Так, в окончаниях имперфекта индикатива (*-ebam, -ebas, -ebat* и т. д.) в народной латыни исчезло интервокальное *-b-*: *-eam, -eas, -eat* и т. д. В формах перфекта индикатива было утрачено *-v-*. Значит, лит. лат. *-avi, -avisti, -avit* и т. д. в народной латыни стали *-ai, -asti, -ait* (*-at* или *-aut*).

Грамматик Проб отмечал в связи с этим: *Quaeritur, qua de causa calcavi et non calcai dicatur. . . et ideo calcai barbarissimus esse pronuntiatur* 'Спрашивается, по какой причине надо говорить *calcavi*, а не *calcai*. . . так как *calcai* является чуждым произношением'. Тот же грамматик осуждает формы *probai*⁹¹, *edifica* и др.

⁹⁰ См.: В. Ш и ш м а р е в. Очерки. . ., стр. 54.

⁹¹ См.: М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика. . ., стр. 111.

В «Восковых таблицах», написанных в 160 г. в Дакии, один из свидетелей договора подписывался: *segnai* 'подписал' вместо того, чтобы использовать литературную форму *signavi*. Ср. также: *laborait* (CIL, X, 216), *dedicait* (CIL, VIII, 5667).

Таким путем окончаниями перфекта в народной латыни стали в I спр.: *-ai, -asti, -ait (-at, aut), -amus (-ammus), -astis, -arunt*; в IV спр.: *-ii, -isti, -it(iut), -imus (-immus), -istis, -irunt*.

Современные романские формы простого перфекта исходят от народнолатинских. Ср. фр. *je chantai*, ит. *cantai*, молд. *eu кынтай*, рум. *eu cîntai* (из нар. лат. *cantai*), а фр. *il chanta*, ит. *canto* молд. *ел кынтэ*, рум. *el cîntă* (из нар. лат. *cantat*).

Утрата *-v-* имела место соответственно и у других глагольных форм, которые образовывались на базе перфекта. Значит, вместо лит. лат. *-avissem, -avisses, -avisset* и т. д. в плюсквамперфекте конъюнктива в народной латыни появились соответственно *-asse, -asses, -asset* и др.

При этом необходимо подчеркнуть, что появление стяженных форм аттестовано и в классический период. Цицерон писал (Orator, XLVII, 157): *Quid quod sic loqui nosse, judicasse vetant novisse jubent et judicavisse? Quasi vero nesciamus in hoc genere et plenum verbum recte dici et imminutum usitate* 'Что сказать о том, что они (аналогисты) отвергают *nosse, judicasse* и требуют *novisse* и *judicavisse*. 'Как будто мы не знаем того, что в этой категории слов можно употреблять как полный глагол, так и сокращенный'.

Квинтилиан уже с издевкой приводит полные формы (Inst. Orat., I, 6, 17): *His permittamus et audivisse et scivisse. . . sed abolita atque abrogata retinere insolentiae cujusdam est et frivolae in parvis jactantiae* 'Им (педантам) мы разрешили пользоваться их *audivisse* и *scivisse*. . . но держаться за вышедшее уже из употребления и отвергнутое — это признак своего рода заносчивости и мелкого тщеславия'.

240. Необходимо также отметить, что в 3 л. мн. числа перфекта индикатива окончание *-ēre* (*communēre* 'посоветовали') было характерно для поэтических произведений, а окончание *-ērunt* обычно характерно для народно-разговорной латыни. В произведениях Горация, например, *-ēre* встречается 81 раз, а *-ērunt* — лишь 14 раз⁹².

241. Значительные изменения претерпели и так называемые сильные перфекты литературной латыни (на *-i, -si, -ui*), т. е. те, которые в 1 л. ед. числа, в 3 л. ед. и мн. числа имели ударение на корневой гласной (*vidi, vidit, vident*). Они отличались от так называемых слабых перфектов с ударением на окончание (*-avi, -ivi*). Сильные перфекты на *-i* перешли в большинстве случаев в категорию перфектов на *-ui, -si*. Так, литературным формам перфекта *bibi, cecidi, gesci* соответствовало в народной латыни: **bibui, *cadui, *gescui*, о чем свидетельствует молд. *бэуй, кэзуй*; рум.

⁹² А. Эрн у. Историческая морфология . . , стр. 251.

băui, căzui. Лит. лат. *prehendi*, *fregi* стали в народной латыни: *presi, *franxi и т. д.

К. Гренджент подсчитал, что к 35 древним перфектам на *-si* (*arsī, clausī, divisī*) в народной латыни добавились еще около 30⁹³. (**absconsī, *defe(n)si, *fransi, *occisī, posī* и др.).

В надписях ясно выступают колебания в использовании форм перфекта. Так, наряду с литературной формой *posui* (от *pono* 'ставлю') появляются формы *posi* (CIL, VIII, 5749), *ponsi* (CIL, IX, 2892). От глагола *facio* в надписях используются в перфекте формы *fegit* (CIL, VI, 1547), *fecuit* (CIL, III, 6010), *faciut* (CIL, VI, 32589).

242. В отношении личных окончаний глаголов надо отметить также перенос ударения в 1 и 2 л. мн. числа с корневой гласной на окончание (гласная *i*, которая стала *e*). Так, литературным формам *vendimus, venditis; bibimus, cadimus* в народной латыни соответствуют *vendēmos, vendētes; bevēmos, cadēmos* (ср. исп., порт. *vendēmos, vendéis*).

243. В следующих таблицах даются основные соответствия глагола I ср. *cantare* в современных романских языках (см. стр. 200, 201).

§ 31. Наречие

244. Среди новых типов образования наречий в народной латыни следует указать особо на способ, который использовался еще писателями-классиками. Слово *mente* потеряло свое самостоятельное лексико-грамматическое значение (аблатив от *mens, mentis* 'ум') и превратилось в своеобразный суффикс. У классиков встречаются формы: *obstinanta mente* (Катулл), *sana mente* (Цицерон), *simulata mente* (Вергилий), *turbata mente* (Тацит) и др.⁹⁴ Подобные же формы встречаются затем у Апулея (*dubia mente, saucia mente*), у Коммодиана (*fera mente*). Позже такие формы, как *bona mente, devota mente, sola mente*, стали играть лишь роль наречия образа действия. Рейхенауские глоссы отмечают, что *singulariter: solamente*. Особое распространение получили подобные наречия в западнороманских языках (ср. ит., исп., порт. *facilmente*, фр. *facilement*). В пров., кат. эти наречия оканчиваются на *-ment*.

В восточнороманских языках подобные формы также получили распространение. На базе лат. *altera mente + re* (или *alia mente + re*) образовалось: молд. *ал(т)минтерля, алтминтерь*; рум. *al(t)minteri*. Кроме того, в качестве неологизмов используются наречия типа: молд. *моралменте* 'с точки зрения морали',

⁹³ С. Н. Grandgent. *Introducere* . . , стр. 207.

⁹⁴ G. Gasca Quejra z z a. *Note storiche sulla formazione del tipo avverbiale latinovolgare agg + mente*. «Actele» . . , I, стр. 109—113; В. М. Махорты х. Некоторые замечания к словообразовательному типу с суффиксом — *ment* во французском языке. «Проблемы диахронии. . . », ч. II, стр. 324.

Время	Число	Язык			
		лат.	ит.	исп.	пров.
Презенс	Ед. ч.	1. cánto 2. cántas 3. cántat	cánto cánti cánta	cánto cántas cánta	cant cántas cánta
	Мн. ч.	1. cantámus 2. cantátis 3. cántant	cantiámo cantáte cántano	cantámos cantáis cántan	cantám cantátz cántan
Имперфект	Ед. ч.	1. cantábam 2. cantábas 3. cantábat	cantávo cantávi cantáva	cantába cantábas cantába	cantáva cantávas cantáva
	Мн. ч.	1. cantabámus 2. cantabátis 3. cantábant	cantavámo cantaváte cantávano	cantábamos cantábais cantában	cantavám cantavátz cantávan
Простое прошедшее	Ед. ч.	1. cantávi 2. cantavísti 3. cantávit	cantái cantásti cantó	canté cantáste cantó	cantéi cantést cantét
	Мн. ч.	1. cantávīmus 2. cantavístis 3. cantavérunt	cantámmo cantáste cantárono	cantámos cantásteis cantáron	cantém cantétz cantéron

рум. *moralmente* (ср. ит. *moralmente*, фр. *moralement*), молд. *еминаменте* 'в высшей степени', рум. *eminaamente* (ср. фр. *eminentment*), молд. *реалменте* 'реально, действительно', рум. *realmente* (ср. ит. *realmente*) и др.

245. В отношении степеней сравнения наречий (кроме отмеченных выше у прилагательных, стр. 177) следует упомянуть способ повторения наречия для выражения значения суперлатива. Ср. у Петрония: *et modo, modo quid fuit*. В романских языках этот способ выражения суперлатива нашел свое продолжение (ср. ит. *due occhi neri, neri*).

§ 32. Предлог

246. Необходимо особо подчеркнуть, что в народной латыни было образовано большое количество сложных предлогов. Это явление объясняется тем, что во многих случаях была необходимость уточнить не только направление движения, но и место, занимаемое предметом в самом начале. Отсюда такие предложные сочетания, как *ab ante*⁹⁵. Соединенные таким путем, эти предлоги слились в один сложный предлог *abante*, который появляется уже в Итале

⁹⁵ А. G r a u r. *Ab, ad, apud et cum en latin de Gaulle*. Paris, 1932.

Язык					
ст.-фр.	совр.-фр.	ретороманские		молд.	рум.
		(сельб.)	(энг.)		
chant	chante	cántel	chant	кЫНТ	cînt
chantes	chantes	cántas	chantast	кЫНЦЬ	cînti
chantet	chante	cánta	chanta	кЫНТə	cîntă
chantóns	chantóns	cantéin	chantáins	кЫНТəМ	cîntám
chantéz	chantéz	cantéis	chantáis	кЫНТАЦЬ	cîntáři
chantent	chantent	cántan	chantan	кЫНТə	cîntă
chantóue	chantáis	cantavél	chantáiva	кЫНТАМ	cîntám
chantóues	chantáis	cantavás	chantáivast	кЫНТАЙ	cîntái
chantóüt	chantáit	caatavá	chantáiva	кЫНТА	cîntă
chantíiens	chantíons	cantavám	chantaiváns	кЫНТАМ	cîntám
chantíiez	chantíez	cantavás	chantaivás	кЫНТАЦЬ	cîntáři
chantóuent	chantáient	cantaván	chantáivan	кЫНТАУ	cîntáu
chantai	chantái		chantet	кЫНТАЙ	cîntái
chantas	chantás		chantettást	кЫНТАШЬ	cîntáři
chanta	chantá		chantet	кЫНТə	cîntă
chantames	chantâmes		chantettáns	кЫНТАРəМ	cîntárám
chantastes	chantâtes		chantettás	кЫНТАРəЦЬ	cîntárări
chanterent	chantèrent		chantétan	кЫНТАРə	cîntără

и продолжается в романских языках: ит. *avanti*, фр. *avant*, пров. *avan*, кат. *aban*, порт. *adiante*, ретором. *avant* (*avaunt*). Многие сложные предлоги образовались с компонентом *de*, указывающим на исходный пункт: (*de*) *super* (в лит. лат. *de sub(tus)*), *de foris*, *de retro*, *de sursum*. Ср. *hostes inruunt super urbem* 'враги напали на город'. В текстах народной латыни встречаются: *de subtus pedes* 'под ногами' («Муломедицина Хирона»), *de foris venerit* 'из наружи придет' («Вулгата»). В «Вулгате» встречаются и *a foris*, *de retro*, *de sub* и др. Хотя латинские грамматики и возражали против таких форм (*deintus et deforis non dicimus* — Кледоний), все же они не смогли запретить распространение этих предложных формаций.

Сложный предлог *de post* (аттестованный во II в. в Итале) приобрел временное значение. Ср. *de post cuius morte* 'после смерти которого' (CIL, VIII, 9162).

В современных романских языках этот предлог нашел продолжение: молд. *după*, рум. *după*, арум. *după* (*dupu*, *dipă*), мегл. *dipu*, истр. *dupę*; ит. *dopo*, порт. *depos*, фр. *depuis*.

Широкое распространение получили сложные предлоги с *in*, указывающие на движение к чему-либо: *in contra*, *in ante* и др.

Следует также отметить замену предлога абстрактной совместимости *cum* с предлогом локативного значения *apud*, а также по-

явление предлогов *contra* и *adversus* при глаголах, означающих враждебные действия: *litigare contra aliquem* 'спорить, ссориться с кем-либо', вместо литературного *litigare cum aliquo*; *aggredior contra aliquo* 'направиться к кому-либо', вместо *aggredior aliquem* или *ad aliquem*. В «Хронике Фредегария»: *Exercitus de Burgundia... contra Chlothario adgrederetur* 'Войско Бургундии... направилось против Лотаря'.

Образование сложных предлогов было продолжено в романских языках. Ср. молд. *дин* из лат. *de in*; молд. *прин* из *per in*; молд. *пентру* из *per intro*; молд. *ынаинте*, рум. *înainte*, ит. *innanzi*, пров. *enan(s)* из *in ab ante*⁹⁶; ит. *dietro*, фр. *derrière*, из лат. *de retro*; фр. *dessous* из лат. *de sub*; фр. *dessus* из лат. *de sursum*; ит. *da* из лат. *de ab*; молд. *динтре*, рум. *dintre*, ит., исп., порт. *dentro* из лат. *de inter* (аттестованный в Итала); молд. *дунэ*, рум. *după*, ит. *dopo*, порт. *depos* из лат. *depost* (аттестованный в Итале).

---

⁹⁶ *Înainte* аттестовано у поэта Коммодиана (см.: F. B r u n o t. *Histoire* . . , I, стр. 120).

Глава III

НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

§ 33. Общие замечания

247. В общих чертах надо сказать, что и синтаксис народной латыни приблизился к устному аспекту и тем самым отдалился от синтаксиса литературной латыни, характеризующейся особенно ярко своим книжным аспектом.

Сложные отношения между словами и предложениями, столь специфичными для литературной латыни, были заменены в народной латыни более простыми конструкциями. Среди них превалировали сочинительные связи над подчинительными, при этом обычно соединение было беспредложным. Ср. *puto interfuiſti* (Петроний) 'думаю, ты участвовал'. Вполне естественно, что литературная латынь восполняла свои экспрессивные возможности за счет народно-разговорных оборотов. Ср. *volo facias* 'хочу, чтобы ты сделал' или *ſave ſadas* 'смотри не упади'.

Можно считать типичным для разговорной латинской речи обороты, использованные в различных словесных спорах, как, например: *vincis — gaudes; perdis — ploras* 'выиграешь — радуешься; проиграешь — плачешь' и т. п.

Что касается подчинительных предложений, то среди них особое распространение имели атрибутивные, локальные и темпоральные связи.

Конструкция аккузатива с инфинитивом, также столь характерная для синтаксической структуры литературной латыни, заменена в устной речи личными конструкциями, а именно дополнительными предложениями. Подобные изменения претерпевают и конструкции: номинатив с инфинитивом, абсолютный аблатив, аккузатив, номинатив и др.¹

Продолжая определенные синтаксические тенденции, которые стали развиваться в народной латыни, современные романские языки по своему синтаксису весьма значительно отличаются от ли-

¹ См.: И. В. Нетушила. Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка. Харьков, 1885; Н. И. Селюмина. Труды И. В. Нетушила по латинскому языку. Автореф. канд. дисс. Днепропетровск, 1954; V. Väänänen. Introduction. . ., стр. 178—181.

тературного аспекта латинского языка. Синтаксис романских языков стал гораздо проще и приближается скорее к германскому или новогреческому типу².

§ 34. Главные и второстепенные члены предложения

Подлежащее и сказуемое

248. Если подлежащее не было выражено существительным, то вместо него в литературной латыни могло быть использовано личное местоимение.

Общеизвестно, однако, что в 1 и 2 л. ед. и мн. числа глагольные формы выражали значение категории лица самой флексийной формой. Ср. *dum docēmus, discimus* 'пока мы учим, сами учимся'; *veni, vidi, vici* 'пришел, увидел, победил'.

Личные местоимения чаще всего использовались в двух случаях:

а) когда надо было особо подчеркнуть идею лица как следствие логического ударения: *si valetis, bene est; ego valeo* 'если вы здоровы, (это) хорошо; я (также) здоров';

б) когда необходимо было выявить противоположность сторон: *ego fleo, tu rides* 'я плачу, а ты смеешься', *ego credo, tu dubitas* 'я верю, а ты сомневаешься' и т. п.

В народной латыни стали употреблять личные местоимения и в тех случаях, когда не было особой необходимости подчеркнуть подлежащее: *Ego ire in Pireum volo* (Плавт) 'Я хочу отправиться в Пирей'. Подобное использование личных местоимений наблюдается в языке персонажей Петрония, а затем и в других текстах народной латыни. Ср.: *Cum ad eum accessero, ego faciam* 'Когда я дойду до него, я сделаю' (Григорий Турский).

249. Если шла речь о неопределенном подлежащем³, в литературной латыни использовался глагол в 3 л. мн. ч. *laudant me* 'хвалят меня (люди)'.

Наряду с такими формами, как *credunt* 'думают', *aiunt* 'говорят', *ferunt* 'делают', *narrant* 'рассказывают', *dicunt* 'говорят' (которые напоминают ит. *dicono*, исп. *dicen*; молд. *zic*, рум. *zic*), использовались и формы 3 л. ед. ч. пассива: *bibitur* 'пьется', *creditur* 'думается', *dicitur* 'говорится' и т. п. Ср.: *Hic bene vivitur* 'Здесь живет хорошо'.

В народной латыни получило широкое распространение и использование существительного *homo* 'человек' в роли подлежащего с неопределенным значением. Иногда это существительное ассоциируется с *nemo*. Ср. у Плавта: *Tunc id dicere audes quod nemo nunquam homo antehoc vidit nec potest fieri* 'Ты осмеливаешься

² См.: Д. К. Петров. Введение в романскую филологию, отдел III, стр. 10.

³ P. L e j a u. L'expression d'un sujet indéterminé en latin. «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», 40. Paris, 1916, стр. 149—163; P. B e n e š. Phrases à agents indéterminés dans le Nouveau Testament. Brno, 1971.

утверждать то, что никто (никакой человек) не видел и даже не могло быть'.

В тексте «Вулгаты» можно найти примеры типа: *Non in solo pane vivit homo* 'не единым хлебом жив человек (т. е. кто-либо)'. Еще более четко выступает значение неопределенности у Григория Турского в примерах типа . . . *ut inter tabulas aspicere homo non possit* '... чтобы ни один человек не смог увидеть сквозь доски' (см. также: «Itinerarium» 13, 1).

Такая передача неопределенного подлежащего была продолжена романскими языками: лат. *Non potest homo accipere quidquam, nisi fuerit datum ei de caelo* 'Человек ничего не может взять, если это ему не дано небом'; исп. *No debe el hombre tomarse nada si no le fuere dado del cielo*; порт. *O homem não pode receber coisa alguma, se do céu ehe não for dado*; кат. *L'home no pot rèbrer res sinó que li sia donat del cel*; ит. *L'uomo non puo ricevere cosa alcuna, se non gli vien data del cielo*; рум. *Nu poate omul să ia nimic, dacă nu i s-a dat lui din cer*⁴.

Подобное выражение неопределенного подлежащего характерно и для молдавского языка. Ср. у И. Крянгэ⁵: *Ши ла оасте трэеште омул бине* 'И в войсках живет человек (кто-нибудь, любой) хорошо'; *Паркэ омул аре зече вець* 'Как будто человек имеет десять жизней'. Ср. и в других романских языках: фр. *On fait ce qu'on peut* 'Делает каждый (любой) то, что может'; *On ne vit qu'une fois* 'Человек живет лишь один раз'; порт. . . . *como se a gente tivesse dez vidas* '... как будто у человека десять жизней'⁶.

250. Вполне понятно отсутствие подлежащего у безличных глаголов (*ninguit* 'снежит', *tonat* 'гремит', *fulgurat* 'сверкает', *pluit* 'дождит')⁷ или в тех случаях, когда выражалась необходимость или возможность. Ср. *oportet* 'надо, полезно', *decet* 'надо, пристойно', *licet* 'разрешается' и т. п.

Романские языки по-разному передают подлежащее у безличных глаголов. В Восточной Романии и Иберии сохранились латинские формы спряжения безличных глаголов (молд. *нинже* 'снежит', *пλουэ* 'дождит'; рум. *ninge*, *plouă*; исп. *llueve* 'дождит', *nieva* 'снежит').

В Галлии, Реции, Италии в процессе развития появилась необходимость выражения местоимением подлежащего у подобных глаголов (фр. *il pleut*, *il neige*; ит. *egli piove*; ретором. *ei plova*).

⁴ Пример заимствован, см.: P. B e n e š. Phrases. . . , стр. 52.

⁵ См. также: P. B e n e š. Le sujet indéterminé dans les Souvenirs de Creangă. «Sbornik filol. fak», XI. Brno, 1962, стр. 155—166.

⁶ S. K ö r d e. Quelques manières d'exprimer l'idée d'un sujet indéterminé ou général en espagnol. Upsal, 1943; B. H. J. W e e r e n b e c k. Le pronom on en français et provençal. Amsterdam, 1943; R. S c h l a e p f e r. Die Ausdrucksformen für «man» im Italienischen. Berna, 1933; P. B e n e š. Sur le sujet indéterminé en portugais. «Omăgiu lui Al. Rosetti la 70 de ani». București, 1965.

⁷ В русском в подобных случаях появляется подлежащее: *снег идет*, *гром гремит*, *дождь идет* и т. п.

Подлежащее в 3 л. могло быть заменено различными эквивалентными и даже глаголом в инфинитиве: *Turpe est mentiri* 'Непристойно говорить неправду'.

Согласование сказуемого с подлежащим

251. Согласование в числе (лице и роде) осуществлялось зачастую по смыслу (*constructio ad sensum* или *synesis*). Если шла речь о подлежащем с собирательным значением, то глагол-сказуемое ставился во мн. числе. У Тита Ливия (32, 12, 19): *Cetera multitudo, in unum cum convenisset, frequenti agmine petunt Thesaliam* 'Остальная часть (массы) людей, собравшись вместе, отправилась⁸ в большом количестве в Фессалию'. Или другие примеры: *Omnis populus properaverunt* 'Весь народ торопился'; *Magna multitudo hostium capti sunt* 'Большое количество вражеских войск было пленено'. Подобный способ согласования нашел свое продолжение и в романских языках⁹. Ср. у И. Крянгэ: *Ши унде ну с'ау адунат о мулциме де бэець ши фете* 'Да и собралась толпа мальчиков и девочек'.

Глагол использовался во мн. числе в случае, если подлежащее совершало действие совместно с другим лицом: *Sulla cum Scipione conditiones contulerunt* 'Сулла и Сципион ставили условия'. Подобное согласование имеется и в романских языках: *Le singe avec le léopard gagnaient de l'argent à la foire* (Lafontaine) 'Обезьяна с леопардом зарабатывали деньги на рынке'.

Если шла речь об именном сказуемом, то предикативное имя согласовывалось в роде и числе с подлежащим: *Mater bona est, parentes boni sunt* 'Мать хорошая, родители хорошие'.

252. В качестве вспомогательного глагола в литературной латыни использовался *esse*. Наряду с ним появляются и другие: *stare, remanere, fieri* (заменен затем с *se facere*: *facit se hora quinta* 'стало пять часов' — «*Itinerarium Egeriae*»).

Глагол *esse* использовался в литературной латыни и в качестве предикативного глагола со значением 'существовать'. В этом значении в народной латыни использовался и *habere*: *In arca Noe habuit homines* («Вулгата»). 'в Ноевом ковчеге были люди'; и *facere*: *Gravem eo anno hiemem fecit* (Григорий Турский) 'Тяжелая была в том году зима'. Такие обороты нашли свое распространение в западнороманских языках. Ср. фр. *il fait froid* 'холодно', ит. *fa freddo*, порт. *faz frio*.

Прямое и косвенное дополнения

253. Прямое дополнение стояло в accusative: *Gutta cavat lapidem* (Овидий) 'Капля долбит камень'. Это дополнение могло

⁸ В русском в подобных случаях согласование грамматическое по форме, а не по смыслу, как в латыни.

⁹ W. Meyer-Lübke. *Grammaire des langues romanes*, t. III, стр. 373—377.

быть в сопровождении детерминанта, играющего роль аппозиции: *Milites Galbam imperatorem elegerunt* 'Воины избрали императором Гальбу'.

254. В литературной латыни партитивные выражения передавались, как правило, с помощью аккузатива: *bibo aquam* 'пью воду', *da mihi panem* 'дай мне хлеба'. В народной латыни для выражения партитивности использовался предлог *de*: *Da mihi de drapo sancti Caesarii* 'Дай мне сукна святой Кесарии'. Эти конструкции с предлогом *de* для выражения партитивности нашли широкое распространение в Италии и в Галлии, а в Восточной Романии и в Иберии сохранилась латинская конструкция с аккузативом. Ср. молд. *bău apă* 'пью воду', рум. *beau apă*, исп. *beber agua* и т. д.

При глаголах — *do* 'дать', *trado* 'предать', *praesto* 'быть кстати, быть на помощь', *promitto* 'обещать', *dico* 'говорить' — выражается не только прямое дополнение, но и косвенное дополнение, указывающее на лицо, в пользу которого совершается действие и которое оформляется дативом: *do vestem fratri* 'даю брату одежду'.

Кроме переходных глаголов (*verba transitiva*) имелись и непереходные глаголы (*verba intransitiva*), посредством которых зачастую выражались различные чувства:

а) враждебность: *posco* 'вредить' (ср. у Цицерона: *mihi nihil ab istis poseri potest* 'Они (враги) не могут причинить мне никакого вреда'); *invideo* 'смотреть с недоброжелательством, завидовать'; *minor* 'грозить, угрожать';

б) забота о ком-либо: *faveo* 'благоприятствовать'; *oboedio* 'слушаться'; *servio* 'служить'; *parco* 'беречь' и др.

По сути говоря, непереходными глаголами следует считать те, которые не подразумевают предмета, на который их действие естественно направляется. Это глаголы, как *dormio* 'спать', *curgo* 'бегать' и др.

В народной латыни появилась тенденция заменить косвенное дополнение в дативе существительным в аккузативе с предлогом *ad*, т. е. вместо конструкций типа *dare alicui litteras* 'дать кому-либо письма' стали употреблять конструкции типа *dare litteras ad aliquem*. Кроме того, в народной латыни получил довольно широкое распространение предлог *ad* особенно при глаголах типа *dico*, *loquor* и др. Ср. в «Вулгате»: *Dominus loquitur ad Jeremiam...* 'Бог сказал Иеремии!..'. Подобные конструкции распространились в западнороманских языках, особенно во французском.

Дополнение, указывающее на цель или предназначение, использовалось с дативом лишь в Восточной Романии, где этот падеж был подкреплён определенным артиклем: молд. *daу фын калулуй* 'Даю сено лошади'.

Личные местоимения могли заменять существительные в функции косвенного дополнения. Хотя можно было использовать конструкции типа *dedit ad me* для обозначения предназначения, все же и конструкции типа *dedit mihi* 'дал мне' остались в силе.

255. Следует отметить использование инфинитива в функции прямого дополнения при некоторых глаголах. Так, у Тита Ливия читаем: *Vincere scis, sed victoria uti nescis* 'Побеждать умеешь, а воспользоваться победой не умеешь'.

Глаголы, использованные с инфинитивом, были разных категорий:

1) некоторые можно считать вспомогательными: *possum* 'я в состоянии', *volo* 'хочу', *scio* 'знаю' (наряду со *scio* в народной латыни использовался также *sapio*), *debeo* 'я обязан' (нар. лат. *habeo*);

2) глаголы, указывающие на начало или конец действия: *incipio*, *aggredior* 'начинаю', *cesso* 'прекращаю';

3) глаголы, выражающие действия, связанные с памятью *recordor* 'вспоминаю', *obliviscor* 'забываю' и др.;

4) глаголы, выражающие волю, желание: *cupio* 'желаю', *opto* 'выбираю'.

5) глаголы, передающие различные размышления, требования: *cogito* 'думаю, размышляю', *quaero* 'прошу, требую';

6) глаголы, передающие определенные чувства: *timeo* 'боюсь', *horrreo* 'ненавижу', *amo* 'люблю' и др.

Обстоятельства

256. Обстоятельства были синтаксически менее тесно связаны с соответствующими глаголами, чем прямое и косвенное дополнения.

Указывая на место, время, образ действия, причину, орудие осуществления действия, обстоятельства выражались в литературной латыни различными способами:

1) с помощью соответствующих наречий: *bene* (*male*) *facis* 'ты делаешь хорошо (плохо)';

2) при посредстве различных существительных или других имен в определенном падеже: *ubi mel*, *ibi fel* дословно 'где мед, там и желчь', русский эквивалент 'нет розы без шипов';

3) при посредстве существительного или других имен с различными предлогами: *eo in urbem* 'иду в город'.

257. В литературной латыни обстоятельства места выражались при посредстве существительного или другого имени в accusative или в ablative (например, *domi* 'дома'). В народной латыни эти конструкции были заменены предложными конструкциями. Так, предлог *ad* сопровождает любое существительное, выражающее accusative направления: *eo ad Romam* (вместо лит. лат. *eo Romam* 'иду в Рим').

Следует заметить, что предлог *de* заменил предлог *ex* для указания места, откуда исходит кто-нибудь: *redeo de Gallia* 'возвращаюсь из Галлии'.

✓ 258. В народной латыни смешивалось понятие места, где находится предмет, и направление, по которому он движется,

т. е. смешивалась категория состояния и движения. Этим объясняется общеупотребительность наречия *ubi*, заменившего *quo* со значением 'движение'. Это положение очевидно из тех рекомендаций, которые делают латинские грамматики еще в I—II вв. (Флавий, Капр и др.): *Haec via quo ducit dicemus, non ubi*. Расширение функций *ubi* привело к определенным изменениям в использовании наречий места. По существу в народной латыни остались лишь две основные группы: *hic, hac*, указывающие на приближенность, и *illic, illac, illos* — на отдаленность.

В Восточной Романии в качестве наречия места общеупотребительным стал *unde*.

259. Литературная латынь отличала понятие движения от понятия покоя. Так, *eo in urbem* означало 'я иду в город' (во внутрь города); *eo ad urbem* 'я иду к городу' (т. е. без того, чтобы войти внутрь его); *sum in urbe* 'я нахожусь в городе'.

В народной латыни понятия движения и покоя смешались. Таким образом, *eo in urbem* и *sum in urbe* получили локальное значение 'иду в город', 'нахожусь в городе'.

260. Для выражения времени употреблялись и дальше наречия *hodie* (*hādie < *hac die*) 'сегодня', *hēri* 'вчера', а лит. лат. *cras* 'завтра' вышло из употребления, будучи заменено *mane* (или *de mane*), которое в лит. лат. имело значение 'утром, рано' (ср. *cras mane* 'завтра утром'). Ср. *Hodie vinum bibam, cras carebo* 'Сегодня я буду пить вино, завтра я буду лишен (его)'.

Эти изменения в использовании наречий места отражаются и в романских языках. Ст.-ит. *oggi* 'сегодня', *ieri* 'вчера', (*di*)-*mani* 'завтра'; исп. *hoy en día*, *ayer*, *mañana*; порт. *hoje*, *amanha*; пров. *hier*, (*da*)*man*; фр. *hier*, *demain*; молд. *азь*, *ерь*, *мыне*; рум. *azi*, *ieri*, *mîine*; арум. *ază*, *a(n)zi*, *a(i)eri*, *mîine*; мегл. *ază*, *as*, *ieri*, *mîini*; истр. *ieri*, *măre*.

Точный момент реализации действия мог быть выражен в литературной латыни аблативом: *venit horā tertiā* 'он пришел в три часа'. Подобные конструкции сохранились и в народной латыни (*hac nocte*, *hoc anno*).

Для выражения неопределенного момента осуществления действия в народной латыни использовался предлог *de* (например, *de nocte venit* 'пришел ночью'). Эта конструкция сохранилась и в романских языках. Ср. фр. *de nuit*, порт. *de noite*, ит. *de notte*, исп. *de noche*; молд. *de ку ноапте*, рум. *de cu noapte*.

С помощью аккузатива была выражена продолжительность во времени. Ср. . . . *regnavit tres annos* '... царствовал в течение трех лет'; . . . *domi sedet tutos dies* '... сидит дома все дни'.

В подобных конструкциях находит свое начало предложное использование существительных в сопровождении различных детерминативов или без них. Ср. ит. *stasera*, *questa sera* 'этим вечером', молд. *сара* 'вечером', рум. *seara*.

261. Обстоятельства образа действия передавались в литературной латыни наречиями (*fortiter* 'очень сильно', *rapide* 'быстро';

ср. *latine loquor* 'говорю по-латински'). В народной латыни не нашли применения наречия на *-iter*. Широкое распространение нашли наречия на *-e* (*bēnē* 'хорошо', *tarde* 'поздно'): ит. *bene*, исп. *tarde*, молд. *бине*, рум. *bine*, арум. *g'ine*, мегл. *bini*, истр. *bire*; ср. пров. *ben*, фр., исп. *bien*, порт. *bem*.

Кроме того, форма среднего рода у прилагательных также могла быть использована в качестве наречия образа действия (*multum* 'много', *facile* 'легко'). Эта тенденция нашла широкое применение в народной латыни и дальше в романских языках (ср. ит. *facile*, исп. *facil*, молд. *фрумос*, *мулт*, рум. *mult*, *frumos*).

В Восточной Романии широко развилась адвербиальная форма на *-isce* (из греч. *iscos*). Так, на базе существительного *barbatus* образовалось прилагательное (молд. *бэрбѣтеск*, рум. *bărbătesc*) и наречие (молд. *бэрбѣтеште* 'по-мужски', рум. *bărbătește*).

§ 35. Аккузатив с инфинитивом

262. Специфическим синтаксическим оборотом для литературной латыни являлась конструкция аккузатива с инфинитивом (*accusativus cum infinitivo*)¹⁰.

В латинских грамматиках эта конструкция не рассматривалась в составе сложного предложения, а в составе простого, где она считалась дополнением. Например: *Narrat hostem venire* 'Говорят, что прибыл неприятель'. Вполне понятно, что шла речь о сложном дополнении, состоящем из существительного в аккузативе и глагола в инфинитиве, объединенных лексическим значением действующего и действия. Ср. *Iubeo te exire* 'Я приказываю, чтоб ты вышел'.

В качестве дополнения конструкция аккузатива с инфинитивом относилась к глаголам со значением:

1) думать (*verba putandi, verba cogitandi*): *putāre* 'размышлять'; *credere* 'считать, полагать'; *cogitare* 'думать, мыслить' и др.;

2) говорить (*verba dicendi*): *dicere* 'говорить'; *respondere* 'отвечать'; *nuntiare* 'сообщать'; *scribere* 'писать' и др.;

3) желать (*verba voluntatis*): *volō* 'хочу', *nolo* 'не хочу', *cupio* 'жажду';

4) чувствовать (*verba sentiendi*): *sentire* 'чувствовать', *audire* 'слышать', *videre* 'видеть'.

Оборот аккузатив с инфинитивом в качестве дополнения ставился в зависимость от указанных глаголов (*verba cogitandi, verba dicendi, voluntatis, verba sentiendi*). Когда переводится этот оборот на современные языки, то он становится дополнительным предложением (аккузатив становится подлежащим допол-

¹⁰ Ср.: M. Nicolau, *Originile propozițiunii infinitive în limbile clasice*. Paris—București, 1938.

нительного предложения, а инфинитив — сказуемым, согласованным в числе и лице с подлежащим). Например: *Video te scribere* 'Я вижу, что ты пишешь'; *Video vos scribere* 'Вижу, что вы пишете'.

Литературная латынь довольно часто использовала подобные конструкции. Ср.: *Censeo Carthaginem esse delendam* 'Считаю, что Карфаген должен быть разрушен'; *Credo terram esse rotundam* 'Считаю, что земля круглая'; *Scimus Graecos multas colonias condidisse* 'Мы знаем, что греки основали много колоний'; *Rerum scriptores Romani tradunt Romulum et Remum inter pastores educatos esse* 'Римские историки передают, что Ромул и Рем были воспитаны среди пастухов'¹¹ и т. п.

263. Еще в классический период развития латыни конструкция аккузатива с инфинитивом столкнулась с двумя народными конструкциями:

1) инфинитив дополнения;

2) дополнительное предложение, вводимое союзами: *quod*, *quia*, *quoniam*. У Цезаря можно встретить такие предложения, как: *Castra... vallo fossaque... munire jubet* 'Приказал укрепить лагерь валом и рвом'. У Цицерона читаем: *Legis ea vis est, ut recte facere jubeat, vetet delinquere* 'Сила закона в том, что он повелевает делать правильно и запрещает отклоняться от него'.

Со временем инфинитив в качестве дополнения заменяет постепенно конструкцию аккузатива с инфинитивом во всех случаях после глаголов типа *jubeo*, *volo* и др. Следует отметить, что еще Присциан указывал на то, что в латыни, как и в греческом языке, часто вместо имени употреблялся инфинитив. Ср. у Петрония в «Сатириконе»: *Teum intellegere nulla pecunia vendo* 'Свое знание ни за какие деньги не продаю'. При этом греки использовали инфинитив вместо любого падежа, римляне же лишь вместо номинатива и аккузатива: *Illi quidem pro omni casu, nos autem pro nominativo vel accusativo. Loco enim genitivi vel dativi vel ablativi et accusativi cum praepositione gerundiis vel supinis utimur*¹² 'Они (греки) — вместо любого падежа, мы же — вместо номинатива и аккузатива. Вместо генетива, датива и аблатива или аккузатива с предлогом мы пользуемся герундиями и супинами'.

264. Еще в классической латыни глаголы, выражающие чувства, могли быть построены и в сочетании с союзом *quod* с каузальным значением. Например, *gaudeo, quod vales* 'радуюсь, что (=потому что) ты здоров'. Глаголы, которые выражали желания, могли быть использованы с союзами *ut* (или *ne*), *quominus*:

¹¹ См.: А. Н. Попов, П. М. Шендяпин. Латинский язык. Изд. 4. М., 1958, стр. 298—300.

¹² «Grammaticae Latinae auctores antiqui... Prisciani grammatici caesariensis quae extant omnia». Ed. H. Puschius. Hanoviae, 1605.

volo, ut mihi respondeas 'хочу, чтобы ты мне ответил'. Союз ut в данном случае мог быть опущен. Эта замена особенно часто встречается после verba dicendi. Французские романисты А. Эрну и Ф. Тома¹³ считают, что впервые подобные конструкции встречаются в «Commentarius de bello Hispaniensi»: Legati Carteienses renuntiaverunt quod Pompeium in potestate haberent 'Послы картеян сообщили, что Помпей находится в их руках'. Петроний вкладывает подобную конструкцию в уста освобожденного раба: Subolfacio quia epulum daturus est 'Я чувствую, что будет дан пир'; Dixi quia mustella comedit 'Сказал, что ел миногу'.

В народной латыни (примерно с III в.) повсюду после verba dicendi и sentiendi используется дополнительное предложение с союзами quod, quia, quoniam вместо книжной конструкции аккузатива с инфинитивом. Ср. «Вулгата»: Dico vobis, quia (в Итале quod) nemo propheta acceptus est in patria sua 'Говорю вам, что никто не может быть пророком в своем отечестве'; «Itinerarium Egeriae»: Volo scire, quia... infra nos vedebantur esse illi montes 'Хочу знать, что... над нами виднелись горы'. Следует отметить, что в тексте «Itinerarium» (17. 1) можно встретить и гибридные конструкции, в которых перед инфинитивом появляется quod или ut: Volui... ut et Mesopotamiam siriae, accedere 'Хочу... чтобы к Месопотамии обратились сирийцы'.

Подобные примеры, встречающиеся и в «Муломедицине Хирона» и у Григория Турского, показывают наглядно тенденцию перехода от книжной к народно-разговорной конструкции.

Впоследствии книжная конструкция аккузатива с инфинитивом была вытеснена дополнительными предложениями. Это произошло не сразу и не повсюду. В несколько иной форме французские конструкции типа je le vois venir напоминают о латинской конструкции после verba voluntatis и каузативных глаголов¹⁴.

Для ввода дополнительного предложения романские языки используют: фр. que, ит. che, кат., исп., порт. que (из лат. *qui < quid), молд. кэ, рум. сă, ст.-ит. со, ссо и ю.-ит. (диал.) ку (из лат. quod), сард., ст.-ит., ст.-исп. са (из лат. quia).

265. Факторами, содействующими этой замене, следует считать как интралингвистические, так и экстралингвистические. Среди интралингвистических факторов, содействующих замене конструкции аккузатива с инфинитивом, необходимо отметить, что со временем инфинитив утратил много из своих глагольных свойств. Кроме того, утрачен также ряд инфинитивных форм, что сократило возможности варьирования по временам. Во-вторых, появилась возможность субстантивации инфинитива, особенно в связи с развитием артикля. В-третьих, в связи с утратой конечных согласных (-s, -m и др.) стерлись отличия номина-

¹³ A. Ernout et F. Thomas. Syntaxe latine. Éd. 2. Paris, 1959.

¹⁴ E. Stimming. Der Accusativus cum Infinitivo im Französischen. Halle, 1915; U. Schwendener. Der Accusativus cum Infinitivo im Italienischen. Säckingen am Rhein, 1923.

тива от аккузатива. В-четвертых, все больше распространяются параллельные конструкции ¹⁵.

К этим факторам, относящимся к самой структуре языка, необходимо присовокупить ряд факторов социального, экстралингвистического порядка. Конструкция аккузатива с инфинитивом носила чисто книжный, узколитературный характер. Она была чужда народно-разговорной латыни широких масс римского народа и особенно нелатинского населения, обучающегося по-латыни в результате римских завоеваний.

Интересный случай представляет один из известных римских книжников и деятелей культуры постклассического периода. Идет речь об Аврелии Августине, бывшем преподавателе риторики (*magister eloquentiae*) и адвокате в Риме и в Милане, жившем между 345—430 гг. Как и все его коллеги, Августин в начале своей деятельности пользовался литературным языком, точно соблюдая все его правила. Естественно, что он использовал и конструкцию аккузатива с инфинитивом типа *scio Paulum bonum esse*. Впоследствии, в 387 г., Августин принял христианство, стал священником, а затем епископом города Гиппона Регия (*Hippo Regius*) в Северной Африке. С этих пор он стал обращаться к менее образованному населению, которое не знало всех оборотов литературной латыни. В его проповедях (*Sermones ad populum* ¹⁶) почти уже не встречается конструкция аккузатива с инфинитивом, а дополнительные предложения типа *scio quod Paulus est bonus* ¹⁷. Особое значение имеет признание самого Августина: «Часто я употребляю выражения, не свойственные хорошей латыни. Это делается для того, чтобы лучше поняли меня. Лучше будет, если грамматики станут порицать меня, чем если не поймет меня народ» ¹⁸.

Таким образом, при взаимодействии внутрилингвистических и экстралингвистических факторов книжная конструкция аккузатива с инфинитивом постепенно вышла из употребления.

§ 36. Абсолютный аблатив

266. Другой, столь же книжной синтаксической конструкцией литературной латыни являлся абсолютный аблатив (*ablativus absolutus*). Он употреблялся, когда речь шла об определен-

¹⁵ Б. А. Серебряников. К проблеме связи явлений языка с историей общества. — ВЯ, 1953, № 1, стр. 39.

¹⁶ Chr. Mohrmann. Saint Augustin Predicateur. «Études sur le latin des chrétiens». Roma, 1958.

¹⁷ M. Cohen. Grammaire et style. Paris, 1954, стр. 9; см. также: А. К. Васильева. Так называемые инфинитивные предложения и судьба латинского оборота *accusativus cum infinitivo* во французском языке. «Уч. зап. Второго Ленинградского гос. пед. ин-та иностранных языков», т. I, 1956.

¹⁸ Цит. по: А. И. Садов. Народная и обыденная латынь. СПб., 1914, стр. 19.

ном способе передачи темпоральных, каузальных, условных, уступительных обстоятельств и обстоятельств образа действия при посредстве независимого партиципа (презенс актив или перфект пассив) в форме аблатива, с которым согласовывалось существительное, обозначающее логический субъект данного процесса или явления. Пример: *Bello confecto domum rediit*, дословно 'Война окончена, он возвратился домой'.

Цель, преследуемая использованием аблатива, состояла в том, чтобы показать, в каких обстоятельствах совершалось в прошлом, реализуется в настоящем или будет происходить в будущем действие предиката. Ср.: *Re frumentaria comparata, castra movet* 'Заготовив припасы, он снялся с лагеря' (Цезарь. «Записки о Галльской войне», II, 2). Поскольку этот аблатив был независимым от других слов в предложении, он и назывался абсолютным.

Обстоятельство, выраженное абсолютным аблативом (например, *sole oriente* 'при восходе солнца'), могло быть выражено и соответствующим обстоятельственным предложением (*cum sol oritur* 'когда восходит солнце').

В современных языках абсолютный аблатив передается предложной конструкцией, герундием или соответствующим обстоятельственным предложением: *Troia capta Aeneas in Italiam venit* 'Когда (или после того как) Троя была захвачена, Эней прибыл в Италию'.

Партицип из состава абсолютного аблатива может быть переведен глаголом в настоящем, прошедшем и будущем времени в зависимости от времени глагола, выполняющего функцию сказуемого главного предложения. Ср.: *Praesentibus omnibus orationem habeo* 'Я произношу речь, когда все налицо'; *Praesentibus omnibus orationem habui* 'Я произнес речь, когда все были налицо'; *Praesentibus omnibus orationem habebo* 'Я буду произносить речь, когда все будут налицо'.

267. Народная латынь заменила конструкцию абсолютного аблатива соответствующими придаточными предложениями (временными, причинными, уступительными, условными, образа действия), герундивными конструкциями или существительным с предлогом¹⁹.

В отношении причины этой замены надо иметь в виду сказанное о конструкции аккузатива с инфинитивом (см. стр. 212).

¹⁹ Некоторые латинские грамматики, в частности Сапердот (III в.), отождествляют абсолютный аблатив с так называемым 7-м падежом (см. GL, VI, 447). Другой грамматик, Харисий, пишет: «Когда мы говорим „от вещи или от места“, то употребляем аблатив, когда же говорим „в вещи, на месте“, то пользуемся седьмым падежом» (GL, I, 154).

§ 37. Некоторые другие синтаксические явления

Утверждение, отрицание, вопрос, восклицание

268. В литературной латыни при утвердительном ответе обычно повторялось слово, содержащее вопрос: *fecisti?* 'сделаешь?' — *sic feci*, *hoc feci* (или *non feci* при отрицательном ответе).

В народной латыни *sic*, *hoc*, *ita*, *non* использовались и самостоятельно при ответе на вопрос: *Satis id tibi placet?* 'Это тебе достаточно нравится?' — *Non*. Ср. у Плавта: *Captus est?* 'Его пленили?' — *Ita* 'Да' (дословно: так); у Тертуллиана: *Illa maneat?* 'Она должна остаться?' — *Sic*. В качестве утвердительной частицы *sic* сохранилось в пров., ит., кат., сард. *si*, в иберо-романских языках (исп. *si*, порт. *sim*, а также во фр. при ответе на отрицательный вопрос *mais si*). С тем же значением в пров. используется *os* (из лат. *hoc*), а во фр. *oui* (из лат. *hoc ille*).

В северодунайских романских языках утвердительный ответ дается при посредстве частицы славянского происхождения *да*²⁰ (болг., сербохорв. *да*; ст.-слав. *да*), имеющей вначале значение лат. наречия *sic* 'так, таким образом'.

269. Как и в литературной латыни, чтобы дать предложению отрицательное значение, в народной латыни пользовались отрицанием *non*. Нигде в Романии не сохранился *haud* с тем же значением, который считался устарелым синонимом *non*. В связи с этим ни грамматик Варрон, ни Реторика для Геренния, ни Гораций в своих одах, ни Овидий (кроме «Метаморфоз») не используют отрицание *haud*. Вполне понятно, что оно не могло быть употреблено и Витрувием, который прибегал лишь к средствам народно-разговорного языка²¹.

Современные романские языки продолжили лат. *non*. Ср. ит. *no(n)*, пров., кат., исп. *no*, фр. *non*, порт. *nao*, молд. *ну*, рум., арум., истр. *ни*.

В романских языках с целью усиления идеи отрицания употреблялось слово *mica*, которое в лит. лат. имело значение 'крошка, крошечка' Ср. молд. *нимик(э)*, рум. *nimic(ă)* из лат. *ne mica* (ит. *(ne)mica* 'вовсе нет', ст.-фр. *ne mie*).

Кроме того, в восточнороманских языках (молд., рум., арум., мегл.) отрицательный ответ может быть дан и при посредстве частицы славянского происхождения *ба* (болг. *ба* — для выражения отрицания). Она может быть использована как самостоятельно (молд. *да орь ба* 'да или нет'), так и в качестве усилителя отрицания (*ба ну* 'ну нет'). Ср. исп. *que si*, *que no*; ит. *maisi*, *maino*.

270. В народной разговорной речи вообще, в народной латыни в частности ясно выступает тенденция к избыточности, т. е. повторения передачи одной и той же информации как эксплицитно

²⁰ В южнодунайских романских языках (арум., мегл., истр.) не используется частица *да*. См. «*Studii și cercetări lingvistice*», VI, 1945, № 3-4, стр. 270.

²¹ См.: J. M a g o u z e a u. Quelques aspects... , стр. 65—66; 185—193.

(плеоназм), так и имплицитно. Этим объясняется появление в народной латыни усиленного отрицания. Если в лит. лат. считалось достаточным использование одного слова с отрицательным значением ²² (*nihil credo* 'ничему не верю', *nunquam ad vesperam vivam* (Plautus) 'мне не дожить до вечера', *nemo dixit* 'никто не сказал', *neque venis neque scribis* 'и не приходишь, и не пишешь'), то в нар. лат. с целью интенсификации отрицательного значения использовались по два отрицательных слова. Еще у Плавта можно было встретить такие предложения: *Iura te non positum. . . nemini* 'клянусь, что ты не сделаешь зла никому'. Ср. у Петрония: *Neminem nihil boni facere oportet* 'Никому не нужно делать ничего хорошего'.

К концу Римской империи в нар. лат. общеупотребительными стали обороты типа *non respondet nihil* 'ничего не отвечает', *non vidi neminem* 'я не видел никого', *non facio nihil* 'не делаю ничего' и т. п.

Кроме того, разговорная речь усиливает отрицательное значение при посредстве некоторых специальных лексических единиц (*gutta* 'капля', *mica* 'крошка', *passus* 'шаг' и др.). Ср. у Плавта: . . . *quo neque paratast gutta certi consili* ' . . . который не имеет ни тени определенного плана'; у Цицерона: *Non licet transversum digitum discedere* 'Нельзя отдаляться ни на шаг' (дословно: ни на один палец). На этой основе появились во фр.: *ne . . . pas, point, mie, goutte* и т. д.

Избыточность имела место особенно в тех случаях, когда между глаголом и отрицаемым словом находились и другие лексические единицы. Отрицание появляется дважды перед отрицаемым словом и повторяется перед глаголом. Ср. молд. *Ел ну ера нимэнуи датор ку нимик* 'Он никому ничего не был должен'.

271. Вопросительные предложения вводились в литературной латыни частицами: *-ne, num, nonne, an* (ср. *itane* 'в самом деле?'; *num* *morog* 'остаться (ли) мне?'; *nonne* *animadvertis* 'не правда ли замечаешь?').

В народной латыни все эти частицы исчезли и предложение типа *venit-ne pater?* стало в народной латыни *venit pater?* 'пришел (ли) отец?', где только интонация передавала вопросительное значение. Ср. у Плавта: *Dic bona fide: tu id aurum non surripuisti* 'Скажи искренно: ты не стащил золото?' Кроме того, и союз *si* мог вводить прямой вопрос. Ср. в «*Itinerarium*» (45, 3): *Singulariter interrogat episcopus. . . dicens: si bonae vitae est hic, si parentibus deferet, si ebriacus non est aut vanus?* 'Епископ каждого спрашивает. . . говоря: вот этот ведет честную жизнь? почитает он своих родителей? Не бывает он никогда пьяным или лгуном?'

²² Использование в лит. лат. двух отрицаний было равносильно утверждению *nunquam non* 'всегда'.

272. Восклицательное предложение вводилось посредством междометий: *eheu* 'увы!' (ср. *Eheu, fugaces labuntur anni* (Гораций) 'Увы, проходят быстротечные годы'), *eho* (*dum*) 'эй'; *o(h)* 'о!', 'ах!' (ср. *O vir fortis* 'О, сильный муж!').

Значение восклицательности создавалось иногда лексическими средствами: *Uva! bibe, vivas multos annos!* 'Вино! пей, живи долгие годы!' — пожелание всех тех, кто пил вино в Риме.

Сочинительная и подчинительная связь

273. В литературной латыни сочинительная связь осуществлялась посредством союзов: *et, ac, atque, que*. Отрицательная сочинительная связь выражалась союзами: *neq, neque*. Дизъюнктивная (разделительная) связь (т. е. когда в составе определенного синтаксического целого шла речь о выборе утверждения или отрицания двух антонимических понятий, двух оттенков одного и того же понятия) осуществлялась в литературной латыни посредством союзов: *aut, vel, sive* (или *seu*).

В народной латыни для осуществления сочинительной связи использовался союз *et*, который остался во всех западнороманских языках. Ср. ит. *e*, исп. *y*, порт. *e*, фр. *et* ²³. К концу Римской империи наречие *sic* (выражающее в литературной латыни равенство и повторение) стало употребляться в народной латыни для усиления сочинительной связи. Ср. в «*Itinerarium Egeriae*»: *Dicitur unus ymnus, et sic facit orationem episcopus* 'Произносится гимн и совершает епископ молитву'.

Иногда *sic* использовался и самостоятельно в функции сочинительного союза. В Восточной Романии *sic* (молд. *ши*, рум., арум., мегл., истр. *și*) полностью вытеснил союз *et*.

Восточнороманские языки отличаются от западнороманских еще и тем, что при отрицательной сочинительной связи первые сохранили союз *neque* (молд. *нич*, рум. *nici*; арум. *nitsi, nintsi*; мегл. *nitsi*), а вторые — *neq* (ср. ит. *ne*; фр. *ne, ni*; исп., кат. *ni*; порт. *nem*).

Из дизъюнктивных сочинительных союзов в Восточной Романии распространились *seu* (молд. *сау*, рум. *sau*), *hora* (молд. *орь*, рум. *ори*), а в Западной Романии — *aut* (ср. исп. *o*, порт. *ou*, фр. *ou*, ит. *o* и *ovvero* из лат. *aut vero*).

Адверсативные (противительные) отношения выражались в лит. лат. союзами: *sed, at, verum*, а также — особенно у поэтов — словом *magis* со значением *potius* 'скорее всего'. Ср. у Катутлла: *Id non est turpe, magis miserum est* 'Это не только недостойно, скорее всего отвратительно'.

²³ Следует заметить, что в древних молдавских текстах сохранился также лат. союз *et* в форме *e*. Ср. в Шкеянской псалтыри: *Думнезеу труфашилор по-тривеште-се, е смерицилор дэ бунэтате* 'Высокомерным бог воспротивится, а блаженным оказывает доброту'.

Это использование было распространено в народной латыни, а затем в романских языках (фр. *mais*, ит. *ma*, исп., порт. *mas*).

В Восточной Романии были введены союзы славянского происхождения: молд. *яp(э)*, *дар(э)*, рум. *iar(ă)*, *dar(ă)*, мегл. *agă*, арум. *iar(ă)*.

Топика

274. Грамматическая структура латинского языка носила явный флективно-синтетический характер. Располагая богатой системой спряжения и склонения, которая ясно показывала синтаксическую функцию того или иного слова, порядок слов в латинском предложении был свободным, т. е. не имел синтаксической значимости. Предложение обычно начиналось подлежащим, затем следовали второстепенные члены предложения и заключалось глаголом-сказуемым²⁴: *Cicero consul factus est* 'Цицерон был избран (стал) консулом'. В произведениях Цезаря в 84% случаев глагол в главном предложении стоит в конце и в 93% в подчинительных предложениях²⁵.

Этот обычный для латинского предложения порядок слов нарушался, когда необходимо было отдать предпочтение какому-либо из элементов предложения в целях достижения определенного уровня выразительности или просто по евфоническим причинам.

Когда изменяется порядок слов в предложении, его содержание существенно не изменялось. Так, например, предложение *Petrus mihi librum dat* может претерпеть до 24 различных расположений компонентных слов. Русское простое предложение *дочь любит мать* может быть передано в латыни следующим образом: *puella amat matrem*, *amat puella matrem*, *amat matrem puella*, *matrem puella amat*, *matrem amat puella*, *puella matrem amat*.

В латинском языке можно было отделить, например, предлог от слова, которое он детерминировал. У Лукреция читаем: *In multis hoc rebus dicere habebamus* 'Во многих случаях нам следовало сказать вот что'. В подобных случаях служебные слова препятствовали объединению слов в словосочетаниях²⁶.

²⁴ Н. W e i l. De l'ordre des mots dans les langues anciennes, comparées aux langues modernes. Éd. 3. Paris, 1879; Е. R i c h t e r. Zur Entwicklung der romanischen Wortstellung aus dem Latein. Halle, 1903; Р. А. Б у д а г о в. Этюды по синтаксису румынского языка. М., 1958 (см. особенно главу «Порядок слов в предложении», стр. 173—219).

²⁵ W. K r o l l. Die wissenschaftliche Syntax im lateinischen Unterricht. Berlin, 1925, стр. 88 и сл.

²⁶ См. подробнее: Р. А. Б у д а г о в. К теории отношения между словом, словосочетанием и предложением в латинском языке. «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961, стр. 27 и сл.

Прилагательное в атрибутивной функции могло быть отделено от определяемого им существительного. В «Георгиках» Вергилия имеется конструкция, ставшая затем пословицей: *Labor omnia vincit improbus* 'Упорный труд все преодолевает'.

Сложные обороты речи характеризуют, конечно, труды Цицерона. В качестве примера приведем начало его речи «В защиту поэта Лициния Архия»: *Si quid est in me ingenii, iudices, quod sentio quam sit exiguum, aut si qua exercitatio dicendi, in qua me non infitior mediocriter esse versatum, aut si huiusce rei ratio aliqua ab optimarum artium studiis ac disciplina profecta, a qua ego nullum confiteor aetatis meae tempus abhorruisse: earum rerum omnium vel in primis hic A. Licinius fructum a me repetere prope suo iure debet* (Oratio pro Archia poeta, I, 1).

«Если я обладаю, почтенные судьи, хоть немного природным талантом, — а я сам сознаю, насколько он мал и бессилён, — если есть во мне навык к речам, — а здесь, сознаюсь, я кое-что уже сделал, — если есть для общественных дел и польза, и смысл от занятий моих над твореньями мысли и слова, от научной их проработки, — и тут о себе скажу откровенно, что в течение всей моей жизни я неустанно над этим трудился, — так вот в благодарность за все, чем я теперь обладаю, вправе потребовать здесь от меня, можно сказать, по законному праву защиты вот этот Лициний» («В защиту поэта Лициния Архия», перев. С. П. Кондратьева).

Автономия слов в предложении особенно ярко выражалась в стихотворениях

Nondum	caesa	suis	peregrinum	ut	viseret	orbem
еще не	срубленная	в своих	чужие	чтобы	посетить	края

Montibus	in liquidas	pinus	descenderat	undas...
горах	в прозрачные	сосна	спустилась	волны

(Овидий. Метаморфозы, I, 94—95)²⁷

Вряд ли можно дойти до настоящего смысла данных стихов, если будем придерживаться в переводе порядка слов в латинском оригинале. В русском, как и в любом современном романском, языке для достижения настоящего смысла данного отрывка необходимо распределить слова по соответствующим словосочетаниям: 'Сосна, срубленная в своих горах, еще не спустилась в прозрачные волны, чтобы посетить чужие края'.

И все же, несмотря на эту свободу расположения слов, нельзя сказать, что латинская топики была безразличной к содержанию сообщения. Она зависела от определенных, принятых всеми предпочтений и обычаев выражения мысли, а также от предпосылок, касающихся содержания, стиля и темпа речи ²⁷.

²⁷ Всесторонне изучена проблема латинской топики в монографии: J. M a g o u z e a u. L'ordre des mots dans la phrase latine. Paris, 1922.

275. Сложная, тяжеловесная топика литературной латыни была постепенно вытеснена более простым, естественным порядком слов в народной латыни, который сохранился и в романских языках.

Как известно, в литературной латыни в простом распространенном предложении после подлежащего, как правило, стояло прямое дополнение и в конце предложения — сказуемое²⁸ (*Petrus Paulum amat*). Ж. Марузо считает конечное положение глагола в латинском предложении основным, обычным²⁹.

В народно-разговорной латыни глагол-сказуемое уже занимает место сразу же после подлежащего, а дополнение отодвигается на последнее место (*Petrus amat Paulum*).

Уже в первом письменном документе латинского языка, в Пренестинской фибуле (около 600 г. до н. э.), глагол занимает срединное положение, между подлежащим и дополнением: *Manios med vhevhaked Numasioi* 'Маний меня сделал для Нумерия'. На современные романские языки этот текст можно перевести без изменения топики синтаксических единиц. Ср. молд. *Маниу м'а фэкут пентру Нумериу*; рум. *Maniu m-a făcut pentru Numeriu*; фр. *Mane m'a fait pour Numère*; ит. *Manio mi fece per Numerio*.

В дальнейшем подобное расположение слов стало все более и более обычным. В «*Itinerarium*», например, глагол (75%)³⁰, как правило, уже находится перед дополнением: *Interea ambulantes peruenimus ad quendam locum ubi sex tamen montes illi inter quos ibamus, aperiebat et faciebat vallem infinitam ingens, planissima et valde pulchram et trans vallem apparebat mons sanctus dei Syna* 'Совершая между тем странствие, дошли мы до некоего места, где было шесть гор, через которые мы прошли, и тогда открылась и предстала перед нами огромная долина, совершенно ровная и прекраснейшая, а за той долиной виднелась святая гора божья Синай'.

Этот порядок слов стал единственно возможным (особенно вследствие утраты конечных гласных). Ср. ит. *Pietro ama Paolo*, фр. *Pierre aime Paul* и т. п.

Топика народной латыни характерна для произведений народных писателей (Плавт, Петроний). Ср. в «*Miles gloriosus*»: *Videtur tempus esse ut eamus ad forum* 'Кажется, время настало идти на форум'; в «Сатириконе»: *O si haberemus illos leones, quos ego hic inveni* 'О, если бы имели мы тех львов, которых я обнаружил здесь'.

Спорадически такой порядок слов встречается и у писателей-классиков. Ср. у Цицерона: *Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?* 'До каких же пор будешь ты, Катилина, злоупотреблять нашим терпением?'

²⁸ F. S o m m e r. *Vergleichende Syntax der Schulsprachen*. Leipzig—Berlin, 1928, стр. 119.

²⁹ J. M a r o u z e a u. *L'ordre des mots en latin*. Ed. 2. Paris, 1953, стр. 44.

³⁰ W. K r o l l. *Die wissenschaftliche Syntax*. . . , стр. 88.

Цезарь начинает свой труд «*Commentarii de bello Gallico*» так: *Gallia est omnis divisa in partes tres, quarum unam incolunt Belgae, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua Celtae, nostra Galli appellantur* 'Вся Галлия разделена на три части, из которых одну населяют бельги, другую аквитанцы, третью, на их языке, — кельты, а мы их называем галлами'.

В первых двух предложениях глагол-сказуемое находится около подлежащего и только в третьем сказуемое находится в конце предложения.

К IV в. уже можно сказать, что порядок слов народной латыни соответствует топике современных романских языков. В «*Itinerarium Egeriae*»: *Haec est autem vallis ingens et planissima, in qua filii Israhel commorati sunt his diebus, quod sanctus Moyses ascendit in montem domini et fuit ibi quadraginta diebus et quadraginta noctibus* 'Это именно та долина большая и очень ровная, где сыны Израиля находились в те дни, когда святой Моисей взшел на гору господню и находился там сорок дней и сорок ночей'.

На все романские языки это предложение можно переводить без изменения порядка синтаксических единиц.

Глава IV

ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДНОЛАТИНСКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 38. Общие замечания

276. Когда говорят о народной латыни вообще и о ее лексике в частности, некоторые ученые, особенно специалисты по классической латинской филологии, считают, что идет речь об определенной деградации латинского языка в целом и об определенном обеднении на лексическом уровне. В связи с этим приводится довод о том, что в современных романских языках сохранились лишь две трети лексического состава латинского языка¹.

В основном в народно-разговорной латыни шла речь об определенном приспособлении латинского языка к новым историко-социальным и культурным условиям развития римского общества.

Следует с самого начала подчеркнуть, что основная часть словарного состава оставалась общей как для литературной, так и для народной латыни. Можно привести в связи с этим такие общераспространенные лексические единицы, как *filius, mater, panis, pater, vacca; altus, bonus, longus, viridis; amare, audire, dicere, vendere; bene, male; cum, quando, si; in* и многие другие.

277. Однако нельзя также отрицать и того, что лексика народной латыни отличалась от словарного состава литературной латыни.

Во-первых, тем, что из народной латыни был устранен ряд архаических, устаревших² лексических единиц, не имеющих употребления в живом, разговорном языке. Книжный глагол *interficere* 'лишать жизни, убивать' был заменен в разговорном языке глаголом *occidere* 'валить наземь', а затем 'убивать'. Петроний и другие более поздние писатели знают только последний глагол в значении 'убивать'.

¹ Н. S c h m e s k. Aufgaben und Methoden der modernen vulgärlateinischen Forschung, Heidelberg, 1955, стр. 23—24.

² Следует вспомнить здесь, как тонко понимал жизнь слов один из латинских писателей-классиков, Гораций. В «Науке поэзии» (60—62) поэт изобразил процесс словарного обновления:

Словно леса меняют листву, обновляясь годами,
Так и слова: что раньше взросло, то и раньше погибнет,
А молодые ростки расцветут и наполнятся силой.

(Перев. М. Гаспарова)

Романские языки продолжили лишь *occidēre* (ср. ит. *uccidere*, пров., кат. *ausire*, ст.-фр. *occire*, сард. (лог.) *ukkirē*; молд. *ucide*, рум. *ucide*; арум. *tsid(e)re*, мерл. *utsid*, истр. *ucidu*).

Во-вторых, вводились в народную латынь новые лексические единицы, относящиеся к новым явлениям жизни, новой технике, особенно военной.

В-третьих, в ряде слов народной латыни наблюдается переход от абстрактных к конкретным значениям.

Так, в литературной латыни слово *ingenium* означало 'способность, природная одаренность, ум; изобретательность, гений'. Ср. *suo ingenio vivere* 'жить своим умом'. В народной латыни это слово приобрело конкретное значение: ср. фр. *engin*, пров. (en) *genh* 'орудие, оружие'.

Видимо, не без содействия данной тенденции перехода от абстрактности к конкретности следует рассматривать и прилагательное *grandis*, которое было связано с более конкретным значением размера определенного предмета, в частности с понятием роста у человека; этому прилагательному и было отдано предпочтение перед *magnus*, которое выражало общее понятие о величине. Подобным же образом *pulcher* было устранено из народно-разговорной речи, поскольку оно называло понятие о красоте вообще, в то время как *formosus* характеризовало красоту определенной конкретной формы³.

В лексике народной латыни наблюдается, однако, и обратный процесс — переход от конкретного к абстрактному значению. В этом отношении можно привести эволюцию слова *directus*. В литературной латыни оно было прилагательным и означало 'прямой, непосредственный'. В народной латыни это слово перешло в категорию существительных и быстро стало конкурентом слова *ius*, получив и его абстрактное значение 'право, совокупность законов'. Все романские языки знают в этом значении только слова, происшедшие от нар. лат. *derectus. Ср. ит. *d(i)ritto*, исп. *derecho*, порт. *direito*, фр. *droit*, пров. *dre(i)t*, молд. *drept*, рум. *drept*.

В-четвертых, шла речь в народной латыни об образовании новых фразеологических единиц, особенно с глаголами *habere* и *facere*: *habere desiderium* 'иметь желание'; *habere misericordiam* 'возбуждать сострадание'; *habere consuetudinem (cum aliquo)* 'обращаться, водить знакомство (с кем-либо)'; *verba facere* 'вести разговоры, говорить'; *moram facere* 'опаздывать'; *odorem facere (Apicius)* 'пахнуть, иметь запах' и др. Ср. ст.-фр. *faire traisun*, *faire assalt* и др.

Кроме того, надо отметить расширение семантики глагола *facere*, который получил и значение 'ценить' (например в письмах Цицерона), и значение 'ехать' (*se facere Romam*), и значение 'помогать, быть полезным' (как медицинский термин ср.: *hoc medicamentum praesclare facit* и т. д.).

³ См.: J. M a r o u z e a u. Quelques aspects. . ., стр. 68.

В-пятых, следует подчеркнуть, что нар. лат. предпочитает деноминативные глаголы, которые легче включаются в определенную категорию или гнездо слов. Если для понятия 'мерить' в лит. лат. использовался глагол *metior, mensus sum, metiri*, то в разговорной фамильярной латыни предпочтительно употреблялся глагол *mensuro, mensurare*, который лучше осуществлял связь с существительным *mensura* 'измерение, мера'. Ср. также нар. лат. *pectino, -are* (от *pecten* 'расческа' при лит. лат. *pecto* 'расчесывать'; нар. лат. *semino, -are* (от *semen* 'семя' при лат. лит. *sego, -ēre* ('сеять')).

5) В-шестых, необходимо отметить обильное проникновение лексических заимствований из других языков, особенно из греческого. При этом если литературные формы были, как правило, весьма близки к греческому оригиналу, то народные формы больше соответствовали словообразовательным тенденциям латинской стилистики.

Ср. греч. *delphís* — лит. лат- *delphis* — нар. лат. *delphinus*

»	<i>kithára</i> —	»	»	<i>cithara</i> —	»	»	<i>citera</i> ⁴
»	<i>eléphas</i> —	»	»	<i>elephas</i> —	»	»	<i>elephántus</i>
»	<i>dromás</i> —	»	»	<i>dromas</i> —	»	»	<i>dromeda</i>

Много слов, выражений греческого происхождения проникли в народную латынь, особенно в связи с распространением христианства (*ecclesia, basilica* 'церковь', *monachus* 'монах', *presbyterus* 'священник', *hymnus* 'гимн' и др.). Кроме религиозных терминов значительное количество греческих слов, относящихся к культуре, к образованию, проникли в латынь (*schola, camera, cathedra, chorda, charta, phalanga* и др.). Такие слова нашли свое непосредственное продолжение во всех романских языках. Ср. фр. *école, chambre, chaise* и *chaire, corda, planche*; ит. *scuola, camera, cattedra, corda, carta*; исп. *escuela, camara, cuerda, carta, catedral*; порт. *escola, catedral, carta, corda*; молд. *шкоалэ, камерэ, коардэ, карте, планиэ*; рум. *școală, cameră, coardă, carte, planșă* и др.

Конечно, самой значительной характеристикой народнолатинской лексики была все более явная лексическая дифференциация различных провинций Римской империи. Ср., например, *plorare, rotum, acusula* — в западной части Романии и *plangere, melum, acus* — на востоке.

Нельзя пройти также мимо того, что центральная часть Романии предпочла, например, такую серию лексических единиц, как *jumentum, avicella, dies veneris, bellus, strictus, bullire, prescare, tropare* и т. п., в то время как маргинальные (латеральные) романские территории продолжают соответственно: *equa, passer, veneris, formosus, angustus, fervere, rogare, afflare* и т. д.⁵

⁴ Ср. «Appendix Probi»: *cithara non citera*.

⁵ Ср.: В. В. Макаров. Об изучении лексико-семантической дифференциации романских языков. «Вопросы романского языкознания». Кишинев,

Для народной латыни Восточной Романии особенно характерен определенный процесс приспособления к сельской жизни и ее потребностям. В связи с этим сохранились такие слова, связанные с сельским хозяйством, как *fossatum* (молд. *sat* 'село'; рум. *sat*, арум. *fsat*); *hordeum* (молд. *орз* 'ячмень', рум. *orz*, арум. *ordzu*, мегл. *uorz*); *granum* (молд. *грыу* 'пшеница', рум. *grîu*, арум. *grân*, мегл. *gron*, истр. *grăwu*); *sacale* (*cereale*) (молд. *секарэ* 'рожь', рум. *saceră*, арум., мегл. *sicară*, истр. *sicore*); *arare* (молд. *а ара* 'пахать', рум. *а ара*; арум., мегл. *ar*; истр. *ogu*); *seminare* (молд. *а семэна* 'сеять', рум. *а semăna*, арум. *siminare*, мегл. *seminari*, истр. *semiru*); *sicilare* (молд. *а сечера* 'жать серпом', рум. *а secera*). Ср. арум. *seatsire*, мегл. *sețsări* 'серп'.

На востоке Романии не сохранились такие слова, связанные с городской жизнью, как *villa* (ср. фр. *ville* 'город'), *via* (фр. *voie* 'путь'), *platea* (ит. *piazza* 'площадь') и др.

Упадок и разорение городов в Дакии после ее оставления римлянами в 271—275 гг. могут объяснить указанный процесс. Лексическая дифференциация по провинциям становится все более ощутимой по мере отдаления от того периода, когда латинский язык находился в апогее своего развития⁶.

§ 39. Пути лексической дифференциации народной латыни

Интралингвистические факторы

278. С самого начала, т. е. еще в период архаической латыни, лексика народно-разговорной речи отличалась от литературной лексики. Литературные нормы не допускали или обходили определенные лексические единицы, бытующие в речи широких народных масс ('*in vulgo*'). Литературный язык вбирал в свою лексику, например, такие слова, как *reperire* 'находить', *repente* 'внезапно', *interficere* 'истреблять' и т. п., в то время как их синонимические соответствия — *invenire*, *subito*, *occidere* — использовались лишь в живой, разговорной речи.

279. Отличия между литературной и народной речью состояли в первую очередь в стилистической маркированности лексических единиц. В народной латыни было общеупотребительно, например, слово *caballus* со значением 'конь, лошадь'. В литературном языке

1963, стр. 188—197; Л. А. Н о в а к, В. В. М а к а р о в. Латеральное положение и лексические особенности румынского и испанского языков. «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966, стр. 109—120.

⁶ Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik. Ed. E. Wölfflin. Leipzig, 1884—1908; F. G. M o h l. Études sur le lexique du latin vulgaire. Paris, 1900; J. M a r o u z e a u. Le latin, «langue des paysans». — «Mélanges Vendryes». Paris, 1925; G. R o h l f s. Die lexikalische Differenzierung der romanischen Sprachen. München, 1954; О н ж е. Romanische Sprachgeographie. Geschichte und Grundlagen. «Aspekte und Probleme mit dem Versuch eines Sprachatlas der romanischen Sprachen». München, 1971.

это слово использовалось лишь с пренебрежительным, уничижительным значением 'кляча'. Это стилистически маркированное значение явствует из следующей пословицы, используемой Горацием: *Optat ephippia bos piger, optat arare caballus* 'Ленивый вол мечтает ходить под седлом, а кляча — пахать (т. е. никто не доволен своей судьбой)'. В произведениях Горация вообще не встречаются такие слова народно-разговорной речи, как *augicula*, *ambulare*, *bellus* и т. п.

Для нейтрального, стилистически немаркированного значения 'конь' в литературной латыни использовалось существительное *equus*. Так как со временем (после того как дифтонг *ae* стал произносился как *e*) существительное *equus* в литературной латыни стало омонимом прилагательного *aequus* 'ровный', первое уже не употреблялось и уступало место слову *caballus* из народной латыни. Все романские языки исходят в этом отношении от *caballus* 'лошадь' ⁷. Ср. ит. *cavallo*, исп. *caballo*, порт. *cavalo*, пров. *caval*, ретором. *cavagl*; фр. *cheval*; молд. *кал*, рум., арум., мегл. *cal*, истр. *сѧ*.

Форма женского рода *equa*, однако, имея широкое распространение и как специальный термин в народной латыни, сохранилась и в большинстве современных романских языков. Ср. сард. *ebba*, исп. *uegua*, порт. *egoa*, ст.-фр. *ive*, *ieue*, ст.-пров. *ega* (пров. *ego*), кат. *euga*, *egua*, молд. *япѧ*, рум., арум., мегл. *iарѧ*, истр. *iore*. Ср. фр. *jument*.

Другой пример. Литературная латынь использовала для понятия 'есть, поедать' глагол *ēdo*, *edēre* (и его производное *comedo*, *comedēre*), а глагол *manduco*, *manducare*⁸ (фреквентатив от *mando*, *mandēre*) имел только пренебрежительное значение 'жевать'. В народной латыни использовался исключительно глагол *manducare* без всякой стилистической маркированности. В тексте «*Itinerarium*», например, *manducare* появляется 12 раз, а *edēre* отсутствует полностью⁹. Глагол *manducare* и стоит в основе соответствующих глаголов романских языков. Ср. молд. *а мынка*, рум., а *mînsa*¹⁰, фр. *manger*, ит. *mangiare*, пров. *manjar*, кат. *manjar*. В португальском *manjar* использован как существительное со значением 'еда, пища'. Только исп. и порт. сохранили глагол *comer* из лат. *comedēre*.

280. Синонимические оппозиции между литературной и народной латынью наблюдаются и во многих других случаях:

Ср. лит. лат. *ager* — нар. лат. *сапрus* 'поле', ит., исп., порт. *сапро*, фр. *сhапр*, пров., кат. *сапр*, молд. *кымл*, рум. *сѧтр*, арум. *сѧтри*, мегл. *сѧтр*;

⁷ Глагол *caballicare* — у Анфима.

⁸ В латинских аттеланах очень часто появлялось действующее лицо *Manducus*. Маска актера, играющего эту роль, представляла обжору с большим разинутым ртом.

⁹ Р. А. Б у д а г о в. Сравнительно-семасиологические исследования . . . , стр. 94.

¹⁰ Арум. *ngăm* (вм. *мынкѧм* 'едим').

лит. лат. *ludus* — нар. лат. *jōcus* 'игра', ит. *gioco*, пров. *joc*, порт. *jogo*, кат. *jog*, исп. *juego*, фр. *jeu*, молд. *жож*, рум. *joc*, арум. (a)gioc, мегл., истр. *joc*;

лит. лат. *lapis* — нар. лат. *petra* 'камень', ит. *pietra*, исп. *piedra*, порт. *pedra*, пров. *peira*, фр. *pierre*, молд. *пятрэ*, рум. *piatră*, арум, мегл. *K'atră*;

лит. лат. *genitores*¹¹ — нар. лат. *parentes*, 'родители', ит. *parenti*, фр. *parents*, молд. *пэринць*, рум. *părinți*, арум. *p(ă)rints*;

лит. лат. *urbs* — нар. лат. *civitas* 'город', ит. *città*, исп. *ciudad*, порт. *cidade*, фр. *cit  *, молд. *четаме*, 'крепость', рум. *cetate*, арум. *tsitate*, истр. *cet  te*, мегл. *tsitati*;

лит. лат. *omnis* — нар. лат. *totus* 'весь', ит. *tutto*, порт., исп. *todo*, фр. *tout*, ретором. *tut*, *tutta*, кат. *tot*, молд. *тот*, рум. *tot*, арум. мегл. истр. *tot*.

281. В отличие от литературной латыни в народной лексике имели хождение диминутивные формы (*deminutiva*): *coliculus* вместо *caulis* 'капуста', *soliculus* вместо *sol* 'солнце', *ungula* вместо *unguis* 'ноготь'¹², *geniculum* вместо *genu* 'колено', *corvellus* вместо *corvus* 'ворон'; *taurellus* вместо *taurus* 'бык', *apicula* вместо *apis* 'пчела'.

«Appendix Probi» подтверждает процесс диминутивации в народной латыни: *auris non oricla* (из *auricula*). Грамматик Присциан цитирует целую серию диминутивов от существительного *homo*, *homuncio*, *homunculus*, *homullus*, *homullulus*.

Романские языки обычно продолжают диминутивные формы из народной латыни, хотя в некоторых случаях имеют продолжение в современных языках и недиминутивные формы. Ср. молд. *ку режъ* 'капуста', ит. *coleschio* (из лат. нар. *coliculus*), при исп. *col* (но и *colleja*), фр. *chou* (из лат. лит. *caulis*); фр. *soleil* 'солнце' (из нар. лат. *soliculus*) при молд. *соаре*, рум., арум. *soare*, мегл. *soari*, истр. *sqre*; ит. *sole*, исп., порт., ретором. *sol* (из лит. лат. *s  lem*); молд. *унгие* 'ноготь', рум. *unghie*, ит. *unghia* (из нар. лат. *ungula*) при исп. *u  a*, порт *unha* (из лит. лат. *unguis*); молд. *женунжъ* 'колено', рум. *genunchi* (из нар. лат. *geniculum*) при фр. *genou* (из лат. лит. *genu*); фр. *corbeau* 'ворон' (из нар. лат. *corvellus*) при молд. *корб*, рум. *corb*, исп. *cuervo* (из лит. лат. *corvus*); фр. *taureau* 'бык' (из нар. лат. *taurellus*) при молд. *таур*, рум. *taur*, ит., исп. *toro*, порт. *touro* (из лит. лат. *taurus*); фр. *abeille* 'пчела', исп. *abeja*, порт. *abelha* (из *apicula*) и т. д.

282. В лексике народной латыни бытовали и некоторые отглагольные существительные. Так, на основе глагола *doleo*, *dol  re* 'болеть', 'чувствовать боль' в III—IV вв. н. э. образовалось отглагольное существительное *dolus*¹³, появившееся уже у поэта

¹¹ Сохранилось в ретором. (сельв) *geniturs* 'родственники'.

¹² Ср. эпиграмму А. С. Пушкина: *ex ungue leonem* (дословно 'из когтя лев' — 'видно льва по когтям').

¹³ Августин выступает против этого слова (см.: С. Н. Grandgent. *Introducere* . . ., стр. 25).

Коммодиана (III в.), а также в балканских надписях (CIL, III, 1903) со значением 'боль, печаль'. В романских языках это слово получило довольно широкое распространение. Ср. молд. *dor*, рум. *dor*, ит. *duolo*, исп. *duelo*, порт. *dō*, ст.-фр. *duel* (фр. *deuil*).

283. Образование сложных слов не представляло большой возможности для обогащения латинской лексики. Некоторые лексические единицы образовались при посредстве слова *res* (*res publica* 'общественная деятельность', затем 'республика, государство'; *res secundae* 'благоприятные условия, счастье, успех'; *res adversae* 'неблагоприятные условия, несчастье'; *res gestae* 'героические поступки', затем 'история' (ср. ст.-фр. *geste* из *gesta*); *rerum scriptor* 'историк' и т. д. Ср. также *rosmarinus*, *paeninsula*, *plebiscitum*, *agricultura*, *aquaeductus* и др.

284. В народной, как и в литературной, латыни словосложение не получило большого распространения. Некоторые сложные слова образовались путем соединительной связи: *primavera* (появилось во II в. н. э. в надписи богу Амуру и в одной глоссе — CGL, III, 426, 7). Это сложное слово нашло свое продолжение в романских языках. Ср. молд. *примэварэ* 'весна', рум. *primăvară*, ит. исп., порт. *primavera*, ст.-фр. *primevoire*.

Ср. также: ст.-ит. *miluogo* 'середина', фр. *milieu*, пров. *mieg-luoc*, ст.-порт. *meogo*; молд. *мижлок*, рум. *mijloc* из лат. *medio loco*. На основе фр. *aubérine* 'боярышник' было восстановлено нар. лат. *alba-spina* (ср. ит. *biancospino*, исп. *spino*).

285. В народной латыни можно обнаружить и ряд семантических эволюций, отличных от литературной латыни¹⁴. Так, в литературной латыни существительное *focus* означало 'очаг', т. е. 'место где горит пламя'. В народной латыни слово *focus* стало называть уже 'огонь' (т. е. то, что в лит. лат. называлось *ignis*). С этим новым значением *focus* аттестован в кулинарном трактате Анфима. В одной глоссе прямо говорится: *focus enim ignis est*. Из народной латыни это значение проникло и в произведения писателей, в том числе и классиков, как, например, у Проперция (*Sextus Propertius* — 49—15 гг. до н. э.). Романские языки продолжили эту традицию народной латыни. Ср. ит. *fuoco*, пров. *fuoc*, исп. *fuego*, фр. *feu*, ретором. (энг.) *fö*, *fiug*, молд. *фок*, рум., арум., мегл., истр. *foc*.

В народной латыни аттестованы примеры расширения семантического значения слова. Так, слово *panagium* (производный от *panis*) называло в начале лишь корзиночку для хлеба. В народной латыни *panagium* называет уже любую корзину. Ср. молд. *панер*, рум. *paner*, арум. *răner*; ит. *paniere*, фр. *panier* 'корзина'.

Явление сужения значения аттестовано, например, при слове *tempestatas*, которое в народной латыни имеет значение «плохая погода», в то время как в литературной латыни *tempestatas* означало

¹⁴ G. Rohlf s. Die lexicalische Differenzierung...

‘погода вообще (хорошая или плохая)’. Ср. у Плавта: *Tempestas quondam fuit* ‘Было некогда время’. С узким значением, как и в народной латыни, сохранилось это слово в различных романских языках: ит. *tempesta*, исп. *tempestad*, фр. *tempête*.

Ср. также нар. лат. слово *seġa* (вместо лит. лат. *vesper* ‘вечер’), образованного на основе прилагательного *seġus* ‘поздний’, и романские соответствия: ит. *sega*, пров. *ser*, ретором. *saire*, фр. *soir*, молд. *сарэ*, рум., арум. *seagă*, мегл. *seġă*, истр. *seġe*.

Изменение семантики некоторых слов объясняется смежностью названных предметов. В литературной латыни слово *bucca* означало ‘щека’. В народной латыни, как и в некоторых романских языках, это слово получило значение ‘рот’ и заменило существительное *os, oris*. Ср. ит. *bocca*, пров., кат., исп., порт. *boca*, фр. *bouche*¹⁵.

Семантическое явление «*pars pro toto*» (часть вместо целого) наблюдается в процессе эволюции народной латыни. В литературной латыни слово *camera* означало ‘свод’; ‘потолок комнаты, если он имел сводчатую форму’. Ср. *camera duabus sustentata columnis* ‘свод, поддерживаемый двумя колоннами’. В народной латыни *camera* получила значение ‘помещение, комната вообще’. Ср. ит. *camera*, исп. *cámara*, фр. *chambre*, молд. *камерэ*, рум. *cameră*.

286. Семантическая значимость некоторых слов развивалась в связи с определенными изменениями в жизни римского общества, а затем и романских народов. В этом отношении показательное семантическое развитие слова *hostis* (ср. ст.-слав. *гостѣ*). В архаический период существительное *hostis* означало ‘чужеземец, чужой’. Цицерон пишет: *Hostis apud maiores nostros is dicebatur, quem nunc peregrinum dicimus* ‘У наших предков слово *hostis* называло то, что мы сегодня называем чужестранцем’. Все то, что чужое, обычно является и неприятельским, значит враждебным. Отсюда *hostis* приобрело значение ‘враждебное войско’. Ср. *instruere legiones contra hostem* ‘построить (в боевом порядке) легионы против врага’. Со временем, однако, *hostis* стало означать не только ‘вражеское войско’, а вообще ‘войско’ (как вражеское, так и свое). С этим значением *hostis* аттестовано в «*Itinerarium*». С таким именно значением это слово употребляется и в романских языках: молд. *oaste*, рум., арум., *oaste*, мегл. *osti*, истр. *oste*, ит. *oste*, ст.-фр., пров. *ost*, исп. *hueste*, порт. *hoste*.

В Восточной Романии и в некоторых областях Италии слово *vēt(ĕ)rānus* ‘римский легионер в отставке’ приобрело значение ‘старый человек вообще’ (молд. *бэтрын*, рум. *bătrîn*, арум. *bitârnu*, мегл. *bitqra* истр. *betâr*, далм. *vetrun*, ретором. *vedran*, ит. (диал.) *vedrano, vetrano*).

287. В нар. лат. следует также отметить семантические изменения, основанные на принципе катахрезы. Таким путем в составе словосочетания определяющее слово берет на себя значение

¹⁵ Ср. в Рейхенауских глоссах — *in ore: in bucca* ‘во рту’.

всего словосочетания, а определяемое слово может исчезнуть. Следствием процесса катахрезы явился переход целого ряда прилагательных в категорию существительных. Так, словосочетание *fontana aqua* имело вначале значение 'ключевая вода', затем в народной латыни прилагательное *fontana* вытеснило слово *aqua* и приобрело значение 'колодезь', перейдя таким путем в категорию существительных. Этим процессом объясняются романские формы: ит., пров., ст.-кат., исп. *fontana*, фр. *fontaine*, молд. *фьнтѣнэ*, рум. *fîntînă*, арум. *făntînă*, мегл. *făntônă*, истр. *făntăre*. Ср. также: *hibernum tempus* 'холодная пора' стала со временем *hibernum* 'зима'. Отсюда: ит. (in) *verno*, исп. *invierno*, порт. *inverno*, фр. *hiver* (ст.-фр., *hiver tens*), рум. *iarnă*, арум. *iar(n)ă*, мегл. *iarnă*, истр. *iōgne*, молд. *ярънэ* и т. д.

На принципе катахрезы основываются писатели, когда пользуются примерами, как у Коммодиана: *in nigris exire* 'выйти в черном' (т. е. в черной одежде).

288. Многие семантические изменения, начавшиеся в народной латыни еще во времена существования Римской империи, стали более очевидными после ее падения. В это время ярче выступает семантическая дифференциация по провинциям. Существительное *aestas* имело в литературной латыни значение 'лето' (*exitu aestatis* 'в конце лета'). Это существительное (*aestas*) не имело хождения в народнолатинской речи, где использовалось слово *ver* (которое в классической латыни означало 'весна'). Для значения 'весна' народная латынь использовала словосочетание *primavera*. Значение этого словосочетания (*primavera*) ясно выступает уже в «Муломедине Хирона»: *Medicamentum primavera ante herbam novam dabis* 'Это лекарство ты дашь весной до появления новой травы'. Ср. ит., исп., порт., кат. *primavera*, молд. *примэварэ*, рум. *primăvară*.

Для обозначения понятия 'лето' в Восточной Романии и на Иберийском полуострове сохранилось народнолатинское слово *ver(a)*. Ср. молд. *варэ*, рум. *vară*, арум. *veară*, мегл. *veṛă*, INSTR. *veṛe*, исп. *verano*, порт. *verão*.

В литературной латыни существительное *geus* означало 'имеющий судебное дело' (*aliquem geum agere* 'отдать кого-либо под суд'). В народной же латыни *geus* стало прилагательным и заменило литературное *malus* 'злой'. Ср. молд. *рэу*, рум. *gău*; арум. *geu*, *agău*; мегл. *gou*, истр. *gewu*; далм. *gi*, ит. *gio*, пров., кат. *geu*; исп., порт. *geo*.

289. Кроме прямого значения, унаследованного от литературной латыни, некоторые слова, получили и переносное. Так, слово *caput* (нар. лат. *capus* прямое значение 'голова') получило и переносное значение 'глава, руководитель'. Это значение налицо у Фредегария (V—VI вв.): *Bosone qui caput exercitus fuit*. Оно унаследовано романскими языками (молд. *кап*, рум., арум., мегл. *сар'*, ит. *саро*, пров., кат. *сар*, фр. *chef*, исп., порт. *sabo*).

Вместо слова *avis* 'птица' в народной латыни стало употребляться *passer* (которое в лит. лат. имело узкое значение 'воробей'). Форма *passar* (аттестована в «Appendix Probi») и нашла свое продолжение в романских языках (молд. *пасэре*, рум. *pasăre*, истр. *pqsăre*, исп. *rajaro*, порт. *passaro*, ит. *passero*, пров. *paser*, кат. *passara*).

290. Нельзя сказать, что народной латыни были свойственны свои специфические способы словообразования. Надо, однако, подчеркнуть, что продуктивность некоторых словообразовательных способов отличала народную латынь от литературной¹⁶.

У отглагольных существительных с отвлеченным значением большое распространение в народной латыни имели окончания: -atus (*ploratus* 'плач', *venatus* 'охота'), -itus (*auditus* 'слушание'; ср. *auditu cognitum habere* 'знать по наслышке'). Данные окончания совпали с оформлением причастий и сохранились в Восточной Романии и на Иберийском полуострове (ср. молд. *вынат* 'охота', рум. *vînat*, арум. *avinat*, исп. *venado*, кат. *venat*, порт. *veado*).

Среди продуктивных суффиксов следует отметить те, которые оформляли действующее лицо (*nomen agentis*): -atore, -itore, сохранившихся в Италии (*parlatore* 'говорящий, оратор'; *facitore* 'делающий, создатель') и в Восточной Романии (молд. *вынэтор(у)* 'охотник', *лукрэтор(у)* 'работник'; рум. *vînător*, *lucrător* и др.).

Собирательное значение имели суффиксы: -(a)men, -(i)men, -(u)men, сохранившиеся в Италии (*ferrame* 'железо', *concime* 'навоз', *frittume* 'жаркое'). На Востоке сохранились -име (молд. *мэриме* 'величина', *тинериме* 'молодежь'); -аме (арум. *амăгаме* 'горечь', *bărbătame* 'много мужчин').

Другой суффикс с собирательным значением (-alia) сохранился в языках Восточной Романии: -ае (*анэрае* 'лужа', *фумэрае* 'густой дым'). Ср. молд. *бэтае* 'бой', рум. *bătaie*, фр. *bataille* (из лат. *batt(u)alia*).

С абстрактным значением сохранились в книжном стиле: -atione, -amentu; а в устном: -antia, -entia. Ср. молд. *доринцэ* 'желание', *воинцэ* 'воля'; *субстанцэ* 'вещество' (как неологизм)¹⁷. Ср. ит.-anza, -enza; фр.-ансе; исп., порт. -ancia, -encia.

Самым распространенным суффиксом с абстрактным значением стал в Восточной Романии -tate. Ср. молд. *дрептате* 'справедливость'; *сингурэтате* 'одиночество'. Этот суффикс образует новые слова и на базе нелатинских корней: молд. *ефтинэтате* 'дешевизна', рум. *ietfinătate* (корень *ефтин* греческого происхождения) молд. *пустуетате* 'пустыня', рум. *pustietate* (корень славянского происхождения).

¹⁶ F. B a d e r. La formation des composés nominaux du latin. Paris, 1962; A. A l s d o r f - B o l é e. Die lateinischen Verbalabstrakta der Deklination und ihre Umbildungen im Romanischen. Bonn, 1970.

¹⁷ А. Б. Долгопольский. Из истории народнолатинского словообразования (Опыт установления относительной хронологии). — ВЯ, 1958, № 2.

Среди адъективных суффиксов наибольшее распространение получил в Восточной Романии суффикс *-iscus*: молд. *оменеск* 'человеческий', *бэрбэтеск* 'мужской' и др.

Для глагольного образования использованы простые или удвоенные префиксы: *ad-*, *in-*, *e-* или *ex-*, *de-*, *de+ex*. Ср. лат. *adimplere* 'наполнять', *exeligere* 'завещать' и др.

Префиксы *per-*, *extra-* получили распространение особенно на Востоке: молд. *а пресура* 'посыпать', рум. *a presăra* (из лат. *per+salare*); *а префаче* 'превращать, переделывать' (из лат. *per+facere*); *а стрэбате* 'проходить' (из лат. *extra+battuere*); *стрэнепот* 'правнук' (из лат. *extra+perotem*).

291. Процесс лексической дифференциации реализовался не только путем противопоставления литературной и народной латыни вообще. Сохранившаяся латинская лексика не была однородной на всей территории Римской империи. Так, основные термины родства *pater*, *mater* циркулировали как официальные термины в Западной Романии и сохранились соответственно в этих языках (ит., исп. *padre*, *madre*, фр. *père*, *mère*), в Восточной же Романии использовались термины, позаимствованные из детской речи: *tata*, *мамма*¹⁸. Эти лексические единицы имели соответствия и в славянских языках: сербохорв., пол., чеш. *tata*, болг. *тата*¹⁹.

Таким путем данные термины получили всеобщее распространение в восточнороманских языках (молд. *татэ*, *мамэ*; рум., арум., мегл. *tată*, *mamă*, истр. *tq̃tq̃*). В качестве аффективных терминов данные формы имеются и в западнороманских языках²⁰. Ср. ит. *мамма*, исп. *мама*, фр. *маман*, исп. *tata*, порт. *tatá*, ретором. *tat* 'дедушка', *tatta* 'бабушка'.

292. Слово литературной латыни *dies* сохранилось: молд. *зи*, рум. *zi*, ретором., пров. *di*, исп. *dia*, а слово народной латыни *diurnum* было продолжено в Италии и Галлии (ит. *giorno*, ст.-фр. *journée*, фр. *jour*).

По-иному сложилась судьба слова литературной латыни *mensa* 'стол'²¹. Оно сохранилось на Иберийском полуострове (исп., порт. *mesa*), в ретором. (диал. энг. *mais*, сельв. *meisa*) и в Восточной Романии (молд. *масэ*, рум. *masă*, арум. *measă*, мегл. *meşă*). В Италии и в Галлии оно заменено словом *tabula* (ит. *tavola*, фр. *table*).

Нельзя, однако, не учесть того факта, что с разными значениями существительное *tabula* бытует во всех западнороманских языках (исп. *tabla* 'доска', порт. *tabua* 'доска'), а *mensa* имеется во французском (*moise* 'балка, перекладина').

¹⁸ Форма *tata* аттестована в надписи из Остии (CIL, XIV, 892).

¹⁹ F. Miklosich. *Lexicon...*, стр. 983.

²⁰ Ср. замечание: «Dans toutes les langues quelques mots enfantins s'incorporent au langage adulte» (M. Cohen. *Le langage*. Paris, 1950, стр. 14).

²¹ Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования..., стр. 35—37.

Р. А. Будагов прав, когда говорит, что «подобное утверждение оказывается верным не по отношению к двум анализируемым словам в целом, а лишь применительно к значению 'стол', которое свойственно *tabula* в одних романских языках и *mensa* — в других»²². Однако имеются примеры, когда в действительности одна лексическая единица вытесняет другую, хотя обе латинского происхождения. Так, в современном французском языке *poule* (из лат. *pulla* 'детеныш') заменило ст.-фр. *geline* (из лат. *gallina*). В ит., исп. (*gallina*) и в Восточной Романии (молд. *гэинэ*, рум., *găină*, арум., мегл. *găl'ină*, истр. *galire*) сохранено основное латинское слово *gallina*. Ср. также лат. *pistor* 'пекарь', которое было вытеснено вначале словом *furnarius*, а затем производным от лат. *bulla* > *boules* + суф. -енс, что дало фр. *boulangier*. Ср. исп. *panadero*, ит. *panattiere* (производные от лат. *panis*).

293. В категорию прилагательных вошло на Западе слово *grandis* вместо *magnus* (ср. ит., исп., порт. *grande*, фр. *grand*, пров. *gran*, ретором, *grand*)²³, а на Востоке слово *marem* (из *mas*, *maris* 'мужчина') перешло в категорию прилагательных (ср. молд. *mare* 'большой', рум., арум. *mare*, мегл. *magi*, истр. *more*). В тексте «*Itinerarium*» *magnus* появляется лишь четыре раза, в то время как *grandis* употреблено 20 раз.

294. В сохранении латинских соответствий наблюдается дифференциация по провинциям. Лит. лат. *pulcher* 'красивый' ни в одном романском языке не сохранилось. Оно было вытеснено в Северной Галлии и в Италии прилагательным *bellus* (ит. *bello*, ретором, пров. *bel.*, фр. *beau*), которое появляется уже у Петрония в выражении *homo bellus* 'хороший парень'. В Южной Галлии причастие *politus* (пров. *poulit*), а на Востоке и на Иберийском полуострове, прилагательное *formosus*²⁴ заменило лат. лит. *pulcher* 'красивый' (молд. *фрумос*, рум. *frumos*, исп. *hermoso* (но и *bello*, *lindo*), пров., кат. *formos* (сейчас *bell*), порт. *fermoso*, *formoso* (и *belo*)²⁵.

В данном случае, как и во многих других, лексическая дифференциация является следствием преимущественного использования какого-либо слова из определенного синонимического ряда.

295. В народной латыни установилась настоящая конкуренция и борьба между синонимами. Ни в одной провинции не сохра-

²² Р. А. Б у д а г о в. Сравнительно-семасиологические исследования . . ., стр. 36; ср. и стр. 38.

²³ Слово *magnus* сохранилось в ст.-пров. *manh*, ст.-исп. *maño*, сард. (лог.) *manni*. Ср. исп. *tamaño*, порт. *tamanho*, кат. *tamanu*, из лат. *tam magnus*, довольно распространенное у Петрония.

²⁴ Следует отметить довольно широкое распространение прилагательного *formosus* в поэтических произведениях Катулла и других авторов. Этим словом с особой экспрессивностью характеризовался образ возлюбленной, ее красота. См.: И. М. Т р о н с к и й. Очерки. . ., стр. 189—190.

²⁵ Относительно других сходных лексических черт Иберии и Дакии см.: Л. А. Н о в а к, В. В. М а к а р о в. Латеральное положение и лексические особенности румынского и испанского языков.

нилось лит. лат. *os* (*oris*) 'рот', по-видимому, здесь неудобство составляла омонимия с *os* (*ossis*) 'кость' и *oris* (из *auris*). Некоторые провинции предпочли *bucca* (лит. лат. *bucca* имело значение 'щека'). Ср. ит. *bocca*, сард. *bokka*, пров., кат., исп. порт. *boca*; фр. *bouche*. В других провинциях получило распространение *rostrum* (лит. лат. *rostrum* имело значение 'клюв у птиц; 'морда' — у животных), сохраненное в Восточной Романии как архаизм (молд. *rost*²⁶ 'рот', 'уста', *rostire*, а *rosti* 'произносить', рум. *rost*, *rostire*, а *rosti*, арум. *rost* 'рот') и на Иберийском полуострове (исп. *rostro*, порт. *rosto*, кат. *rostre* 'лицо'; 'морда' — пренебрежительно по отношению к людям). Общеупотребительно стало в Восточной Романии слово *gula* 'глотка' (молд. *гурэ* 'рот', рум. арум., мегл. *gura*, истр. *gure*). Ср. фр. название растения *gueule de lion* 'львиная пасть'.

Лит. лат. *frumentum* 'хлеб (зерновой), пшеница' в нар. лат. соответствовало слово *granum*, которое в лит. лат. имело значение 'зерно, семена'. Оно сохранилось в Италии и в Восточной Романии (ит. *grano*, молд. *грыу*, рум. *grâu*). На Иберийском полуострове сохранилось другое латинское слово *triticum* (лит. лат. 'пшеница'): исп., порт. *trigo*. Для Галлии, однако, необходимо реконструировать слово *blatum, которое стоит в основе фр. *blé*.

296. Значительный интерес представляют слова, связанные с понятием 'здание, дом'²⁷. В литературной латыни слово *domus* (ср. др.-греч. *δόμος* 'постройка, строение, дом' от глагола *δέμω* 'строю') означало 'большой дом, дом патриция, вместе со всеми подсобными зданиями и развлекательным садом'. В литературной латыни использовалось также и слово *aedes*, но оно имело значение 'дворец', например *aedes imperatoriae* 'дворец цесарей'. Слово *domus* сохранилось лишь в итальянском (*duomo*) со значением 'кафедральный собор' (*Duomo di Milano*, *Duomo di Firenze*), во французском (*dôme* 'купол; кафедральный собор'; *Dôme des Invalides*) и в сардском (*domo* 'дом'). Это слово было позаимствовано германскими языками (в г. Вормсе имеется *Kaiserdome* 'императорский кафедральный собор') и славянскими (рус., укр. *дом*).

В Восточной Романии *domus* вытеснено словом *casa*, *casae*, которое в литературной латыни имело пренебрежительное значение 'домик, хижина'. Ср. *frondea casa* 'шалаш, покрытый листьями', *piscatoria casa* 'рыбацкая лачуга', *pastoralis casa* 'пастуший шалаш'. У Горация: *aedificare casas* 'соорудить детские домики'. Исидор Севильский вполне ясно комментирует: *Casa est agreste habitaculum palis, arundinibus et virgultis contextum* 'Casa есть примитивное жилье, построенное из камыша, тростника и ветвей'.

²⁶ Ср. у Крянгэ: *Сфынт сэ-ць фие растул, мош Иоане, кэ ай ворбит дин дурере* 'Да будут святы твои уста, дед Иван, потому что ты говорил от души'.

²⁷ См.: Р. А. Б у д а г о в. Сравнительно-семасиологические исследования. . . , стр. 67—68.

В народной латыни Восточной Романии *casa* вытеснило как *domus*, так и тем более *aedes*. Это говорит, по-видимому, о том, что в этой довольно бедной части Римской империи не могло идти речи ни о доме патриция (*domus*), ни тем более о дворцах (*aedes*), а только о домиках (*casae*). Употребляется слово *casa* и в других провинциях, где говорится о деревенских хатах. Ср. исп. *casa*, *casucha* 'лачуга', ит. *casa*, ретором. *casa*. Оно имеется и в португальском, каталанском, провансальском (*casa*).

В некоторых провинциях также появились другие слова. В Южной Галлии вошло в употребление слово *hospitale* (пров. *ostal*²⁸, ст.-фр. *ostel*, фр. *hôtel*). В Северной Галлии было введено слово *mansionem* (от глагола *maneo* 'переночевать')²⁹. Ср. фр. *maison*, пров. *maizo(n)*, исп. *meson*. В «*Itinerarium*» использование слова *mansio* превалирует над *domus* (23—19)³⁰.

Подобное же положение наблюдается и в отношении названия некоторых предметов домашней утвари. В Восточной Романии не сохранилось название *cochlearium* 'металлическая ложка', которая использовалась богачами, а сохранилось название *lingula* 'деревянная ложка', которой пользовался римский крестьянин. Ср. молд. *лингурэ*, рум., арум., мегл. *lingură*, истр. *lingure*. Западнороманские языки сохранили *cochlearium*, конечно, изменяя слово согласно своим фонетическим законам: фр. *cuiller* или *cuillère*, исп. *cuchara*, порт. *colher*, пров. *culher*, ит. *cucchiaio*.

297. Необходимо отметить ряд латинских слов, сохранившихся только в Восточной Романии. Идет речь, во-первых, о существительных типа: *adjutorium* (молд. *ажутор* 'помощь', рум. *ajutor*, арум. *ağutor*, мегл. *jutor*); *alvina* (молд. *албинэ* 'пчела', рум. *albină*, арум. *alg'ină*); *blanditia* (молд. *блындецэ* 'кротость', рум. *blîndețe*); *canticum* (молд. *кынтеж* 'песня', рум. *cîntec*, арум. *cîntic*, мегл. *cōntic*); *cutitum* (молд. *куцит* 'нож', рум. *cuțit*, арум. *cățut*, *cuțit*, мегл. *cuțot*); *grandinem* (молд. *гриндинэ* 'град', рум. *grindină*); *mare* (молд. *маре* 'море', рум., арум. *mare*, мегл. *mari*); *ovis* (молд. *оае* 'овца', рум. *oaie*, арум. *oaie*, мегл. *uaie*); *sarcina* (молд. *сарчинэ* 'ноша', рум. *sarcină*).

Во-вторых, в восточнороманских языках имеется ряд прилагательных, бытующих только в этих языках³¹: *agilis* (молд. *ажер* 'ловкий', рум. *ager*); *albaster* (молд. *албастру* 'синий, голубой', рум., арум. *albastru*); *blandus* (молд. *блынд* 'кроткий', рум. *blînd*); *densus* (молд. *дес* 'густой', рум. *des*); *putridus* (молд. *пупред* 'гнилой', рум. *putred*, арум., мегл. *putrid*).

В-третьих, в этих же языках имеется ряд глаголов: *adsudare* (молд. *а асуда* 'вспотеть', рум. *a asuda*, арум. *asudari*, мегл. *sud*); *attempire (молд. *а аципи* 'вздремнуть', рум. *a ațipi*); *fragmentare

²⁸ Имеется в пров. и *casa*, *maizo(n)*.

²⁹ H. R ō n s c h. *Itala und Vulgata*. München, 1869, стр. 472.

³⁰ A. E r n o u t. *Aspects du vocabulaire latin*. Paris, 1954, стр. 21.

³¹ Al. R o s e t t i. *Îstoria limbii române*. . . , стр. 184 и сл.

(молд. *a frămînta* 'месить', рум. *a frămînta*, арум. *frimintu*, мегл. *frimint*).

В Восточной Романии сохранились около 120 слов латинского происхождения, которые совершенно отсутствуют в Западной Романии.

Надо отметить также, что лексика Западной Романии отличается от Восточной и дифференцированной семантической значимостью некоторых слов³². На базе лат. *anima* сформировались: ит. *anima*, исп., порт. *alma*, фр. *âme* — во всех этих языках, как и в латыни, имеет значение 'душа'. Молд. *инимэ*, рум., арум. *înimă*, мегл. *inămă* также исходят от лат. *anima*, однако со значением 'сердце'. Ср. также: лат. *tenerus* ит. *tenere*, исп. *tierno*, порт. *tenro*, фр. *tendre* — со значением 'хрупкий'; а в молд. *тынэр*, рум. *tînăr*, арум., мегл. *tinir* означает 'молодой'.

298. В общей сложности каждый из современных романских языков сохранил примерно около 2 тыс. слов латинского происхождения. М. В. Сергиевский изучил сплошную этимологическую парадигматику романской лексики. Он подсчитал, что в «Этимологическом словаре романских языков» В. Мейер-Любке из 6700 слов, унаследованных романскими языками, около 1300 (20%) являются общероманскими, 3900 (60%) сохранились только в некоторых романских языках и около 1500 (20%) специфичны для каждого романского языка³³.

Лексическое родство различных языков может быть определено и на основе ономаσιологического принципа³⁴. Выявляются лексические соответствия сравниваемых языков на базе заданного списка понятий. Затем определяется общий лексический фонд исследуемых языков и специфика каждого из них.

Г. Рольфс, пользуясь ономаσιологическим принципом, рассмотрел вопрос лексической дифференциации в плане лингвистической географии³⁵.

Некоторые романисты используют частотный принцип отбора лексического материала для определения специфики того или иного романского языка³⁶.

Экстралингвистические факторы

299. Латынь, как и любой другой язык, характеризовалась, несомненно, не только своей специфической лексикой, но имела

³² Al. Rosetti. *Istoria limbii rômâne*, стр. 193; ср.: Тома Ст. Тома. Книжные и исконные элементы в развитии романских языков. «Проблемы диахронии...», ч. I, стр. 277—285.

³³ М. В. Сергиевский. Проблема диалектальности вульгарной латыни. «Вестник МГУ», 1946, № 1, стр. 25—36; ср. также: В. В. Макаров, Л. А. Новак, Р. Г. Пиотровский. Об одном способе измерения степени родства романских языков. «Проблемы диахронии...», I, 249 и сл.

³⁴ М. Сводеш. К вопросу о повышении точности в лексико-статистическом датировании. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 75—77.

³⁵ G. Rohlf s. *Die lexikalische Differenzierung...*

³⁶ Л. А. Новак, В. В. Макаров. Латеральное положение и лексические особенности румынского и испанского языков.

и значительное количество лексических единиц, заимствованных из других языков. Тезис К. Маркса о том, что «всякая нация может и должна учиться у других»³⁷, вполне применим и к латинскому языку.

Многие писатели античности говорили о лексических заимствованиях латинского языка. Квинтилиан (*Inst. orat.*, I, 5, 55), например, отмечал: *Verba aut Latina aut peregrina sunt. Peregrina porro ex omnibus prope dixerim gentibus ut instituta etiam multa, venerunt. Taceo de Tuscis et Sabinis et Praenestinis, nam ut eorum sermone utentem Vectium Lucilius insectatur, quemadmodam Pollio deprehendit in Livio patavinitatem, licet omnia Italica pro Romanis habeam. Plurima Gallica evaluerunt, ut reda ac petorritum quorum altero tamen Cicero, altero Horatius utitur. Et mappam circo quoque usitatum nomen Poeni sibi vindicant, et gurdos, quos pro stolidis accipit vulgus, ex Hispania originem duxisse audivi.*

Слова, бывают или латинские, или иноязычные. Эти последние пришли, как и многие обычаи, почти от всех народов. Не говорю об этрусских, сабинских и пренестинских, хотя Луцилий порицал Векция, пользовавшегося ими, подобно тому как Поллион упрекал Ливия за патавизмы (*patavinitas*), поскольку я считаю все итальянское римским. Много проникло слов галльских, как *reda* (повозка) или *petorritum* (четырехколесная повозка), из коих одно употребляет Цицерон, а другое Гораций. Пунийцы присваивают себе слово *mappa* (сигнальное полотенце), употребительное также и в цирке, а слово *gurdi*, которое просто-народе восприняло для обозначения глупцов, ведет свое происхождение, как я слышал, из Испании'.

300. Завоевая постепенно провинцию за провинцией, римляне столкнулись в каждой из них с автохтонными народами, языки которых в большей или в меньшей степени повлияли на развитие латинского языка.

Из предыдущего изложения (стр. 24) известно, что на территории Итальянского полуострова латынь ассимилировала оскский, умбрский, этрусский, галльский и другие языки и диалекты Италии. В свою очередь эти языки оказали значительное влияние на развитие латинского языка. Местные языки составили так называемый субстрат латинского языка, т. е. следы побежденного языка в составе языка победителя при скрещивании двух языков. Не будем здесь говорить об огромной роли греческого языка в процессе превращения латыни в язык высокой культуры (см. выше, стр. 28).

Ассимиляция народов и их языков осуществилась особенно в процессе расширения мощи римского государства за пределами Италии.

Первыми завоеваниями римлян за пределами Италии были Сицилия (241 г. до н. э.), Сардиния, Корсика (238 г. до н. э.).

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 10.

Население этих провинций составляли *Siculi*, или *Sicani* (в Сицилии), *Sardi* (в Сардинии), *Corsi* (в Корсике). По всей вероятности, они были иберийского или лигурского происхождения. Вполне понятно, что взаимодействие языков местных народов и латыни реализовалось более интенсивно в их взаимосвязях не с литературной латынью, а с народно-разговорной латынью различных провинций.

Кроме того, следует особо подчеркнуть, что такое взаимовлияние осуществлялось преимущественно на лексическом уровне, хотя нельзя полностью отрицать это влияние и на структурно-грамматическом уровне ³⁸.

301. Что касается субстрата ретороманского, то здесь надо иметь в виду язык того населения древней Реции, которое обычно связывают с этрусками ³⁹. Эти вопросы тщательно исследованы швейцарским лингвистом Яковом Юдом ⁴⁰. Среди лексических элементов ретороманского субстрата можно выделить такие слова, как *balma* 'пещера, грот', *berg, berr* 'баран', *calmis* 'целина', *sara* 'сок' и др. Многие из них проникли также в североитальянские диалекты.

302. На территории Галлии еще до галльского (кельтского) периода проживало местное население, известное под названием лигуров. Владения лигуров простирались по всей Галлии, доходя до северо-запада Италии (*Gallia Cispadana*).

Лигурскими языковыми элементами можно считать топонимы с суффиксами *-ascu, -oscu, -uscu* (*Gréasque, Venasque, Vichosc, Salasque, Lantosque, Albiosc, Venosc* и др.).

На территории Галлии имеются, однако, топонимы: *Sequana* (фр. *Seine*) 'Сена', *Sauconna* ⁴¹ (фр. *Saône*) 'Сона', *Lutetia* 'Лютеция' и другие, которые считаются более древними, чем лигурские.

Весьма важное значение имеют галльские, или кельтские, языковые элементы ⁴². Они являются названиями городов, рек, долин и т. д. Достаточно сказать, что главные города нынешней Франции носят названия галльского происхождения. Так, *Paris* проис-

³⁸ Роль субстрата в формировании романских языков была особенно подчеркнута в работах чешского романиста М. Крепинского (*M. Křepinský. La naissance de langues romanes. «Rozpravý československé Akademie věd», 1958, № 68, t. II. Romanica II.*

³⁹ В связи с этим ретороманский язык называли и ретоэтруским языком, см.: М. А. Бородин. Современный литературный ретороманский язык..., стр. 23—24.

⁴⁰ См. «*Romania*», т. 36 (1920); т. 39 (1923); т. 42 (1926); «*Zeitschrift für romanische Philologie*», т. 38.

⁴¹ Римляне называли эту реку Агар (см. у Вергилия в первой эклоге).

⁴² Галльский вклад в развитие романских языков, в частности французского, был довольно тщательно исследован в ряде монографий: С. W. Glück. Die bei C. I. Caesar vorkommenden keltischen Namen. München, 1857; Н. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, Bd. 2. Göttingen, 1909, 1913; G. Dottin. Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique. Paris, 1915; G. Dottin. La langue gauloise. Paris, 1920; A. Gremier. Les Gaulois. Paris, 1945; J. de Vries. Kelten und Germanen. Bern — München, 1960.

ходит от *Parisia, Lutetia Parisiorum*. *Parisi* были галльским племенем; *Reims* (*Remi*), *Soissons* (*Suessiones*), *Chartres* (*Carnutes*), *Nantes* (*Namnetes*). *Amiens* (*Ambiani*), *Beauvais* (*Bellovaci*) и др. Наричательное название галльского города *dunum* сохранилось во французских топонимах: *Lugudunum* (ныне *Lyon*), *Verdunum* (*Verdun*)⁴³ и др.

Галльского (кельтского) происхождения и топонимы других областей Романии: *Mediolanum* (совр. Милан), *Vindobona* (совр. Вена), *Turicum* (*Zürich*), *Moguntiacum* (*Mainz*), *Londinium* (Лондон) и др.

Французский язык сохранил около 300 слов галльского происхождения. Они относятся преимущественно к сельскому хозяйству, к названиям предметов крестьянского быта, занятий крестьян и т. д.

Ср. фр. *alouette* 'жаворонок', пров. *alause*, кат. *alova* (из лат. *alauda* < из галльского языка), фр. *bec* 'клюв', пров. *becs*, *beca* (из лат. *becus* < из галльского), фр. *berger* 'качать' (из лат. **bertium* или **bercium* < из галльского), фр. *changer* 'менять' (из лат. *cambiare* < из галльского), *charrue* 'плуг' (из лат. *carruca* — называющее галльский воз), фр. *chemin* 'дорога' (из лат. *camminus* < из галльского), фр. *chêne* 'дуб' (из нар. лат. **cassanus* < из галльского), фр. *lieue* (из лат. *leuca, leuga* < из галльского), фр. *mouton* 'баран' (из лат. **multonem* < из галльского), фр. *gaie* 'борозда' (лат. **rica* < из галльского), фр. *guche* 'улей' (лат. *rusca* < из галльского) и многие другие слова⁴⁴.

Можно упомянуть здесь и примечание римского лексикографа Феста (у Павла Диакона): *Bardus gallice cantor qui virorum fortium laudes canit* 'Bardus — это галльский певец, который, восхваляет сильных мужей'.

303. Народная латынь Иберийского полуострова усвоила ряд слов (ибериизмов) от местного населения, называемого иберами⁴⁵. Их язык не являлся индоевропейским языком. Иберский субстрат в лексике романских языков незначителен. Едва ли 25 слов происходят от языка местного населения⁴⁶. Ибериизмами считаются слова как *ragamus* (исп. *rágamo* 'голая равнина'); *pava* 'равнина среди гор'; *sarnam* (исп., порт. *sarna* 'чесотка' и др.). В связи с по-

⁴³ Немаловажно отметить сходное звучание дако-гетских городов: *dava* (*Buridava, Sucidava, Petrodava* и др.), не говоря уже о том, что в Нижней Мезии (ныне Добруджа) был город *Noviodunum* (ныне Исакия) — местопребывание римского легиона I *Iovia*, охраняющего Дунай до его впадения в море.

⁴⁴ См.: A. D a u z a t. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.

⁴⁵ Иберы считаются предками современных басков, живущих в Пиренеях в северо-восточной части Испании и на юго-западе Франции. См. очерк «Баскский язык» в кн.: В. Ш и ш м а р е в. Очерки по истории языков Испании. М.—Л., 1941, стр. 1—44.

⁴⁶ A. C a r n o u. Le latin d'Espagne d'après les inscriptions. Bruxelles, 1906.

следним словом Исидор Севильский (570—637) писал: *Sicca scabies: hanc vulgus sarnam apellant* 'Сухое scabies, которое в народе называют sarna (чесотка)'. Исп. *vega*, порт. *veiga*, ст.-сард. *bega* (ср. баск. *ibaiko* 'находящийся у реки'); исп. *izquierdo*, порт. *esquerdo*, кат. *esquerra* 'левый', (ср. баск. *ezker*); исп. *cerro* холм'; исп. *guijarro* 'галька, булыжник' и другие являются, по всей вероятности, также иберизмами.

304. На Балканах и в Дакии роль субстрата сыграли: иллирийский, фракийский и дако-гетский языки⁴⁷. Об этих языках известно очень мало. В помощь языковедам приходит албанский язык, который является продолжателем иллирийского языка. Поэтому романисты прибегают к параллелизму между восточно-романскими и албанскими языками. Слова, обнаруженные в этих языках, считаются принадлежащими к субстрату.

Ср. молд. *абур* 'пар', рум. *abur*, арум. *abur(ă)*, алб. *avulj*; молд. *мазэре* 'горох', рум. *mazăre*, арум. *madzire*, алб. *modhulje*; молд. *брад* 'пихта, ель', рум. арум. мегл. *brad*, алб. *breth*; молд. *цан* 'козел', рум. *țar*, арум. *tsar*, алб. *skjar*, сар; далм. *заро*⁴⁸; молд. *шопырлэ* 'ящерица', рум. *șopîrlă*, алб. *șari*; молд. *бузэ* 'губа', рум. *buză*, арум. *buză*, мегл. *budză*, алб. *buzë*; молд. *грумаз* 'шея, затылок', рум. *grumaz*, арум. *grumadz*, *gurmadz* — алб. *grumás*, *gurmás*; молд. *копил* 'ребенок', рум. *copil*, арум. *cochil*, мегл. *có-pil*, *cupiláš* — алб. *kopily*; молд. (*a se*) *букура* 'радоваться', рум. (*a se*) *bucura*, аром., мегл. *bucur* (*are*) — алб. *bukuroñ* 'разукра- сить'.

Всего около 80 слов⁴⁹, весьма разных по своему семантическому значению, являются общими для албанского и восточно-романских языков. Было высказано мнение о том, что в восточно-романских языках лексическое влияние субстрата интенсивнее, чем в западно-романских языках⁵⁰.

305. Распространение христианства по всей Римской империи содействовало тому, что народная латынь всех провинций впитала

⁴⁷ А. М а у е r. *Die Sprache der alter Illyrier*, Bd. I—II. Wien, 1957—1959; D. D e t s c h e v. *Charakteristik der thrakischen Sprache*. Sofia, 1952; О н ж е. *Die dakischen Pflanzennamen*, Sofia, 1928; О н ж е. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957; V. G e o r g i e v. *Traküskijat ezik*, Sofia, 1957; *Introduzione alla storia delle lingue indoeuropee*. Roma, 1966; В. П. Н е р о з н а к. К вопросу о палеобалканском субстрате в современных балканских языках. «Проблемы диахронии. . .», ч. II, стр. 39—47; см. также: ЛЛМ, 1968, № 4.

⁴⁸ Ср. CGL, V, 503, 27: *hircus caper zappu dicitur* 'козел, который называется zapp'.

⁴⁹ Al. R o s e t t i. *Istoria limbii române*, стр. 260.

⁵⁰ I. I. R u s s u. *Elemente autohtone în limba română. Substratul comun româno-albanez*. București, 1970, стр. 114, 125; Относительно выявления субстрата в восточно-романских языках, см.: А. В р а ч у. Актуальные вопросы изучения субстратных элементов румынского языка. «Балканское языкознание», 1963, № 6, стр. 119—132; О н ж е. Рассуждения о дако-мизийском субстрате румынского языка. Там же, 1964, № 6, стр. 5—45; О н ж е. Современное состояние вопроса о субстратных элементах румынского языка. Там же, 1966, № 1, стр. 71—107; 1967, № 2, стр. 21—56.

в себя множество греческих терминов⁵¹ религиозного и абстрактного значения (*brabeum* 'награда', *baptidjare* 'крестить', *blasphemare* 'проклинать', *ecstasis* 'воодушевление', *eremus* 'пустыня', *monachus* 'монах', *scandalum* 'соблазн', *parabolare* 'говорить', *presbyter* 'священник' и многие другие).

Кроме того, вместо слов литературной латыни — *avunculus* (ср. фр., пров., кат. *oncle*) 'дядя', *amita*⁵² 'тетя' — языки провинций Средиземноморья заимствовали слова греческого происхождения (ит. *zio*, *zia*; исп., порт. *tio*, *tia*), а в восточнороманские языки вошло слово из субстрата *мош* (имеется и в албанском) и *мэтушэ* славянского происхождения (ср. рус. *матушка*, укр. *матуша*, *матінка*).

306. «Этимологический словарь романских языков» В. Мейер-Любке считает автохтонными 1621 слово (16%) во всех этих языках.

* * *

307. Нам уже известно (стр. 63), что в истории европейских народов событием важнейшего значения было «великое переселение», или миграция, принесшая большие изменения в экономической, политической и культурной жизни европейских народов. Эти сдвиги не могли не найти своего отражения и в лексическом составе латинского языка.

308. Еще у писателей-классиков, например у такого пуриста, каким был Цезарь, появляются первые германские лексические заимствования: *alces* 'лось', *glæsum* 'янтарь', *reno* 'северный олень', *urug* 'дикий бык, тур'⁵³.

Нет сомнения, что лексические нововведения в народной латыни не были одинаковы во всех провинциях, так как разные народы принимали участие в миграции. Так, в связи с определенными отношениями западных провинций с германскими племенами, вследствие военных столкновений и рекрутирования воинов германского происхождения в римские легионы (начиная с IV в.), около 100 германских слов проникли в народную латынь указанных провинций. Эти слова относятся в первую очередь к военной деятельности: герм. (франк.) **wehga*, или **wīgga*, 'волнение' получило значение 'война' (фр. *guerre*, ит., исп., кат. *guerra*), герм. (франк.) **sprogga* 'шпоры' (фр. *éperon*, ит. *sprone*, исп. *es-*

⁵¹ O. W e i s e. Die griechischen Wörtern im Latein. Leipzig, 1882; J. M a r o u z e a u. Quelques aspects de la formation du latin littéraire. Paris, 1949, стр. 137. — Автор приводит интересные данные о проникновении греческой лексики у различных римских писателей. У Катуллы слова греческого происхождения составляют 10%, в сатирических и дидактических произведениях Горация — 11, у Проперция — 12, в Буколиках Вергилия — 14, у Ювенала — 15, а у Персия — около 20%.

⁵² Это слово упомянуто Григорием Турским: *amita id est patruī uxor* 'жена дяди (со стороны отца)'.

⁵³ J. B r ü c h. Der Einfluss der germanischen Sprachen auf das Vulgärlateins. Heidelberg, 1913.

puela). В романские языки проникли и другие германские слова: герм. *brand 'сабля' (фр. brand, ит. brando); герм. drung (лат. drungus) 'отряд', framea 'копье', 'пика' (фр. framée) и др.

Во-вторых, в романские языки вошли слова германского происхождения, относящиеся к материальной культуре, к названиям цвета; вначале они относились преимущественно к масти лошадей: герм. (франк.) blank (фр., пров. blanc; ит. bianco; исп. blanco, порт. branco); герм. blûnd 'белокурый' (ит. biondo, исп. blondo, фр. blond, пров. blon(d)); герм. *brun 'коричневый, бурый' (фр., пров. brun, ит., исп. bruno); герм. (франк.) *falw 'рыжий' (нар. лат. falvus, фр. fauve); герм. (франк.) gris 'серый' (фр. gris, исп., порт. gris, ит. grigio), герм. blaw (ит. biavo, пров. blau, фр. bleu) и др.

Имеются в романских языках и названия частей тела (обычно у лошади) германского происхождения. Ср. герм. (франк.) *kruppa 'круп (у лошади)' — фр. croupe, исп. g(u)ruа, порт. g(a)ruа; герм. (франк.) *skina 'хребет' — фр. échine, порт. espinha, исп. espina; герм. (франк.) *honsa 'бедро' — фр. hanche и др.

Кроме того, в народной латыни, а затем в романских языках можно обнаружить ряд слов германского происхождения, обозначающих домашнюю утварь и промыслы: герм. flaska 'бутылка', нар. лат. flasco, ит. fiasco, ср. фр. flacon; герм. falco 'сокол', лат. falcone, ит. falcone, порт. falcão, исп. halcon, фр. faucon; герм. *burgs 'крепость, укрепление', лат. burgus⁵⁴, ит. borgo 'село, периферия', пров. borg, фр. bourg 'большое село, местечко', исп., порт. burgo (с производным burgues 'буржуа'); герм. (франк.) bago 'свободный человек', пров. bar, bago; кат. bago; ст.-фр. ber, barone, ит. barone и др.

Некоторые глаголы германского происхождения вошли в западнороманские языки. Герм. *kritan 'кричать', лат. нар. *critare, ит. gridare, исп., порт. gritar, фр. crier; герм. (франк.) bastjan 'строить', ит. bastire, пров., кат., исп. bastir; фр. bâtir; герм. (франк.) *wardôn 'наблюдать', ит. guardare, фр. garder, пров. guardar, кат. gorgar, исп. guardar.

309. Завоевание Галлии в V—VI вв. франками имело важнейшее значение для исторического развития этой провинции⁵⁵, создавая условия для формирования нового романского языка — французского. Захватив галло-романскую территорию, франки составили здесь верхушку общества, латифундии так и оставались в ведении галло-романского населения, представители которого получали высокие должности у франкских королей. Под влиянием высокой галло-романской культуры франки были ассимилиро-

⁵⁴ Castellum parvolum quem burgum vocant 'маленькое укрепленное место, которое называется burgus' (Veg. Mil., 4, 10).

⁵⁵ Ф. Э н г е л ь с. Франкский диалект; К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 19, стр. 518—546; см. также: Т. Ф р и н г с. Энгельс как филолог. «Немецкая диалектология». М., 1955; С. А. М и р о н о в. Ф. Энгельс и изучение истории нидерландского языка. — ВЯ, 1971, № 5.

ваны местным населением и через несколько поколений забыли и свой язык, усвоив галло-романскую речь. Конечно, язык победителей не мог не оставить следа во вновь образованном языке, и определенное количество лексических единиц германского происхождения вошло в словарный состав галло-романской речи⁵⁶. Эти слова относятся больше всего к военной, административной, юридической терминологии и к повседневной жизни. Заимствованные слова несут определенные особенности языка победителей. Кроме уже отмеченных слов, от франков позаимствован ряд собственных имен, сохраняющихся до сих пор: Charles (Karl), Louis (Hlodwig), Gérard (Gerhard), Rénard (Reginhard), Gautier (Walthari), Bertier (Berthari) и др.

Имеются и некоторые военные термины франкского происхождения: фр. *haubert* 'панцирь, латы' (ст.-фр. *halberc* из франк. *halsberg* 'то что охраняет шею'; фр. *hache*, исп. *hacha* из франк. *harja 'топор, секира'; фр. *beffroi* из франк. *bërgfrid* 'башня'; ст.-фр. *gonfanon*, ит. *gonfalone*, исп. *gonfalon* из франк. **gunt(h)fano* 'знамя'.

Некоторые из военных терминов стали в настоящее время интернационализмами. На основе франк. *marah* 'конь' + *skalk* 'слуга', затем 'старший смотритель королевских конюшен' образовалось в народной латыни: *mariscalcus* (*Lex salica*), а отсюда исп. *mariscal*, ит. *maresciallo*, фр. *maréchal*, порт. *marechal*.

Франкская основа *gardo служила базой для формирования фр. *jardin*, ит. *giardino*, кат. *jardi*, исп. *jardin*, порт. *jardin*.

Слова абстрактного значения во французском и в других западно-романских языках образовались также на базе слов франкского происхождения⁵⁷. Так, фр. *honte* 'стыд', ст.-пров. *onta*, ит. *onta*, ст.-исп. *fonta* происходит от франкского слова *haunita или *haunipa; фр. *orgueil* 'гордость, надменность', исп. *orgullo*, порт. *orgulho*, ит. *orgoglio*, ст.-пров. *orgolh* происходит от франк. *urgoli 'гордость'; а фр. *guise* 'удовольствие', пров., ит., исп., порт. *guisa* от франк. *wîsa (ср. нем. *Weise* 'манера').

Небольшое количество романских прилагательных происходит также от франкских корней: фр. *frais*, ит., исп., порт. *fresco* (из франк. *frisk 'свежий'); фр. *riche*, пров. *rics*, ит. *ricco*, исп., порт. *rico* (из франк. *riki, *rihhi* 'богатый').

Некоторые французские глаголы происходят от языка древних франков: фр. *haïr* 'ненавидеть', пров. *air* (из франк. *hatjan); фр. *fourbir* 'чистить', ит. *forbire*, ст.-пров. *forbir* (из франк. *furbjan); фр. *guérir* 'лечить', пров., кат. *guarir*, ст.-исп., порт. *guarir*, ит. *guarire* (из франк. *warjan 'охранять') и др.

Слова германского (франкского) происхождения, связанные с определенной общественно-экономической формацией (особенно

⁵⁶ Небезынтересно отметить, что Кассиодор (490—585) приводит сведения Аталарика о том, что римская молодежь говорила по-германски, см.: F. Brunot. *Histoire de la langue française*, t. I. Paris, 1905, стр. 57.
Ср.: Walde m a t h. *Die frankischen Elemente in der französischen Sprache*. Paderborn, 1885.

с феодализмом), исчезли из активной лексики в связи с изменениями в экономической, политической, социальной и культурной жизни. Так, были вытеснены из обращения термины, связанные с феодальным строем: франк. *alod* ('унаследованная собственность, феод') > нар. лат. *alodus* > ст.-фр. *alleu*; франк. **marka* 'военная граница' > нар. лат. *marca* > ит., исп. *marca*, фр. *marche*.

Галло-романское население усвоило также ряд суффиксов франкского происхождения: *-ard* (*Renard*, *Bernard*, *Richard*), *-aud* (*Renaud*) и др.

310. И в остальные провинции, как мы уже видели из предыдущего изложения, проникли лексические единицы германского происхождения. Кроме того, в Италии идет речь также о готских и лангобардских⁵⁸ элементах. Ряд итальянских топонимов готского происхождения (*Marengo* < из готск. *Malaharjis*) и некоторые нарицательные имена (*banda* 'отряд' < из готск. *bandwo*; *briglia* 'уздечка' < из готск. **brigdill*; *elmo* 'шлем' < из готск. *hilms* и др.).

От лангобардов осталось название итальянской провинции *Lombardia* и другие топонимы: *Valdiperga* (*Pisa*), *Braida* (*Modena*). Среди нарицательных имен следует назвать: *spaldo* 'балкон' (из ланг. *spald*), *balco*, *balcone* (ланг. *balk*, *palk*); *grampa*, *granfia* 'лапа' (из ланг. *Krampf* и *grifan*), *scranna* 'стул' (из ланг. *skranna*), *sgraffiare* 'царапать' (из ланг. *straffen*), *spaccare* 'колоть' (из ланг. *spahhan*). Ср. также *zolla* 'глыба' и *chiazzare* 'покрывать пятнами', *felza* 'шерстяная ткань'; *lonzo* 'дряблый', *milza* 'селезенка', *stronzo* 'навоз'; *strozza* 'горло'; *zoffo* 'втулка'; *zonna* 'зуб животного'; *zessa* 'насекомое'; *racca* 'ягодица'; *smaco* 'обида' и др.

В испанском и португальском имеются также слова вестготского происхождения: исп. *гара* 'крюк' (из гот. **krappa*), порт. *tregod*, исп. *trégua* 'перемирие' (из гот. **triggwa* 'союз'); исп., порт. *ganso*, *gansa* 'гусь' (и гот. **gansus*); исп. *ufo* (из гот. *ufjo*). Некоторые собственные имена на Иберийском полуострове тоже вестготского происхождения: *Ramiro*, *Bermudo*, *Gonzalo*, *Elvira* и др.

От севов в португальском остался глагол *britar* 'ломать, разбить' (из св. **briuton*), ст.-порт. *trigar* 'толкать' (из св. *turihan*). От вандалов не сохранилось никаких следов, кроме, может быть, топонима *Andalucia*.

По словарю В. Мейер-Любке, примерно 2600 слов германского происхождения проникли в западнороманские языки.

311. Арабское влияние было довольно слабо в Испании⁵⁹.

⁵⁸ W. B r u c k n e r. *Die Sprache der Langobarden*. Strassburg, 1895. — Этот автор упоминает, что Карл Великий в своем завещании писал: *Italia quae et Langobardia dicitur* 'Италия, которая также называется Лангобардией'.

⁵⁹ См.: В. Ш и ш м а р е в. *Очерки...*, стр. 98 и сл.

Наиболее древними арабизмами (VIII—IX вв.) в испанском считаются такие лексические единицы, как: *alcor* 'холм', *almafalla* 'войско', или 'военный лагерь', *alfetna* 'вражда', 'война', *alcade* 'военный и административный чиновник'; ряд собственных имен: *Zalama*, *Abdela*, *Xabe* и др.; топонимы: *Pozadurama*, совр. *Pozo de Urama* (из *Puteus Abdurama*), *Villa Hatteme*, совр. *Villatima*, *Cádiz* 'Кадикс', *Jérez* 'Херес', *Malaga*; *Guadalquivir*, *Guadalajara* и др.⁶⁰ Через испанский в европейские языки вошли такие арабские термины, как *álgebra*, *cifra*, *nadir*, *cenit* и др.

* * *

312. Что касается Восточной Романии, Дакии и вообще Балканского полуострова, то здесь важную роль в процессе превращения народной латыни в самостоятельные восточнороманские языки сыграли языки славянских народов.

Мы уже познакомились (стр. 70) с исторической ролью славянских народов в карпато-дунайских землях. Восточнороманские языки, в частности их лексический состав, как нельзя лучше отражают тесные, братские взаимоотношения славянских народов с романизованным населением карпато-дунайских областей.

Славянский элемент играет двоякую роль в формировании и дальнейшем самостоятельном развитии восточнороманских языков и особенно их лексики. Во-первых, славянские лексические единицы в составе восточнороманских языков придают им определенные специфические черты, отличающие их от западнороманских языков. Эти языки сохранили в некоторых случаях слова латинского происхождения, там, где восточнороманские языки, утратив латинские слова, позаимствовали соответствующие лексические единицы из славянских языков. В то время как французский (и другие западнороманские языки) сохранил из латыни такие слова, как *avoine* (из лат. *avena*), *oie* 'гусь' (ср. исп. *ausa* из лат. *avica*), *coutume* 'обычай' (из лат. *consuetudinem*), *fin* 'конец' (из лат. *finis*), *honneur* 'честь' (из лат. *honorem*), *vide* 'пустой' (из лат. *vidus*), *râteau* 'грабли' (из лат. *rastrellum*), *glace* 'зеркало' (из нар. лат. *glacia, лит. лат. *glacies*), в восточнороманских языках имеются соответственно слова славянского происхождения:

молд. *овэс*, рум. *ovăz*, мегл. *uves* (из ст.-слав. *овѣзъ*, ср. рус. *овёс*, чеш. *oves*, пол. *owies*, булг. *овиси*; молд. *гыскэ*, рум., арум. *gîscă*, мегл. *gqscă*⁶¹ (из болг. *гъска*); молд. *обичей*, рум. *obicei* (ср. рус. *обычай*, болг. сербо-хорв. *обичай*); молд. *сфыршит*, рум. *sfirșit*, мегл. *sfârșos* (ср. ст.-слав. *сѣврѣшити*); молд. *чинсте*, рум. *cinste* (ср. ст.-слав. *чѣстъ*, рус. *честь*); молд. *гол*, рум., арум. *gol* (ст.-слав. *голѣ*); молд. *греблэ*, рум. мегл. *greblă* (ср. болг. *гребло*, рус. *грабли*); молд. *оглиндэ*, рум. *oglindă* (ср. ст.-слав. *огладати*).

⁶⁰ Там же, стр. 117.

⁶¹ В арум. *pața* из болг. *патжъ* 'гусь'.

Кроме того, надо отметить, что в некоторых случаях, хотя западнороманские языки утратили слова литературной латыни, они все же сохранили латинские слова, но из народно-разговорной речи. Для понятия 'больной' в литературной латыни использовались прилагательные: *aeger*(*ra*, *aegrum*), *aegrotus* (-*a*, -*um*), *morbidus* (-*a*, -*um*), а для понятия 'болезнь' — *aegrotio* (-*onis*), и *morbus* (-*i*). Эти слова не сохранились в романских языках. Вместо них восточнороманские языки использовали слова славянского происхождения: молд. *болнав*, *боалэ*; рум. *bolnav*, *boală* (ср. болг. *болнав*, ст.-слав. *болѣ*). Только в арум. *lîndzit*, ст.-рум. *lînged* сохранилось латинское слово *languidus*.

Западнороманские языки утратили соответствующие слова литературной латыни (*aeger*, *morbidus*: *aegrotio*, *morbus*). Однако вместо них западнороманские языки использовали слова также из народно-разговорной речи. Латинское прилагательное *infirmus* развилось в исп. и порт. *enfermo*, кат. *enferm*, ит. *infermo*, ст.-фр. *enferm*. Латинское существительное *infirmitas* (ак. *infirmi-tatem*) стало в основе: исп. *enfermedad*, порт. *enfermedade*, ст.-ит. *infermità*, ст.-фр. *enfermeté* (*enferté*). Современные формы фр. *malade*, сард. *maláidu* исходят от латинского словосочетания *male habitus*.

Если в определенных случаях и западнороманские языки, утратив латинские слова, прибегли к заимствованиям (именно из германских языков), то и восточнороманские языки позаимствовали соответствующие слова но из славянских языков. Ср. герм. *riki* (или *rihhi*) проникло в западнороманские языки (фр. *riche*, ит. *ricco*, ретором. *reh*; пров., кат. *ric*; исп., порт. *rico*), в то время как в восточнороманских языках имеется соответственно слово славянского происхождения: молд. *богат*, рум. *boğat*, арум. *îmbugat*, мегл. *bogat* (из ст.-слав. *богатъ*); герм. *werra* > фр. *guerre*, ит., исп., кат. *guerra*, а в восточнороманских языках: молд. *разбой*, рум. *găzboi*, арум. *arîzboi* (из болг., серб-хорв. *разбой*); герм. *brand* > фр. *brand*, ит. *brando*, а в восточнороманских языках: молд. *сабие*, рум. *sabie* (из болг. *сабѣя*; ср. рус. *сабля*; герм. (франк.) **waddi*, лат. **wadiu(m)* > фр. *gage*, а в восточнороманских языках: молд. *зalog*, рум. *zălog* (из ст.-слав. *зalogъ*).

Во-вторых, значение славянских элементов состоит в том, что различные (восточные, южные, западные) славянские лексические элементы содействуют разграничению восточнороманских языков (молд., рум., арум., мегл., истр.). Эта дифференциация произошла уже в более поздний период и, таким образом, не относится к тематике нашей работы ⁶².

---

⁶² См.: N. Corlăteanu. Asupra relațiilor romano-slave. «Actele celui de-al XII congres internațional de lingvistică și filologie romanică», II. București, 1971; И. Петканов. Славянские элементы в романских языках и диалектах. «Проблемы диахронии...», ч. I, стр. 256—266.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ДИАЛЕКТНОСТЬ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ

313. Несмотря на то что романисты не располагают языковыми памятниками, написанными исключительно на народной латыни, все же и имеющиеся сведения бесспорно говорят о том, что народная латынь не носила единообразного характера на всей территории Романии¹. «... Все романские языки исходят из «вульгарной латыни», структура которой в целом была везде единой», — категорически заявлял А. Мейе².

Этой теории единства противопоставляется теория диалектности народной латыни, поддерживаемая рядом ученых³, в том числе и советскими⁴.

За последнее время делается попытка примирения этих двух противоположностей⁵. Письменные памятники постклассической и даже поздней латыни показывают, что в общих чертах не наблюдается больших расхождений в сохранившихся текстах. Однако в разговорном языке, особенно с III или II в., имеется естественная тенденция к местному варьированию латыни. Эти расхождения, которые обнаружены на всех языковых уровнях, не меняют, однако, общий характер языка. Со всеми зачатками дифференциации он все же оставался единым в своей структурно-грамматической, лексической и фонологической основе. Об определенном единстве латинского языка можно говорить лишь до того периода, пока сохранялось территориальное и политическое единство Рим-

---

¹ Идею единства народной латыни поддерживали: W. Meyer-Lübke. Beiträge für romanischen Laut- und Formenlehre. «Zeitschrift für romanische Philologie», IX, стр. 235; A. Meillet. L'unité romane. «Scientia», 1922, стр. 151 и сл. — Автор считает, что это единство просуществовало вплоть до III в. н. э. Относительно других авторов, поддерживающих единство народной латыни, см.: Al. Rosetti. Istoria limbii române... стр. 89—90.

² A. Meillet. Esquisse d'une histoire de la langue latine, стр. 229.

³ H. Lüdtke. Die Strukturelle Entwicklung des romanischen Vokalismus. Bonn, 1956.

⁴ М. В. Сергиевский. Проблема диалектальности вульгарной латыни. «Вестник МГУ», 1946, № 1; А. В. Широкова. Фонологические изоглоссы диалектов народной латыни (на материале соноризации интервокальных согласных). «Проблемы диахронии...», ч. I, стр. 87—97.

⁵ V. Väänänen. Introduction... стр. 26.

ской империи с развитой системой путей сообщения⁶, сильными оборонительными войсками и устойчивой администрацией. Поддерживая идею о единстве латинского языка, делается ссылка при этом и на современное состояние языков, когда общий литературный язык сохраняет единство, несмотря на вариации по различным областям в отношении произношения, синтаксиса, использования слов и т. п.⁷ Для преодоления противоречия по вопросу о единстве латинского языка предлагается также применить соссюрговскую дихотомию язык/речь. До тех пор пока явления речи не меняют системы, мы имеем дело с одним и тем же языком: в общероманском была на лицо единая языковая система, но имелись различия ее применения в речи, касающиеся второстепенных вариантов⁸.

Таким образом, следует вполне уверенно заявить, что народная латынь различных провинций претерпела значительные изменения на протяжении всего своего исторического развития. Эти различия, естественно, стали более ощутимыми особенно после падения Западной Римской империи в конце V в.

314. Говоря в самых общих чертах об этих различиях, следует отметить, во-первых, ряд нововведений в народной латыни, которые касались ее лексического состава. Наблюдаются пополнения народнолатинской лексики в связи с теми изменениями экономического, политического и социального характера, которые имели место в жизни населения. Наряду с этим надо иметь в виду и утрату устаревших лексических единиц.

По-разному в различных провинциях развивалась иногда и семантическая значимость некоторых слов. Нельзя обойти молчанием также ряд фонетических трансформаций и некоторое развитие структурно-грамматического уровня.

315. Латинские грамматики и другие деятели культуры Древнего Рима прекрасно отдавали себе отчет об этих изменениях. Один из основных авторов Вулгаты, Евсевий Иероним, писал об этом явлении таким образом: *Ipsa latinitas et regionibus cotidie mutatur et tempore* 'Сама латынь повседневно меняется и по областям, и во времени'.

Идею диалектности народной латыни всячески подчеркивают современные романисты. Г. Шухардт, например, считал, что речь шла «о совокупности языков, языковых уровней и диалектов»⁹. Ф. Ж. Моль, следуя за К. Зиттлем, настаивал на том, что

⁶ В Римской империи имелись 372 большие мощные государственные дороги (*viae*) с общей протяженностью около 80 тыс. километров. Кроме того, было очень много малых, местных дорог (*viae vicinales*) и частных, и полевых дорог (*itineres*).

⁷ V. V ä ä n ä n e n. Introduction. . . , стр. 26.

⁸ R. de D a r d e l. Le parfait fort en roman commun. Genève et Paris, 1958, стр. 25; A. T o v a r. A Research Report on vulgar Latin and its Local Variations. «Kratylos», IX, 1964, 2, стр. 113—134.

⁹ H. S c h u c h a r d t. Der Vokalismus. . . , Bd. I, стр. IX.

исток формирования современных романских языков следует искать в диалектной дифференциации провинциальной латыни.

Теория К. Зиттля носит название полидиалектной теории образования романских языков. Ф. Ж. Мольт старался развить ее. Ф. Ж. Мольт считал, что провинциальная латынь Италии (*peregrinitas italica*) — это почти исключительный источник всех характерных черт народной латыни в Римской империи. Здесь именно следует искать первопричину образования романских языков ¹⁰.

Киевский романист С. В. Савченко, подчеркивая диалектный характер народной латыни, писал: «За народной латынью окончательно утверждено ее значение как основы романских наречий, определено отношение ее к латыни классической, указаны пути и способы романизации. С этих пор никто уже не сомневался в том, от какого языка берут свое начало неолатинские наречия. . .» ¹¹ Более четко выразил идею диалектности народной латыни Д. К. Петров: «Хорошо зная современные романские языки, мы обладаем очень скудными сведениями о вариациях вульгарной латыни, которая, несомненно, различалась диалектически (т. е. диалектно, примечание мое. — Н. К.) сообразно с местом и временем» ¹².

Против теории лексического единства народной латыни, которое никак не согласуется ни с историей, ни с тем, что наблюдается в современных романских языках, высказался особенно резко швейцарский языковед Яков Юд ¹³.

316. В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс подчеркивал, что «латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными территориями, еще существовали и все еще давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной соединить эти элементы в новые нации; нигде еще не было и следа способности к развитию и сопротивлению, не говоря уже о творческой энергии» ¹⁴.

317. Специальный труд М. В. Сергиевского посвящен сложнейшему вопросу о диалектном характере народной латыни ¹⁵.

¹⁰ F. G. M o h l. Introduction. . ., стр. 16, 261.

¹¹ С. В. С а в ч е н к о. Происхождение романских языков. Киев, 1916, стр. 8.

¹² Д. К. П е т р о в. Лекции по введению. . ., отдел III, стр. 20.

¹³ J. J u d. *Problèmes de géographie linguistique romane*. «Revue de linguistique romane», I, 1925, стр. 189, 192. Ср.: A. E r n o u t. *Les éléments dialectaux du vocabulaire latin*. Paris, 1928; G. R o h l f s. *Die lexikalische Differenzierung der romanischen Sprachen*. München, 1954.

¹⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 147.

¹⁵ М. В. С е р г и е в с к и й. Проблема диалектальности. . ., стр. 25—36; Р. А. Б у д а г о в. Сравнительно-семасиологические исследования. . ., стр. 40; ср. также: K. S i t t l. *Die lokalen Verschiedenheiten der lateinischen Sprache*. Erlangen, 1882; H. M e i e r. *Über das Verhältnis des Lateins zu den romanischen Sprachen*. «Romanische Forschungen», 1940, Bd. 54, H. 2, стр. 165—201.

Московский романист доказал, что данные сравнительной фонетики и морфологии романских языков дают нам право говорить со всей решительностью о диалектном характере народной латыни. Мы уже отмечали (стр. 236), что М. В. Сергиевский продемонстрировал, что из 6700 слов, включенных в 3-е издание (1935) «Этимологического словаря романских языков» В. Мейер-Любке, только 1300 (около 20%) являются общими для всех романских языков, 3900 (около 60%) находятся в определенных группах романских языков, а 1500 слов (около 20%) находятся в отдельных романских языках.

Некоторые исследователи предлагают использовать частотные словари романских языков для определения их лексической дифференциации¹⁶.

В более новых исследованиях было подсчитано, что основная латинская лексика сохранилась по-разному в различных романских языках. Так, итальянский по сравнению с классической латынью сохранил около 85% этой основной лексики; испанский по сравнению с латынью Плавта сохранил также 85%. Португальский по сравнению с классической латынью сохранил лишь 80%, а румынский около 77%¹⁷. Чешские романисты (М. Кшепински, В. Углирж, В. Власак) стремились собрать и исследовать более полно лексический материал, унаследованный романскими языками. М. Кшепински изучил по REW В. Мейер-Любке слова на буквы I и L¹⁸, а В. Углирж и В. Власак — буквы D и V. Выводы этих авторов в основном совпадают.

Во-первых, чешские романисты считают неправдоподобным существование периода лексического единства, общего для всех провинций.

Во-вторых, в Италии, как и следовало бы ожидать, латинский лексический фонд сохранился наиболее полно.

В-третьих, латинский словарный фонд сохранился в наибольшем количестве в западной части Римской империи, нежели в восточной. При этом в Галлии больше, чем в Иберии¹⁹.

На XII Международном конгрессе по романской лингвистике и филологии (1968) один из основных докладов был посвящен во-

---

¹⁶ Vl. V. M a k a r o v. Différenciation lexicale des langues romanes (problèmes et méthodes). «Actele. . .», стр. 841—845.

¹⁷ I. R i z e s c u. Glotocronologia și problemele ei principale. «Limba română» 1965, № 1, стр. 78. — Интересно отметить для сравнения, что современный немецкий язык сохранил также 77% из лексики древнего верхненемецкого языка.

¹⁸ M. K ř e p i n s k ý. Romanica II. La naissance des langues romanes et l'existence d'une période de leur évolution commune (latin vulgaire, période romane). «Rozprawy ČS AV, řada společenských věd, Prague», 1958, № 13.

¹⁹ V. U h l i ř, V. V l a s a k. Contribution au problème de la répartition du lexique latin dans les langues romanes (Essai d'une statistique). «Acta Universitatis Carolinae, Philologica», v. 3, 1959; «Romanistica pragensia», I. Praha, стр. 97.

просам лексической дифференциации романских языков с использованием при этом данных лингвистической географии²⁰.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в современной романистике постулат о единстве народной латыни снимается²¹.

318. Процесс дифференциации народной латыни зависел от множества факторов. Определенную роль в этом процессе сыграли историко-социальные факторы, этнические факторы, т. е. экстралингвистические. Наряду с ними не меньшее значение имеют структурно-грамматические, внутренние, интралингвистические факторы.

Историко-социальные факторы свидетельствуют о том, что от первых римских завоеваний за пределами Лация (V—IV вв. до н. э.) и до последнего наиболее значительного завоевания Дакии (105—106 гг. н. э.) прошел ряд веков, в течение которых латинский язык, особенно в его устно-народном аспекте, претерпел коренные изменения, которые касались не только лексико-фразеологического уровня, но и фонетики и структурно-грамматического уровня.

Ряд отличительных черт народной латыни различных провинций появился вследствие контакта народной латыни с языками местного населения провинций, завоеванных римлянами в различные периоды. Язык этих народов и составляет так называемый субстрат современных романских языков²².

В Италии, например, сохранились некоторые слова от италийских языков (оскский и умбрский). Ср. в неапол. диалекте *attufre* 'октябрь', *tofa* 'голень' и др.

В Иберии народная латынь включила ряд слов от иберийского населения: исп. *ura* (ср. баск. *ur* 'река, вода'), *sarralia* (бот.) 'салат-латук' (*Lactuca agrestis*) (см. стр. 239).

Во французском языке из кельтского, например, слово *mon-ton* - 'баран', заменившее лат. *ovis*, сохранившееся только как церковный термин: *ovaille* (см. также стр. 231).

В Восточной Романии лингвистический субстрат происходит от фрако-гето-дакских языков. Ср. такие слова: молд. *бузэ* 'губа', *ватрэ* 'очаг', *грумаз* 'затылок', *копил* 'ребенок', *мазэре* 'чечевица' и др. (см. стр. 240). Многие слова из субстрата восточнороманских

²⁰ G. R o h l f s. Les avatars du latin vulgaire: promenade de géographie linguistique à travers les langues romanes. «Actele. . .», v. I. стр. 17—46.

²¹ См.: М. С. Г у р ы ч е в а, Н. А. К а т а г о щ и н а. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская группа. М., 1964, стр. 4; см. также: Н. L ü d t k e. Sprachliche Beziehungen der Apulischen Dialekte zum Rumänischen. «Les Études roumaines». Paris, 1957.

²² J. H e r m a n. Les particularités de l'évolution du latin provincial. «XII-ème Congrès international de linguistique et Philologie romanes. Rapports et communications. Resumés». Bucarest, 1968, стр. 72. — Автор высказывает мнение, что дифференциация народной латыни произошла не столько вследствие различного субстрата, сколько благодаря социальным, культурным и демографическим факторам. Более детально анализируется эта тема в самом докладе И. Германа («Actele. . .», v. I, стр. 125—131).

языков являются общими с албанским языком, считающимся продолжателем иллирийского языка. Иллиры же находились в родственных этнических и языковых отношениях с фрако-гетодаками. Ср. молд. *брад* 'пихта', рум. *brad*, алб. *breth* 'ель'; молд. *кодру* 'бор', рум. *codru*, алб. *kodër* 'холм, возвышенность'; молд. *копак* 'дерево', рум. *copac*, алб. *koracë* 'пень'; молд. *мал* 'берег', рум. *mal*, алб. *mal* 'гора' и др. (см. стр. 240).

319. Большие изменения в лексику народной латыни внесли языки мигрирующих народов. Эти народы были весьма различны с этнической и лингвистической точек зрения.

В Галлии германские племена франков сыграли решающую роль в формировании французского народа и его языка. Народная латынь Галлии включила в свой состав слова типа *gunthfano 'знамя', ст.-фр. *gonfanon* (фр. *fanion*), *harja* 'топор' (фр. *hache*), *herda* 'струна' (фр. *corde*) и др.

В Италию готы и особенно лангобарды принесли много слов: *skerzón* (ит. *scherzare* 'кричать'), *tauffan* (ит. *tuffare* 'обманывать'), *stral* (ит. *strale* 'стрела') и др.²³

В Восточной Романии языки славянских народов сыграли еще более важную роль, чем германские на Западе. Славянские лексические элементы содействовали дифференциации восточно-романских языков.

Таким образом, можно вполне согласиться с мнением швейцарского языковеда Якова Юда о том, что «старая гипотеза о существовании единой, унифицированной лексики во всем *orbis latinus* не может устоять перед серьезным экзаменом, будущая лингвистика отбросит эту гипотезу о единстве народнолатинской лексики, которая не согласуется ни с историей, ни с тем, что мы наблюдаем в языках современных великих государств»²⁴.

320. Определенные предпосылки интралингвистического порядка содействовали тому, что в некоторых провинциях (Галлия, Италия, Иберия) употреблялись термины родства, специфические для литературной латыни: *pater*, *mater* (ит., исп. *padre*, *madre*; порт. *pai*, *mae*, пров. *paire*, *maire*; фр. *père*, *mère*), в то время как в Восточной Романии получили распространение термины (аттестованные еще у Варрона) из детского языка: *tata*, (m)*amma* (молд. *татэ*, *мамэ*; рум. *tată*, *mamă*), аттестованные также и в славянских языках (ср. рус. *тятя*). В фамильярном стиле эти слова имеют хождение и в некоторых западнороманских языках (исп. *тама*, фр. *таман*). Нигде не сохранилось лит. лат. название

²³ W. Meyer-Lübke. Die Ziele der romanischen Sprachwissenschaft. Wien, 1906. — Автор считал, что следует отнести за счет германского влияния ряд особенностей романских языков, которые прежде относились на долю галльского субстрата (герм. *w* > *gu*, например, герм. *wirra* > фр. *guerre*, ит. *guerra*, исп. *guerra*; восстановление утраченного *h*-, например, фр. *haut* из лат. *altu*. Ср. совр. нем. *hoch*, а также герм. *haunita > фр. *honte*).

²⁴ J. J u d. *Problèmes de géographie linguistique romane*, стр. 192.

ноги (*crus*). На Иберийском полуострове распространилось *perna* 'бедренная кость' (порт. *perna*, исп. *pierna*). В Центральной Романии эту роль стало играть слово *samba* и *gamba* (кат. *samà*, пров. *sambo*, ит. *gamba*, фр. *jambe*). А в Восточной Романии общеупотребительным стало производное от слова *pes* (молд. *пичор*, рум. *picior*, арум. *(ci)cior*, мегл. *picior*, истр. *picioru*), так как не делалось различия между понятием 'нога' и 'ступня' по славянскому образцу ²⁵.

Дифференцировались также и названия некоторых предметов домашней утвари. В Восточной Романии сохранилось название *furca* 'прялка' (молд. *фуркэ*, рум., арум., мегл. *furcă*, истр. *furke*), в то время как в Галлии и в Иберии на базе лат. *colus* 'прялка' + диминутивный суффикс *-ula* образовалось слово *colucula*, которое диссимилировалось *conucula* (в *lex ripuaria*). Отсюда фр. *quenouille* (с XIII в.), исп. *horquilla* 'вилы' (ср. исп. *guesa* 'прялка').

Вообще для народной латыни характерно обилие диминутивных форм. Лат. *soliculum* стоит в основе: фр. *soleil*, пров. *solelh*, ит. (диал.) *sulöl*, то время как на базе лит. лат. *sol*, *solem* образовались: молд. *соаре*, рум., арум. *soare*, мегл. *soari*, истр. *sore*, ит. лит., порт., исп. *sol*.

Для западных провинций можно отметить образование сложных слов, состоящих из двух существительных, из которых одно в генитиве: лат. *lunae dies* > фр. *lundi* 'понедельник', ит. *lunedì*, исп. *lunes*; лат. *martis dies* > фр. *mardi* 'вторник', ит. *martedì*, исп. *martes*. На юге Галлии порядок слов был инверсирован: пров. *diluns*.

В Восточной Романии и в Северной Италии определяемое слово было утрачено в таких сложных словах: молд. *лунь*, рум., арум., мегл. *luni*, истр. *lug*, ит. (венец.) *luni*.

Новейшие исследования показали, что балканская народная латынь также знала диалектные различия ²⁶.

²⁵ Ср.: G. Rohlf s. *Les avatars...*, стр. 19.

²⁶ См.: P. Skok. *Zum Balkanlatein*. «Zeitschrift für romanische Philologie» (см.: *Dacoromania*, v. VIII, стр. 331); I. Şiadbei. *Le latin dans l'empire d'Orient*. Iaşi, 1932; Он же. *Arii lexicale în Romania orientală*. «Studii şi cercetări lingvistice», VIII, 1957, № 1, стр. 17 и сл.; Он же. *Contribuţii la studiul latinei orientale*. SCL, 1957, № 4, IX; 1958, № 1, 2; А. В. Широкова. *Латинский язык на Балканах (опыт фонологического описания)*. Минск, 1967, стр. 26; A. Lombard. *Latinets öden i Öster* (Les destinées du latin a l'Est). Lund, 1967; Н. Mihăescu. *Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman*. Bucureşti, 1960; см. также: G. Straka. [рец.]. «Revue de linguistique romane», XXIV, № 4; V. Arvinte. *Fondul lexical latin al limbii române în comparaţie cu celelalte limbi romanice*. Sinaia, 1971. — Относительно северочерноморских областей см.: B. Nadel. *Les inscriptions des régions septentrionales de la Mer Noire et latin vulgaire*. «Kwartalnik neofilologiczny», VII, 1960; ср.: В. В. Каракулов. *Восточная латынь и диалекты румынского языка*. «Уч. зап. Сталинабадского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», 1957, т. 19. Филол. серия, вып. 9, стр. 199—202.

321. Интралингвистические факторы выступают более ярко в отношении фонетической, морфологической и синтаксической системы народной латыни.

322. В области фонетики, в частности ударения, надо заметить, что в большинстве случаев в Галлии и Иберии слова пропарокситоны стали парокситонами при синкопе безударного слога. Ср. лат. *pedīca* 'западня' > фр. *piège*, исп. *piezgo*; лат. *pestīnem* 'гребень, расческа' > фр. *peigne* исп. *reñe*.

В Восточной Романии и в Италии такие слова остаются пропарокситонами: молд. *pédikă*, рум. *piédică*, арум. *k'ádică*, мегл. *pédică* ит. *piédica*; молд. *pénțene*, рум. *piéptene*, арум., мегл. *chiáptine*, истр. *sóptir*, ит. *péttino*.

Что касается вокализма народной латыни, то надо выделить прежде всего зону Сардинии, сохранившую более архаичную стадию. Здесь различались *i* и *e*, с одной стороны, и *u* и *o* — с другой. Ср. лат. *fidem* > сард. *fide*, в то время как ит. *fede*, пров. *fe*, ст. исп., порт. *fe*, ст.-фр. *fei* (фр. *foi*); лат. *pira* > сард. *pira*; в то время как ит. *rega*, порт., исп. *rega*, ст.-фр. *reire*, (фр. *poire*). Ср. лат. *gula* > сард. *bula*, ит., исп. *gola*, ст.-фр. *gueule*; лат. *pucem* > сард. *puge*; ит. *посе*, пров. *notz*, фр. *poix*. Это положение вокализма сохранилось в Сардинии со времен завоевания ее вандалами в 458 г., после чего на всей территории Западной Романии *i* произносился как *e* (ср. ит., исп. *pelo*, *secco*, пров. *pel*, *sec*), а *u* как *o* (ит. *forca*, *fondo*, исп. *horca*, *hondo*).

В Восточной Романии вокализм представлял определенные отличительные черты. Хотя *i* и произносился как *e* (*pelo* 'волос', *seco* 'сухой'), все же *o* произносился как *o*, а *u* как *u* (ср. молд. *нод* 'узел'; *фок* 'огонь', с одной стороны, и *фуркă* 'пряжка', *фунд* 'дно' — с другой).

Протеза *i*-(е-) составляет также характерную черту народной латыни Западной Романии. Народнолатинские тексты западных провинций дают примеры типа *iscola*, *espiritum* и т. д. В Восточной Романии протеза гласных не наблюдается в подобных случаях.

В отношении консонантизма западнороманская зона отличается от Италии и Восточной Романии.

Взрывные и фрикативные глухие согласные (*p*, *t*, *k*, *f*, *s*) в Западной Романии переходят в звонкие (*b*, *d*, *g*, *v*, *z*). Этот переход аттестован в текстах IV—VI вв. Ср. лат. *gīra* > исп., порт. *giba*, сард. *giba*; лат. *caput* > исп., порт. *cabo*, сард. *kabu*; лат. *focus* > исп., порт. *fuego*, сард. *fogu*, ит. диал. (милан.) *fög*; лат. *rota* > исп., порт. *rueda*, ит. диал. (милан.) *röda*; лат. *sitem* > исп., порт. *seða*, ит. диал. (милан.) *seda*; лат. *pacare* > сард. *pagare* и т. п.

В Восточной Романии этот процесс не имел места и в указанных позициях согласные остались глухими. Ср. молд. *рыпă*, *кап*, *сете*, *фок*, *роатă*, (ым) *пăкаре*; рум. *gîpă*, *cap*, *sete*, *foc*, *roată*, (îm) *păcare* и т. п.

Для Западной Романии характерен также переход группы согласных *kt* в *ht*²⁷, а затем в *it*, *it'*, *iš*. Ср. лат. лит. *factum*, нар. лат. *fantu* (IV—V вв.) > порт. *feito*, исп. *fecho*, фр. *fait*.

Для народной латыни Италии характерна регрессивная ассимиляция. В «Appendix Probi» отмечалось: *auctor non autor*. Примеры гиперкорректности говорят о той же ассимиляции. Ср. *icterum* вместо *iterum* 'еще раз, вторично'; *astramentum* вместо *atramentum* 'черная жидкость'. Регрессивная ассимиляция возымела свое действие в Италии, где *kt* > *tt* (лат. *factum* > ит. *fatto*; *noctem* > ит. *notte* и т. д.).

В Восточной Романии группа согласных *kt* перешла в *pt* (лат. *factum* > молд. *фант*, рум. *fapt*, арум. *faptu*, *faptă*; лат. *noctem* > молд. *ноапте*, рум., арум., *ноапте*, мегл. *ноапті*, истр. *нопте* и др.).

Параллельно с эволюцией группы *kt* надо ставить переход согласных *ks* в *hs* с последующим развитием *js*, *js'*, *jš* в тех же провинциях. Ср. лат. *coxa* 'бедро' > фр. *cuisse*, пров. *cuissa*; лат. *laxat* > фр. *laisse*, пров. *laissa*.

В Италии осуществилась также регрессивная ассимиляция (*ks* > *ss*). Лат. *laxat* > ит. *lassa* (и *lascia*); лат. *coxa* > ит. *coscia*. Надписи свидетельствуют об этой ассимиляции. Ср. примеры типа *visit*, *vissi*, *bisit* вместо лат. лит. *vixit*. Явления гиперкорректности имеются и в данном случае: *оха* (CIL, III, 3996) вместо *ossa*.

Сардиния следует в этом отношении за Италией. Ср. лат. *maxilla* > сард. *massidda*.

В Восточной Романии группа *ks* перешла в *-ps-* (лат. *coxa* > молд. *коансэ*, рум., арум. *соарсă*) или же в *-s-* (лат. *laxat* > молд. *ласэ*, рум. *lasă*, арум. (а) *lasă*, мегл. *lasă*, истр. *lqse*).

Следует отметить, что для Галлии характерна вокализация плавной сонанты *l*. Ср. лат. *altus* > фр. *haut*, пров. *aut*. Это явление аттестовано еще в 301 г. В одном эдикте встречается форма *causculus* вместо *calculatus* 'каменистый'. В надписях аттестована форма *causculus* вместо *calculus* 'камешек'. Ср. и гиперкорректность: *palcis* вместо *raucis* (от *raucus* 'малый, короткий').

В Иберии, Италии и Восточной Романии подобное развитие не имело места: лат. *altus* > исп., порт., ит. *alto*; молд. (ын) *алт*; рум. (în) *alt*, арум. (а) *naltu*, мегл. *nalt*.

323. В отношении морфологии народной латыни следует отметить ряд общих черт для Италии и Восточной Романии. Так, для образования форм ед. числа существительных мужского рода была использована форма аккузатива, которая после утраты конечных согласных (*-m*, *-s*) отождествилась с формой номинатива (ср. лат. аккузатив ед. ч. *solem* ит. *sole*, молд. *соаре*, рум., арум. *soare*, мегл. *soari*, истр. *sore*).

²⁷ Это явление известно и в других итальянских языках. Ср. лат. *rectus* 'правильный'; умбр. *rehte*; лат. *Octavianus*; оск. *Uhtavis* и т. п.

В Западной Романии в подобных ситуациях сохранилась, как правило, форма номинатива (исп., порт. *sol*).

И только в виде исключения сохранилась в Восточной Романии и Реции форма номинатива у существительных мужского рода типа: молд. *ом* 'человек', рум., арум., истр. *ом*, мегл. (u)*ом*; ретором. *им* 'мужчина' (из лат. *homo*); молд. *фрате* 'брат', рум. арум. *frate*, мегл. *frati*, истр. *frqte*, ретором. *frag* (из лат. *frater*) и др.

Необходимо также отметить, что в Восточной Романии сохранилось в дативе существительных женского рода окончание -е: молд. (уней) *касе, месе*; рум. (unei) *case, mese* (из лат. *casae, mensae*), а также вокатив на -е в ед. числе существительных мужского рода. Этот вокатив имел подобные окончания (-е) в славянских языках.

324. В архаической латыни -s был утрачен. В литературной латыни -s восстановлен. Отсутствие -s считалось признаком деревенской речи. В Галлии и Иберии восстановлению -s содействовали также школы, а может быть, и определенные навыки в произношении местного населения. Сохранение -s в качестве признака мн. числа у имен существительных следует считать морфологической характеристикой, специфичной для народной латыни Западной Романии. Ср. лат. *rosas, flores* (мн. ч.) > фр. *roses, fleurs*; пров. *ross*; исп. *rosas*, порт. *floras*; лат. числительные: *tres* > фр. *trois*, исп., порт. *tres*; лат. местоимения *nos, vos* > фр. *pous, vous*; порт. *nos, vos*. Окончание -s во мн. числе распространилось на западе и у существительных II склонения (ср. фр. *loups*; исп., порт. *lobos*).

Сардиния в этом отношении следует за Галлией и Иберией (ср. *capras, muros, flores; nos, sos* и т. п.). У глаголов -s сохранилось во 2 л. ед. числа (ср. лат. *cantas* > фр. *chantes*, исп. *cantas*, порт. *cantas*).

Общей морфологической чертой для Италии и Восточной Романии является окончание мн. числа. Еще в народной латыни этих провинций формы без -s были преобладающими. Формы типа *filiu, germanu* характерны для народнолатинских текстов этих провинций. Здесь -s никогда не был восстановлен. В основу форм мн. числа имен легла форма номинатива мн. числа существительных мужского рода II склонения типа *iuri*. В Италии и в Восточной Романии окончание -i стало считаться признаком множественности. Это окончание охватило и III склонение (ит. *figi*, молд. *флорь*, рум. *flori* > из лат. *flores*).

У существительных женского рода (I склонения) в Италии и в Восточной Романии сохранилось окончание -е (ит. *rose, carpe*; молд. *розе, капре*; рум. *roze, carpe* (из лат. *rosae, carpae*).

Кроме того, в Италии и в Восточной Романии сохранилось латинское окончание существительных среднего рода III склонения (-ora): ср. лат. *tempora* > ит. *tempora*, молд. *тимпурь*, рум. *timpuri*. Особое распространение получило это окончание

в Восточной Романии, где оно охватило и заимствованные из других языков слова: молд. *друмурь*, рум. *drumuri* (греч.), а также ряд неологизмов: молд. *кадоурь* (фр.), *звеноурь* (рус.).

Окончание *-i* стало характерным в Италии и Восточной Романии и для других имен: личных местоимений (ит. *poi, voi*; молд. *ной, вой*; рум. *poi, voi*), числительных (молд. *дой, трей*; рум. *doi, trei*).

Что касается окончания *-t* в 3 л. ед. числа у глаголов в презенсе индикатива (лат. *vendit, cantat*), то оно сохранилось лишь в Северной Галлии и в Сардинии (*vendet, kantat*). В остальных провинциях *-t* исчезло.

В Западной Романии, кроме Иберии, получило всеобщее распространение образование компаратива у прилагательных и наречий с *plus*²⁸, сохраняя в то же время и некоторые синтетические формы компаратива: *melior, reior, maior, minor*.

В Восточной Романии и в Иберии компаратив образуется при посредстве наречия *magis* (молд. *май*, рум. *mai*, исп. *mas*), а синтетические формы на *-ior, -ius* не оставили никакого следа в восточнороманских языках.

В отношении глагольных флексий, характерных для Восточной Романии и Италии, назовем окончание *-i* во 2 л. ед. числа (*audio, audis* > молд. *аузь*, рум. *auzi*, ит. *odi*), которое по аналогии перешло и в другие спряжения: лат. *cantas* > ит. *canti*, молд. *кынць*, рум. *cîntî*; лат. *taceo* > ит. *taci*, молд. *тачь*, рум. *taci*.

В Западной Романии сохранилось во 2 л. индикатив презенс ед. числа окончание *-s*: исп. *cantas*, пров. *cantas*, фр. *chantes*.

Кроме того, следует заметить, формы типа *morio*, сохранившиеся в Галлии и Италии и перешедшие в *мого в Восточной Романии и в Иберии (молд. *мор* 'умираю', рум. *mor*, исп. *muero*).

Что касается будущего времени, то в Западной Романии распространилась конструкция *habeo*+инфинитив. Лат. нар. *habeo cantare*, ит. *cantaro*, исп. *cantare*, фр. *chantera*.

В Восточной Романии будущее образовалось по типу *velle* (*volo*)+инфинитив. Лат. нар. *volo cantare* > молд. *вой кынта*, рум. *voi cînta*. Предпочтение, оказанное конструкциям с *volo*, можно объяснить, по-видимому, влиянием балканского субстрата, поскольку подобные же конструкции присущи и другим балканским языкам (албанский, новогреческий, болгарский).

В Западной Романии плюсквамперфект сохранился у того же склонения.

В Восточной Романии эта форма перешла к индикативу. Таким путем формы типа лат. *cantavissem* стали в молд. *кынтасе*, рум. *cîntase*.

²⁸ Начиная с Сидония Апполинария (*plus rusticus*). Ер., 3, 13, 2; см. также: F. Brunot. Histoire de la langue française, t. I. Paris, 1905, стр. 50.

325. Появление всех этих специфических черт содействовало лингвистической дифференциации различных провинций бывшей Римской империи. На основе лексико-фразеологического, фонетического и структурно-грамматического материала можно различить довольно четко (особенно после падения в V в. Западной Римской империи) следующие диалектные зоны народной латыни: иберо-романская, галло-романская, сардская и итало-дако-романская ²⁹. Дифференциация все больше и больше проявлялась, и создалось положение, когда население одних провинций уже не понимало жителей других провинций. В этой ситуации, можно сказать, народная латынь прекратила свое существование и появились уже романские языки. В самых общих чертах можно предположить, что этот момент относится к VI или VII в. н. э. ³⁰ или даже к IX в., как думают некоторые современные романисты ³¹. С этого именно периода и начинается собственно говоря, самостоятельная история каждого романского языка.

---

²⁹ После V в. латынь карпато-дунайских областей приобретает все больше и больше собственные характерные черты, развиваясь уже независимо от других романских областей, в том числе от Италии (см.: Al. R o s e t t i. *Istoria limbii rōmâne*, стр. 352).

³⁰ C. H. G r a n d g e n t. *Introducere*. . . , стр. 14.

³¹ R. A. H a a d s m a, J. N u c h e l m a n s. *Précis de latin vulgaire suivi d'une Anthologie annotée*. Groningen, 1963, стр. 12.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

алб.	— албанский, албанское
англ.	— английский, английское
арум.	— арумынский, арумынское
бел.	— белорусский, белорусское
болг.	— болгарский, болгарское
ВДИ	— Вестник древней истории (журнал АН СССР, выходит с 1937 г.)
вен.	— венецианский, венецианское
венг.	— венгерский, венгерское
вм.	— вместо
ВЯ	— Вопросы языкознания (журнал АН СССР, выходит с 1952 г.)
герм.	— германский, германское
гол.	— голландский, голландское
готск.	— готский, готское,
греч.	— греческий, греческое
груз.	— грузинский, грузинское
дат.	— датский, датское,
др.	— древний
ж. р.	— женский род
ед. ч.	— единственное число
индонез.	— индонезийский, индонезийское
исл.	— исландский, исландское
исп.	— испанский, испанское,
истр.	— истриотский, истриотское
ит.	— итальянский, итальянское
кат.	— каталанский, каталанское
клас.	— классический, классическое
Л.	— Ленинград
лат.	— латинский, латинское
латв.	— латвийский, латвийское
лит.	— литературный, литературное
литов.	— литовский, литовское
ЛЛМ	— Лимба ши литература молдовеняскэ (журнал АН МССР, выходит с 1958 г.)
М.	— Москва
мегл.	— мегленитский, мегленитское
мн. ч.	— множественное число
молд.	— молдавский, молдавское
м. р.	— мужской род
нар.	— народный, народное
нем.	— немецкий, немецкое
новогреч.	— новогреческий, новогреческое
норв.	— норвежский, норвежское
оск.	— оскский (осский), оскское (осское)
пад.	— падуанский, падуанское
пер.	— персидский, персидское
пол.	— польский, польское
порт.	— португальский, португальское

пров.	— провансальский, провансальское
ретором.	— ретороманский, ретороманское
рум.	— румынский, румынское
рус.	— русский, русское
сард.	— сардский (сардинский), сардское (сардинское)
св.	— свевский
сельв.	— сельвский, сельвское (диалект ретороманского языка)
серб.	— сербский, сербское
слав.	— славянский, славянское
см.	— смотри
ср.	— сравни
ср. р.	— средний род
ст.	— старый, старое
тур.	— турецкий, турецкое
укр.	— украинский, украинское
умбр.	— умбрский, умбрское
фин.	— финский, финское
фр.	— французский, французское
франк.	— франкский
шв.	— шведский, шведское
чеш.	— чешский, чешское
энг.	— энгадинский, энгадинское (диалект ретороманского языка)
этр.	— этрусский

* * *

Actele	— Actele celui de-al XII-lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică, v. I—II. București, 1970—1971
AGI	— Archivio Glottologico Italiano. Torino — Firenze, 1873
ALLG	— Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik, mit Einschluss des älteren Mittellateins als Vorarbeit zu einem Thesaurus linguae latinae, I—XV. Hg. von E. Wölfflin. Leipzig, 1884—1908
ALMA	— Archivum latinitatis Medii Aevi Bulletin du Cange. Paris — Bruxelles, 1924.
BL	— Bulletin linguistique publié par A. Rosetti. Copenhague. București, 1933—1948.
CGL	— Corpus Glossariorum Latinorum. A Gustavo Loewe inchoatum. . . composuit, recensuit Georgius Goetz, I—V. Lipsiae, 1888—1923, Thesaurus glossarum emendatarum, VI—VII. Lipsiae—Berlin, 1923.
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum. Consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae edidit Th. Mommsen, I—XVI, Berolini, 1862—1956
GL	— Grammatici Latini I—VII ex recensione H. Keili. Lipsiae, 1857—1888
SCL	— Studii și cercetări lingvistice (журнал румынской Академии наук выходит с 1950 г.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Настоящая библиография включает как источники (словари и тексты), так и исследования в общем алфавитном порядке. В скобках даются сокращения, использованные в тексте книги.

Маркс К. Национальности в Турции. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2, т. 9.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2, т. 20.

Энгельс Ф. Диалектика природы. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2, т. 20.

Энгельс Ф. К истории первобытного христианства. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2, т. 22.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. изд. 2, т. 3.

Энгельс Ф. Пехота (II. Римская пехота). *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2, т. 14.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2, т. 21.

Энгельс Ф. Франкский диалект. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2, т. 19.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Об античности. Л., 1932.

Ленин В. И. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.

* * *

Антошин Н. С. Взаимосвязи славян и восточнороманских народностей в V—XV вв. «Научные записки», т. XXVIII, 1957. Ужгородский гос. университет.

Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 1953; изд. 2, 1959.

Бодуэн де Куртене И. А. Из лекций по латинской фонетике. Воронеж, 1893.

Бокщанин А. Г. Парфия и Рим, ч. I. М., 1960; ч. II, 1966.

Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка. М., 1958.

Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). Изд-во МГУ, 1963.

Бурсье Э. Основы романского языкознания. Рус. перев. Т. В. и Е. В. Вентцель под ред. Д. Е. Михальчи. М., 1952.

Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1972.

Вопросы романского языкознания. Сб. статей. Кишинев, 1963.

Воронков А. И. Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959). М., 1961.

Гурычева М. С. Народная латынь. М., 1959.

Дерюгин А. А. Из наблюдений над лексикой латинского поэтического языка (на материале фрагментов Кв. Энния). «Язык и общество». Изд-во Саратовского ун-та, 1967.

Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.

Гринбаум Н. С., Никова К. Н., Леонтьев А. П. Лимба латинэ. Кишинев, 1972.

Грушка А. Исследования из области латинского словообразования. М., 1900.

Грушка А. Спорные вопросы из области латинского языкознания. СПб., 1909.

Жебелев С. А., Ковалев С. И. Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. М.—Л., 1934.

- Залесский Н. Н.* К истории этрусской колонизации Италии в VII—IV вв. до н. э. Л., 1965.
- Йордан Й.* Романское языкознание. Перев. С. Г. Бережан, И. Ф. Мокряк, под ред. и с примеч. Н. Г. Корлэтяну. М., 1971.
- Исследования в области латинского и романского языкознания. Сборник статей под ред. Р. А. Будагова и Н. Г. Корлэтяну. Кишинев, 1961.
- История всемирной литературы, т. I. М., 1967.
- История римской литературы. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабар-Пассек, Ф. А. Петровского, т. I. М., 1959; т. II. М., 1962.
- Линдсей В. М.* Краткая историческая грамматика латинского языка. Рус. перев. Ф. А. Петровского. М., 1948.
- Льюис Г. и Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть. Редактат де С. Бережан, А. Дырул, Т. Ильяшенко. Кишинэу, 1964.
- Макаров В. В.* Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972.
- Машкин Н. А.* История Древнего Рима. М., 1947; Изд. 2. М., 1956.
- Мейе А.* Общеславянский язык. Рус. перев. М., 1951.
- Мишулин А. В.* Спартак. М., 1947.
- Моммсен Т.* История Рима, т. I. М.—Л., 1936; т. II, 1937; т. III, 1941; т. IV, 1949.
- Нетушил И. В.* Генетическое изложение фонетики и морфологии латинского языка с кратким обзором оскского и умбрийского языка. Харьков, 1878.
- Нетушил И. В.* Латинский синтаксис. Харьков, 1880.
- Нечай Ф. М.* Рим и италики. Минск, 1963.
- Нидерман М.* Историческая фонетика латинского языка. Рус. перев. Я. М. Боровского, 1959.
- Общее и романское языкознание. Изд-во МГУ, 1972.
- Петров Д. К.* Лекции по введению в романскую филологию, 1908—1909 (без указания места издания).
- Покровский М. М.* Материалы для исторической грамматики латинского языка. М., 1898.
- Покровский М. М.* История римской литературы. М.—Л., 1942.
- Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков, редколлегия М. С. Гурычева, В. В. Макаров, М. А. Бородина, ч. I—II. Минск, 1970.
- Реферовская Е. А.* Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода. М.—Л., 1964.
- Реферовская Е. А.* Истоки аналитизма романских языков. М.—Л., 1966.
- Романские языки. Сборник статей. Отв. редакторы М. С. Гурычева, Н. А. Катагощина. М., 1965.
- Савченко С. В.* Происхождение романских языков. «Киевские университетские известия», г. VI (1916), № 4.
- Сергеенко М. Е.* Помпеи. М.—Л., 1949.
- Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. М.—Л., 1964.
- Сергеенко М. Е.* Простые люди древней Италии. М.—Л., 1964.
- Сергеенко М. Е.* Ремесленники Древнего Рима. Л., 1966.
- Сергиевский М. В.* История французского языка. М., 1947.
- Сергиевский М. В.* Введение в романское языкознание. Предисловие акад. В. Ф. Шишмарева. М., 1952.
- Сергиевский М. В.* Славяно-молдавские этюды. М., 1959.
- Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. М., 1948.
- Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. Отв. редактор М. С. Гурычева. М., 1972.
- Тронский И. М.* Очерки по истории латинского языка. М.—Л., 1953.
- Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
- Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
- Утченко С. Л.* Древний Рим (События, люди, идеи). М., 1969.
- Чистякова Н. А., Вулих Н. В.* История античной литературы. Изд. 2. М., 1972.

Шенгелия И. Г. Народно-разговорная латынь. Тбилиси, 1962.
 Широкова А. В. Латинский язык на Балканах (Опыт фонологического описания). Минск, 1967.
 Широкова А. В. Очерк сравнительного описания восточно-романской фонологической системы (на материале надписей). Минск, 1968.
 Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. М.—Л., 1941.
 Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. М.—Л., 1955.
 Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972.
 Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях Римской империи. М., 1957.
 Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
 Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
 Эрну А. Историческая морфология латинского языка. Рус. перев. под ред. И. М. Тронского. М., 1950.
 Язык и стиль античных писателей. Сборник статей. Л., 1966.

Altheim Fr. Geschichte der lateinischen Sprache. Frankfurt am Main, 1951.
Archivio Glottologico Italiano. Torino-Firenze, 1873 (red. M. Bartoli, G. Goidanich, B. A. Terracini).
Archivum Latinitatis Medii Aevi. Bulletin du Cange. Paris — Bruxelles, 1924.
Audollent A. Defixinum Tabellae. Paris, 1904.
Auerbach E. Introduction aux études de philologie romane. Frankfurt am Main, 1949; Éd. 2. Frankfurt am Main, 1961.
Bahner W. Kurze Bibliographie für das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Halle (Saale), 1962.
Bahner W. Die lexikalischen Besonderheiten des Frühromanischen in Südosteuropa. Berlin, 1970.
Bal W. Introduction aux études de linguistique romane. Paris, 1966.
Bartoli M. G. Das Dalmatische, Bd. I—II. Wien, 1906.
Battisti C. Avviamento allo studio del latino volgare. Bari, 1949.
Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano, v. 1—5. Firenze, 1950—1957.
Bayet J. Littérature latine. Paris, 1965.
Bec P. Manuel pratique de philologie romane, t. I. Paris, 1970.
Bulletin Linguistique (BL) publié par A. Rosetti. Copenhagen—București, 1933—1948.
Bloch O., Wartburg W., von. Dictionnaire étymologique de la langue française. Éd. 4. Paris, 1964.
Bonnet M. Le latin de Grégoire de Tours. Paris, 1890.
Borodina M. A. Morphologie historique du français. М.—Л., 1965.
Bourciez E. Éléments de linguistique romane. Paris, 1932; Éd. 4. Revisée par l'auteur et par les soins de Jean Bourciez. Paris, 1956.
Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. T. I. De l'époque latine à la Renaissance. Paris, 1905; T. I. Éd. 2. J. Batany. Paris, 1966.
Bulletin de la Société de Linguistique de Paris (BSL). Paris, 1869, sqq.
Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. Éd. 4. Paris, 1914.
Candrea I. A., Densușianu Ov. Dicționarul etimologic al limbii române. Elemente latine (a-putea). București, 1907—1910.
Carnoy A. Le latin d'Espagne d'après les inscriptions. Bruxelles, 1902; Éd. 2, 1906.
Chac A., de. Dictionnaire d'étymologie daco-romane. V. I. Éléments latins, Frankfurt am Main, 1870; V. II. Éléments slaves, magyares, turcs, grecs-moderne et albanais. Frankfurt am Main, 1879.
Cioranescu A. Diccionario etimológico rumano. Laguna, 1958—1966.
Cohen M. Histoire d'une langue: le français. Éd. 5. Paris, 1967.

- Corominas J.* Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana, I—IV. Berna, 1954—1957.
- Coseriu E.* El llamado «latin vulgar» y las primeras diferenciaciones romances. Montevideo, 1954.
- Cousin J.* Evolution et structure de la langue latine. Paris, 1944.
- Cousin J.* Bibliographie de la langue latine 1880—1948. Paris, 1951.
- Crestomație romanică*, v. I. Editura Academiei RPR, 1962.
- Dalametra I.* Dicționar macedo-român. București, 1906.
- Dardel R., de.* Recherches sur le genre roman de substantifs latins de la troisième déclinaison. Genève, 1965.
- Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.
- Densușianu O.* Histoire de la langue roumaine, t. I. Paris, 1901.
- Densușianu O.* Istoria limbii române, v. I—II. București, 1961.
- Devoto G.* Storia della lingua di Roma. Bologna, 1940.
- Díaz y Díaz M. C.* Antología del latín vulgar. Madrid, 1950; Segunda edición. Madrid, 1962.
- Dictionnaire de l'Académie française, t. I—II. Paris, 1932—1935.
- Diez Fr.* Grammatik der romanischen Sprachen, Bd. I—III. Bonn, 1836.
- Diez Fr.* Etimologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Bonn, 1853; Aufl. 5. Bonn, 1887.
- Diez Fr.* Grammaire des langues romanes. Éd. 3, traduit par A. Brachet, G. Paris, A. Morel-Fatio, t. I—III. Paris, 1872—1876.
- Draeger A.* Historische Syntax der lateinischen Sprache, Bd. I—II. Aufl. 2. Leipzig, 1878—1881.
- Du Cange Ch., du Fresne, dominius.* Glossarium mediae et infimae latinitatis, I—X. Niort, 1883—1887; Editio nova acta. . . a L. Favre. Nouveau tirage, I—XI. Paris, 1937—1938.
- Ducháček O.* Uvedem do románského jazykozputa, I—II. Praha, 1956—1958.
- Durand M.* Voyelles longues et voyelles brèves. Essai sur la nature de la quantité vocalique. Paris, 1946.
- Elcock W.* The romance languages. London, 1960.
- Ernout A.* Morphologie historique du latin. Paris, 1927; Éd. 3. Paris, 1953.
- Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine, Histoire des mots. Éd. 1. Paris, 1932; Éd. 4. Paris, 1959.
- Ernout A., Thomas F.* Syntaxe latine. Éd. 2. Paris, 1959.
- Faria E.* Fonética Histórica do Latim. Éd. 2. Rio de Janeiro, 1957.
- Fouché P.* De quelques changement de quantité dans le latin parlé. Melanges Hoepffner. Paris, 1950.
- Gamillscheg E.* Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1926.
- Garcia de Diego V.* Gramática histórica española. Madrid, 1951.
- Garcia de Diego V.* Diccionario etimológico español e hispánico. Madrid, 1954.
- Georgiev V. I.* Etruskische Sprachwissenschaft, Bd. I. Sofia, 1970; Bd. II, 1971.
- Georgiev Vl.* Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique. Sofia, 1966.
- Goelzer H.* Étude lexicographique et grammaticale de la latinité de Saint-Jérôme. Paris, 1884.
- Goetzke K.* Tabellen und Übungen zum Vulgärlatein. Tübingen, 1947.
- Grandgent C. H.* An Introduction to vulgar Latin. Boston, 1907.
- Grandgent C. H.* Introduzione allo studio del latine volgare, trad N. Maccarrone. Milano, 1914.
- Grandgent C. H.* Introducción al latín vulgar. Madrid, 1928. Ed. 3, 1963.
- Grandgent C. H.* Introducere în latina vulgară (după ediția spaniolă a lui F. de B. Moll). In românește de E. Tănase. Cluj, 1958.
- Grundriss der romanischen Philologie. Hg. von Gustav Gröber, Bd. I. Strasbourg, 1888; Aufl. 2, 1904—1906.
- Groult P.* La formation des langues romanes. Paris, 1947.
- Guillaume G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919.

- Haadsma R. A., Nuchelmans I.* Précis de latin vulgaire, suivi d'une anthologie annotée. Groningen, 1963.
- Herman J.* Le latin vulgaire. Paris, 1967.
- Herman J.* Essai sur la latinité du littoral adriatique à l'époque de l'empire. «Sprache und Geschichte». Festschrift für Harri Meier zum 65. Geburtstag. München, 1971.
- Hofmann J. B.* Lateinische Umgangssprache. Aufl. 2. Heidelberg, 1937.
- Jordan I.* Introducere în studiul limbilor romanice. Iași, 1932.
- Jordan I.* An introduction to romance linguistics. Its school and scholars. Revised, translated and in parts recast by John Orr. London, 1937.
- Jordan I.* Introducere în lingvistica romanică. București, 1957.
- Jordan I.* Lingvistica romanică. București, 1962.
- Jordan I.* Einführung in die Geschichte und Methoden der romanischen Sprachwissenschaft. «Deutsche übertragen, ergänzt und teilweise Neubearbeitet von Werner Bahner». Berlin, 1962.
- Jordan I.* Lingüística románica. Evolucion-corrientes-métodos, reelaboración parcial y notas de Manuel Alvar. Madrid, 1967.
- Jordan I. J. Orr* (revised by R. Posner). «An Introduction to Romance Linguistics». Oxford, 1970.
- Jordan I., Manoliu M.* Introducere în lingvistica romanică. București, 1965.
- Iordanes* — Romana et Getica, recensuit Th. Mommsen. Berolini, 1882.
- Istoria limbii române*, v. I. Limba latină, Editura Academiei RSR, 1965.
- Istoria literaturii latine de la origini până la destrămarea republicii*. Ed. 2. București, 1972.
- Jost U. S.* Die galloromanischen Lehnwörter in Süditalien. Basel, 1967.
- Juret A. C.* Manuel de phonétique latine. Paris, 1921.
- Kieckers E.* Historische lateinische Grammatik mit Berücksichtigung des Vulgärlateins und der romanischen Sprachen, Bd. I—II. München, 1930—1931.
- Kiepert H.* Forma orbis antiqui. Berlin, 1894.
- Klein H. W.* Latein und Volgare in Italien. München, 1957.
- Körting G.* Lateinisch-romanisches Wörterbuch. Paderborn, 1901, Aufl. 3. Paderborn, 1907.
- Krahe H.* Die Sprache der Illyrier, Bd. I. Wiesbaden, 1955.
- Křepiňský M.* Influence slave sur le verbe roumain. «Slavia», XVI. Praha, 1938—1939.
- Křepinský M.* Romanica II. La naissance des langues romanes et l'existence d'une période de leur évolution commune (latin vulgaire, période romane). «Rozpravy ČSAV», řada společenských věd, ročník 68, sešit 13. Prague, 1958.
- Kuhn A.* Romanische Philologie. Tl. 1. Die romanischen Sprachen. Bern, 1951.
- Lexicon totius latinitatis*. J. Facciolati. Aed. Forcellini et J. Furbanetti curante F. Corradini, t. I—IV. Patavii, 1864.
- Lindsay W. M.* Short historical latin grammar. Oxford, 1915.
- Löfstedt E.* Spätlateinische Studien. Uppsala, 1908.
- Löfstedt E.* Syntactica. Studien und Beiträge für historischen Syntax des Lateins, Bd. I—II. Lund, 1932—1933; Aufl. 2. Lund, 1956.
- Löfstedt E.* Late Latin. Oslo, 1959.
- Manoliu-Manea M.* Gramatica comparată a limbilor romanice. București, 1971.
- Marouzeau J.* La prononciation du latin (Histoire, théorie, pratique). Éd. 3. Paris, 1943.
- Marouzeau J.* Quelques aspects de la formation du latin littéraire. Paris, 1949.
- Marouzeau J.* Traité de stylistique latine. Éd. 3. Paris, 1954.
- Marouzeau J.* Introduction au latin. Éd. 2. Paris, 1954.
- Marouzeau J.* Du latin au français. Paris, 1958.
- Maurer Th. H. Jr.* Gramática do Latim vulgar. Rio de Janeiro, 1959.
- Meillet A.* Esquisse d'une histoire de la langue latin. Éd. 4. Paris, 1938.
- Meillet A., Vendryes J.* Traité de grammaire comparée des langues classiques. Éd. 3. Paris, 1960.

- Mélanges M. Cohen.* Paris, 1970.
- Menéndez Pidal R.* Orígenes del español. Madrid, 1929; Éd. 4. Madrid, 1956.
- Menéndez Pidal R.* Manual de gramática histórica española. Éd. X. Madrid, 1958.
- Meyer-Lübke W.* Grammatik der romanischen Sprachen, I—IV. Leipzig, 1890—1902.
- Meyer-Lübke W.* Grammaire des langues romanes, I—III. Paris, 1900—1906.
- Meyer-Lübke W.* Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Aufl. 3. Heidelberg, 1920.
- Meyer-Lübke W.* Das Katalanische, seine Stellung zum Spanischen und Provenzalischen sprachwissenschaftlich und historisch dargestellt. Heidelberg, 1925.
- Meyer-Lübke W.* Introducción a la linguística románica, trad. A. Castro. Madrid, 1926.
- Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch (REW). Heidelberg, 1911—1920; Aufl. 3. Heidelberg, 1930—1935.
- Miclea I.* Romania antiqua. Ed. Meridiane. București, 1969.
- Mihăescu H.* Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman. București, 1960.
- Mihăilă G.* Imprumuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960.
- Miklosich Fr.* Die slavischen Elemente im Rumunischen. Wien, 1961 (Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophische-historische Klasse, Bd. XII).
- Mohl George F.* Introduction à la chronologie du latin vulgaire. Étude de philologie historique. Paris, 1899.
- Mohrmann Ch.* Die altchristliche Sondersprache in den Sermons des heiligen Augustin, I. Nijmegen, 1932.
- Mohrmann Ch.* Latin vulgaire, latin des chrétiens, latin médiéval. Paris, 1955.
- Mohrmann Ch.* Études sur le latin des chrétiens. Roma, 1958.
- Mohrmann Ch.* Le latin vulgaire et l'origine des langues romanes. Strassbourg, 1961.
- Mourin L., Pohl J.* Bibliographie de linguistique romane. Éd. 4 remaniée et mise à jour. Presses Universitaires de Bruxelles, 1971 (Éd. 1: Encyclopedie de la Philologie romane, 1965).
- Muller H. F.* A Chronology of Vulgar Latin. Halle, 1929.
- Muller H. F., Taylor P.* A Chrestomaty of Vulgar Latin. N. Y., 1932.
- Niederman M.* Précis de phonétique historique du latin. Paris, 1931; Éd. 4. Paris, 1959.
- Nyrop Kr.* Grammaire historique de la langue française, t. I—VI. Copenhague, 1899—1930.
- Olivieri Dante.* Dizionario etimologico italiano. Milano, 1961.
- Palmer L. R.* The Latin language. London, 1954.
- Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- Pascu G.* Dictionnaire étymologique macédo-roumain. Iași, 1925.
- Philippide Al.* Originea românilor. v. I—II. Iași, 1925—1928.
- Pirson J.* La langue des inscriptions latines de la Gaule. Bruxelles, 1901.
- Pisani V.* Gramatica latina storica e comparativa. Torino, 1948; Éd. 2. 1952.
- Pisani V.* Testi latini arcaici e vulgari. Torino, 1950.
- Planta R., von.* Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, Bd. I—II. Strassburg, 1892—1897.
- Pop S.* Encyclopedie de la philologie romane. Langues et dialectes de la Roumanie. Louvain, 1956—1957.
- Pușcariu S.* Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache. Bd. I. Lateinisches Element. Heidelberg, 1905.
- Pușcariu S.* Limba română, v. I. București, 1940.
- Reichenkron G.* Das Dakische. Heidelberg, 1966.
- Rohlf G.* Einführung in die romanische Philologie. Munich, 1950.
- Rohlf G.* Romanische Philologie. Bd. I. Allgemeine Romanistik. Französische und provenzalische Philologie. Heidelberg, 1950, Bd. II. Italienische Philologie. Die sardische und rätoromanische Sprache. Heidelberg, 1952.

- Rohlf G. Die lexikalische Differenzierung der romanischen Sprachen. Versuch einer romanischen Wortgeographie. München, 1954.
- Rohlf G. Sermo vulgaris latinus. Vulgärlateinisches Lesebuch. Halle / Salle, 1951; Aufl. 2. Tübingen, 1956.
- Rohlf G. Diferenciación léxica de las lenguas románicas. Madrid, 1960.
- Romania. Recueil trimestriel consacré à l'étude des langues et des littératures romanes. Paris, 1872.
- Rosetti Al. Istoria limbii române de la origini până în secolul al XVII-lea. București, 1968.
- Russu I. I. Limba traco-dacilor. București, 1959; Ed. 2. București, 1967.
- Safarewicz J. Zarys gramatyki historycznej języka łacińskiego. Warszawa, 1953.
- Sandfeld Kr. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.
- Savi-Lopez P. Le origini neolatini. Milano, 1920.
- Schmeck H. Aufgaben und Methoden der modernen vulgärlateinischen Forschungen. Heidelberg, 1955.
- Schuchardt H. Der Vokalismus des Vulgärlateins, Bd. I—III. Leipzig, 1866—1868.
- Schultz-Gora O. Altprovenzalisches Elementarbuch. Heidelberg, 1911.
- Seidel E. Elemente sintactice slave în limba română. București, 1958.
- Silva Neto S., da. Fontes do latin. vulgar. O Appendix Probi. Rio de Janeiro, 1940; Éd. 2, 1946; Éd. 3, 1956.
- Silva Neto S. da. História do Latin Vulgar. Rio de Janeiro, 1957.
- Skok P. Osnovi romanske lingvističke, I—III. Zagreb, 1940.
- Sloty Fr. Vulgärlateinisches Übungsbuch. Bonn, 1917, Aufl. 2. Berlin, 1960.
- Sofer J. Zur Problematik des Vulgärlateins. Ergebnisse und Anregungen. Wien, 1963.
- Sommer F. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Aufl. 2. Heidelberg, 1914.
- Sorrento Luigi. Sintassi romanza. Ricerche e prospettive. Ed. 2. Varese-Milano, 1950.
- Stati S. Limba latină în inscripțiile din Dacia și Scythia Minor. București, 1961.
- Stolz Fr., Debrunner A. Geschichte der lateinischen Sprache. Aufl. 4. Berlin, 1966.
- Stolz Fr., Schmalz J. H. Lateinische Grammatik. Aufl. 5. 1928.
- Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla Filologia Romanza. Bologna, 1949; Ed. 4. Bologna, 1964.
- Thesaurus linguae latinae. I—VIII. Lipsiae, 1900—1950.
- Traina A. L'alfabeto e la pronunzia del latino. Bologna, 1957.
- Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. Paris, 1963; Nouvelle édition. Paris, 1967.
- Vidos B. E. Manuale de linguistica romanza. Firenze, 1959.
- Vossler K. Einführung ins Vulgärlatein, herausgegeben und bearbeitet von H. Schmeck. München, 1954.
- Walde A., Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd I. Heidelberg, 1938; Bd. II, 1954.
- Wartburg W. von. Die Entstehung der romanischen Völker. Tübingen, 1938.
- Wartburg W. von. Französisches etymologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. Bonn, 1922—1928; Leipzig, 1932—1940; Basel, 1944 (136 fascicules publiés en novembre 1970).
- Wartburg W. von. Evolution et structure de la langue française. Paris, 1934.
- Wartburg W. von. Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume. Bern, 1950.
- Wartburg W. von. La fragmentación lingüística de la Romania. Madrid, 1952.
- Wartburg W. von. La fragmentation linguistique de la Romania. Paris, 1967.
- Weise O. Charakteristik der lateinischen Sprache. Aufl. 2. Leipzig, 1899.
- Zauner A. Romische Sprachwissenschaft. Tl. I. Leipzig, 1905.
- Zeitschrift für romanische Philologie (ZRPh). Halle, I—LXV, 1877—1949.
- Zwetaieff I. Sylloge inscriptionum oscarum ad aethyporum et librorum fidem. Peterburg, 1878.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

В указатель включены нарицательные слова, а также некоторые словосочетания более или менее устойчивого характера. Как правило, изменяемые слова даются в основной (словарной) форме (именительный падеж ед. ч. у имен; инфинитив у глаголов). Если основная форма не встречается в тексте книги, то даются те формы, которые цитируются в книге.

В рубрике латинского языка указываются не только лексические единицы литературной (классической), но и народной латыни. Восстановленные формы даются со звездочкой.

В рубрику других языков включены как современные, так и старые образования, упомянутые в книге.

Албанские

atom 5
avulj 240
breth 240, 252
bucuroñ 240
buzë 240
cap 240
copily 240
grumás 240
gurmás 240
kodër 252
komunizëm 5
kopace 252
modhulje 240
šapi 240
skjap 240

Английские

atom 5
communism 5
vulgar latin 82

Арабские

alcade 245
alcor 245
alfetna 245
algebra 245
almafalla 245
cenit 245
cifra 245
nadir 245

Арумынские

abur(ă) 240
acru 176
aestu 184
(a)gioc 227
agutor 235
aistu 184
alăvdare 156, 160
albastru 235
alg'ină 235
amărame 231
amindo(i)li 186
analtu 255
a(n)zi 209
ar 225
aramă 157
arău 230
arîzboi 246
arîpă 143, 149, 156
arîs 156
ascultu 160
asudari 235
atsel 184
avdu 160
avinat 231
(a)vin'e 147
ază 209
bărbătame 231
birbeatse 141
birbec 141
bișică 141
bitărnū 141, 229

brad 240
brats 145
bucur(are) 240
bun 177
buză 240
ca 139
cal 226
cap 175, 230
capră 144
cară 166
care 186
casă 136
caș 136
cățut 235
chiaptine 254
(ci)cior 253
cîmpu 226
cîntic 235
coapsă 255
coasă 74
cochil 240
corbu 141
cu 139
cuțit 235
doi 186
dzatse 137
dzi 164
ea 181
ed 12
el 181
eu 180
faptă 255
faptu 136, 255

fașe 136
 fatsă 145, 164
 fântină 230
 fetu 149
 foaie 173
 foc 228
 frate 256
 frimintu 236
 fsat 225
 furcă 153, 253
 găl'ină 233
 genuncl'u 147
 ger 137
 g'ine 142, 210
 gioc 227
 gîscă 245
 gol 245
 grăn 225
 greblă 74
 grumadz 240
 gură 153
 gurmaz 240
 hil'e 147
 hil'u 147
 iapă 226
 iar(ă) 218, 230
 (i)eri 209
 inimă 236
 io(ă) 180
 imbugat 246
 jale 75
 k'adică 254
 k'atră 144
 lacîrmă 144
 lacrimă 144
 lapte 142
 lindzit 246
 lingură 235
 luni 253
 lupată 74
 madzire 240
 mamă 232
 mare 233, 235
 mănă 149
 measă 232
 mes 147
 metură 74
 mine 180, 181
 mîină 149
 mîne 209
 mol'u 126
 mul'at 126
 multu 178
 mur 154
 mutare, mut 143
 ngăm 226
 nintsi 217
 nipot 165
 nitsi 217
 noapte 255

noaten 156
 noi 180
 noră 165
 nu 215
 oaie 235
 oaste 229
 om 166, 256
 ordzu 137, 225
 pata 245
 păner 228
 p(ă)rints 227
 per 154
 poartă 149
 prîndzu 137
 pulbire 141, 153
 purtare 162
 putrid 235
 reu 230
 rost 234
 sac 136
 scaldare 156
 scriire 156
 scuatiire 156
 seară 229
 seate 143
 seatsire 225
 sicară 225
 siminare 225
 sîndze 136, 166
 soacră 165
 soare 227, 253, 255
 sută 188
 șapte 142
 șarpe 136, 166
 și 217
 tată 166, 232
 tătini 166
 tine 181
 tinir 236
 tot 227
 tsap 240
 tser (гр.) 159
 tser (цм.) 158
 tserbu 141, 145
 tsid(e)re 223
 tsine 139
 tsitate 227
 ureacl'e 159
 vacă 143
 veară 230
 vin 136
 vină 149
 voi 180
 yig'int 135, 188
 ying'it, ying'it 135, 188
 zefir 136

Баскские

ezker 240

ibaiko 240
 ur 251

Болгарские

atom 5
 болнав 246
 брате 169
 ветре 169
 гребло 245
 комунизм 5
 лемония 156
 обичай 245
 овиси 245
 паткъ 245
 попе 169
 разбой 246
 сабя 246
 тата 232

Германские

alod 244
 balk 244
 bandwo 244
 baro 242
 bastjan 242
 blank 242
 blaw 242
 blünd 242
 börgfrid 243
 brand 242, 246
 brigdill 244
 *briuton 244
 *brun 242
 *burgs 242
 drung 242
 falco 242
 *falw 242
 flaska 242
 framea 242
 *frisk 243
 *furbjan 243
 *gansus 244
 *gardo 243
 grifan 244
 gris 242
 gunt(h)fano 243, 252
 halsberg 243
 *hapja 243, 252
 *hatjan 243
 *haunipa 243
 *haunita 243
 herda 252
 hilms 244
 *honca 242
 Kaiser 144
 Keller 144
 Kirsche 144
 Kiste 144
 krampf 244
 *krappa 244

*kritan 242
 *kruppa 242
 marah skalk 243
 *marka 244
 palk 244
 rihhi 244, 246
 riki 244, 246
 skerzon 252
 *skina 242
 skraffen 244
 skranna 244
 spahhan 244
 spald 244
 sporo 241
 stral 252
 tauffan 252
 *triggwa 244
 ufjo 244
 *urgoli 244
 *waddi 246
 *wardôn 242
 *warjan 244
 *werra 241, 246
 *wirra 241, 246
 *wîsa 243

Греческие

atom 5
 barbaros 63
 delphis 224
 demo 234
 domos 234
 donatriki 144
 dromás 234
 éléphas 234
 dice` 28
 kenturiones 144
 kithára 234
 kommoynismos 5
 kreskens 144
 krukes 144
 kubernao 30
 lemoni 156
 prinkipia 144
 tatas 166

Далматские

avar 142
 jo 180
 kaina 144
 plakar 144
 pulvro 153
 racle 159
 ri 230
 toi 180
 tuota 166
 vena 147
 vetrún 229
 yaur 160
 zapo 240

Испанские

abeja 227
 acre 176
 agost 160
 alma 236
 alto 255
 alveo 141
 amigos 170
 aquesto 184
 arado 74
 arambre 157
 ascuchar 160
 atomo 5
 auca 245
 avena 74
 ayer 209
 bajo latin 62
 bastir 242
 batir (se) 135
 bellissimo 180
 bello 233
 bien 142, 210
 blanco 242
 blondo 242
 boca 234
 braga 25
 bruno 242
 bueno 179
 burgo 242
 ca 212
 caballo 74, 226
 cabo 175, 230, 254
 cabra 143, 154, 170
 cadera 133
 caldo 133
 camara 224, 229
 camisa 25
 campo 226
 can 74
 cantar 195, 257
 cantat 140
 carne 166
 carro 25
 carta 224
 casa 136, 235
 casucha 235
 catedral 133, 224
 ceniza 145
 ciudad 227
 cielo 158
 ciervo 141, 145
 col 227
 coleja 227
 comer 226
 como 156
 comunismo 5
 con 139
 condenar 134
 copa 129

creer 16
 cuan 139
 cuba 129
 cubrir 115
 cuchara 235
 cuelgo 134
 cuerda 224
 cuervo 141, 227
 culebra 133
 deda 173
 derecho 223
 descalzo 125
 dia 164, 232
 dicen 204
 diestro 146
 discretamente 12
 dorso 142
 duelo 228
 dueno 133
 duena 133
 enebro 119
 enfermedad 246
 enfermo 246
 entero 133
 escaldar 156
 escribir 155, 195
 escuchar 160
 escudo 155
 escuela 224
 espada 155
 espadilla 155
 espina 242
 espuela 241
 estrella 129
 facil 210
 fe 164, 254
 fecho 255
 feliz 154
 fin 105
 flor 154
 fonta 243
 fontana 230
 fresco 243
 fruta 173
 fuego 132, 228, 254
 gallina 233
 ganso 244
 gola 152, 254
 gonfanon 243
 gota 143
 grada 173
 grande 233
 grapa 244
 gris 242
 guardar 242
 guarir 243
 guerra 241, 246, 252
 guijarro 239
 guisa 243
 g(u)rupa 242

haber 142
 hacha 242
 halcon 242
 haz 164
 hermoso 178, 233
 hoja 173
 hondo 254
 horca 152, 154, 254
 horquilla 253
 hoy en dia 209
 hueste 229
 invierno 230
 izquierdo 239
 jardin 242
 juego 227
 junipero 119
 lagrima 143
 lena, lehna 173
 liebre 144
 limon 156
 lindo 233
 llueve 205
 lluvia 125
 lobos 256
 lunes 253
 madera 164
 madre 232
 malo 179
 mama 232, 252
 mañana 209
 maño 233
 marca 244
 mariscal 243
 martes 253
 mas 218, 257
 mes 147
 meson 235
 miel 154
 mojar 126
 morir 106
 mudar 143
 muelle 126
 muero 257
 mujer 135
 muy 178
 ni 217
 nieto 165
 nieva 205
 no 215
 nos 140, 180
 novissimo 180
 ouera 165
 nuevo 154
 o 217
 oca 74
 oir 159
 ojo 133
 oración 123
 oreja 116, 159

orgullo 244
 oro 160
 oso 142
 oveja 74
 padre 232, 252
 pagar 143
 pajar 231
 pala 74
 panadero 233
 páramo 239
 pared 134
 peine 254
 pelo 154, 254
 pena 159
 pera 254
 piedra 132, 143, 227
 pierna 252
 piezgo 254
 poco a poco 123
 polvora 141, 153
 portar 162
 primavera 228, 230
 puerta 132
 que 212
 que si 212
 que no 212
 quedo 134
 querer 159
 quien 139
 rastrillo 74
 reir (se) 106
 reo 230
 redondo 157
 responder 195
 riba 143, 254
 rico 243, 246
 rio 142
 rosas 256
 rostro 234
 rueca 253
 rueda 143, 254
 saco 136
 sangre 136, 166
 sarna 239
 sarralia 251
 secco 254
 sed 143
 seda 254
 segur 158
 serpiente 166
 si 215
 sierpe 166
 siesto 146
 siglo 158
 sol 227, 253, 256
 spino 228
 suegra 165
 tabano 114
 tabla 132
 tamaño 233

tarde 210
 tata 166
 temer 182, 192
 tempestad 229
 tierno 236
 tiniéblas 133
 tio, tia 241
 todo 227
 toro 227
 torta 119
 trégua 244
 tres 256
 trigo 234
 trienta 135
 triste 176
 ufo 243
 uña 227
 ura 251
 vaca 74, 143
 vecino 157
 vega 240
 veinte 135
 verde 132
 ver (se) 16
 verano 230
 viejo 126
 viña 147
 vinado 231
 vino 136, 154
 vonse 123, 182
 vos 180
 y 217
 yo 180
 yegua 226
 yerno 146

Истриотские

amindoi 187
 ärpe 143, 149, 156
 ascutu 160
 betär 141, 229
 birbëtse 141
 bire 142, 210
 brots 145
 bur 177
 ca 139
 câ 226
 cer 137, 158
 cetqte 227
 cöpre 144
 coptir 254
 corb 141
 cöre 186
 cöрни 166
 cose 74
 cose 136
 cöş 136
 cu 139
 doi 186
 ie 181

io 181
 fet 149
 fântăre 230
 fil' 147
 foc 228
 fole 173
 foşa 136
 fôtse 145, 164
 frôte 256
 furke 153, 253
 galire 233
 grăvu 225
 gurę 153, 234
 ied 12
 ieri 209
 iope 226
 iorne 230
 jeruncl'u 147
 joc 136, 227
 jug 136
 lingurę 235
 lupate 74
 lqpte 142
 luni 253
 măre 209
 măr(e) 149
 metură 74
 more 233
 nepot 165
 nopte 255
 notir 156
 nu 215
 om 166, 256
 oru 225
 oste 229
 qvdu 160
 pedică 254
 per 154
 picioru 253
 poartę 149
 port 162
 pqsăre 231
 rewu 230
 sânje 136, 166
 scqd 156
 scot 156
 semiru 225
 şere 229
 şete 143
 sicqrę 225
 soc 136
 şore 227, 253, 255
 şi 217
 şqpte 142
 şorpe 166
 tot 227
 tqte 232
 tsăsta 184
 tsire 139
 ucidu 223

urecl'e 159
 vecin 157
 verę 230
 vir 136
 virę 149
 vqke 143
 zi 164
 žinzire 137

Итальянские

accagionare 156
 acquavite 167
 acro 176
 agosto 160
 albi(o) 141
 alto 255
 alveo 141
 anima 236
 aratro 74
 ardere 194
 arichi 159
 ascoltare 160
 atomo 5
 attenere 134
 attufre 251
 avanti 201
 avena 74
 avere 142
 balco 244
 balcone 244
 banda 244
 barone 242
 bastire 242
 battaglia 135
 battere 135, 194
 bello 233
 bene 142, 210
 berbice 141
 bianco 242
 biancospino 228
 biavo 242
 biondo 242
 bocca 229
 borgo 242
 braca 25
 braccio 145, 173, 175
 brando 242, 246
 brattsu 145
 briglia 244
 bruno 242
 buono 177, 179
 ca 212
 cagione 156
 caldo 133
 camera 224, 229
 camicia 25
 cempora 174, 226
 cane 74
 canta, cantano, cantaro,
 canti 140, 195

capo 175, 230
 capra 144, 154
 capre 256
 carne 166
 carro 25
 carta 224
 casa 136, 235
 cattedra 133, 224
 cattivo 179
 cavallo 74, 226
 cerbo 145
 cervo 141
 che 212
 cheto 134
 chiedere 158
 cielo 137, 158
 città 227
 co 212
 cco 212
 colco 134
 colecchio 227
 como 156
 comunismo 5
 con 139
 concime 231
 coppa 129
 coprire 115
 corda 224
 corpora 174
 corvo 141
 coscia 255
 credere 16, 195
 credi 140
 cu 139
 cucchiaio 235
 cupola 129
 dezcolzo 125
 desso 183
 destro 146
 di 164
 dicono 204
 (di) mani 209
 d(i)ritto 223
 dispiace 134
 dita 173
 don, donna 133
 donde 186
 dosso 142
 due 186
 duolo 228
 duomo 234
 e 217
 egli 181
 el 181
 ella 181
 elmo 244
 faccia 145, 164
 facile 210
 facitore 231
 falcone 242

fatto 136, 255
 fattsi 164
 fede 164, 254
 felice 154, 177
 ferrame 231
 figlia 147
 figlio 147
 fine 105
 fiore 154
 fiorire 194, 256
 flasco 242
 fóg 254
 foglia 173
 folce 74
 fondo 254
 fontana 230
 forbire 243
 forca 152, 154, 254
 forza 145
 fresco 243
 frittume 231
 frutta 173
 fuoco 132, 174, 228
 gallina 233
 gamba 253
 gelo 137
 gengíva 137
 ghiaccia 164
 giardino 243
 ginevro 119
 ginocchio 147
 gioco 227
 gioia 137, 173
 giorno 232
 giustizia 137
 gola 152, 254
 gonfanone 243
 gotta 143
 grada 173
 grande 233
 granfia 244
 grano 234
 grazioso 178
 gridare 242
 grigio 242
 guardare 242
 guarire 243
 guerra 241, 246, 252
 guisa 243
 ieri 209
 infermità 246
 infermo 246
 infrangere 134
 int(i)éro 133
 (in)verno 230
 io 180
 làcrima 144
 latte 142
 legna 173

lepre 144
 limone 156
 lunedì 253
 luni 253
 luogora 174
 ma 218
 madre 232, 252
 maggiore 155
 maino 215
 maisi 215
 mamma 232
 mangiare 226
 marca 244
 maresciallo 243
 martedì 253
 meco 139
 mele 154
 mese 147
 miluogo 228
 mogliera 135
 molle 126
 molto 178
 mordere 106
 morire 106
 muro 154
 (ne)mica 215
 ne 217
 nidora 174
 nipote 165
 no (n) 215
 noce 254
 noi 140, 180, 257
 notte 255
 nuora 165
 nuovo 154
 oc 93
 oca 74
 occasione 156
 occhio 133
 odi 257
 oggi 209
 omu 166
 orazione 123
 orecchio 116, 159
 orgoglio 244
 oro 160
 orso 142
 oste 229
 ovvero 217
 padre 232, 252
 padule 121
 pala 74
 panattiere 233
 paniere 228
 parenti 227
 parete 134
 parlatore 231
 passero 231
 peggiore 155, 179
 pellegrino 148

pelo 154, 254
 pena 159
 pera 254
 pettino 254
 piano piano 123
 piazza 225
 piedica 254
 pietra 132, 144, 227
 piove 181
 polvere 141, 153
 porta 149
 portare 162
 primavera
 quello 184
 questo 184
 quieto 134
 rastrello 74
 ricco 243, 246
 riceve 134
 ridere 106, 195
 rinnega 134
 rio 142, 230
 ripa 143
 ritondo 157
 roda 254
 ruòta 143
 sacco 136
 salvatico 141
 sangue 136, 166
 scaldare 156
 scalzo 125
 scherzare 252
 scranna 244
 scrivere 156
 scuola 224
 scuotere 156
 scuro 156
 seco 139
 secco 254
 secola 158
 seda 254
 segolo 158
 sera 229
 serpe 166
 sesto 146
 sette 142
 sgraffiare 244
 sì 215
 sic 93
 siccità 165
 sol 253
 sole 227, 256
 spaccare 244
 spalde 244
 speme 139
 sprone 241
 stabbio 132
 stasera 209
 stella 129
 strale 252

suecera 165
sulöl 253
tafano 114
tata 166
tavola 232
teco 139
temere 182, 192
tempesta 165, 229
tempora 174
tenere 236
tofa 251
toro 227
torta 119
trenta 135
tristo 176
tsel(a) 184
tuffare 252
tutto 227
udire 159
unghia 227
uovo 175
vacca 74, 143
vecchio 126
vedere 16
vedrano 229
venti 135
verde 132
vetrano 229
videre 16
vigna 147
vino 136, 154
voi 180, 257
vulgare lingua 82
yinokyu 146
zanzare 137
zio, zia 241

Каталанские

alova 239
altisme 180
aquest 184
aram 157
aucire 223
baro 242
bastir 242
boca 229
bova 114
braga 25
cabra 143
cama 253
camp 226
cantes 140
cap 231
car 25
carn 166
casa 136, 170, 235
cel 158
cervo 141
corb 141

dia 163
dos 142
egua 226
enferm 246
escriure 155
escut 155
espaza 155
esquerro 240
euga 226
fas 164
fe 164
fontama 230
forca 152
formos 233
fulla 173
glass 164
gola 152
gordar 242
guarir 243
guerra 241, 246
jardi 243
jog 136, 227
jorn 164
jou 136
llagrema 143
mes 147
mollar 126
moll 126
manjar 226
nevodo 165
ni 217
no 215
nora 165
nos 140
ohir 159
oncle 241
orella 159
os 142
passara 231
pedra 143
pena 159
porta 132, 149
portar 162
que 212
quin 139
riu 142, 230
rostre 234
sac 136
sanc 136, 166
set 143
si 215
sogra 165
tamany 233
tembre 182, 192
tempesta 165
tot 115, 227
vaca 143
vehi 157
venat 231
vert 132

vi 136
vinya 147

Латинские

ab 168
abeo 137
abere 138
ac 217
acanthus 28
accapto 134
accepto 134
acer 130, 150
acetum 73
ac sic 123
actor 158
acucula 224
acus 224
ad 106
adams 28
additus 129
ad feram 162
adhuc 138
adimplere 232
aditum 28
aditus 129
adiutor 137, 174
adjutorium 235
adiutoribus 146
adportam 162
adsudare 235
aduc 138
advenit 130
advocatus 124
adzutor 137
aedes 163, 234
aedus 158
aeger 246
aegritio 246
aegrotus 246
aeorum 158
aequus 226
aer 28, 157
aeramen 139, 157
aestas 230
aestimare 156
aestiva 145
aeternae 158
aevum 105, 172
aevus 105, 172
afflare 224
ager 120, 129, 130, 226
agger 129
aggredior 208
agilis 235
agnomen 26
agosto 160
agricola 111
agricultura 228
agustus 160
ait 120

ala 158
 alauda 239
 albaspina 228
 albaster 235
 albeus 141
 albumen (de porris) 113
 albus 18, 25
 alces 241
 allactare 113
 Allium schoeneprasum 112
 alodus 244
 altus 178, 222, 255
 alvea 141
 alveus 141
 alvina 235
 amare 208
 ama 243
 amadus 143
 amatus 143
 ambo 186
 ambulare 162, 226
 amicus 107
 amicus 130, 168
 amigdala 28
 amigdalum 28
 amita 241
 amphora 27
 Anchusa italica 112
 anc 138
 ancilla 58
 ancora 27
 angustus 224
 anima 130
 animus 171
 annotinus 156
 annus 129
 ansa 147
 anser 137
 anus 129, 163
 apicula 227
 apis 227
 aptus 178
 apud 168
 aqua 151
 aquaeductus 228
 aquosus 147
 ara 158
 aramen 157
 arare 225
 aratrum 74
 arcitidon 119
 ardere 194
 arenam 19
 asa 147
 ascultare 160
 asilus 114
 asinus 25
 asperis (aspris) 132
 at 217

atque 217
 atramentum 255
 atrox 176, 177
 attenere 134
 attinere 134
 attempire 235
 auctor 142, 158, 255
 audire, audio 135, 159, 160, 195, 257
 auditus 231
 augustus 160
 augusto 144
 aula 28, 158
 aulla 19
 aura 28, 158
 aurata 159
 auricula 106, 107, 159, 226, 227
 auriculae 112
 auricule 112
 aurufex 47
 auris 106, 115, 116, 128, 159, 227
 aurora 157
 aurum 159, 160
 aus 142
 auscultare 160
 aut 217
 autor 142
 avena 74
 avica 74
 avicella 224
 avis 230
 avunculus 153, 241
 avus 142
 azutorbus 146
 axamenta 60
 axenosus 147
 baculus 142
 ballaena 28
 balneum 110, 172
 balneus 27, 110
 balteus 27
 baptidjare 146, 241
 baptizare 146
 barbar 140
 barbarus 63, 65, 140
 barbatuli 107
 barbatus 210
 barbosus 147
 bardus 239
 basilica 224
 batt(u)alia 135, 231
 battuere 135
 bat(t)ere 135, 194
 beccus 239
 becus 121
 bella 120
 bellus 106, 110, 224, 226, 233

beme 147
 bene 139, 142, 147, 149, 178, 210
 bene mane 107
 bene merenti 141
 benedictio 145
 berbex 141
 berbices 141
 *bertium, *bercium 239
 betus 113
 biennium 120
 birtus 141
 blanditia 235
 blandus 235
 blasphemare 241
 *blatum 234
 bocem 141
 bonus 111, 176, 177, 179, 222
 bono 130
 bos 24, 165
 botum 141, 226
 brabeum 241
 braca 25
 brachium 145, 172, 176
 bucca 229, 234
 buda 114
 bulla 233
 bullire 224
 burgus 242
 buxus 27
 caballicare 226
 caballus 74, 225
 cadere 195
 caedo 112, 158
 caelum 137, 144, 158, 172
 caementa 173
 caementum 173
 caesar 26
 calculatus 255
 calculus 255
 calendae 73
 caleo, -ere, -ui 129
 calefacit 109
 calfeeit 109
 calda 109
 calida 109
 caldum 132
 calidum 132
 calleo, -ere, -ui 129
 camba 253
 cambiare 239
 camera 224, 229
 caminus 73, 239
 camisia 25
 campus 120, 174, 226
 canere 110, 120, 195
 canis 74, 170, 171

cantare 110, 121, 136, 195	cochlearium 235	crenscens 118, 147
cantas 256	coda 110, 159	crescentia 111
cantat 257	coena 159	crescentianus 145
cantavisse 257	coepi 157, 159	crescentsianus 145
(habeo) cantare 257	cogitare 210	criblare 148
canticum 235	cogito 208	criblum 148
cantus 130	cognomen 25, 26	cribrum 148
capra, caprae 143, 154	cohors 138	crinis 105
165, 170, 173, 256	colaphus 28	critare
capto 134	colco 134	crus 253
caput 175, 230	coles 159	culina 26
capum alba 73, 124	coliculus 227	culpabilis 120
capus 175, 230	colloco 134	cum 139, 147, 222
caro, carnis 165, 166	collirida 119	cupa 129
carruca 74, 239	collum 105	cupio 208, 210
carus 130	collus 105	cuppa 129
carrus 25, 130	colobra 133	curro 207
casa 136, 234, 235	colucula 253	cutitum 145, 235
caseus 25, 136, 172	columna 153	de 168, 179
*cassanus 239	colus 253	daeo 158
catedra, cathedra 133, 224	comedere 110, 162, 226	debere 193, 208
catena 26	commando 134	decem 137
catus 26, 129	commendo 134	decet 205
cattus 129	communis 5	definiciones 145
cauculatus 255	comparavit 119	definitiones 145
cauda 110, 159	concido 150	dekembris 144
cauliculum 19	condamno 134	delphinus 224
caulis 159, 227	condemno 134	delphis 224
causa 136	condiciones 145	demane 209
causarum 120	conditiones 145	demediam 153
cedo 112, 158	congruus 177	demno 134
cedrus 28	conius 141	densus 130, 147, 235
celer 178	conjux 141	deo 132, 158
cellarius 144	consere, consueve 135	deprehendere 138
cena 144, 159	consuetudo 58, 79, 80, 116	deprendere 138
censor 147	consuetudinem 245	*derectus 223
cepi 159	conucula 253	dester 146
cerasus 28, 163	conugo 133	desub 112
cerbum 145	coors 138	desus 147
ceresea 144	coperit 115	dexter 146
cerno 120	coques 48	dico. dicere 28, 150, 207, 210
certe 149	coquo 146	dio 132
cervum, cervus 141, 144	corte 138	dies 163, 164, 171, 232
cesor 147	coxit 146	diebus 137, 146
cesso 208	corius 105, 172	differentia 111
charta 224	corium 105, 172	differitas 111
chorda 224	cornu 110, 163, 172, 174	digitus 173
cicer 26	cornus 110, 163, 165, 172	directus 223
cinere(m) 145	corpus 173	disciplina, disciplina 132
cipius 171	cors 138	discipulus 132
cista 144	corvellus 227	*disculceus 125, 126
citera 224	corvus 141, 227	displacet 134
cithara 224	coxa 253	diurnum 232
citrus 28	cras 209	diverbia 50
civis 162, 163	credere 16, 135, 195, 210	dives 175
civitas 20, 227	crepatura 119	dixit 120
civitatum, civitatum 114	cresco 144, 147	do 207
clarus 129	crescens 118, 147	dolere, doleo 227
	crescens 118	

dolus 227
dominus, domina 133, 168
domnus, domna 133
domnae 133
domus 164, 168, 208, 234, 235
donnum 139
donom 48
donus 172
dormio 207
dorsum 172
dromas 224
dromeda 224
drungus 242
dulcis 177
dunum 239
durtia 163
durties 163
ecce eum 107
eccum 107
ecclesia 224
ecstasis 241
edere 110, 162, 226
edus 138, 158
effigies, effigiae 111
effodere, effodiri 106
ego 180, 181
eheu 157, 217
ei 158
elephantus, elephant 143, 224
elephas 143, 224
elevanti 143
emit 119
enim 168
eo 180
eorundum 118
equa 224, 226
equus 149
eremus 241
ergo est 107, 156
ergost 106, 156
escas 20
escepit 146
espirtum 155
esse 19, 156, 158, 191, 193, 206
et 138, 217
eterne 158
ex 168
examen 139
excal(i)dare 156
excipio 146
excutere 156
exeligere 232
exercitus 164, 165, 171
exire 136
extiva 145
extra—battuere 232

extra-nepotem 232
faba 26
facere, fecisti, fecit 47, 206
faecit 158
facia 145, 163, 170, 173
facies 145, 164, 173
facile 210
factum 136, 174, 255
fagus 163
fahtu 255
falcone 242
falvus 242
falx 74
fascia 136
fata 144
fatus 172
fecit 158
felice 154
felix 159, 176
ferbeo 117
ferre 106, 162
ferrum 26, 129, 174
ferum 129
fervere 117, 224
fetus 149
fiblas 113
fibulas 113
fides 89, 164, 254
fier 206
figel 140
figulus 140
filio 151
filia 147
filie 118
filiae 118
fil'a 147
filios 48
filius 147, 171, 222
filiu 140, 256
fil'us 147
finis 105, 245
fiscla 126
fissura 119
fist(u)la 126
fistulus 126
flaccus 26
flasco 242
flavus 129
florem 154, 256
florere 194
focus 132, 174, 228, 254
foederum 19
foelix 159
foetus 149
foideratei 47
folia 170, 173
fontana aqua 230
forca 152

formonsus 147
formosus 147, 223, 224, 233
forsan 111
fortasse 111
forte 178
fortia 145
fortis 176, 177, 180
fortiter 209
fortunas 20
fossatum 225
*fragmentare 235
frangere 134
frate 141
frater 141, 256
fraxinus 163
frigere 150
frondosus 147
fructus 151, 163, 164, 173
frumentum 234
fugere 116, 117, 194
fulgurat 205
furca 152, 153, 154, 253
furnarius 233
fusus 173
fuueit 151
gallina 233
gamba 253
gaudia 137, 173
gelus 137, 164
gemini 73
gemitus 164
gemmo, -avi, -atum, -are 129
gemma 146
gemo, ere, ui 129
generum 146
genitores 227
genu 164, 227
genuculum 146, 147, 227
germani 66
germanu 140, 256
gingiva 137
giniperu 119
glacies 163, 245
glacia 163, 245
glaesum 241
glis 166
glossema 119
gola 152
gradus 173
grandinem 235
grandis 112, 124, 223, 233
granum 225
gravis 120
grevis 120
grus 166

gubernare 27, 30, 195	ilocus 155	labor 151
gula 152, 153, 234, 254	infelicissimi 147	labor (lapsus sum, labi) 151
gutta 143, 216	immensus 147	laboravit, laborabit 124
guttur, gutturem 105, 172	immobilis (inmovilis) 124	lacrima 25, 143
habere, habeo 137, 138, 192, 194, 197, 206, 223	inperator 162, 165	lacte(m) 142, 165
habere desiderium 223	imperito 106	lacus 164
habere misericordiam 223	in 222	lamina 132
habere consuetudinem 223	incapabilem (incapabilem) 124	lamna 132
hac sic 123	incipio 208	languidus 246
haedulus 106	inde 181	lapis 227
haedus 12, 106, 138	individuum 5	lapis niger 117
hanc 138	individuus 5	latinitas (prisca latinitas) 47
hanser 138	infantes 119	latus 130
haud 215	infelicissimi 147	laudare 75, 135, 156, 160, 161, 190, 193, 195
herens 147	infesta 178	lautus 159
heres 147	infirmitas 246	laxat 255
heri 209	infirmus 246	leborem 144, 254
hibernum tempus 230	infrangere 134	lectulus 107
hic 183	infringere 134	lectus 129, 139
hinsidias 138	ingenium 223	lego 20, 146, 151
hirudo 119	ingens 176	lente et lente 123
hirundo 119	ingenui 33	leporem 144
histrion 25	ingrederetur 120	leuca, leuga 239
hoc 93, 183, 215	inmensus 147	levis 150, 152
hoc ille 93	inquilini 65	liber 176
hunc 47	insidias 138	licet 205
hoccidit 138	intégrum 108, 133	lignus 172, 173, 174, 175
hodie 146, 209	interficere 222, 225	lingo 130
homo 138, 166, 204, 227, 256	interpretamenta 119	lingua 25, 130
homullulus 227	intraretur 120	lingua franca 45
homuncio 227	invenire 225	lingua romana rustica 80, 94
homunculus 227	invideo 207	lingua bovis 112
honorem 138	ipse 112, 183, 185	lingula 235
hora 137, 217	ire 162	llibersis 48
hordeum 137, 225	is (eorundem, eorundum, eorum) 118, 121, 158, 181, 183	littera 137
hornatus 123	iscolasticus 155	locus 174
horreo 208	iscola 118, 155, 254	longus 222
hortus 162, 164, 165, 168	isperabi 118	lotus 159
hospes 166	ispose 155	ludus 227
hospitale 235	istatuam 155	lunae dies 167, 253
hossa 138	iste 181, 183	lupus 24, 163, 168, 172
hostiae 138	ita 121, 215	*luquus 24
hostis 229	itaque ergo 106	lustrum 151, 152
humanitas 7	iterum 254	lutum 151
humus 171	iugum 136	luxuria 163, 165
hymnus 224	janua 158	luxuries 163
icaput 155	jeniperus 119	maccarone 104
idem 183	jocus 136, 174, 227	machina 27, 28, 30
iden 147	jubeo 211	magis 177, 178, 179, 217
idies 155	jumentum 224	magis melior 111, 178
idoneus 177	juventa(s) 165	magis versatus 106
ignis 228	juniperus 119	magister 19
illac 209	jus 223	magistris 48
ille 93, 121, 129, 181, 183, 185	justitia 128, 137, 145	magnus (magnus) 112, 118, 124, 148, 158, 168, 223, 233
illic 209	karssemo 153	
illoc 209	kelum 144	
	kervum 144	

major 158, 257
 maior 155
 male 222
 male habitus 246
 malifatus 179
 malum, 28, 150, 151, 152, 154, 179
 malus 230
 malus 112, 152, 154, 175
 mamma 166, 232, 252
 mandere 226
 manducare 110, 162, 226
 mane 151, 209
 maneo 151, 235
 mansionem 235
 manus 149, 150, 164, 171
 mappa 237
 marca 244
 mare 235
 mare internum 32
 mare nostrum 32
 mariscalcus
 marmor, marmorem 172, 173
 martis dies 253
 mas, maris, marem 233
 mate 141
 mater 47, 141, 171, 222, 252
 mater familias 20
 materia 47, 163, 164, 165, 173
 materies 163, 173
 maxilla 255
 maxime 177, 178
 mecum, mecu 118, 139, 143, 148
 mecun 147
 med 48
 medio loco 228
 mel 154
 melior 179
 meliorem 19
 melius est 106, 156
 meliust 106, 156
 melum 224
 memoria 138, 158
 mens 163, 165, 199
 mensa 232, 233
 mensibus 118
 mensis, mesis 147
 mensor, mesor 147
 mensura 224
 mensuro 224
 mensus 147
 menus 153
 mesibus 118
 mestru 19
 meta 149
 metior 224
 *metula 73
 meus, mea 182
 mica 215, 216
 miles, milix 65, 141
 minime 177
 minor 257
 minus 139, 177
 miser 176, 178
 *molliare 126
 mollis, molle 113, 126, 176
 monachus 224, 241
 mons 73, 165
 montes, montis 114
 morbidus 246
 morbus 246
 mordere 106, 194
 moriri 106, 257
 mulierem 135
 *multonem 239
 multum 178, 210
 murus 139, 154, 165, 170, 172
 mutare 143, 144
 myrtus 28
 nascentia 111
 nasum 172
 natus 130
 nauta 27, 28, 163, 171
 ne 20, 211
 nec 217
 necessarius 177
 nego 134
 ne mica 215
 nemo 204
 nepus 165
 nequam 139
 neque 217
 niger 176
 nihil 138
 nil 138
 ninguir 205
 noceo 207
 noctem 255
 nolo 210
 nomen 25, 26
 nomen gentilicium 25
 non 215
 nonne 216
 nos 180, 181, 256
 novus 154
 nucem 254
 num 216
 nuntiare 210
 nura 164, 165
 nurus 165
 obedire 159
 obliviscor 208
 oboedire, oboedio 159, 207
 obscurum 156
 obtineo 157
 occansio, occasio 147
 occasionare 156
 occido, occidit, occidere 130, 138, 222, 223, 225
 ocellus 106, 107
 oculus 107, 133
 oclu 133
 olere 106
 oliva 27
 omnipotens (omnipotes) 118
 omnis 227
 omo 138
 onorem 138
 operit 115
 oportet 205
 optimus 120, 179
 optineo 157
 opto 208
 ora 137, 151
 orata 159
 oratio 123, 145
 orationes 123
 orbis terrarum 33
 oricilla 107
 oricla 115, 116, 128
 oricula 159
 ornatus 123
 oro 151
 orum 159
 os, oris 151
 os, ossis (ossum, ossi) 115, 151
 ossa 138, 255
 ostiae 138
 ovis, oves 74, 114, 141, 235
 ovum 175
 oze 146
 pacare 143, 254
 paccatum 143
 padule 121
 paeninsula 227
 paganus 73
 pagatus 143
 pake 144
 pola 74
 palcis 255
 palpebra 133
 palus, palude 121
 panarium 228
 panis 27, 222, 228, 233
 paor 142
 papaver, papaverem 105, 172
 pappa 158
 papyrus 28
 parabolare 241

parco 207	plebiscitum 227	putridus 235
parietem, parete 134	pleps 157	quae, que 112, 217
parentes 227	plodo 159	quaerere, quaero 158, 208
parentum, parentium 114	plorare 224	quaestus 106
pariens 147	ploratus 231	qualis 186
paries 147	plostrum 159	quam 19, 139, 179
passer 224	plovebat 125	quando 222
passus 216	*plovio 125	quantitas 151
patavinitas 237	pluit 151, 205	quantus 130
pater 170, 171, 222, 252	plurima 19	quattuor 19, 187
pater familias 20	plus 177, 178, 179, 257	qued 186
paucus 255	pluvia 125	quem 139, 186
pauper 176	poema 157	queta 134
pavor 142	poena 159	quieta 134
peccatum 143	poeta 28, 157, 163, 171	qui, quae, quod 157, 186, 211, 212
pecten 166, 223	politus 233	quia 124, 211, 212
pectinem 254	pomus 112, 175	quid 186
pectino, -are 224	pomum 224	quis 19, 186
pecto 224	pono 130	quominus 211
pedica 254	populus 151, 152, 163	quomo 156
peior 179, 257	porrum sectivum 112	quomodo 156
pejor 155	porta 132, 139, 149, 173	quon 147
pela 152	portare 106, 162	quoniam 211, 212
pelegrinus 148	possum 150, 208	rapa 173
pena 159	potius 217	rapum 173
pensus 147	praedico 150	rapide 209
per 112	praehendo 138	raster 172
per longum 112	praenomen 25, 26	rastrellum 74, 245
peregrinitas 58, 90	praesto 207	recipit 134
peregrinus 148	praidad 48	recordor 208
per-facere 232	prandium 137	rectus 255
persa 163	pre 20	reda 237
per-salare 232	precare 224	remanere 147, 206
persica 142	prehendo 138	remansisse 147
persona 25	prendo 138	remasisse 147
pes 253	presbyter 241	renego 134
pessica 142	presbyterus 224	reniculus 112
pestilentia 111	pretiat 146	reno 241
pestilitas 111	primavera 228, 230	repente 225
petorritum 237	probavere, probavi (pro-	reperire 225
petra 132, 143, 227	bai), probavisti (pro-	res, rem, rerum 120, 138, 228
phalanga 224	basti), probavit (pro-	resonantia 111
pignus 121	bait), probavimus (pro-	respondere 194, 210
pila 150, 152	baimus), probavistis	retenet 134
pilus 154	(probastis), probave-	retundus 157
pinguis 129	runt (probarunt) 116	reus 120, 230
pinus 163	proclivis 176	rex 117
pira 175, 254	promitto 207	*rica 239
piscari 136	propterea quod 106	ridere 106, 194
pistor 233	puer(os) 119, 170	ripa 143, 149, 156, 254
placere 144	pugnā 151	risus 156
placet 133	pugno 151	rius 142
plangere 224	pulcher 106, 110, 177, 223, 233	rivus 142
planicies 112	pulchra 120	rogare 224
planicia 112	pulla 233	rogito 106
platanus 28	pulverem 141, 153	rosa 151, 256
platea 225	purpura 28	rosmarinus 228
plaudo 159	putare 210	rostrum 121, 234
plaustrum 19, 159	puteu(m) 146	
plautus 26		

rota 254
 rotundus, rotundus 157
 ruber 18
 rusca 239
 rustica vox 80
 rusticum vocabulum 80
 rusticitas 58, 80
 saccus 136
 sacena 26
 sacer 176
 saeculum, saecula 158
 saepe 157
 sagina 26
 salio 134
 salvaticus 144, 157
 sanguis 136, 166
 sanguisuga 107
 sapiens 178
 sapio 208
 sarcina 235
 scandalum 241
 scena 26
 schola, scholasticus 155, 224
 scio 208
 scriba 171
 scribere 155, 156, 210
 scriptae 19
 scriptum est, scriptust 156
 scrofa 24
 scutum 155
 secale 225
 seco 130
 secor 130
 sector 136
 secula 158
 sed 48, 217
 segnitia, segnities 163
 semen 224
 semino, -are 224
 semul 153
 senatuos 48
 senatus 149, 153, 164
 senteniad 48
 sentire 210
 septe (m) 142
 sequor 130
 sera 129, 229
 serere, sero 224
 sermo 80
 sermo barbarus 85
 sermo cotidianus 79, 107
 sermo militaris 79, 80, 90, 107, 180
 militaris velgarisque sermo 80
 sermo nobilis 80
 sermo peregrinus 85
 sermo piscatorius 122
 sermo plebeius 53, 80, 107
 sermo rusticus 79, 80, 84, 104
 sermo urbanus 78, 80, 84
 sermo vulgaris 79, 80, 83, 84, 85
 serpens 136, 166
 serra 129
 serva 58
 servio 207
 serus 229
 serva 58
 sestus 146
 seu 217
 severus 178
 sextus 146
 si 216
 sibilare 128
 sibilus 128
 sic 93, 121, 215, 217, 222
 siccescendo 111
 sicilare 225
 siccita(s) 165
 siclus 126
 sifilare 128
 sifilus 128
 signum 174
 silva 129, 162, 163, 165, 171
 silvaticus 157
 sinatus 149, 153
 sincerus 47
 sine cera 47
 sitem 254
 sitis 143
 sive 124, 217
 sibe 124
 signus 172
 seu 157
 sobriae, sobrie 158
 socra 164, 165
 socrus 165
 sol 129, 136, 227, 253
 solbet 113, 141
 solem 253
 soliculus, soliculum 227, 253
 soluit 113, 141
 solum 151
 soni 59
 sono 130
 sonus 59
 sors, sortis 165
 spatha 155
 species 171
 spem 159
 speravi 118
 spiritum 254
 stabulum 132
 stabulum 132
 stare 206
 stela 129
 stella 129
 stimare 156
 stirps 165
 stratum 172
 strictus 224
 subagrestis 80
 subilo 27
 subito 225
 subrusticus 80
 subtilis, suptilis 157
 suptilissima 157
 sulphur, sulphurem 172
 sursum 142
 susu 142
 suus, sua 182
 tabanus 114
 tabula 232
 taceo 157
 talentum 27
 tam 177
 tarde 210
 tata 166, 232, 252
 tatani 166
 taurellus 227
 taurulus 110
 taurus 110, 227
 ted 48
 tempestas 165, 228
 templum 148, 172, 173, 174
 tempora 256
 tempus 174
 tendo 130
 tenebrae 108, 133
 tenere 134
 tenerus 236
 tenuis 129
 tensus 130
 terminaciones 145
 terminationes 145
 terra 20, 171
 terre 158
 timere 75, 182, 192, 208
 tis 119
 tonat 205
 tonsus 147
 torquere 194
 totae 20
 totus, tutto, tottum 115
 trado 207
 transalio 134
 transilio 134
 tres 256
 tribus 18
 tributum 44
 triclinium 133

tridicum 143
 triginta 119, 135
 triente 119
 tristis 176, 177
 triticum 143, 234
 tropare 224
 tu 119, 181
 turma 153
 turre 139
 tumultus 106, 164
 tunsus 147
 turta 119
 tuus, tua 182
 ubi 209
 ubi est 106, 156
 ubist 106, 156
 ubi tu es, ubi tu's 107
 ulva 114
 umbra 148
 unguis 227
 ungula 227
 unus 186
 urbanitas 58, 80, 84
 urbs 227
 ursum 142
 urus 241
 usus 59
 ut 211
 vacca 74, 143, 222
 vaclus 142
 vacuus 177
 vado, vadent se 123
 valde 178
 valde acre 112
 valde bonum 120
 valde succosi 112
 vallum 174
 vas 172
 vecinus 157
 veclus 115, 126, 127
 vel 217
 vellere 193, 141
 vena 149
 venatus 231
 vendere 222, 257
 (dies) veneris 224
 venio 136, 151
 ver 230
 verbus 172
 verba castrensia 80
 verde 132
 versutior 106
 verum 217
 vervecem 141
 vesper 229
 vessica 141
 vet(e)ranus 141, 229
 vet(u)lus 115, 126, 127
 (mi) vetule 107
 vetus 113

vhevkhaked 47
 via 225
 vias 20
 vibere 124
 vicinus 157
 victito 106
 vicus Tuscus 25
 videre 16, 120, 210
 vidus 245
 viginti 135, 188
 villa 225
 vin'a 147
 vinea 147
 vinum 136, 154, 172
 viridis, viridem, virde,
 115, 132, 176, 177, 222
 virtus 141
 vis comica 50
 vita 144
 vitellus 106
 vitulus 106
 vius 142
 vivere, vivo, vixit 124,
 141, 146
 vivus 142
 vocem 141
 volo 208
 volucris 108, 133
 volvere 141
 vos 180, 181, 256
 *vos (bos) 24
 votum 141
 vulpis 170, 171
 vultus 151
 wadius 121
 *wadiu(m) 246
 yeneru 146
 zamia 136
 zaplutus 136
 zebus 137, 146
 zelotypa 136
 zephyrus 136
 zinzola 137
 zona 136
 zonarius 136
 zygia tibia 136

Мегленитские

acru 176
 ar 225
 ară 218
 as 209
 ascult 160
 ază 209
 bini 142, 210
 birbetsi 141
 bișocă 141
 bitora 141, 229
 bogat 246

brad 240
 brăts 145
 bucur(are) 240
 budză 240
 ca 139
 cal 226
 cap 175, 230
 capră 144
 cari 186
 carni 166
 casă 136
 caș 136
 coasă 74
 comp 226
 cotic 235
 copil 240
 corb 141
 cu 139
 cupilaș 240
 cuțot 235
 doi 186
 ea 181
 fașă 136
 fat 136
 fatsă 145, 164
 fântonă 230
 foale 173
 foc 228
 frati 256
 frimint 236
 furcă 153
 găl'ină 233
 goscă 245
 greblă 245
 gron 225
 gură 153, 234
 iapă 226
 iarnă 230
 ied 12
 iel 181
 ieri 209
 iil'e 147
 il'u 147
 inămă 236
 io 180
 joc 136, 227
 jug 136
 jutor 235
 k'atră 144, 227
 lacrimă 144
 lapti 142
 lingură 235
 lupată 74
 mamă 232
 mari 233
 meșă 232
 metură 74
 moini 209
 monă 149
 nutari 143

nalt 255
 nipot 165
 nitsi 217
 noapti 253
 noatin 156
 noi 180
 nora 165
 oști 229
 per 154
 picior 253
 poartă 149
 port 162
 putrid 235
 răpă 143, 149, 156
 rău 230
 sac 136
 sălbatic 141, 157
 scaldari 156
 seminari 225
 șeră 229
 seti 143
 șetsări 225
 sfârșos 245
 sicară 225
 soacră 165
 soari 227, 253, 255
 sonda 136, 166
 sud 235
 sută 188
 șapti 142
 șarpi 136, 166
 și 217
 tată 166, 232
 tătoni 166
 tinir 236
 tot 227
 tsăntsar 137
 tsela 184
 tser (сущ.) 158
 tser (гл.) 159
 tserb 141, 145
 tsista 184
 tsitati 227
 uaie 235
 (u)om 166, 256
 ourz 225
 urecl'ă 159
 utsid 223
 uves 245
 vacă 143
 veră 230
 vin 136
 vină 149
 vin'ă 147
 voi 180

Молдавские

(а) абате 126
 абур 240
 (а) авя 142, 193

ажутор 173, 174, 235
 ажер 235
 азь 209
 ак 174
 акопери 115
 акру 176
 албаstrу 235
 албие 157
 албинэ 235
 алтминтерля 12, 199
 алтминтерь 12, 199
 алуат 126
 (а) алунга 126
 алэмые 156
 (а) алэпта 113
 (а) амироси 156
 амындой 186
 (а) апропия 126
 апэрае 231
 (а) ара 225
 араме 157
 (а) арде 194
 архитект 75
 (а се) асемэна 126
 (а) аскулта 160
 (а) асуда 235
 атом 5
 (а) аузи 160, 197, 257
 аур 160
 (а) аципи 235
 ачел 184
 ачест 184
 (а) бате 135, 195
 бербек, бербече 141
 бешикэ 141
 бине 142, 210
 (а) блестема 126
 блынд 235
 блындецэ 235
 боалэ 246
 богат 246
 болнав 246
 бороанэ 74
 (а) ботеза 126
 брад 252
 браздэ 74
 брац 145, 173
 бузэ 240, 252
 (а се) букура 240
 бун 177
 бэрбатеск 210, 232
 бэтае 135, 231
 бэтрын 141, 229
 бэтэтурэ 126
 вакэ 74, 143
 вал 174
 варэ 230
 ватрэ 252
 (а) ведя 16, 197
 векь 126

вечин 157, 169
 вечино 169
 вие 147
 вин 136, 154
 воинцэ 231
 вой 180, 257
 вулне 169
 вынат 231
 вынэ 149
 вынэтор (ну) 231
 гол 246
 град 173
 греблэ 74, 246
 греу 120
 гриндиэ 235
 грумаз 252
 грыу 225, 234
 гурэ 153, 234
 гыскэ 74, 246
 гэинэ 233
 гяцэ 164
 дар(э) 218
 дежет 173
 дес 235
 дескулц 125
 дин 202
 дой 186, 257
 дор 126, 228
 доринцэ 231
 дос 142
 дрепт 223
 дрептате 231
 друмурь 257
 дупэ 201
 еа 181
 ед 12
 ел 75, 181
 енупэр 119
 епуре 75, 144
 ерь 209
 еу 180
 ефтинэтате 231
 жале 75
 жняпэн 119
 жок 136, 174, 227
 жуг 136
 (а се) жура 76
 жустицие 137
 женункь 147, 227
 жер 137
 жинжие 137
 жинжинэ 137
 залог 246
 звеноу 175, 257
 зече 137
 зефир 136
 зи 164, 232
 зид 175
 зик 143
 инел 174

инимэ 236
 ка 139
 надоурь 257
 кал 74, 226
 калд 133
 камерэ 224
 кап 175, 230, 254
 капрэ, капре 144, 154, 169, 257
 кар 25
 каре 186
 карне 166
 карте 224
 касэ 136, 169, 170
 каузэ 136
 каш 136
 коапсэ 255
 коардэ 224
 коасэ 74
 кодру 252
 колхоз 75
 комунизм 5
 кондамн 134
 копак 252
 копил 240, 252
 корб 227
 а креде 16, 195
 ку 139
 кулк 134
 кум 156
 кумэтре 169
 курекъ 227
 куцит 145, 235
 кымп 174, 226
 кыне 74
 кынтэк 235
 (а) кынта 140, 195, 257
 кэ 211
 (а) кэдя 195
 (а се) кэи 75
 кэмашэ 25
 кэшунаре 156
 лакримэ 144
 лапте 142
 лелицо 169
 лемн 173, 174
 лимба-боулуй 112
 лингурэ 235
 лок 174
 лопатэ 74
 лукрэтор (иу) 231
 лунь 253
 луп 169
 лэударе, (а) лэуда 75, 156, 160
 мазэре 240, 251
 май 257
 мал 251
 мамэ 232, 253
 маре (прил.) 232

маре (сущ.) 235
 масэ 170, 232
 мижлок 228
 (а) мироси 156
 моале 126
 мор 257
 мош 241
 муере 135
 мулт 178, 210
 (а) мури 106
 (а) мута 143
 (а) муя 126
 мыне 209
 (а) мынка 226
 мынэ 149
 мьере 154
 мэмыни 166
 мэриме 231
 мэтурэ 74
 мэтушэ 241
 непот 165
 нимик 215
 нинже 205
 нич 217
 ноапте 255
 ноатен 156
 нод 174
 ной 140, 180, 257
 норэ 165, 169
 ноу 154
 ну 215
 оае 74, 235
 оаспе 166
 оасте 229
 обичей 245
 овэс 74, 245
 оглиндэ 245
 окъ 133
 ом 166, 256
 оменеск 232
 орэ 137, 225
 оръ 217
 панер 228
 пасэре 231
 педикэ 254
 пепт 174
 пептене 254
 перете 135
 ничор 253
 планшэ 224
 плоае 125
 плоуэ 205
 плуг 74, 175
 поартэ 149
 (а) пресура 232
 (а) префаче 232
 примэварэ 228, 230
 прин 202
 прынэ 137
 пулбере 153

пурта 162
 пустиетате 231
 путред 235
 пуцин кыте пуцин 123
 пэдуре 121
 пэр 154
 пэринць 227
 пятрэ 132, 144, 227
 риникъ 112
 роатэ 254
 рост 234
 ростире 234
 (а) рости 234
 ротунд 157
 (а се) руга 76
 (а) рыде 106, 195
 рыпэ 143, 149, 156, 254
 рыс 156
 рыу 142, 175
 рэзбой 246
 (а се) рэзболи 75
 (а) рэспунде 195
 рэтинд 157
 рэу 230
 сабие 246
 сак 136
 сара 209
 сарэ 229
 сат 225
 сау 217
 секарэ 225
 семн 174
 (а) семэна 225
 сете 254
 (а) сечера 225
 сечетэ 165
 сингурэтате 231
 скоатере 156
 (а) скрие 155
 скэлдаре 156
 соакрэ 165
 соаре 227, 253, 255
 соро 169
 (а се) спэла 75
 стаул 132
 (а) стрэбате 232
 стрэнепот 232
 стя 129
 субциратик 157
 субцире 157
 сутэ 188
 сфыршит 245
 сынже 136, 166
 сэлбатик
 (а се) сэрута 75
 татэ 232, 253
 таур 227
 тачь 257
 (а се) теме 75, 182, 192
 техник 75

тимпурь 257
 тинериме 231
 (а) тоарче 195
 тот 115, 227
 трей 257
 тресар 134
 трист 176
 туртэ 119
 тынэр 236
 тэтыне 166
 тэун 114
 унгие 227
 уреке 116, 159
 урс 142
 учиде 223
 фапт 136, 174, 255
 фацэ 145, 164
 фашэ 136
 фер 174
 фериче 154, 177
 фие (—мя) 147
 флоаре 154, 256
 фоае 173
 фок 132, 174, 228, 254
 фрате 256
 фрукт 173
 фрумос 210
 (а) фрэмынта 236
 фрэцыне 166
 фумэрае 231
 фонд 254
 фуркэ 153, 154, 253, 254
 фус 173
 фынтынэ 230
 фэт 149
 хар 75
 цап 240
 цынцар 137
 чер 137, 158
 черб 141, 145
 (а) чере 159
 чегате 227
 чине 139
 чинсте 245
 (а) чити 194
 шапте 142
 шаппе 136, 166
 ши 217
 шкоалэ 224
 шопырлэ 240
 (а) ымбрэка 25
 (а) ымпэка 143, 254
 ыналт 255
 ынтрег 133
 (а се) ынтриста 75
 ынфрынжере 134
 яз 175
 япэ 226
 ярнэ 230
 яр(э) 218

Немецкие

Atom 5
 bieten 150
 bitten 150
 hoch 252
 Kaiser 144
 Keller 144
 Kirsche 144
 Kiste 144
 Kommunismus 5
 Mittellatein 83
 Pilgrim 148
 Plebeierlatein 82
 Umgangssprache 83
 Verkehrsverhältnisse 91
 Vulgärlatein 82
 Weise 243

Осские

aasas 20
 coliclo 19
 deikum 20
 ezum 20
 ligud 20
 ni 20
 olla 19
 obsci 19
 opsci 19
 paam 19
 petora 19
 pis 19
 plostrum 19
 pru 20
 scriftas 19
 teras 20
 tutad 20
 tutas 20

Польские

atom 5
 komunizm 5
 limonia 156
 owies 245
 tata 232

Португальские

abelha 227
 acre 176
 agosto 160
 alma 236
 alto 255
 alveo 141
 amanha 209
 aquella 184
 arame 157
 ascuitar 160
 aveia 74

bater 135, 195
 belo 233
 bem 142, 210
 boca 229
 bom 179
 braga 25
 branco 242
 britar
 burgo 242
 cabo 175, 230, 254
 cabra 143, 170
 cadeira 133
 camisa 25
 campo 226
 cantas 140
 carne 166
 carro(ca) 25
 carta 224
 casa 136, 235
 catedra 224
 cavalo 226
 ceo 158
 cerbo 145
 cervo 141
 cidade 227
 colgo 134
 colher 235
 com 139
 comer 226
 como 156
 corda 224
 cousas 170
 cubrir 115
 deda 173
 descalco 125
 dia 163
 direito 223
 dô 228
 e 217
 egoa 226
 el 181
 ella 181
 enfermidade 246
 enfermo 246
 escaldar 156
 escola 224
 escrever 155
 escudo 155
 espinha 242
 esquerdo 240
 eu 180
 face 164
 falcao 242
 fazer 195
 fe 164, 254
 feito 136, 255
 feroso 233
 filha 147
 filho 147
 flores 256

folha 173
 forca 152
 formoso 233
 fresco 243
 fruta 173
 fuego 254
 fugir 195
 gansa 244
 ganso 244
 g(a)rupa 242
 gota 143
 grande 178
 gris 242
 gritar 242
 guarir 243
 guisa 243
 hoje 209
 hoste 229
 inverno 230
 jardin 243
 jogo 136, 227
 jugo 136
 lagrima 143
 latim vulgar 82
 leite 142
 lobos 256
 louver 160
 madeira 163
 mae 242
 mal 179
 manjar 226
 marechal 243
 mas 218
 mau 179
 meogoo 228
 mesa 147, 232
 molhar 126
 molle 126
 mudar 143
 muito 178
 mulher 135
 nao 215
 nem 217
 nora 165
 nos 140, 180, 256
 olho 133
 orelha 116, 159
 orgulho 243
 ou 217
 ouro 160
 ouvir 160
 pagar 143
 pai 242
 parede 134
 passaro 231
 pedra 143, 227
 pera 254
 perna 253
 polvora 141, 153
 porta 149

portar 162
 primavera 228
 quao 139
 que 212
 quedo 134
 quem 139
 querer 159
 redondo 157
 reo 230
 riba 143, 254
 rico 243, 246
 rio 142
 roda 143
 rosto 234
 rueda 254
 saco 136
 sangue 166
 sarna 239
 seda 254
 sede 143
 segure 158
 serpe 166
 sim 215
 sogra 165
 sol 227, 253, 255
 tabua 232
 tamanho 233
 tatá 166, 232
 temer 192
 tenro 236
 tio, tia
 tregod 244
 trigar 244
 trigo 234
 triste 176
 todo 227
 torta 119
 touro 227
 tres 257
 trinta 135
 unha 227
 vaca 143
 veado 231
 veiga 240
 velho 126
 verão 230
 verde 132
 vinha 147
 vinho 136
 vinte 135
 vos 180, 257
 zimbro 119

Провансальские

agost 160
 algaros 167
 air 243
 alausa 239
 aram 157

aucire 223
 aur 160
 aurelha 159
 aut 255
 auzir 160
 aver 142
 bar 242
 baro 242
 bastir 242
 batalha 135
 batre 195
 becs 239
 bel 233
 ben 142
 berbitz 141
 blau 242
 blon(d) 242
 boca 229
 borc 242
 braga 25
 bratz 173
 brun 242
 buzo 114
 cabescol 167
 cabra 143, 170
 cadiera 133
 cambo 253
 camp 226
 can 139
 cantas 257
 cap 230
 car 25
 carn 166
 casa 136, 235
 caval 226
 cel 158
 cer(v) 141
 co 156
 coloura 133
 con 156
 cuissa 255
 culher 235
 (da) man 209
 di 232
 dia 163
 diluns 253
 dom, domna 133
 dos 142
 dui 186
 dre(i)t 223
 ega 226
 ego 226
 el 181
 ela 181
 (en)genh 223
 escaudar 156
 escriure 155
 escut 155
 espaza 155
 estable 132

fach 136
 fatz 164
 fe 164, 254
 filha 147
 filho 147
 folha 173
 fontana 230
 forbir 243
 forca 152
 formos 233
 fuoc 228
 gola 152
 glatz 164
 gota 143
 gran 233
 guardar 242
 guarir 243
 guisa 243
 hier 209
 ieu 180
 jo 136
 joc 136, 227
 lagrema 143
 laissa 255
 lauzar 160
 leite 142
 maizo(n) 235
 mangar 226
 manh 233
 mes 147
 miegluoc 228
 mol 126
 molhar 126
 molher 137
 mudar 143
 neto 165
 nõ 215
 nora 165
 nos 140
 notz 255
 oc 215
 oncle 241
 onta 243
 orgolh 243
 ors 142
 ost 229
 ostal 235
 paret 135
 passer 231
 peira 143, 227
 pel 254
 pena 159
 poldra 141, 153
 porta 132, 149
 portar 162
 poulit 233
 preza 145
 querre 159
 redon 157
 reu 230

riba 143
 rics 246
 riu 142
 rosas 256
 rouda 143
 sac 136
 salvatge 141, 157
 sanc 136
 sec 254
 ser 229
 sest 146
 set 143
 si 215
 sogra 165
 solelh 253
 temer 182, 192
 tempesta 165
 vaca 143
 vert 132
 vezi(n) 157
 vi 136
 vielh 126
 vinha 147

Ретороманские

arder 194
 auda 160
 aur 160
 avoust 160
 balma 238
 barr 238
 bel 233
 herr 238
 bun 177, 179
 calmis 238
 cap 175
 casa 235
 cavagl 226
 di 232
 eau 180
 el 181
 ella 181
 eu 180
 fav 173
 felice 177
 fiug 228
 fö 228
 föglia 173
 frar 256
 geniturs 227
 glatsch(a) 164
 grand 233
 greiv 120
 grev 120
 guota 143
 interessantischem 180
 lat 142
 lenn 175
 mais 147, 232
 meil 175

meisa 232
 mel' 179
 nus 140, 180
 per 175
 (ei) plova 205
 pum 173
 quest 184
 quist 184
 quin 139
 reh 246
 riva 143
 roda 143
 saire 229
 sapa 238
 schiur 156
 scriver 156
 set 142
 siarp 166
 siat 142
 sol 227
 staila 129
 tat 232
 tatta 232
 tschiel 158
 tserf 145
 tut 227
 tutta 227
 um 256
 vaka 143
 vedran 229
 vus 180

Румынские

abur 240
 acel 184
 acoperi 115
 acru 176
 ager 235
 ajutor 173, 235
 (a) alăpta 113
 albastru 235
 albie 141
 albină 235
 altminteri 12, 199
 altmintrele 12
 altmintrelea 12
 amîndoi 186
 (a) ara 225
 aramă 157
 (a) asculta 160
 (a) asuda 235
 atom 5
 (a) aţipi 235
 aur 160
 (a) auzi 160, 197, 257
 (a) avea 142
 azi 209
 (a) bate 135, 195
 bărbăteşte 210
 băsică 141

bătaie 135, 231
 bătrîn 141, 229
 berbec(e) 141, 210
 bine 142
 blînd 235
 blîndete 235
 boală 246
 bogat 246
 bolnav 246
 boroană 74
 brad 252
 braț 145, 173
 brazdă 74
 (a se) bucura 240
 bun 177
 buză 240, 252
 ca 139
 cal 74, 226
 cald 133
 cameră 224
 cap 175, 230, 254
 capră 144, 169, 257
 car 25
 care 186
 carne 166
 carte 224
 casă 136, 169, 170
 caș 136
 cauză 136
 că 212
 (a) cădea 195
 (a se) căi 75
 cămașă 25
 cășunare 156
 cer 137, 158
 (a) cere 159
 cerb 141, 145
 cetate 227
 cine 139
 cinste 245
 cîine 74
 cîmp 174, 226
 (a) cînta 140, 257
 coapsă 255
 coardă 224
 coasă 74
 codru 252
 comunism 5
 condamnat 134
 copac 252
 copil 240, 252
 corb 141, 227
 a crede 16, 195
 cu 139
 culc 134
 cum 156
 cuțit 145, 235
 dar(ă) 218
 deget 173
 des 235

desculț 125
 doi 186, 257
 domn, doamnă 133
 dor 228
 dos 142
 drept 223
 drumuri 257
 după 201
 ea 181
 el 75, 181
 eu 180
 fapt 136, 174, 255
 fașe 136
 față 145, 164
 făt 149
 ferice 177
 fie- (mea) 147
 fier 174
 fiu 147
 fîntînă 230
 floare 256
 foaie 173
 foc 228, 254
 frate 256
 (a) frămînta 236
 frăține 166
 fruct 173
 frumos 210
 furcă 153, 253
 fus 173
 găină 233
 genunchi 147, 227
 ger 137
 ghiată 164
 gingie 137
 gîscă 74, 246
 gol 246
 grad 173
 greblă 74, 246
 greu 120
 grindină 235
 grîu 225
 grumaz 252
 gură 153, 234
 har 75
 iapă 226
 iar(ă) 218
 iarnă 230
 iaz 175
 ied 12
 ieftinătate 231
 ienupăr 119
 iepure 144
 ieri 209
 inel 174
 inimă 236
 (a) îmbrăca 25
 (a) împăca 143, 254
 înalt 255
 înfrîngere 134

întreg 133
 (a se) întrista 75
 jale 75
 jneapăn 119
 joc 136, 227
 jug 136
 (a se) jura 76
 justiție 137
 lacrimă 144
 lapte 142
 lăudare, (a) lăuda 75,
 156, 160
 lemn 173
 limba—boului 112
 lingură 235
 lînged 246
 lopată 74
 lucrător
 luni 253
 mai 257
 mal 251
 mamă 232
 mare (прил.) 233
 mare (сущ.) 235
 masă 170, 232
 mazăre 240, 251
 mătură 74
 mijloc 228
 mîine 209
 mînă 149
 (a) mînca 226
 moale 126
 (a) muia 126
 muiere 135
 mult 210
 (a) muri 106
 mor 257
 (a) muta 143
 nepot 165
 nici 217
 nimic 215
 ninge 205
 noapte 255
 noatin 156
 nod 175
 noi 140, 180, 257
 noră 165
 nu 215
 oaie 74, 235
 oaspe 166
 oaste 229
 obiceii 245
 ochi 133
 oglindă 245
 om 166, 256
 ori 217
 orz 137, 225
 ovăz 74, 245
 paner 228
 pasăre 231

pădure 121
 părinți 227
 perete 135
 piatră 132, 144, 227
 piedică 254
 piept 174
 pieptene 254
 picior 253
 planșă 224
 ploaie 125
 plouă 205
 plug 74, 175
 poartă 149
 a presăra 232
 primăvară 228
 prînz 137
 pulbere 141, 153
 purta 162
 pustietate 231
 putred 235
 puțin cîte puțin 123
 (a) răspunde 195
 rău 230
 război 246
 (a se) războli 75
 rinichi 112
 (a) rîde 106, 195
 rîpă 143, 149, 156, 254
 rîs 156
 rîu 142, 175
 roată 254
 rost 234
 rostire 234
 a rosti 234
 rotund 157
 (a se) ruga 76
 sabie 246
 sac 136
 sarcină 235
 sat 225
 sau 217
 sălbatic 141, 157
 (a se) săruta 75
 scăldare 156
 scoatere 156
 (a) scrie 156
 seară 209, 227, 229
 secară 225
 (a) secera 225
 secetă 165
 (a) semăna 225
 semn 174
 sete 143, 254
 sfîrșit 245
 sînge 136, 166
 soacră 165
 soare 253, 255
 (a se) spăla 75
 staul 132
 stea 129

sută 188
 șapte 142
 șarpe 136, 166
 școală 224
 și 217
 șopîrlă 240
 taci 257
 tată 232
 taur 227
 tăun 114
 (a se) teme 75, 182, 192
 timpuri 257
 tînăr 236
 tot 115, 227
 trei 257
 trist 176
 turtă 119
 țap 240
 țînțar 137
 ucide 223
 unghie 227
 ureche 116, 159
 urs 142
 vacă 74, 143
 val 174
 vară 230
 vechi 126
 vecin 157
 (a) vedea 16, 197
 verde 132
 vie 147
 vin 136
 vînat 231
 vînă 149
 vînător 231
 voi 180, 257
 vulpe 169
 zălog 246
 zece 137
 zefir 136
 zi 164, 232
 zic 143
 zid 175

Русские

акустика 5
 астроботаника 6
 астронавт 6
 астрофизика 6
 атом 5, 111
 бионика 6
 бранить 74
 вульгарная латынь 82
 декрет 5
 дом 234
 звено 175
 институт 5
 камень 74
 каяться 75

коммунизм 5
 конституция 5
 космодром 6
 космонавт 6
 лаборатория 5
 лимон 156
 лунодром 6
 лунонавт 6
 математика 5
 матушка 241
 обычай 245
 овес 145
 ракетодром 6
 революция 5
 ректор 5
 рыба 74
 сабля 246
 селиться 74
 тятя 253
 университет 5
 физика 5
 черный 74
 честь 245
 экскаватор 5

Сардские

audire 160
 bega 240
 bokka 234
 buda 114
 bula 153, 254
 ca 212
 canes 140
 capras 257
 craba 154
 domo 234
 dossu 142
 dulke 144
 ebba 226
 edile 12
 edu 12
 eo 180
 fide 254
 flore 154
 fogy 254
 furka 153, 154
 iscriere 155
 iscudu 155
 kabu 254
 kantat 140, 257
 kantant 140
 kelu 89, 144
 kerbu 144
 kerrere 158
 kingere 144
 ken 139
 kini 139
 maláidu 246
 mannu 233
 massidda 255

mele 154
meze 147
muru 154, 170
muros 140, 257
nos 140, 257
nou 154
nuge 254
nura 165
oricla 159
pagare 254
pilu 154
pira 254
riba 143, 254
roda 143
si 215
sos 256
timent 140
ukhire 223
vendet 140, 257
vinu 154

Сербо-хорватские

комунизм 5
обичай 245
разбой 246
tata 232
vulgarni latinitet 82

Старославянские

богатъ 246
боати сѧ 75, 182, 192
главо 169
голаъ 246
друже 169
жааъ 75
залогаъ 246
зидъ 175
каати сѧ 75
каети сѧ 75
колѣда 73
молити сѧ
мыти сѧ 75
овьсѧ 73, 245
огадати 245
опечалити сѧ 75
отъче 169
оцѣтъ 73
плугъ 175
поганъ 73
разволати 75
сѣврѣшнѣти 245
харъ 75
чьсѣтъ 245
цѣловати сѧ 75
азъ 175

Украинские

атом 5
дом 234
жинко 169

комунизм 5
матінка 241
матуша 241
сусидко 169

Умбрские

alfu 18
bos 24
серіо 171
erom 19
filio 171
lupus 24
rufro 18
scrofa 24
tefe 18
trifor 18

Французские

abeille 227
achéte 134
achoisner 156
airain 157
alleu 244
alouette 239
âme 236
aost 160
août 144, 160
arain 157
ascolter 160
atome 5
aubépine 228
avoine 74, 245
avoir 142
barone 242
bas latin 62
bataille 135, 231
bâtir 242
battre 135, 195
beau 233
bec 239
beffroi 243
ber 242
bercer 239
bien 142, 210
bien tard 107, 178
bien vite 107, 178
blanc 242
blé 234
bleu 242
blond 242
bon 177, 179
bonisme 180
bouche 229
boulanger 233
bourg 242
brace 173
braie 25
brand 246
brebis 141
brun 242

ça 134
cause 136
ce 176
cel 184
cela 176
cendre 145
cerf 141, 145
cet 184
chambre 224, 229
chaiere 133
chaire 224
chaise 224
champ 226
changer 239, 242
chanter 136, 195, 257
char 25
charn 166
charrue 74, 239
chef 175, 230
chemin 239
chemise 25
chêne 239
cherisme 180
cheval 74, 226
chien 74
chevres 170
chievre 143
chose 136
chou 227
ciel 158
cité 227
com 156
come 156
communisme 5
condamne 134
corbeau 141, 227
corde 224, 252
couche 134
couleuvre 133
coupe 129
coutume 245
couvrir 115
crible 148
cribler 148.
crier 242
croire 16
croupe 242
cuillér(e) 235
cuisse 255
cuve 129
dame 133
demain 209
(il) deplaît 134
deuil 228
di 164
dôme 234
dos 142
droit 223
duel 228
échauder 156

échine 242
 école 224
 écouter 160
 écrire 155
 écu 155
 elle 181
 enferm 246
 enfermeté 246
 enferté 246
 engin 223
 entier 133
 épée 155
 éperon 241
 espée 155
 et 217
 étable 132
 étoile 129
 face 164
 facilement 12, 199
 faire 223
 faire assalt 223
 faire traisun 223
 fait 136, 255
 fanion 252
 fauçon 242
 fauve 242
 faux 74
 fée 144
 fei 254
 feu 228
 feuille 173
 fin 105, 245
 finir 196
 flacon 242
 fleurs 256
 foi 164, 254
 fontaine
 fourbir 243
 fourche 152
 fourchette 152
 frais 243
 framée 242
 gage 121, 246
 garder 242
 géline 233
 génévrier 119
 genièvre 119
 genou 227
 geste 228
 glace 164, 245
 gonfanon 243, 252
 goutte 143
 grand 178, 233
 gris 242
 guérir 243
 gueule 152, 254
 gueule de lion 234
 guerre 246, 252
 guise 243
 hache 252

haïr 243
 halberc 243
 hanche 242
 haubert 243
 haut 252
 hautisme 180
 hier 209
 hiver 230
 hiver tens 230
 honneur 245
 honte 243, 252
 hôtel 235
 ieuve 226
 il 181
 ive 226
 jambe 253
 jardin 243
 je 180
 jeu 136, 227
 joie 173
 jou 180
 joug 136
 jour 232
 journée 232
 jument 226
 lairme 143
 laisse 255
 lait 142
 latin médiéval 83
 latin vulgaire 82
 lieue 239
 lièvre 144
 loups 256
 lundi 167, 253
 mais 218
 mais si 215
 maison 235
 malade 246
 maman 232, 253
 manger 226
 marche 244
 mardi 253
 maréchal 243
 mauvais 179
 mère 232, 253
 mie 215
 milieu 228
 moillier 135
 moise 147, 232
 mol (le) 126
 mordre 106, 195
 mou 126
 mourir, meurt 106, 132
 mouton 239, 251
 muder 143
 muer 144
 ne 217
 ne goutte 216
 ne pas 216
 ne point 216

(il) neige 205
 neveu 165
 ni 217
 noix 255
 non 215
 nos 140
 nous 140, 180, 257
 nuere 165
 occire 223
 oeil 133
 oie 74, 245
 oncle 241
 or 160
 oraison 123
 oreille 116, 159
 orgueil 243
 ost 229
 ostel 235
 ou 217
 oui 215
 ours 142
 oville 251
 panier 228
 parents 227
 paroi 134
 payer 143
 pêcher 136
 peigne 254
 peine 159
 peire 254
 pelerin 148
 pelle 74
 père 232, 253
 petit à petit 123
 peu à peu 123
 pierre 143
 piège 254
 pierre 132, 143, 227
 planche 224
 (il) pleut 205
 pluie 125
 poire 254
 pomme 112
 porte 149
 porter 162
 poudre 141, 153
 poule 233
 primevoire 228
 prise 146
 puiz 146
 que 176
 quenouille 253
 querre 159
 raie 239
 râteau 74, 245
 (il) reçoit 134
 (il) renie 134
 reond 157
 repondre 195
 riche 243, 246

rien 139
rire 106
roman commun 83
ruche 239
sac 136
salvage 157
sang 136, 166
sauvage 141, 157
serpent 166
siste 146
soir 229
soleil 227, 253
son 139
suire 165
table 232
taie 166
taon 114
taureau 227
tempête 165, 229
tendre 236
ton 139

tourte 119
tout 115, 227
trente 135
tresaille 134
trois 257
vache 74, 143
veisin 157
vert 132
vide 246
vie 144
vieil 126
vigne 147
ville 225
vin 136
vingt 135
voie 225
voir 16
voisin 157
vous 180, 257
zephyr(e) 136
yeme 147

Чешские

atom 5
komunismus 5
latiny vulgarni 82
oves 246
tata 232

Этрусские

am 22
ar 22
ati 22
avil 22
clan 22
dossenus 25
ister 25
mi 22
persu 25
puia 22
tin 22
tiv 22

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин, Аврелий (Augustinus Aurelius) 63, 114, 122, 146, 167, 181, 190, 213, 227
 Авксентий из Дуростора (Auxentius Durostorensis), 124
 Агаян Э. 97
 Аделунг Й. Кр. (Adelung, J. Chr.) 94
 Акоминат, Никита 73
 Акций, Луций (Accius, Lucius) 28
 Алессо, Г. (Alessio, G.) 263
 Алисова, Т. Б. 176
 Алонсо, А. (Alonso, A.) 12, 96
 Альбин (Albinus) 145
 Альвар, М. (Alvar, M.) 265
 Альсдорф-Боле, А. (Alsdorf-Bolee, A.) 231
 Альтгейм, Фр. (Altheim, Fr.) 70, 263
 Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus) 62
 Англад, Ж. (Anglade J.) 99
 Андрианов, А. 55
 Андроник, Луций Ливий (Andronicus, Lucius Livius) 20, 30, 31, 48, 50.
 Антопин, Н. С. 261
 Анфим (Anthemius) 185, 226, 228
 Апиций, Марк Габий (Apicius, Marcus Gabius) 113, 223
 Аппель, К. (Appel, C.) 173
 Аппиан, Александрийский (Appianus) 62
 Аппий, Клавдий Слепой (Appius, Claudius Caecus) 24, 48, 168
 Апсирто 112
 Апулей, Луций (Apuleius, Lucius) 136, 199.
 Арнаут, Даниель (Arnaut, Daniel) 99
 Артюшков, А. В. 50
 Асколи, Г. И. (Ascoli, G. I.) 88, 94, 95, 101
 Атик, Тит Помпоний (Atticus, Titus Pomponius) 107
 Ауэрбах, Е. (Auerbach E.) 263
 Ацори, М. Т. (Atzori M. T.) 162
 Бадиа Маргарит, А. (Badía Margarit, A.) 98
 Бадэр, Ф. (Bader, F.) 231
 Баиф, Ж.-А. (Baïf, Jean Antoine) 105
 Байе, Ж. (Bayet, J.) 45, 263
 Бал, В. (Bal, W.) 263
 Балари Иовани, Х. (Balari Jovany, Jose) 98
 Балли, Ш. (Bally, Ch.) 17, 101
 Балмуш, К. (Balmuş, C.) 63
 Банер, В. (Bahner W.) 263, 265
 Бартоли, М. Г. (Bartoli, M. G.) 95, 102, 103, 263
 Батани, Ж. (Batany J.) 263
 Баттисти, К. (Battisti, C.) 78, 81, 83, 263
 Бек, П. (Bec. P.) 263
 Беккер, Им. (Bekker, Im.) 70
 Белецкий, А. И. 61
 Белулович, А. (Belulovici, A.) 102
 Бембо, П. (Bembo, P.) 93
 Бенеш, П. (Beneš, P.) 75, 204, 205
 Бережан, С. Г. 17, 262.
 Бернар де Вентадорн (Bernart de Ventadorn) 99
 Бертольди В. (Bertoldi, V.) 27, 88
 Бертран де Борн (Bertran de Born) 99
 Биркхан, Г. (Birkhan, H.) 65
 Бихан, А. (Byhan, A.) 102
 Блок, О. (Bloch, O.) 22, 263
 Бобович, А. С. 61
 Богородицкий, В. А. 82, 95, 157, 162, 261
 Бодуэн де Куртенэ, И. А. (Boudouin de Courtenay, I. A.) 261
 Бокаччо, Дж. (Boccaccio, G.) 101
 Бокшанин, А. Г. 261.
 Больё, Л. (Beaulieux, L.) 169
 Боннэ, М. (Bonnet, M.) 81, 120, 185, 263
 Бонфанте, Дж. (Bonfante G.) 65, 89, 107
 Борнек, А. (Bornecque, H.) 53
 Боровский Я. М. 6, 7, 20, 53, 61, 114, 262
 Бородина, М. А. (Borodina M. A.)

11, 95, 101, 175, 196, 238, 262, 263
 Бреаль, М. (Bréal, M.) 18
 Брёндаль, В. (Bröndal, V.) 88
 Брук, С. И. 97
 Брукнер, В. (Bruckner W.) 244
 Брюно, Ф. (Brunot, F.) 109, 139, 142, 144, 145, 173, 176, 188, 202, 242, 263
 Брюсов, В. Я. 9, 54
 Брюх, Й. (Brüch, J.) 86, 241
 Будагов, Р. А. 13, 82, 93, 102, 218, 226, 232, 233, 234, 249, 261, 262
 Будински, А. (Budinszky, A.) 31
 Буриан, Я. (Burian, Jan) 22
 Бурсье, Ж. (Bourciez, J.) 263
 Бурсье, Э. (Bourciez, E.) 107, 261, 263
 Бухнер, Р. (Buchner, R.) 67
 Бюрже, А. (Burger, A.) 83
 Бюхелер, Фр. (Bücheler, Fr.) 117
 Вавилов, С. И. 51
 Вагнер, М. Л. (Wagner, M. L.) 101
 Вален, Й. (Vahlen J.) 49
 Валерий (Valerius) 27
 Вальде, А. (Walde, A.) 267
 Вальдемаат (Waldemath) 242
 Вандриес, Ж. (Vendryes, J.) 88, 265
 Варрон, Марк Теренций Реатинский (Varro, Marcus Terentius Reatinus) 19, 26, 27, 28, 47, 79, 113, 114, 120, 131, 138, 151, 158, 166, 172, 215, 252
 Вартбург, В. фон (Wartburg, W. von) 12, 85, 86, 96, 263, 267
 Васильева, А. К. 213
 Васильева, Н. М. 82, 97
 Васильева-Шведе, О. К. 97, 98, 261
 Веененен, В. (Väänänen, V.) 12, 19, 53, 104, 127, 139, 152, 168, 169, 196, 203, 247, 248, 267
 Вейзе, О. (Weise, O.) 57, 241, 267
 Вейль, Г. (Weil, H.) 218
 Вельффлин, Э. (Wölfflin, E.) 225, 260
 Венедиков, И. 140
 Вентцель, Е. В. 261
 Вентцель, Т. В. 261
 Вергилий, Публий Марон (Vergilius Publius Maro) 9, 18, 25, 45, 47, 51—54, 58, 60, 78, 108, 114, 121, 132, 180, 191, 195, 199, 219, 238, 241
 Видал, Пэирэ (Vidal, Peirret) 99
 Видал, Раймон (Vidal Raimon) 99
 Видос, Б. Э. (Vidos, B. E.) 88, 267
 Вилёмье, П. (Wuilleumier, P.) 118
 Виндекс, Цецилий (Vindex Caecilius) 148
 Виргилий Марон (Virgilius Maro) 173, 182

Витрувий Марк Поллион (Vitruvius, Marcus Pollio) 110, 111, 178, 215
 Власак, В. (Vlasak, V.) 250
 Вольмер, Фр. (Vollmer, Fr.) 113
 Вольф, Е. М. 191
 Воронков, А. И. 10, 261
 Врачу, А. (Vraciu, A.) 240
 Вулих, Н. В. 262
 Вульфила (Wulfila) 124
 Габинский, М. 102
 Гальди, Л. 12
 Гамильшер, Э. (Gamillscheg E.) 127, 264
 Гарсия де Диего, В. (Garcia de Diego, V.) 264
 Гартнер, Т. (Gartner, Th.) 101
 Гаска Кеирацца, Г. (Gasca Quej-gazza, G.) 199
 Гаспаров, М. 54, 58, 222
 Гвоздев, С. П. 53
 Геллери, Л. Н. (Gallary, L. N.) 118
 Геллий, Авл. (Gellius, Aulus) 20, 27, 50, 119
 Гёльцер, Г. (Goelzer, H.) 63, 122, 264
 Гемина, Луций Кассий (Hemina, Lucius Cassius) 29
 Георгиев, В. И. (Georgiev, V. I.) 21, 22, 33, 240, 264
 Георгиевский, А. И. 32
 Гереус, В. (Heraeus, W.) 80, 108, 115, 123
 Герман, Й. (Herman, J.) 78, 88, 127, 251, 265
 Гермер, Клавдий (Claudius Hermerus Veterinarius) 112
 Геродот из Галикарнасса (Herodotus) 34
 Гец, Г. (Goetz, G.) 49, 121, 260
 Гёцке, К. (Goetzke, K.) 264
 Гийом, Ж. (Guillaume, G.) 264
 Гинцбург, Н. С. 58
 Гиони, М. (Gyoni, M.) 72
 Гирах, В. (Gierach, W.) 153
 Глюк, К. В. (Glück, C. W.) 238
 Гойданич, Г. (Goidanich, G.) 263
 Голубцова, Е. С. 261
 Гораций, Квинт Флакк (Horatius Quintus Flaccus) 29, 47, 52, 54, 58, 59, 60, 78, 132, 168, 178, 180, 198, 215, 217, 222, 226, 234, 237, 241
 Горецки, Я. (Horecký J.) 148
 Гофман, Й. Б. (Hofmann, J. B.) 185, 190, 265, 267
 Грабар-Пассек, М. Е. 61, 262
 Граур, А. (Graur, A.) 75, 80, 97, 125, 129, 168, 192, 200
 Грёбер, Г. (Gröber, G.) 87, 89, 90, 125, 264

- Гревандер, С. (Grewander, S.) 112
Гревс, И. И. 61
Гремье, А. (Gremier, A.) 238
Гренджент, К. Г. (Grandgent, C. H.) 81, 87, 89, 146, 167, 178, 185, 199, 227, 258, 264
Григорий Турский (Gregorius Turonensis) 67, 81, 120, 133, 185, 190, 192, 204—206, 212, 241, 263
Гриера, А. (Griera, A.) 98
Гринбаум, Н. С. 261
Грулт, П. (Groult, P.) 264
Грушка, А. А. 10, 261
Гурычева, М. С. 82—85, 88, 97, 99, 100, 139, 251, 261, 262
Гуцу, Г. (Guțu, G.) 53
Гуцу-Ромало, В. (Guțu-Romalo, V.) 102
Гэздару, Д. (Gazdaru, D.) 183
Дайкович, К. (Daicoviciu, C.) 77
Даламетра, И. (Dalamatra I.) 264
Данте Алигьери (Dante, Alighieri) 82, 92, 93, 101
Дардель, Р. (Dardel, R. de) 172, 248, 264
Дебруннер, А. (Debrunner, A.) 267
Девото, Дж. (Devoto, G.) 18, 84, 264
Денсушану, О. (Densușianu, O.) 13, 76, 125, 263, 264
Дератани, Н. Ф. 54, 55, 61
Державин, Г. Р. 9
Державин, Н. С. 35
Дерюгин, А. А. 49, 196, 261
Дечев, Д. (Detschev, D.) 33, 240
Джиарратано, К. (Giarratano, C.) 113
Джонсон, С. Э. (Johnson, S. E.), 23
Джугля, Г. (Giuglea, G.) 127
Диаз и Диаз, М. К. (Diaz y Diaz, Manuel C.) 81, 264
Диль, Э. (Diehl, E.) 19, 117, 139
Диомед (Diomedes) 114
Диоскорид (Dioscoride) 113
Диц, Ф. (Diez, F.) 86, 94, 264
Дмитриев, А. Д. 68
Д'Овидио, Ф. (D'Ovidio, F.) 93
Доза, А. (Dauzat, A.) 88, 239, 264
Долгопольский, А. Б. 231
Домбарт, Б. (Dombart, D.) 63
Домбровский, О. А. 84, 85
Донат, Элий (Donatus, Aelius) 63, 114, 121, 153
Доттэн, Ж. (Dottin, G.) 238
Дрэгер, А. (Draeger, A.) 264
Драгоеску, П. (Drăgoiescu, P.) 118
Дунтцер, Г. (Duntzer, H.) 48
Духачек, О. (Ducháček O.) 97, 264
Дырул А. М. 262
Дю Канж, Ш. (Du Cange, Ch. de Fresne) 83, 260, 263, 264
Дюран, М. (Durand, M.) 264
Дюринг, Е. 16
Евтропий, Флавий (Eutropius, Flavius) 40
Еремия, А. И. 74
Ероним (Hieronymus) 63, 122, 178, 248
Жебелев, С. А. 62, 261
Жироду, Ж. (Giraudoux J.) 105
Жюре, А.-К. (Juret, A.-C.) 265
Зайдель Э. (Seidel, E.) 267
Залесский, Н. Н. 262
Збиера, Р. И. (Sbiera, R. I.) 28, 144, 163, 164
Зеельман, Э. (Seelmann, E.) 129
Зейлер, Фр. (Seiler, Fr.) 86
Зиттль, К. (Sittl, K.) 90, 127, 248, 249
Златковская, Т. Д. 32
Зограф, А. Н. 59
Зоммер, Ф. (Sommer, F.) 155, 220, 267
Ивэнеску, Г. (Ivănescu, G.) 170, 172
Илиеску, Вл. (Iliescu, Vl.) 68
Илиеску, М. (Iliescu, M.) 96, 126, 196
Ильяшенко, Т. П. 262
Им, М. (Ihm, M.) 187
Ионашку, Ал. (Ionașcu, Al.) 149
Исидор Севильский (Isidoro de Sevigla) 120, 146, 234, 240
Йорга, Н. (Iorga, N.) 102
Йордан, И. (Iordan I.) 11, 17, 25, 44, 97, 99, 118, 124, 149, 185, 262, 265
Йорданес (Iordanes) 265
Йост, У. С. (Jost, U. S.) 265
Каваллиоти Теодор (Cavallioti, Th.) 102
Казаку, Б. (Cazacu, B.) 97
Казаров, Г. (Cazarov, G.) 33
Кайл, Г. (Keil, H.), 50, 113, 115, 116, 129, 152, 260
Кальдерон де ла Барка, П. (Calderon de la Barca, Pedro) 98
Кандря, И. А. (Candrea I. A.) 125, 263
Канья, Р. (Cagnat, R.) 263
Капеллан Г. (Capellanes G.) 6
Капидан, Т. (Capidan Th.) 102
Капитолин, Юлий (Capitolinus Iulius) 65
Капр (Caper) 160, 209

Каракулов, В. В. 253
 Карнуа, А. (Carnouy, A.) 239, 263
 Кассиодор, Магн Аврелий (Cassiodorius Magnus Aurelius) 128, 135, 145, 243
 Кастро, А. (Castro, A.) 266
 Катагощина Н. А. 97, 99, 251, 262
 Катон, Марк Порций Старший Цензор (Cato, Marcus Porcius Maior Censor) 46, 50, 57, 58, 164, 172
 Катулл, Гай Валерий (Catullus Caius Valerius) 107, 138, 199, 217, 233, 241
 Квинтилиан, Марк Фабий (Quintilianus, Marcus Fabius) 26, 28—31, 50, 58, 59, 79, 80, 83, 107, 132, 138, 147, 155, 157, 184, 198, 237
 Кеведо и Виллегас Ф. (Quevedo y Villegas, Francisco) 98
 Кедринский, А. 57
 Келле, А. (Quellet, H.) 121
 Кёрде, С. (Körde, S.) 205
 Кёртинг, Г. (Körting, G.) 125, 265
 Кикерс, Э. (Kieckers, E.) 265
 Кинамос, Иоан, 73
 Киперт, Г. (Kiepert, H.) 265
 Клайн, Г.-В. (Klein, H.-W.) 123, 265
 Кледоний (Cledonius) 181, 201
 Кнабе, Г. 61
 Ковалев, С. И. 261
 Колин, Вл. (Colin, Vl.) 117
 Коллар, Ж. (Collart, J.) 114
 Колосовская, Ю. К. 44, 68
 Коммодиан (Commodianus) 63, 131, 152, 168, 178, 180, 194, 199, 202, 228, 230
 Комнена, Анна 73
 Конвэй, Р. С. (Conway R. S.) 23
 Кондратьев, С. П. 53, 55, 62, 219
 Консенций (Consentius) 115, 145
 Корлэтяну, Н. Г. 17, 97, 246, 262
 Корнель, П. (Corneille, P.) 105
 Королюк, В. 73
 Короминас, Х. (Corominas Y.) 264
 Коррадини, Ф. (Corradini, F.) 265
 Корссен, В. (Korssen, W.) 21
 Косериу, Э. (Coseriu, E.) 264
 Коэн, М. (Cohen, M.) 86, 213, 232, 263, 266
 Кравчук, А. 32
 Краснов, П. А. 61
 Крауфорт, М. (Crawfort, M. H.) 43
 Крахе, Г. (Krahé, H.) 265
 Кролл, В. (Kroll, W.) 218, 220
 Крон, Ф. (Krohn, F.) 110
 Кругликова, И. Т. 40, 43
 Кружок, Ю. С. 22
 Крюгер, О. О. 62
 Крянгэ, И. 157, 205, 206, 234
 Кудрявцев, О. В. 43

Кузэн, Ж. (Cousin, J.) 264
 Кулаковский, Ю. 62
 Кульбакин, С. (Kul'bakin, St.) 169
 Кун, А. (Kuhn, A.) 185, 265
 Курилович, Е. (Kuryłowicz, J.) 127, 149, 192
 Кшепински, М. (Křepinský, M.) 75, 83, 238, 250, 265

 Ламбер, Ш. (Lambert, Ch.) 115
 Ланге, В. (Lange, W.) 66
 Лёве, Г. (Loewe, G.) 121, 260
 Лёфштедт, Э. (Löfstedt, E.) 123, 265
 Лежей, П. (Lejay, P.) 204
 Ленин, В. И. 8, 32, 261
 Леонтеп, А. П. 261
 Либаний, Ритор (Libanius) 64
 Ливий, Тит (Livius, Titus) 26, 55, 165, 168, 206, 208
 Линдсей, В. М. (Lindsay, W. M.) 120, 262, 265
 Литтре, Э. (Littré, E.) 83
 Лойман, М. (Leumann, M.) 111
 Ломбард, А. (Lombard, A.) 11, 196, 253
 Ломоносов, М. В. 8, 9, 53
 Лонг, Великий (Longus, Velius) 134, 142, 153
 Лопе де Вега, Ф. (Lope de Vega, Felix) 98
 Лоран, Л. (Lorand, L.) 53
 Лот, Ф. (Lot, F.) 52, 65, 81, 85, 87
 Лукреций, Тит Кар (Lucretius, Titus Carus) 30, 50, 51, 57, 111, 112, 164, 218
 Льюис, Г. (Lewis, H.) 262
 Людке, Г. (Lüdtke, H.), 12, 247, 251

 Майер, А. (Mayer, A.) 240
 Майяни, З. (Mayani, Z.) 22
 Макарие, Л. (Macarie, L.) 163
 Макаров, В. В. 224, 225, 233, 236, 250, 262
 Макря, Д. (Macrea, D.) 6, 77
 Мальмберг, Б. (Malmberg, B.) 12
 Манолиу Маня, М. (Manoliu Manea, M.) 25, 265
 Маркабрю из Гасконии (Marcabru) 99
 Маркс, К. 7, 8, 15, 16, 31, 32, 40, 51, 52, 53, 55, 62, 65, 66, 69, 92, 93, 96, 99, 122, 237, 242, 249, 261
 Марсили, А. (Marsili, A.) 113
 Марузо, Ж. (Marouzeau, J.) 47, 68, 150, 215, 219, 220, 223, 225, 241, 265
 Марцелл Эмпирик (Marcellus Empiricus) 112, 148, 185
 Марциал, Марк Валерий (Martialis, Marcus Valerius), 61

- Матезиус, В. (Mathesius, V.) 116
 Маурер, Т. Х. (Maurer, Th. H. Jr.) 82, 131, 265
 Махортых, В. М. 199
 Мацков-Аланд, В. (Matzkow-Aland, W.) 122
 Машкин, Н. А. 33, 262
 Мейе, А. (Meillet, A.) 28, 45, 80, 81, 88, 104, 127, 129, 161, 166, 247, 262, 264, 265
 Мейер, Г. (Meier, H.) 12, 30, 84, 85, 249, 265
 Мейер-Любке, В. (Meyer-Lübke, W.) 12, 81, 90, 91, 95, 97, 124, 125, 127, 206, 236, 241, 244, 247, 250, 252, 266
 Мелник, В. 137
 Менендес Пидаль, Р. (Menendez Pidal, R.) 91, 98, 99, 266
 Меркелай, Р. (Merkelei, R.) 55
 Микаельсон, К. (Michaelsson, K.) 21
 Миклошич, Фр. (Miklosich, Fr.) 232, 266
 Микля, И. (Miclea, I.) 242
 Миронов, С. А. 242
 Мистраль, Ф. (Mistral, F.) 100
 Михаил Сириец 70
 Михальчи, Д. Е. 261
 Михэеску, Х. (Mihăescu, H.) 44, 76, 113, 124, 126, 253, 266
 Михэилэ, Г. (Mihăilă, G.) 266
 Мишулин, А. В. 32, 262
 Модестов, В. И. 49
 Мокряк, И. Ф. 17, 262
 Моль, Ф. (Moll, F. de B.) 264
 Моль, Ф. Ж. (Mohl, F. G.) 18, 20, 25, 43, 44, 45, 81, 90, 91, 127, 171, 174, 188, 225, 248, 249, 266
 Мольер, Ж. Б. (Molière, Jean Baptiste) 105
 Моммсен, Т. (Mommson, Th.) 31, 118, 260, 262, 265
 Мораис-Барбара, Ж. (Morais-Barbara, J.) 97
 Морман, Кр. (Mohrmann, Chr.) 63, 87, 213, 266
 Моухова, Б. (Mouchova, B.) 22
 Мулестин Г. (Muhlestien, H.) 25
 Муллер, Г. Ф. (Muller, H. F.) 87, 88, 266
 Мурэн, Л. (Mourin, L.) 266
 Мух, Р. (Much, R.) 66
 Мюленштейн Г. 21
 Надэль, Б. (Nadel, B.) 253
 Нандриш, О. (Nandriş, O.) 155
 Невий, Гней (Naevius, Cneius) 20, 31, 48, 49, 54, 80
 Недович, Д. С. 61
 Немировский, А. И. 22
 Нерознак, В. П. 240
 Нетушил, И. В. 193, 203, 262
 Нечай, Ф. М. 262
 Нибуhr, Б. Г. (Niebuhr, B. G.) 70
 Нидерман, М. (Niedermann, M.) 20, 112, 115, 121, 131, 132, 137, 139, 140, 148, 150, 155, 157, 197, 262, 266
 Никова, К. Н. 261
 Николау, М. (Nicolau, M.) 131, 191, 210
 Ницше, Ф. (Nietsche, F.) 59
 Новак, Л. А. 225, 233, 236
 Новий (Novius) 105
 Новий, Марцелл (Nonius Marcellus) 120, 128
 Нукельманс, Ж. (Nuchelmans, J.) 258, 265
 Нюроп, Кр. (Nyrop, Kr.) 266
 Овидий, Публий Назон (Ovidius, Publius Naso) 25, 51, 55, 60, 63, 133, 163, 173, 206, 215, 219
 Одер, Э. (Oder, E.) 112
 Одолан, А. (Audollent, A.) 263
 Оливieri, Данте (Olivieri, Dante) 266
 Орозий, Павел (Orosio, Paolo) 63
 Орт, Дж. (Orr, J.) 265
 Павел Диакон (Paulus Diaconus) 66, 120, 239
 Паис, Э. (Pais, E.) 31
 Пакувий, Марк Публий (Pacuvius, Marcus Publius) 31
 Паллоттино, М. (Pallottino, M.) 21, 22
 Пальмер, Л. Р. (Palmer, L. R.) 266
 Панетий, Родосский (Panaetius) 29
 Папахаджи, Т. (Papahagi, T.) 102, 266
 Папириан (Papirianus) 128, 145, 147
 Пари, Г. (Paris, G.) 264
 Парфений (Parthenius) 45
 Паску, Г. (Pascu, G.) 102, 266
 Педерсен, Х. (Pedersen, H.) 164, 238, 262
 Пей, Марио А. (Peu, Mario A.) 87, 88, 148
 Перре, Ж. (Perret, J.) 53
 Перроша, П. (Perrochat, P.) 108
 Персий, Авл Флакк (Persius, Aulus Flaccus) 241
 Петканов, И. 246
 Петрарка, Ф. (Petrarca, F.) 101
 Петров, Д. К. 11, 31, 43, 86, 94, 204, 249, 262
 Петрович, Э. (Petrovici, E.) 74, 75, 97

Петровский, Ф. А. 51, 61, 111, 117, 262
 Петроний, Гай Арбитр (Petronius Caius Arbiter) 59, 61, 104, 108, 109, 136, 141, 162, 166, 172, 178, 182, 184, 189, 200, 203, 204, 211, 212, 216, 220, 222, 233
 Пигулевская, Н. 71
 Пизани, В. (Pisani V.) 23, 266
 Пиотровский, Р. Г. 185, 236
 Пирсон, Дж. (Pirson, J.) 266
 Писон, Луций Калпурний (Piso, Lucius Calpurnius) 29
 Пифагор (Pythagoras) 48
 Плавт, Тит Макций (Plautus, Titus Maccius) 24, 27, 31, 49, 50, 52, 80, 86, 105, 106, 107, 109, 119, 133, 136, 139, 156, 163, 164, 165, 167, 168, 172, 178, 179, 184, 185, 189, 190, 192, 193, 204, 215, 216, 220, 228, 250
 Планта, Р. фон (Planta, R. von) 20, 266
 Плиний, Гай Секунд Старший (Plinius Caius Secundus Maior) 18, 57, 62, 80, 107, 129
 Плиний, Гай Цецилий Младший (Plinius Caius Caecilius Junior) 38, 61, 85
 Плутарх (Plutarchus) 45, 52
 Погирк, К. (Poghirc, G.) 70
 Познер, Р. (Posner, R.) 265
 Покровская, Ж. С. 55
 Покровский, М. М. 10, 50, 55, 262
 Полибий (Polybius) 29, 46, 144
 Поль, Ж. (Pohl, J.) 266
 Помпей, Мавр (Pompeius, Maugus) 132, 145
 Помпоний, Луций (Pomponius, Lucius) 105
 Помяловский, И. (Pomialowsky, J.) 123
 Поп, С. (Pop, S.) 175, 266
 Попов, А. Н. 211
 Принц, О. (Prinz, O.) 123
 Приск (Priscus) 68, 69, 70
 Присциан (Priscianus) 63, 129, 148, 155, 159, 166, 183, 211, 227
 Проб, Валерий (Probus, Valerius grammaticus, Appendix Probi) 115, 116, 127, 128, 133, 138—142, 147, 153, 158, 159, 164—166, 176, 194, 197, 224, 227, 231
 Прокоп из Кесареи (Procopius caesariensis) 124
 Проперций, Секст (Propertius Sextus) 228, 241
 Птолемей, Клавдий (Ptolemaeus, Claudius) 34

Пушкус, Г. (Puschius, H.) 211
 Пушкарю, С. (Pușcariu, S.) 102, 125, 127, 185, 266
 Пушкин, А. С. 9, 55, 56, 227
 Пфиффиг, А. (Pfiffig, A.) 21
 Пырван, В. (Pârvan, V.) 43
 Пэтруц, И. (Pătruț, I.) 169
 Раймбаут де Вакейрас (Raimbaut de Vaqueiras) 99
 Райна, П. (Rajna, Pio) 93
 Рейхенкрон, Г. (Reichenkron, G.) 266
 Ременников, А. И. 67
 Ренуар, М. (Raynouard, M.) 94, 95
 Рёнш, Г. (Rönsch, H.) 122, 235
 Ренье, А. (Regnier, A.) 63
 Реферовская, Е. А. 83, 100, 167, 262
 Риббек, О. (Ribbeck, O.) 53
 Рибеццо, Ф. (Ribezzo, F.) 22
 Ризеску, И. (Rizescu, I.) 250
 Рихтер, Э. (Richter, E.) 81, 137, 218
 Робсон, К. А. (Robson, C. A.) 115
 Рок, Марио (Roques, Mario) 159
 Рольфс, Г. (Rohlf, G.) 81, 99, 123, 124, 143, 225, 228, 236, 249, 251, 253, 266, 267
 Ронжа, Ж. (Ronjat, J.) 99
 Росетти, А. (Rosetti, A.) 75—77, 83, 101, 126, 127, 129, 144, 163, 174, 194, 205, 240, 247, 258, 260, 263, 267
 Рунес, М. (Runes, M.) 21
 Руссо, А. 13
 Руссу, И. И. (Russu, I. I.) 23, 118, 240, 267
 Сабатье, П. (Sabatier, P.) 122
 Сави-Лопес, П. (Savi-Lopez, P.) 81, 267
 Савченко, С. В. 11, 82, 95, 100, 249, 262
 Садов, А. И. 11, 78, 122, 213
 Сала, М. (Sala, M.) 96
 Саллюстий, К. С. Крисп (Sallustius, C. S. Crispus) 57
 Сандфельд, Кр. (Sandfeld. Kr.) 76
 Сас, Л. Ф. (Sas, L. F.) 87, 88
 Сацердот (Sacerdotus) 214
 Светоний, Гай Транквила (Suetonius, Caius Tranquillus) 45, 52
 Сводеш, М. (Swadesh, M.) 236
 Севборг, Т. (Sävborg, T.) 167
 Седулий (Sedulius) 131
 Селюминова, Н. И. 203
 Семенов-Тянь-Шанский, П. П. 9
 Сенека, Луций Анней (Seneca, Lucius Annaeus) 61, 109, 116, 193
 Сент-Пале, Л. (Saint-Palaye, L. de) 93

Сервантес, М. де (Cervantes, Miguel de) 98

Сервий, Мавр Гонорат (Servius, Maunus Honoratus) 114, 121, 129, 132, 145, 149, 157, 158

Сергеенко, М. Е. 19, 43, 50, 61, 262

Сергиевский, М. В. 10, 20, 43, 44, 45, 82, 89, 90, 95, 100, 236, 247, 249, 250, 262

Сергий (Pseudo Sergius) 114, 131, 152

Серебренников, Б. А. 213

Серра, Дж. Д. (Serra, G. D.) 21

Сидоний, Аполлинарий (Sidonius, Caius Sollius Modestus Apollinarius) 61

Сильва Нето, С. (Silva Neto, S. de) 81, 115, 267

Сирано де Бержерак, С. (Cyrano de Bergerac, Savinien) 105

Сирон 45

Скавр, Теренций (Scaurus Terentius) 138

Скаррон, П. (Scarron, Paul) 105

Скок, П. (Skok, P.) 117, 124, 159, 253, 267

Слотти, Фр. (Slotty, Fr.) 267

Смолевский, А. 101

Соболевский, С. И. 10, 262

Соколов, В. С. 61

Соловьев, С. В. 54, 61, 100

Сонни, А. 62

Сорренто, Л. (Sorrento L.) 267

Софер, Й. (Sofer, J.) 267

Стати, В. 137

Стати, С. (Stati, S.) 118, 267

Стендаль (Stendhal-Henry Beyle) 40

Степанов, Г. В. 98, 261

Стефенелли, А. (Stefenelli, A.) 108

Стилон, Луций Элий (Stilo, Lucius Aelius Praeconinus) 113

Страбон (Strabo) 33

Страка, Ж. (Straka, G.) 76, 253

Сычева, Л. Н. 132

Сюшье, А. (Suchier, H.) 96

Тавар А. (Tovar, A.) 248

Тайлор, П. (Taylor, P.) 87, 88, 266

Тальявини, К. (Tagliavini, C.) 25, 95, 267

Тацит, Публий Корнелий (Tacitus, Publius Cornelius) 45, 61, 65, 199

Тежавич, П. (Tekavčić, P.) 82, 102

Теофан (Theophanes, Confessor) 77

Теренциан Мавр (Terentianus Maunus) 113, 128

Теренций, Публий Африканец (Terentius, Publius Afer) 50, 107, 121, 164

Террачини, Б. А. (Terracini, B. A.) 88, 263

Терраше, А. (Terrachet, A.) 127

Тертуллиан, Квинт Септимий (Tertullianus, Quintus Septimius Florentius) 178, 215

Тильман, Ф. (Thielmann, Ph.) 192, 193

Тирсо де Молина (Tirso de Molina) 98

Тома, Ф. (Thomas, F.) 212, 264

Томашек, В. (Tomaschek, W.) 33

Томов, Тома Ст. 236

Трайна, А. (Traina, A.) 267

Тромбетти, А. (Trombetti, A.) 21

Тронский, И. М. 11, 19—21, 23, 25, 33, 52, 57, 59, 61, 82, 101, 113, 117—119, 127, 130, 131, 133, 150, 233, 262, 263

Трофимова, М. К. 263

Трубецкой, Н. С. (Trubetzkoy, N.) 150

Трагер, Ж. Л. (Trager, G. L.) 185

Тудор, Д. (Tudor, D.) 34

Тэнасе, Э. (Tănase, E.) 81, 264

Уатмоу, Дж. (Whatmough, I.) 23

Углирж, В. (Uhliř, V.) 250

Удлер, Р. 137

Уольф, Р. Г. (Wolfe, R. G.) 21

Урлаис, Б. Ц. 97

Утченко, С. Л. 30, 262

Уэренбек, Б. Г. Й. (Weerenbeck, B. H. J.) 205

Фабий, Квинт Пиктор (Fabius, Quintus Pictor) 29

Фавр, Л. (Favre, L.) 264

Фария, Э. (Faria, E.) 264

Фарнакс, 112

Фасмер, М. (Vasmer, M.) 73

Фаулер, М. (Fowler, M.) 21

Фачиолати, И. (Facciolati, J.) 265

Фест, Секст Помпей (Festus, Sextus Pompeius) 120, 142, 159, 182, 239

Фет, А. А. 9

Феттер, Э. (Vetter, E.) 20

Фигул, Нигидий (Phigulus Nihidius) 138

Филиппиде, А. (Philippide, A.) 44, 68, 77, 266

Финарет, Ж. (Finaret, J.) 63

Флавий (Flavius) 209

Флакк, Веррий (Flaccus Verrius) 26, 120

Форчеллини, А. (Forcellini, Aed.) 265

Фосслер, К. (Vossler, K.) 267

Фрей, А. (Frei, H.) 116

Фридвагнер, М. (Friedwagner, M.) 144

Фриз, Ж. де (Vries, J. de) 238

Фрингс, Т. 242

Фукс, А. (Fuchs, A.) 84

Фурбанетти, И. (Furbanetti, J.) 265
Фуше, П. (Fouché, P.) 264

Хаадсма, Р. А. (Haadsma R. A.) 258, 265

Харисий (Charisius) 60, 114, 116, 214

Харсекин, А. И. 22

Хацфельд, А. (Hatzfeld, A.) 50

Хашдэу, Б. П. (Hasdeu, B. P.) 16, 74

Хебиг, Г. (Hebig, G.) 21

Хирон 112

Холгер, С. (Holger, S.) 97

Цаунер, А. (Zauner, A.) 12, 80, 267

Цветаев, И. (Zvetaieff, I) 11, 19, 267

Цезарь, Гай Юлий (Caesar, Caius Julius) 25, 32, 45, 50, 52, 56, 211, 214, 218, 221, 241

Цихориус, К. (Cichorius, C.) 40

Цицерон, Марк Туллий (Cicero, Marcus Tullius) 8, 25, 29, 30, 47—50, 52, 53, 56—60, 78, 80, 85, 86, 107, 114, 131, 139, 140, 144, 155, 159, 167, 178, 182, 184, 189, 192, 193, 198, 199, 207, 211, 216, 218—220, 223, 229, 237

Челакова, Е. И. 120

Черданцева, Т. З. 176

Чернышевский Н. Г. 9

Черняев, П. Н. 121

Чистякова, Н. А. 262

Чихак, А. (Cihac, A.) 263

Чоранеску, А. (Cioranescu, A.) 141, 263

Шаровольский, И. 11, 82

Шатерников Н. И. 61

Шафаревич, Я. (Šafarewicz, J.) 267

Швенденер, У. (Schwendener, U.) 212

Шёлл, Ф. (Schoell, Fr.) 49

Шенгелия, И. Г. 263

Шендяпин, П. М. 211

Шервинский, С. В. 51, 53

Шестаков, С. 64

Шиадбей, И. (Šiadbei, I.) 155, 253

Широкова, А. В. 135, 143, 145, 153, 247, 253, 263

Шипмарев, В. Ф. 11, 20, 46, 68, 76, 82, 88, 92, 97, 98, 100, 120, 169, 191, 197, 239, 244, 262, 263

Шкловский, Вл. 93

Шлепфер, Р. (Schlaepfer, R.) 205
Шлоссер, Ф., Кр. (Schlosser, F., Kr.) 62

Шмальц, Й. Г. (Schmalz, J. H.) 267
Шмек, Г. (Schmeck, H.) 81, 108, 222, 267

Шофман, А. С. 8

Шпенгель, А. (Spengel, Andreas) 114

Шпенгель, Л. (Spengel, Leonardus) 114

Шпитцер, Л. (Spitzer, L.) 17, 173

Штаерман, Е. М. 43, 62, 263

Штимминг, Э. (Stimming, E.) 212

Штольц, Фр. (Stolz, Fr.) 267

Штрекер, К. (Strecker, K.) 84

Шульд-Гора, О. (Schulz-Gora, O.) 267

Шульце, В. (Schulze, W.) 25

Шумарин, В. 72

Шухардт, Г. (Schuchardt H.) 45, 79, 82, 85, 88, 117, 133, 139, 142, 148, 179, 248, 267

Щерба, Л. В. 130

Эбисер, П. (Aebischer, P.) 174

Экхардт, К. А. (Eckhardt, K. A.) 125

Элькок, В. (Elcock, W.) 12, 264

Эминеску, М. (Eminescu, M.) 9, 178

Энгельс, Й. (Engels, J.) 84

Энгельс, Ф. 7, 8, 15, 16, 31, 32, 40, 51—55, 62, 64—66, 69, 91—93, 96, 99, 122, 237, 242, 249, 261

Энний, Квинт (Ennius, Quintus) 20, 24, 30, 31, 49, 50, 54, 58, 165, 178, 182, 196, 261

Эрну, А. (Ernout, A.) 11, 24, 26, 28, 47, 50, 51, 108, 123, 127, 171, 177, 190, 195, 196, 198, 212, 235, 249, 262, 264

Юбер, А. (Hubert, H.) 32

Ювенал, Децим Юний (Juvenalis, Decimus Junius), 61, 62, 241

Юд, Я. (Jud, J.) 238, 249, 252

Юлихер, А. (Jülicher, A.) 122

Юргон, Ж. (Heurgon, J.), 19

Яберг, К. (Jaberg, K.) 101

Ямбольский, В. 117

Яначек, К. 21

Янкун, Г. (Jankuhn, H.) 66

Ярхо, Б. И. 108, 109

КОММЕНТАРИИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Рис. 1. Капитолийская волчица. Фреска найдена в Таджикской ССР в 1967 г. См. журнал «Наука и жизнь», 1968, № 1.
- Рис. 2. Искусство этрусков. Антефикс. Голова женщины в храме Аполлона в г. Вейи. Конец VI в. до н. э. (Рим. Museo di Villa Giulia).
- Рис. 3. Гетские глиняные сосуды IV—III вв. до н. э. Городище Бутучены Оргеевского района Молдавской ССР (см. «Историю Молд. ССР).
- Рис. 4. Голова дака (начало II в. н. э.) с форума Траяна в Риме.
- Рис. 5. Децебал на Траяновой колонне в Риме.
- Рис. 6. Траян. Статуя из Остии.
- Рис. 7. Аполлодор из Дамаска.
- Рис. 8. Адамклиси. Триумфальный монумент (по Ф. Б. Флореску).
- Рис. 9. Траянова колонна в Риме.
- Рис. 10. Эпизод борьбы между римлянами и даками.
- Рис. 11. Иллюстрации «Пабло Пикассо к «Метаморфозам» Овидия.
- Рис. 12. Овидий Публий Назон.
- Рис. 13. Голова варвара-германца («История Римской литературы»).
- Рис. 14. Бронзовый гуннский котел, найденный в с. Шестачь Молдавской ССР («История МССР»).
- Рис. 15. Раннеславянская культура. Фигурка — амулет VI—VII вв. н. э. Найдена в с. Требужены Молдавской ССР («История МССР»).
- Рис. 16. «Карикатура Сенеки». Найдена в Помпее. Нерон (попугай), поглощаемый известной отравительницей Локуста (саранча).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
--------------------	---

Часть первая

Внешняя история народной латыни

Глава I. Краткий очерк развития латинского языка и литературы

§ 1. Вводные замечания	16
§ 2. Латынь среди других языков Апеннинского полуострова . . .	17
§ 3. Латынь за пределами Италии	31
§ 4. Основные этапы развития латинского языка и литературы . .	46
§ 5. Миграция европейских народов и ее значение для латинского языка	63
§ 6. О роли славян на Балканах	70

Глава II. Народная латынь — основа формирования романских языков.

§ 7. Термин «народная латынь»	78
§ 8. Краткая периодизация народной латыни	84
§ 9. Проблема формирования романских языков	88
§ 10. Генетическая классификация романских языков	92

Глава III. Источники изучения народной латыни . . . . .

§ 11. Общие замечания	104
§ 12. Произведения латинских писателей	105
§ 13. Работы авторов разных специальностей	110
§ 14. Латинские грамматики	113
§ 15. Эпиграфические памятники	117
§ 16. Глоссы и схолии	119
§ 17. Переводы	122
§ 18. Описания паломничеств	123
§ 19. Различные тексты	123
§ 20. Сравнительное изучение современных романских языков . . .	124

Часть вторая

Фонетико-грамматическая система и лексический состав народной латыни

Глава I. Некоторые особенности фонетической системы . . . . .

§ 21. Общие замечания	128
§ 22. Ударение	130

§ 23. Консонантизм	135
Общие замечания	135
Выпадение согласных	137
Судьба некоторых срединных согласных	141
Заднеязычные согласные	144
Сонанты	147
§ 24. Вокализм	148
Общие замечания	148
Количественные и качественные признаки латинских гласных	149
Протеза гласных	155
Аферезис	156
Апокопа	156
Ассимиляция и диссимиляция	157
Дифтонги	157
Глава II. Аспекты морфологической структуры	161
§ 25. Общие замечания	161
§ 26. Существительное	163
Склонение	163
Падежные окончания	166
Категория рода	171
§ 27. Прилагательное	176
Категории прилагательных	176
Степени сравнения	177
§ 28. Местоимение	180
Личные местоимения	180
Притяжательные местоимения	182
Указательные местоимения	183
Образование определенного артикля	184
Относительные и вопросительные местоимения	186
§ 29. Числительное	186
Образование неопределенного артикля	189
§ 30. Глагол	190
Время и наклонение	190
Распределение глаголов по спряжениям	194
Личные окончания	196
§ 31. Наречие	199
§ 32. Предлог	200
Глава III. Некоторые синтаксические особенности народной латыни	203
§ 33. Общие замечания	203
§ 34. Главные и второстепенные члены предложения	204
Подлежащее и сказуемое	204
Согласование сказуемого с подлежащим	206
Прямое и косвенное дополнения	206
Обстоятельства	208
§ 35. Аккузатив с инфинитивом	210
§ 36. Абсолютный аблатив	213
§ 37. Некоторые другие синтаксические явления	215
Утверждение, отрицание, вопрос, восклицание	215
Сочинительная и подчинительная связь	217
Толика	218

Глава IV. Характеристика народнолатинской лексики	222
§ 38. Общие замечания	222
§ 39. Пути лексической дифференциации народной латыни	225
Интралингвистические факторы	225
Экстралингвистические факторы	236
Заключение. Диалектальность народной латыни	247
Принятые сокращения	259
Библиография	261
Указатель слов	268
Указатель имен	293
Комментарии к иллюстрациям	301
Оглавление	302

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КОРЛЭТЯНУ

**ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНОЙ ЛАТЫНИ И ЕЕ ОТНОШЕНИЙ
С РОМАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ**

Утверждено к печати Академией наук Молдавской ССР
Институт языка и литературы

Редактор издательства Т. В. Вентцель. Художественный редактор Т. П. Поленова
Художник Г. А. Астафьева. Технический редактор С. Г. Тихомирова

Сдано в набор 2/I 1974 г. Подписано к печати 8/VII 1974 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
типографская № 2. Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 21.9. Тираж 1700. Тип. зак. 851.
Цена 1 р. 55 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография Издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12